

1

DJ MARISATO

ЧЕРНЫЙ ЦИРК

2018

1

От автора:

*Начать читать в наши дни сложно.
Начать читать меня еще сложнее.
Хочешь узнать свой предел?
Насколько тебя хватит? Не боишься увидеть,
что книги бывают другими?
Я бросаю тебе вызов, докажи,
что не слабее меня.*

ВНИМАНИЕ!

Данный текст является исключительно фантазией автора. За прототип взяты существующие страны и названия, но действия происходят в несколько альтернативной реальности с элементами мистики.

Для автора:

Созданные тобой миры специфичны и необычны. Делись ими и продолжай писать. Не слушай злых завистников и мнимых знатоков. Твоя фантазия рождает интересные произведения. Творчество, это больше, чем просто жизнь. Пиши.

Верстку и подготовку к печати произвела активист - любитель Евгения SAT, по доброй воле и без принуждения, а так же и безвозмездно.

КУРС ЛЕЧЕНИЯ ДУШЕВНОБОЛЬНОГО МЕТОДОМ DJ MARISATO ПРЕДСТАВЛЯЕТ...

ЧЕРНЫЙ ЦИРК

То, что случится разбудит твои темные чувства

*Память людей коротка. Верность мимолетна. Любовь
иллюзорна. Я посвящаю эту книгу тому, о ком забыли*

Действующие лица:

Дора – девушка с тяжелой судьбой

Том – ее возлюбленный

Арод – отражение Доры

Мот – отражение Тома

Снорре – друг циркач из детства

Эмма – подруга Доры

Олав – датский изобретатель

Ихтиандр – многофункциональное изобретение

Матильда – прислужница хозяина цирка

Луиз – кукольный маг

Пьеро – страдающий артист

Билл – добрый клоун

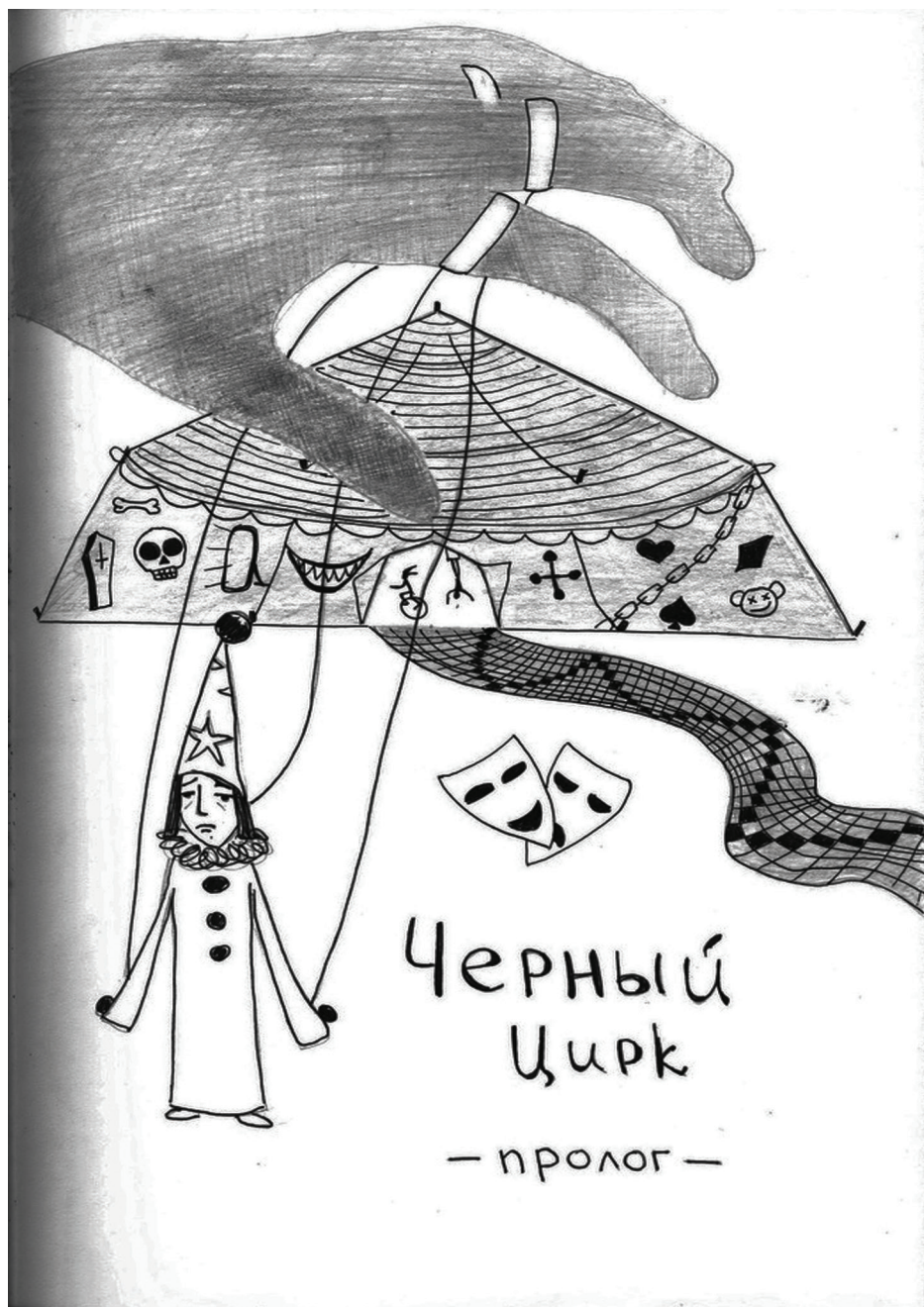
Человек-Зонт – раздающий «радость»

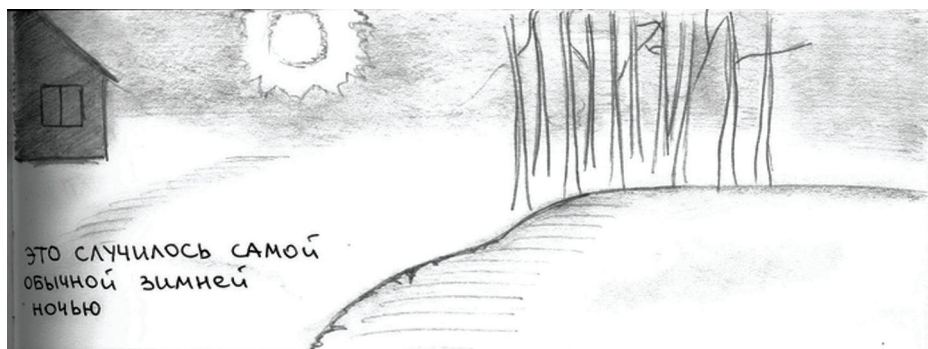
Рихард Вейнц – таинственная личность

Джокер – зазеркальный мститель

**Прочие персонажи: циркачи, жители Металграда,
встречные люди и коллеги по работе не достойны
упоминания.**

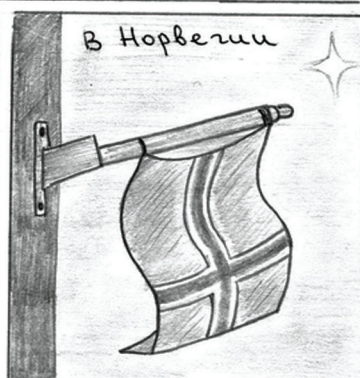

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ САМОЙ
ОБЫЧНОЙ ЗИМНЕЙ
НОЧЬЮ

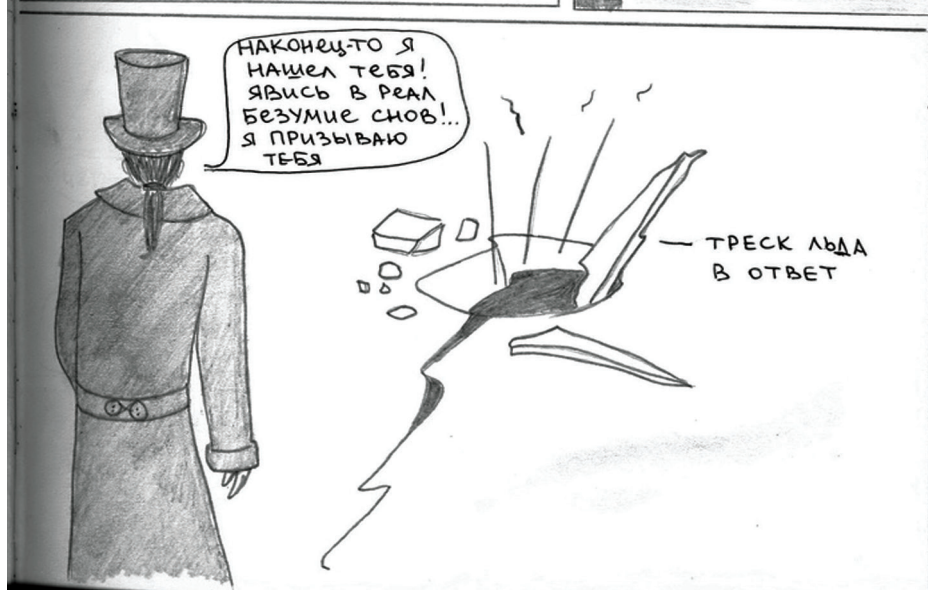

ЛЕНАЩЕЕ НА
ДНЕ ОЗЕРА
ЗЕРКАЛО...

... ВДРУГ ОЗАРИЛОСЬ
НЕДОБРЫМ СВЕТОМ И...

В Норвегии

НАКОНЕЦ-ТО Я
НАШЕЛ ТЕБЯ!
ЯВИСЬ В РЕАЛ
БЕЗУМИЕ СНОВ!...
Я ПРИЗЫВАЮ
ТЕБЯ

— ТРЕСК ЛЬДА
В ОТВЕТ

К ЛАДОНИ СТОЯЩЕГО
ЧЕЛОВЕКА
ПРИЛЕТЕЛА
МАЛЮСЕНЬКАЯ
ПАЛАТКА ...

С КРОШЕЧНЫМИ
ЧЕЛОВЕЧКАМИ РАЗМЕРОМ
СО СНЕЖИНКУ

ЧЕГО ИЗВОЛИТЕ ХОЗЯИН?

СОБЕРИ В ЭТОМ
СУРОВОМ МЕСТЕ КАК
МОЖНО БОЛЬШЕ ЭНЕРГИИ

С
УДОВОЛЬСТВИЕМ!

ОДНАКО,
ЗДЕСЬ
ХОЛОДНЕЕ,
ЧЕМ Я
РАССЧИТЫВАЛ

ВПАДЕНИЕ

Дрезден. Германия. Пару лет назад.

Вокруг места убийства толпятся люди. Снимаются отпечатки, фотографируют, забирают расплющенное тело молодого мороженщика из-под катка.

- Шеф мы задержали его! Чертов клоун подходит под описание свидетеля. – сообщил один из сотрудников полицейского участка.

- Клоун? Ты сказал клоун?

- Так точно.

- Что уже известно? – спросил старший инспектор и глаза его лихорадочно загорелись интересом.

- Немного. Ехал на катке играя на скрипке. Его уже видели пару раз в километре отсюда. Он пугал народ по ночам, гоняясь следом с кувалдой. К счастью никто не пострадал.

- Отлично! Наш клиент. – прошептал Вейнц.

«Наконец-то!»

- Бред какой-то! Цирк уехал, а клоуны остались. – усмехнулся помощник.

«Цирк уехал, а клоуны остались... именно! Вот оно! Ты прав, хотя и не понимаешь ровным счетом ничего» - думал Вейнц, закуривая папиросу. – «Куда он мог уехать? В другое зеркало? Зеркало это путь к зазеркальному миру, но и каждое зеркало это отдельный неповторимый мир. Где же то самое зеркало?..»

Размышления его прервали.

- Шеф! Только что поступило еще одно дело об убийстве. На этот раз смахивает на самоубийство. Некий человек напился и вышагнул в окно. Он оставил туманное послание на диктофоне про какого-то злого гения который между строк победил его в споре. Он якобы способен менять смысл любого произведения и неуловим. Своими доводами он сводит с ума и убеждает людей в бессмысленности продолжения жизни. – выпалил разом младший следователь.

Вейнц затанулся.

- Это дело имеет отношение к цирку?
- Я не уверен еще, но скорее всего нет или не явное...
- Значит, можно повременить. Сейчас главная задача выудить сведения от клоуна.
- Хорошо. Но почему вас так интересуют артисты? Давно хотел спросить. Словно все чем вы занимаетесь не имеет значения пока где-то не всплывет слух о замаскированном злодее в костюме и гриме.
- Это личное. – сдержанно ответил Вейнц, бросил окурок и потушил носком ботинка, после чего он пошел осматривать место преступления.

После смывания грима с задержанного, все видят его лицо. Глубокие складки под глазами темного почти фиолетового цвета. Глаза воспаленные. Нервно двигаются. Злые. Зрачки расширены до предела или же цвет глаз черный. Задержанный испытывает дискомфорт и нервное возбуждение. Он то рычит и брызжет пеной, то кидается на стены и бьется плечами, то валится на пол и тихонечко посмеивается. В последнем состоянии он пребывал достаточно долго, когда к нему зашел следователь. Клоуна посадили за стол и пристегнули, чтоб он не рыпался.

Рихард Вейнц наблюдает за допросом через стекло. Следователь работает с артистом на хорошем уровне мастерства, но на клоуне это все не работает, клоун либо отпускает идиотские шуточки, либо вовсе хранит молчание, смотря в одну точку.

- Сил моих больше нету! Еще немного и я убью его. – рычит Марк на перерыве, выпуская пар в смятии пластикового стаканчика после кофе.

- Спокойствие. Он просто играет с нами. – трет подбородок Вейнц.

- Но шеф! Это невыносимо. Я проходил тест на пригодность к службе в участке, проходил испытания и не один допрос. Но этот клоун!.. Он псих!

- Нет, клоун не псих. Точнее псих, разумеется, но он что-то знает.

- Разрешите мне начать допрос с пристрастием? Нужно надавить на него. Действовать пожестче. Тогда он раскроется.

- Нет. Иди к нему и продолжай в том же духе. Еще немного.

Марк воздевает руки вверх и делает глубокий вдох перед тем как войти в допросную и продолжить диалог с задержанным.

Рихард Вейнц наблюдает за повадками клоуна. Тот чрезвычайно спокоен.

«Нет, допрос делу не поможет. Здесь нужно что-то другое».

Вейнц входит в допросную и показывает жестом помощнику выйти.

- Спасибо Марк. Дальше я сам.

Садится.

- Приношу свои извинения за ваше задержание. Мы ошиблись. Вы свободны. – говорит он улыбаясь клоуну.

Тот недоверчиво смотрит. Все ужимки пропали. На лице его недоумение.

Вейнц делает вид что сосредоточенно всматривается в дело, потом сминает его и отправляет в мусорную корзину в углу. Достает из кармана ключ и открывает наручники на запястьях клоуна. У того мерзкая улыбка ползет по физиономии. Глаза уставились и не мигают.

- Но шеф! – Марк в шоке. Он убил не один час пытая этого товарища.

- Оформи его. Мы не имеем права задерживать невиновного человека.

- Это точно. – поддакивает клоун.

- Дело в том, что поступила неверная информация и настоящий убийца уже пойман и едет в участок.

- Ну что ж, тогда пришло время прощаться. – скалитя артист и уходит. – Можно я скажу вам на ушко что-то?

Вейнц разрешает.

- Часы были сломаны, а теперь ведут отсчет к былым временам в обратном порядке. – прошептал артист и хихикая покинул допросную.

- Шеф! Почему? – Марк садится за стол и обхватывает голову руками. – Я на пределе.

- Не спеши достигать предел. Нужно проследить за ним. Он приведет нас в цирк.

- Да какой к черту цирк? Вы все еще гоняетесь за этой идеей?

Он приведет нас к поставщику кокса в лучшем случае. Это бесполезный элемент. К тому же комиссар не одобрит вашего решения. Слишком велик риск, что...

- Тебе не нужно беспокоиться об этом. Я знаю что делаю. Отдохни, займись пока тем делом о самоубийстве, а я последую за этим уродцем. Просто чую, что напал на нужный след.

Все так и вышло. Артист был осторожен. Постоянно оглядывался. При столкновении с людьми на тротуаре то ругался то натягивал гримасу вежливости.

«Неуравновешенная личность. Диссонанс. То, что нужно» - думает Вейнц следуя за ним на расстоянии в закупоренном плаще и шляпе.

Все оказалось в разы проще. Актер привел инспектора в театр кукол. Там как раз сейчас шло какое-то выступление. Видимо актеры арендовали пустующий зал на несколько дней. Лучшего и ждать было нельзя. Вейнц улыбнулся как волк, следующий за раненым зайцем по кровавому следу. Он не мог объяснить почему он так уверен в этот раз, но волнение проявлялось в дрожании пальцев рук. Инспектор решил не сдавать одежду в гардероб, и даже не снял перчатки. Тот самый клоун, за кем следовал инспектор испарился, а на сцене тем временем происходили удивительные вещи.

Из зеркала фокусник, немалая детина в подтяжках, шапке набекрень, вызывал совершенно непохожую на него самого личность. В зеркале был человек небольшого роста, иначе одетый. Тот человек падал на колени, умолял, колотил руками о стекло. Зрители, однако ж, были убеждены, что так и надо.

«Не повезло тебе парень» - покачал головой инспектор.

Фокусник тем временем уже показывал зрителям пистолет, из которого он продемонстрировал выстрел в зеркало. Человек по ту сторону упал и из стекла наружу вытекла кровь. Зрители были под впечатлением и начали громко аплодировать.

- Идиоты! – выругался Вейнц.

Это был конец представления. Толпа расходится. В зале остается страж порядка на последнем ряду и один из любопытствующих зрителей.

- Я бы не советовал вам приближаться к зеркалу. – предупре-

дил инспектор, подходя ко сцене.

- Да вы что! Я спать не смогу, если не разгадаю принцип трюка, понимаете, я так сказать сам, начинающий...

Он потрогал кровь, попробовал на вкус, и в ужасе хотел было убежать, но зеркало осветилось черными разводами и из дымки появились руки. Зритель кричал о помощи, упирался.

- Всегда одно и то же. А я же предупреждал. – вздохнул Вейнц и ухватился за протянутую руку человека.

С трудом ему удалось оттащить человека от зеркала, но человек тот постарел на много лет. На глазах из него вышли все лучшие соки и годы жизни.

- Это зеркало... проклято? – выдавил пострадавший из себя шамкающими губами.

- Да. Именно поэтому я здесь. Вы никогда не слышали, что любопытство сокращает жизнь? Я бы предложил вам взглянуть на себя в зеркало, но боюсь вы откажетесь теперь.

- Надо заявить в полицию!

- Я оттуда.

- Но как... кто вы? Вы знали? И не остановили меня?

- Нет, я не знал что именно здесь произойдет, но догадывался, что к добру это не приведет. Теперь я вижу принцип. Если зеркало не забирает свою очередную жертву для этого трюка с выстрелом, то забирает из нее энергию и годы. Хватит с вас. Идите домой, а то можете совсем лишиться жизни.

- А как же вы? Я так этого дела не оставляю. Я буду жаловаться.

- Хотите вы или нет, но через несколько часов, даже следа об этой трупке актеров не останется. Потому берегите себя и прощайте. Кажется, я приблизился к тому что искал столько времени. Я знал, что рано или поздно они наследят.

Вейнц приставил два пальца к шляпе, достал из кармана плаща белую маску на лицо, и со спичкой в зубах шагнул в зеркало.

Поседевший человек упал на пол и перекрестился.

Чем жарче, тем кошмарнее сны

Душная темная ночь. За окном не слышно ни кузнечиков,

ни птиц. В комнате полная тьма, за исключением светящейся панели. Старенькая дедушкина радиолоа транслирует в сельском доме детскую передачу. Играет жуткая музыка.

Потом слышится тихий шепот. Несмотря на страх, он говорит так загадочно и ласково, что хочется вплотную прижаться к приемнику, чтобы ощутить голос на себе, слиться с ним, чтобы он звучал внутри.

- Здравствуйте дети. Сегодня особенный вечер. Вы наверно хотите узнать почему? Потому что именно сегодня к вам придет...

Раздается шорох и скрежет из-за которого не разобрать слов. Потом слышно как двери с визгом отворяются в эфире.

- Иногда время любит повторять старые истории. Сегодня он выберет одного из вас, мои драгоценные маленькие слушатели. Этот вечер может потеряться в твоей памяти на многие годы, но раз уж он выберет именно тебя... А пока что закрой глаза скорее малыш. А я буду говорить дальше. Да... Кто-то уже ходит за окном и стучится в двери. Если ты услышал этот стук... (ведущий выдерживает паузу)

Мальчик у радиолы сжался под одеялом и смотрит во все глаза в темноту комнаты. Напрягает слух. В доме стоит тишина. За окном пролетела сова со своим «ух-ху». Мальчик вздрагивает, но успокаивается. Это всего лишь птица.

Вдруг раздается гулкий, хорошо различимый, но не очень громкий стук о калитку.

Ребенок жмурится и тянет руку к выключателю настольной лампы. Он щелкает, но света не появляется. Лампочка перегорела. У мальчика паника. Он вместе с одеялом забирается под кровать. Подойти в темноте к радиоле и выключить передачу у него нет сил. Сердечко бешено колотится в груди и холодеют конечности.

- Он уже пробрался в дом к тем кому не спится... - шепчет голос.

Мальчик дрожит и ему кажется, что в доме скрипит лестница, ведущая к его комнате.

- Ты слышишь? Кто-то рядом... совсем рядом. Притаился за углом и пронзает взглядом...

У мальчика трясется подбородок и зуб на зуб не попадает, когда дверь его комнаты начинает отворяться.

- За тобой крадется он и вот-вот поймает... - хитрым голосом шепчет радиола.

- Н-нет... пожалуйста... не надо... - икает мальчик, когда некто вытаскивает его из-под кровати и шепчет тем же самым голосом что и в приемнике:

- Всё скроет ночь немая.

В этот момент свет луны попадает на лицо вошедшего и мальчик теряет сознание. На него смотрит разукрашенное лицо клоуна, особо злое в темноте.

Клоун смеется и покружившись с ребенком на руках кладет его на кровать и напевает колыбельную.

Тик-так, тик-так Кто-то в доме мирно спит
Динь-дон, динь-дон Попроведем его

Тик-так, тик-так Дверь открыли зеркала
Динь-дон, динь-дон Силуэт шагнул к вам в дом

Тик-так, тик-так Стрелки вертятся в часах
Динь-дон, динь-дон Он придет и за тобой

Тик-так, тик-так Гостя надобно принять
Динь-дон, динь-дон Он нарушит твой покой

Тик-так, тик-так Клоун чует чей-то страх
Динь-дон, динь-дон Поиграй, дитя со мной

Тик-так, тик-так Я иду тебя искать
Динь-дон, динь-дон Ты не справишься со мной

Тик-так, тик-так Как пустынен ночи мрак
Динь-дон, динь-дон Вместе за руки идем

Тик-так, тик-так Не узнают никогда
Динь-дон, динь-дон В город грёз дороги той

Тик-так, тик-так Стрелки замерли в часах

Динь-дон, динь-дон Ты забудешь путь домой

- Когда ты откроешь глазки, то конечно же забудешь обо всем.

Благодаря тебе, дядя клоун наполнил свой чудо-мешок страхом. Но малыш... ты особенный. Прости, но цирку нужен ты.

– произносит клоун и ставит на лоб мальчику печать. Контуры цирка поверх циферблата растворяются на коже.

- У каждого есть духовные враги, которые порой выбираются наружу и пытаются убить тебя во внешнем мире. Я не знаю, почему именно ты.

Клоун встает и уходит, оставив на радиоле большой цветной леденец.

ИСПОВЕДЬ КЛОУНА

*Сон внутри нас.
Сон приходит извне.*

Никто не любит цирк и клоунов. Исключение составляют лишь оплывшие жиром во всех частях тела и мозга тетки кому под 50 и немногим старше. Они неприлично энергичны и выполняют миссию прививания своим бесконечным внукам позитива. Так сказать, закладывают фундамент цельной натуры для существования в обществе себе подобных. Оглядываясь в прошлое, я уяснил простые истины. Первая из них звучит патетично.

Никому ты не нужен.

Циркач или иначе артист цирка – всеми понукаемая и презираемая профессия. Кто из вас добровольно одевается в яркое и нелепое изо дня в день? Кто ведет себя и выглядит как дурак ради денег и улыбок? Такого и врагу не пожелаешь. Вторая истина сродни первой.

Никому ты не интересен.

Ну еще бы! Если совокупить все причины указанные выше, плюс наличие стереотипа заложенного у всех о несерьезности ремесла, то когда ты избираешь путь циркача, от тебя отказываются родители, лишают наследства и стыдятся благовидные сестрицы и подруги, с кем еще недавно ты проводил веселые вечера с гитарой в руках. Для них всех было бы удобнее, будь я кутежником, картежником, любителем женщин или молчаливым бездельным философом с многозначительным взглядом полным апатии и тщета, или же безрассудным воякой, кто не щадя себя изводит душу и язык, занимаясь искусством войны и тренировками. Да хоть кем! Но только не клоуном. Мое решение повергло в гробовую тишину семью, прозвучало как гром среди бела дня. В тот вечер я узнал много нового о себе, о вложенных силах в меня, кои я попрам столь кощунственным образом. Закончилось все отворением крови и пожеланием мне испытать все тяжкие и приползти на коленях молить о прощении.

Однако этого не случилось. У артиста первый выход на сцену это клеймо души навек. Он не может без энергетики, отдачи публики, непрямого одобрения и оваций. Это как наркотик и он затягивал меня все глубже в недра собственного ада, вынуждая терять нити связей с миром нормальных людей, с моим прежним миром.

От меня ушла прекрасная Грета. Жизнь на чемоданах, неуверенность в завтрашнем дне, стрессы и неудобства добились ее. С ее уходом я погрузился в нескончаемый сплин, переходящий в мрак депрессии, так что не было ничего удивительного в том, что я быстро скатился до уровня канавы.

Выступлений становилось все меньше, а оплата моих номеров была нелепа и росли счета за отели. Беда одна не бывает и я опустился еще ниже. Валяться в дурмане грез галлюциногенной дряни стало нормой моего существования. Но домой я не шел. Сперва не хватало духа и душила гордость, а потом я забыл кто я и где жил. Моим домом стала цирковая палатка.

Я как зверек, которого подкормили проданся Луизу со всеми потрохами. Он дарил мне и другим циркачам счастье на короткое время. Другого я и не хотел. Забыться от реальности, от мыслей, от воспоминаний, от чувства бесполезности стало единственной моей целью. Я лучший лишь в подсознании. Все это он давал мне просто за то, что я был его клоуном, состоял в числе его рабов, был его марионеткой, кем управляют за ниточки. Первое время я даже не пробовал интересоваться этим благородным человеком, но позже, я узнал нечто ужасное, во что отказывался верить. Но поскольку жизнь моя переплелась со снами и мечтами под действием препаратов, все грани слились воедино и перестали удивлять.

В древности люди верили, что могут бороться с врагом через сон и искали там выход и черпали веру. Возможно, если это правда, существует человек, способный противостоять Луизу и победить его гнусную сущность, но должен признать, что это буду не я. Я слишком пал и мне уже не взлететь. Тем не менее, сон пробуждает душу. Даже проданную. Пока сон не выпущен наружу он не опасен, но что будет, если однажды, кошмары станут явью? Явится ли тот обещанный во снах избавитель,

чтоб защитить и избавить наши души от рабства?

Дурь приглушала мои протесты и желания. Я становился покладист и готов был сделать что угодно ради дозы. Даже пойти на преступление. Но сколько еще я должен стирать себя, чтоб стать счастливым?..

СЕРОЕ

- 01 -

*Жизнь может перемениться за один вечер.
За каких-то пару часов.
Перемены могут убить тебя
или выпустить другую тебя на свободу.*

Здесь я хочу рассказать мою историю дружбы с прекрасной девушкой по имени Дора. Хотя почему это она прекрасная? Нужно учиться называть плохих людей своими именами. Как бы там ни было, мы были с ней очень дружны. Но как всегда и бывает, один человек выбирает путь вероломного предателя и вонзает нож в спину другому. Так случилось и с нами.

Я никогда не верила людям, но после этого случая... я возненавидела человечество, и очень желаю каждой позитивной личности ощутить ту самую чудовищную боль и горечь разочарования, что испытала я. Но начну издалека, так сказать, подбираясь к корню проблемы постепенно.

Мы шли вдоль берега. Дора лизала мороженое, я же шагала рядом, запечатав большую часть лица в шарф и шапку. Я после стоматолога. Мое здоровье оставляет желать лучшего абсолютно во всех аспектах моей жизни. Непонятно вообще, зачем на этот свет появляются немощные люди. Наверно, чтоб управлять сильными, ибо единственное, чем обладают подобные мне – умом.

- Что-то у тебя все не слава богу в последнее время. – изрекла истину моя подруга. – Сперва собеседование провалила, потом резко появился артроз челюстного сустава...

- Женские часы не стоят на месте. С каждым днем я осознаю, что мое время проходит, и я трачу его на всякую ерунду. На работу, на чтение книг, на комиксы, на просмотр бесконечных любимых сериалов, на игры про суровых северян, на то чтобы просто посидеть на спине на диване. Это чудовищно! И мое тело...

- А что с твоим телом?

- А ты будто не видишь? Жирная корова! Бочка!
- Ты преувеличиваешь. Зачем ты наговариваешь на себя?
- Потому что шанса отхватить мужика у меня практически нет. Разве что мигрант какой, или маньяк извращенец. Работа сменами в магазине, потом дома отсыпаюсь. Всё. Только если ущербный какой и позарится. А он мне нужен?
- Матильда, я тебя умоляю. Если так разбирать, то моя жизнь не намного отличается от твоей.
- Ну конечно!
- Конечно. И выгляжу я тоже не как модель. Рыба, рыба, рыба...
- Ненавижу зеркало. Хочется плюнуть в него. Найти здорового кобеля – вот он залог здоровья и успеха.

Дора недоверчиво на меня посмотрела, комкая обертку от ледяного кушанья.

- Давно доказано, что потрапушки – лечение морщин, растяжек и всего прочего. – продолжала я.
- Что еще доказано?
- Еще у женщин от секса улучшается пищеварение и кровообращение, повышается тонус, проходят угри и прыщики, снимаются кожные воспаления. Поэтому это важный элемент брака. Если муж не может удовлетворить нужд жены, у нее портится настроение, ухудшается самочувствие, что приводит к скандалам и истерикам. А еще лечит от приступов меланхолии, апатии, депрессии и снимает негативные ощущения. Потрапушки лечат от деструктивного бреда: от мыслей о никому ненужности, бренности существования, суицидальных мыслей...
- Ты мне покажи среди наших бывших одноклассниц хоть одну, счастливую. Все они вымученные и полны проблем, как мешки с овощами на зиму. А по чьей вине? По вине мужиков. Это поначалу все светятся и нос кверху, мол я нашла того единственного, завидуйте, а потом...

Дора отправляет в урну комок.

- Ты мне нравишься, - сказала я ей. – с тобой и поговорить можно, и ты тоже одинока. Мы в одной лодке гребем.
- Я пока не готова преодолеть свою независимость. Да и нет никого подходящего. К тому же... знаешь, возможно, я больна

или дефектна, но... - Дора замолчала, подбирая слова. Я впи-
лась слухом через шапку.

- Мне кажется, что со мной что-то не так.

- Поподробнее, вдруг со мной тоже.

- Да нет, с тобой как раз все ок. Ты мечтаешь выйти замуж,
иметь детей...

- В этом одно из главных предназначений женщины, согласно
нордическому кодексу. – выпалила я, вспомнив времена Ры-
жого Эрика.

Дора рассмеялась. Она не очень счастливый человек по жиз-
ни, и потому ее улыбка доставляет мне радость. Она редко
улыбается. Чаще грустно. А я умею ее смешить!

- Я не про это. То есть про это, но не совсем. Уф... как бы объ-
яснить? – она задрала голову к серому небу, которое обещало
скорое наступление морозов.

- Ты все упрощаешь усложняя.

- Да. Но если сказать не придумывая заранее фразы, то у меня
такое чувство, что я не имею права на другого человека. Это
же другая личность, другая вселенная, целый мир, свое мне-
ние и мысли. Он смотрит тебе в глаза и как можно просто
взять и быть с этим человеком? Как можно запросто его тро-
гать, обладать им, целовать?!

- Легко!

- Вот видишь?

- Ничего, весна строит парами. Дожить бы и...

Некоторое время мы шли молча. Потом Дора увидела на воде
лебедей и поспешила к краю берега.

Металлическая сетка была протянута по воде, разделяя вод-
ную гладь на две неравных половины. Вероятно, одну из них
собирались чистить спецмашинами. С одной стороны белый
лебедь издавал звуки и бросался на сетку, которая была не
выше его головы. По другую сторону плавал такой же нераз-
умный черный лебедь. Он просунул голову между сетки и толь-
ко тогда белый приутих и как фламинго обвил свою шею над
его головой.

- Как трогательно! – прошептала Дора. Ее глаза блестели от
слез.

- Глупые птицы, не умнее голубей. Давно бы перелетел один к другому и были бы счастливы вместе. Или проще выйти на берег и обойти сетку как вариант. – сказала я, раздражаясь.

- У меня прямо сердце разрывается на куски. Я готова войти в воду и вырвать эту чертову сетку! – сказала Дора.

- Да ну брось ты. Это глупо промокнуть в такую погоду. Подхватишь воспаление. Поди догадаются когда-то. Если не издохнут от голода. Пойдем уже.

- погоди. Нужно их сфотографировать на память. – она достала телефон и сняла парочку длинношеек.

- Ну вот, этим всегда все и кончается в современном мире технологий. Снял на камеру и гора с плеч. Вроде момент запечатлел, а значит, все будет супер у них.

- Зачем ты так?

- Жить на севере означает, что от холода ты злой и суровый человек.

- Ты не такая. Ты просто прячешь свою ранимую душу за всякими прочитанными книгами и образами.

Возможно Дора права. Я сама себе придумываю вечно какие-то правила, рамки, постулаты и законы...

- Мьельнир тебе в зад. Не говори чего не знаешь. – сказала я ей и мы двинулись от воды прочь.

- Не могу перестать думать о птицах. Они полностью противоположны друг другу, как инь и янь... черное и белое... но они совершенно одинаковы, так как оба лебеди. Разный только цвет и пол, но не души. – размышляла Дора вслух.

- Угу. А еще они верные до смерти. Потому и глупые. Вместо того, чтобы применить свою крупницу мозга, они тыркаются в сетку. Хранят верность непонятно зачем. Давно бы сменили партнера. Я бы так сделала, раз мозга не хватает преодолеть препятствие. Хотя их верность уже опровергли.

- Вот ты так говоришь, потому что никого конкретного не любишь. – возразила Дора. – Неужели это правильно, когда люди метутся? Бродят по жизни как в магазине примеряют себе партнеров как вещь. Эта не подходит, эта сидит чуть лучше, но тесновата и давит, дайте другую. Разве ты хочешь становиться чьими-то трусами или футболкой на один раз?

- Трудно сказать. Наверно, раз такое происходит в мире, так проще. Поносил и выбросил. Чем штопать рваное, стирать... надо менять любимых. Это народная мудрость. Это только увеличивает любовь, так как она не может длиться вечно. Пойдем ко мне?

Очень скоро мы сидели у меня дома и пилились в ящик.

- Давай закажем пиццу? И еще больше распухнем вместе, а?

- Это же не очень полезная пища.

- Зато вкусная и сама приходит домой.

- Ок, так и поступим.

На экране мелькали моменты жизни незнакомых людей из разных стран. Я остановилась на минутку на новостях. Там чернокожий парень кричал и размахивал травматикой. Сюжет касался пострадавшего ребенка.

- На плантациях хлопка они гармоничнее смотрятся. – прокомментировала я его. – Люди трясутся над своими бесконечными чадами, как над сокровищами, таскаются с ними, как с достоянием республики. Достали!

Листаю каналы дальше. Какой-то не убиваемый зомби гнался за бабой и мужиком. Дора откусывала пиццу и безотрывно смотрела за попыткой героев спастись.

- Мало верится, что у них есть шанс. – проговорила она. – Еще не вечер, а уже такое по телику.

- Я люблю ужасы с утра смотреть. Мой дядя снимал фильмы на камеру и вырезал оттуда все счастливые моменты с торжеств. Таким образом, пересматривая видео, я наблюдала лишь унылые лица, слезы и худшие моменты. Чем не ужасики?

Дора с сочувствием повернулась ко мне. Ненавижу жалость.

- Спорим, мужик щас сдохнет бездарно? – спросила я ее, придавая безразличие голосу.

- Ты уже видела этот фильм?

- Нет, но так всегда бывает. Баба умрет последней.

- Переключи. Не люблю ужасики.

- Без проблем. Хотя я бы посмотрела ее кончину. Это жизнь, Дора. Пора привыкнуть. Кто-то с удовольствием рубит кости с мясом и улыбается. И радуется, радуется... ноздри раздувают-

ся. Другой с монтировкой ходит всем репу открывает...

- Тебя послушать, так жизнь это забава какая-то.

Далее был романтический фильм. Парень лезет целовать девушку. Дора морщится. Вероятно актер не в ее вкусе.

- Ты только глянь! Глаза полуночного охотника. У него уже штаны рвутся, но ему ничего не светит.

- Почему? Думаешь, он ей неприятен?

- Так ясно же, что она его пошлет. Деревенщина нашелся и думал, что все будет круто. Ха!

- Убери их тоже.

И следующая минута стала роковой и переломной. Если бы я задержалась на том романтическом бреде! Ах, если бы отвлеклась и замешкалась в тот день! Но нет. Судьба пришла по наши души и решила все.

На музыкальном канале крутили рекламу скорого выступления метал группы Immortal.

«От них вы сможете оглохнуть завтра во вторник! Торопитесь! Билетов осталось совсем немного» - вещал диктор.

Чуваки рычали с измазанными лицами. У меня возникла безумная идея.

- Завтра же пойду куплю билеты. Составишь мне компанию? – спросила я ее.

- Ой... я даже не знаю. Я завтра днем занята. Жуть волосатая, как таких называет моя мама. Она говорит, у длинноволосых мужчин изначально цель жизни – поклонницы. И неважно, исполняют они музыку на сцене или просто носят волосы. Музыка у них на втором месте. На первый взгляд милые парни. На деле черти.

- Именно этого мне и не хватает. Нужно присмотреть потаскушную одежду. Закадрю кого-то, пока совсем не рассыпалась.

- Я хочу это видеть. – Дора приставила пальцы к голове изображая рога.

- Тогда заметано. Идешь со мной. Оторвемся. Оздоровимся.

На последнее слово у Доры появилось напряжение на лице. Вспомнила наш недавний разговор на улице.

- Не хочешь не оздоравливайся. А мне как мумии необходи-

мо бальзамирование. Мне уже надоело покрываться уютной домашней пылью. Я дерзкая девчонка в душе. Просто нужно раскрыть свой потенциал.

- Это точно.

Я выключила телик.

- Знаешь, Эмма считает, что мне тоже нужно раскрыть потенциал. – вздохнула Дора и растянулась на ковре.

- Эмма? – от этого имени у меня резко испортилось настроение. Да-да, запомните это имя хорошенько. Еще та паршивка.

- Ну, перестань, я знаю, вы с ней соперничали в школе. Но это в прошлом. Вам нужно пообщаться, она хорошая.

- У тебя все хорошие. Ну и как она?

- Отлично. Общается с парнем из Дании. Говорит, что увидела его во сне и он ее тоже. Как романтично! Наверно встретятся скоро. Списываются.

- Угу. – выдавила я, надевая улыбку.

В моем долгом сне комы не обошлось и без этой Эммы. Она все испортила. Разрушила мой мир. Из-за нее умер мой близкий друг и правитель того мира, где вечная ночь и приятный нескончаемый дождь. Неужели я боюсь ее и вижу в ней угрозу до сих пор, раз она мне даже снится? А тут еще и парня иностранца отхватила! Чтоб ее!..

Но ничего. Лежа в ванне вечером, я представляла диалог. Выставила ногу из пены.

- Матильда, - восклицает пораженный ухажер. – У тебя такие нежные пяточки! (гладит и целует)

- Да, я такая. – отвечаю я, про себя отмечая заслугу легковеса в создании таких пяток.

*Инициатива наказуема.
Бойся тени своей забытой мечты.*

Вечером мы планировали встретиться перед концертом. Дора днем была занята. Небось, со своей Эммой общается. Она мне изменяет. Разве может быть трио в дружбе? Дружба это всегда только двое.

Разгоряченная снимками любимых актеров я вся сгорала от нетерпения. Конечно, у меня нет никого, кто бы заменил их! Никого даже не напоминающего актеров. Но! Если мне попадется волосатый чертяка... ехехе.

Даже если и попадется, я не знаю, как предложить. Не умею, страшно, неловко. Накрутила себе в голове фантазий, от которых хочется оргий, курить, задниц и грудей, поцелуев, шлепков, укусов, жадных влажных губ, пальцев, стонов, криков, скрип кровати, шелест простыней, чтобы жарко, мокро, чтобы сжалось нутро, заломило спину, чтобы не дышать...

Как же, как же они это делают?! Как встречаются, соблазняются?

Я сама все сделаю, я знаю как мне надо! Только не с кем. Одеваюсь как инвалид. Это надо видеть. Руки трясутся. Деньги не впихиваются в карман. Снова бесконечное количество вещей. Зима! Приходится прятать свои прелести и превращаться в бесформенный шар. Как капуста. Вот бы потом вернуться, и обнаружить как меня радостно встречает в фартуке и тапочках мужчина домохозяйин!

Наконец, я выбежала из дома и поспешила к остановке. Дорога была скользкой и обтянутой прозрачной коркой. Нужно доехать до кассы билетной. До чего же мне надоели контакты с людьми! Физические. Вынужденные. В транспорте, в магазине, на перекрестке, в очереди у кассы. И ведь всё не те люди, с кем я бы хотела соприкасаться.

Автобус был теплый внутри. Окна покрылись узорами. Очки разом запотели от смены температур, и пришлось их снять и протирать, прежде оплаты. В эти секунды я уязвима. Почти

ничего не вижу. Можно меня схватить, украсть и уволочь на сиденье для худых целей. Но почему-то никто не делает этого гнусного со мной.

Я расковыряла кружок варешкой и уставилась на проезжающие пейзажи. Так все же, как они все это делают? Как знакомятся и сходятся? Как это звучит? Как они преодолевают свои страхи и сомнения? Неужели они все пустышки и ничего не ощущают и не переживают? Или не имеют своего вкуса и мнения? Нет идеала? Наверняка есть какая-то схема или трафарет, по которой из века в век люди делают одно и то же, восполняют физиологическую нужду и пополняют землю своими генами.

Вот в автобус входит дородный мужчина. Спина широченная. Замороженные взгляды северянок обращаются на него. Я тоже повернула глаза, хотя на их фоне замурованная в шарф очкастая девка не представляет для него совсем никакого интереса. Я изначально демонстрирую немощь. Вот он повернулся и вопреки ожиданиям уставился на меня. Неееее! Рожа УО легкого. Видимо у него спорт на первом месте. Он мне не пара. Слышите? Это я его послала! Он мне не пара. Он не достоин меня. Он недоразвитый. Хоть и самец в хорошей форме. Черт. Я еще и ковыряюсь и отсеиваю, будто у меня тьма их. Радовалась бы и вцепилась бы как за соломинку...

Я вышла на остановке, повисла на женщине, потому что было скользко, и мелкими шажками двинулась к музыкальному магазину, где планировала купить билеты. По пути я проходила мимо остекленного здания в несколько этажей, с которого на тросах свесились экстремалы любители. Они мыли стекла. Ни за что не стала бы этим заниматься. С моей комплекцией только стены крушить. Отчаянные безбашенные парни...

На мое счастье, мне удалось купить два последних. И только я их убрала, как прибежал высушенный парниша и стал вымалывать у продавца билет. Хех! Мне стало еще приятнее от мысли, что я превзошла его. Неторопливой походкой, я покинула магазин ухмыляясь. Будет что рассказать Доре вечером! Сильный пол оказался слабее меня. Так его еще никто не оскорблял до меня, хотя внешне он похож на одинокую жен-

щину. Как убивался парниша, от мысли, что не попадет на концерт!..

Однако, судьба распорядилась несколько иначе. Не попала на концерт именно я. Проходя мимо остекленного здания на обратном пути, мне на плечо опустилась вязкая масса экскрементов. Я подняла голову вверх, чтобы посмотреть в глаза этой твари. Надо мной раскинулась стая снегирей, пожирающих плоды деревьев. Пришлось взять немного снега и смахнуть гадость с плеча.

Вдоль здания под деревьями я шла рывками, уворачиваясь от падающих снарядов, и в очередном движении переусердствовала. Передо мной лежали заледенелые ступени. Всего две. Если бы их было больше, не было бы столь обидно. Каблук поскользнулся и... в следующее мгновение потемнело в глазах и в ушах возник гул. Ненавижу падать.

Неловко ужасно. Я боюсь издать какой-нибудь громкий звук, пискнуть, вскрикнуть, матюгнуться, поэтому сжимаю зубы, часто прикусываю себе губу или щеку от этого. Мне стыдно валяться, когда люди смотрят, а мне кажется, что они смотрят прямо в упор и прямо на меня и ржут надо мной. Я всегда тороплюсь скорее встать на ноги, а я толстая и очень неловкая и это выглядит всегда очень смешно. Мне так кажется. И я всегда очень боюсь, что пытаюсь встать после падения, я упаду еще раз. От этого у меня дрожат коленки и я снова боюсь упасть. Еще у меня от падения часто перекашиваются очки, из-за этого резко сбивается фокусировка и вообще не вижу ничего и у меня начинается паника. В общем я стараюсь вскочить как можно скорее и дать деру и ни на кого не смотреть.

Но в этот раз получилось иначе. То есть все это вышеперечисленное только с маленькой поправкой. Я не могла встать. Сама. Я уже почти встала, но ступив на ногу, упала снова, но теперь уже на живот. Ногу свело чудовищной болью. Слезы беспомощности и страха брызнули из глаз и тотчас же застыли на щеках. В данную минуту я была не в состоянии даже дотянуться до телефона и вызвать скорую помощь. Боль сковала живот, горло и дыхание. И вот, когда все было плохо и безнадежно, случилось чудо. Я не могла поверить происходящему.

Над головой послышался приятный обеспокоенный голос, и я ничуть не удивилась, когда к этому голосу была привязана не менее приятная внешность.

- Вы сильно ударились? Что-нибудь болит? – были заданы эти или подобные им вопросы и человек перевернул меня на спину, держа за плечи. Мои глаза смотрели и не двигались. Такой прелести я не ожидала. Плевать на всех вместе взятых актеров! Да они и частички этой личности не стоят, что стояла надо мной и вглядывалась в мое лицо, в поисках жизни.

- Н... нога... - прошептала я, не отрывая взгляда от него.

- Я понял. – сказал он и вынув телефон вызвал медиков.

А я просто лежала и наблюдала за движениями, как пар выходил изо рта при разговоре и дыхании у этого существа. У него болтались русые волосы, висячие уши вязаной шапки смешно свисали по бокам, синяя тканная куртка до бедер, серый шарф и темные рукавицы. Темные джинсы с ботинками. На спине рюкзак, набитый до отказа чем-то тяжелым. Он снял рукавицы на время разговора и положил подле меня. Мне вдруг захотелось украсть одну из них и сохранить на память. А потом нюхать, трогать, запускать в нее свои руки...

- Они сейчас подъедут вон к той остановке, им неудобно будет сюда добираться. – сказал он и взял меня на руки. Я даже заплакала.

«Что же ты делаешь, ангел мой? Зачем несешь меня на руках? Брось меня со всей силы на землю, а потом пни. Это будет не так больно, как то, что ты творишь своей добродетелью».

И я летела!!!! На крыльях счастья. В тот момент мне даже в голову не могло придти спросить его имя. Имя спасителя, на кого бы я молилась и возносила курения денно и нощно. Он божественен. Вот достаются же такие кому-то! Мне было настолько хорошо на его руках, что больше ничего не было нужно и ничто не имело важности. Только я и он. Он что-то спрашивал, подбадривал, что еще чуть-чуть и мне помогут, улыбался мне... У него особенные глаза. Такие честные, непонятного цвета. Там есть и серый и зеленый и коричневое солнышко вокруг зрачка...

Я пришла к выводу, что это посланник из иного мира дан-

ный мне для избавления от мук, поскольку я тоже не простая миранка. Я тоже с другой планеты, потому я одинока и не понята. И хотя у меня стерта память и я не могу использовать свои возможности, но завидев своего соплеменника, я велико возрадовалась.

И тогда я вспомнила про билет. Было очевидно, что моя нога не исцелится к завтрашнему вторнику и на концерт я не хожу. И я совершила еще одну роковую ошибку, наверно самую роковую из всех возможных. Я отдала ему свой билет.

- Вы уверены? Все же нехорошо получается... - сомневался мой спаситель. Но я заверила его, что я все равно не смогу пойти, что у меня нет больше друзей кто бы сходил вместо меня, и он нехотя согласился, а в обмен обещался навестить в ближайшие дни, записав мой адрес и телефон.

Дальше все быстро закрутилось. Медики испортили все. И хотя моей ноге пришло облегчение, но пришла и разлука. Этот восхитительный человек передал меня им и помахал мне рукой. После чего двери машины захлопнулись и меня увезли прочь.

Вечером ко мне прибежала Дора и я ощутила себя героем. Я красочно описала ей падение в разных ракурсах. Рассказала про мерзких птиц. Не умолчала и о спасителе. Ее глаза были полны восхищения. Ну еще бы! Она в жизни не встречала таких клевых парней, как сегодня встретила я. Она была очень расстроена происходящим дома, но держалась молодцом и радовалась за меня.

- Обалдеть! Я так рада за тебя! Вот видишь, а ты говорила, что все плохо. На тебя вон какой спрос! – говорила Дора.

И я верила. Не могла не согласиться.

- Он обещал навестить меня в ближайшие дни. – гордо заявила я.

- Классно! Потом познакомь нас непременно. Я хочу побывать на твоей свадьбе.

- Ну, до этого еще далеко... брак не для трусов. Штамп в паспорте значит взять ответственность за другого.

- Он не выглядит трусом с твоих слов.

- Да я про себя. И знаешь, я дала ему один билет на концерт.

Я никогда ничего такого прежде не вытворяла. Да и не жалко билет для такого классного человека.

- Надо же... Матильда влюбилась. – подхихикнула Дора.

- Угу. Раз уж все равно я не смогу пойти туда, то пусть ходит он. На вот держи второй свой. Если увидишь классного парня – это он. Смотри, чтоб он ни с кем не замутил. И не знакомься с ним сама. Я это сделаю, когда буду сидеть у него на коленях, а он приведет своего лучшего друга для тебя.

Дора очень помогла мне, приобрета костыли. Было непривычно передвигаться с их помощью. На секунду я даже подумала, что неплохо бы все равно отправиться на концерт, занять не место в зале, а подороже vip зону... но вспомнила что билет куплен простой и придется отказаться от затеи, иначе мне повредят ногу настолько, что будет не вылечить ее вовек. Я не настолько фанат группы, чтоб жертвовать здоровьем. Мне интересны лишь крутые мужики.

В таком борении и бешеном ритме сердца я зашла в ванную. Спать мне сегодня не придется.

На зеркале над раковиной с принадлежностями висела бумажка со словом МОРГ. Здесь никогда не бывает чужой зубной щетки, одеколona, бритвы. Так я воспринимала свою жизнь на протяжении всех этих лет до сегодняшнего дня. А у Доры жизнь была подобна кладбищу. Мы давно уже так решили с Дорой. У нее висело КЛАДБИЩЕ. И там и там всегда тихо и нет движения. Нет жизни и лишь пополнения мертвыми надеждами, мечтами, устремлениями. Морг и кладбище они заодно.

Я легла на диван и закрыла глаза. Все мои мысли вращались только вокруг одной персоны. Хотя бы где-то в другом измерении наши души пересеклись! Представляла, как он приходит навещать меня и ложится сверху на меня инвалида. Мда... для двух тел раскладной скрипучий диванчик был явно мал. Что значит быть вместе? Это видеть одно лицо каждый день, каждую ночь... делать все вместе, все то, что ты всегда делала одна. Это распределение проблем, забот, груза... творческий процесс создания нового существа...

Кого я обманываю? Против ветра моя любовь. Все о чем я меч-

таю никогда не сбывается. Сегодняшний день редкое исключение. И то я о таком не мечтала. Это вышло проще, но лучше моих грез. Слепая, жирная, больная... да еще и инвалид. Кто захочет полюбить чудовище?

Равнобедренные бермуды

К моему великому удивлению и возмущению, когда прошло время концерта, Дора не позвонила мне. Я подождала из приличия еще час и набрала ее номер. В ответ мне был слышен голос оператора. Что такое? Как такое может быть? Может, ее обокрали? Может она веселится в компании длинноволосых металюг? Может уже спит? Или не пошла туда вовсе из-за проблем дома? Терзаемая нехорошим предчувствием, я улеглась в кровать с нетбуком. В сети ее тоже не было уже несколько часов.

Смотрю на тумбочку. Из лампы падает свет на любимый портрет актера. От его глаз сердца не спасешь. И даже если погаснет солнце, мне хватит только его глаз. Я так всегда говорила. Но... почему-то все изменилось. Как только я встретила живого человека, который проявил участие или быть может жалость ко мне... все мои кумиры и любимцы отодвинулись на второй план. Я не чувствую больше связи с ними. Я опустила портретную рамку фотографией вниз.

На следующий день я снова набрала номер Доры. Гудки шли, но трубку не брали. Наверно на вибро режиме лежит где-то в одежде и не слышит... Вот и верь людям. Я тут пострадавшая, а ей даже трудно ответить. Я бы может проявила большее рвение, но обезболивающее расслабляло. Я слишком ленива для вертикального состояния сегодня.

Я написала ей сообщение:

«О, не беспокойся обо мне. Развлекайся. Еда еще держит меня в этом мире». Отправила. Подумала еще немного и решила сгладить претензию шуткой.

«Ты знаешь, что профессиональный барабанщик встряхивает градусник до 12 градусов?». Надеюсь, что в ответ прилетит куча сообщений о концерте. Но в ответ была тишина.

От скуки я взяла книгу. Книга Лесли по психологии полов. Я и так считаю всех подонками, а если верить написанному, после такого жить станет вовсе бессмысленно. Не во что будет

верить. Не в кого и нечего ждать. Мне не понравилась книга. Когда я завершила ее читать, за окном уже стемнело. Вот и день прошел. Вечер ударил в спину незаметно. Удрученная и напичканная антибиотиками я шагала в ванну на костылях. Еще вчера я хотела сорвать бумажку с надписью, но зачем-то повременила. Недавнее чудо и восторг впечатлений сменялись суровостью жизни. Я никому не нужна. Дружбы нет. Это такой же самообман и временное явление, как и любовь и всплеск гормонов. Пока я смотрела на МОРГ, зазвонила японская мелодия из аниме. Я бросилась вперед, но нога в гипсе, и я чуть не упала. Повисла на косяке. Кое-как проковыляла к трубке и успела нажать на экран.

- Добрый вечер! Это Томас беспокоит. Помните, я оказался поблизости, когда вы упали? – звучал тот самый голос из динамика.

«Томас... так вот как тебя зовут... Еще бы не помнить! Я что маразматичка?»

У меня был приступ паники и захотелось спрятаться и визжать от радости одновременно.

- Да... я помню, спасибо большое! Если бы вы не помогли мне тогда, не поднесли на сильных руках... я бы... а я теперь на костылях хожу! – затараторила я, понимая что несу бред и краснею. Голос дрожал и руки тряслись и потели, сжимая трубку.

В ответ мне послышался приятный смех, и показалось, что кто-то еще есть на заднем фоне. Буду думать, что просто показалось. Люди вездесущи.

- Значит, вы уже ходите? Рад слышать. Удобно ли вам, если я загляну навестить сейчас, или лучше в другой день? Я неподалеку.

- Да! – закричала я дурным голосом. – То есть, я не против.

- Отлично. Тогда я скоро подъеду к вашему дому.

Послышались гудки.

Я не верила своему счастью. Я и он. Вечером. Одни. Сердце колошматило в груди. Слезы текли и не было мочи их остановить. Нужно срочно переодеться, убраться, привести себя в порядок... но как успеть все это сделать инвалиду вроде меня? В итоге, ограничилась сменой футболки, умыванием и забро-

сом лишнего за диван.

Звонок.

Я как можно раскованнее прошагала на костылях и отперла замок. То же самое сияние и лицо. Том стоял и протягивал мне пакет с фруктами. Но увидев костыли, сразу же предпочел сам пронести на кухню.

И вот, святые ноги проделали несколько шагов по моему темному царству. Я прислушивалась к тому, как ходят мужики. Не громыхая пятками. Без шлепков пальцами. Почти также как и мы. Видимо не зря Адам и Ева были из одного праха. Они подходят друг другу.

Он положил пакет, развязал его, помыл мне мандарин и протянул. Не помню, каким образом я слопала из его рук пищу. Очистила ли кожуру или опозорилась? Наступила пауза.

Томас с интересом разглядывал обстановку моей норы. Его взгляд остановился на моей собственной корявой мазне красками – картине ночного города из моего сна. Мне почему-то захотелось скрыть эту часть моей жизни. Он слишком свят для моей темной стороны.

- А... как ты очутился там поблизости? – спросила я, желая отвлечь его, боясь своего голоса. Он сразу повернулся. Удалось отвлечь от картины.

- Я шел с работы. Наверно знаешь, что такое альпинист?

- А! Ты окна мыл на том здании! Я обратила тогда внимание на подвешенные фигуры. Но это же опасно!

- Да. Мыл окна. Берусь за любую работу на высоте. Вообще работаю в Осло, в 40 км отсюда, но сегодня предложили тут. Мне очень нравится ощущение парения, когда ты вверен судьбе и случаю. Трудно объяснить это нужно попробовать.

- Я теперь буду бояться за тебя. Я б не смогла. Мне страшно.

Том рассмеялся.

- Не надо за меня бояться. Я уже привык. Это в первый раз страшно. А потом лишь делаешь отработанные действия.

Он что-то рассказывал про себя, про работу, про детство... а я без отрыва смотрела на него и балдела. Я не могла поверить, что вот так просто и естественно можно общаться с другим полом, можно обсуждать все то, обычное и привычное, что

хотя мы очень разные и не похожие, но у нас есть что-то общее человеческое и я поверила, что у меня есть шанс.

Я не для тебя

Только на следующий день объявилась блудная дочь. После посещения ангелом, я была настолько безмятежна и парила на крыльях восторга, что не стала выговаривать накопленное недоумение и обиды Доре. Она зашла какая-то тихая, с блеском в глазах и улыбкой. Я сразу почуяла неладное. Она изменилась.

- Ну? Не звени ключами от тайн. Как все прошло? – спросила я, поглощая остатки принесенных ангелом фруктов.

Дора некоторое время смотрела в сторону на ножку шкафа. Казалось, она не здесь и совсем не чувствует себя виноватой за эти дни, которые могли для меня пройти не так хорошо.

- Помнишь тех лебедей?

- Ну? Ты их снова видела? Ходила туда? Сдохли? Хотя нет, слишком счастливо выглядишь. Они перестали тормозить и встретились?

Дора смущенно поджала улыбающийся рот.

- Нет, я не об этом. Все лучше. Намного лучше.

- ... ты с кем-то познакомилась? Влюбилась?

Дора покраснела и я поняла, что попала в точку.

- Та-а-ак, а теперь рассказывай. Кто он? Как это случилось? У меня вот тоже тут кое-что произошло.

- Мы были черным и белым, а стали целым.

- Угу, продолжай. Я знаю, как важно и дорого отыскать любовь среди холода. – сказала я. – Ну и? Вы куда-то ходили? Думаешь, это твоя судьба?

- Да. – смеется смущенно Дора.

- Я так и буду вытягивать из тебя клещами события? – мое настроение начало портиться.

- Ну... - начала она. – Рассказывать особо нечего. Концерт был особенным, все было особенным и необычным. А потом мы встретились глазами и... это стало началом перемен во мне...

- Я вижу. Ты совсем не такая какой была до концерта.

- Правда? Это так заметно? Значит, не врут когда говорят про

изменения личности после...

Она замолчала и вдруг виновато посмотрела на меня. И до меня наконец дошло. За один день я состарилась на тысячу лет.

- Значит, тебе теперь любовь взрослая знакома? – почти прошептала я.

- Говоришь так, точно это преступление! – воскликнула Дора. Видимо ее задел мой вопрос и мое выражение. Не этого она ждала от меня. Думала, я буду выпытывать, восхищаться, завидовать...

Она встала. Походила немного по кухне.

- Знаешь, я смотрю на него, и мне не верится. Неужели это все мое? Без него я не я.

- Круто.

- Матильда, ну прости меня. Если бы это было в моих силах, я бы сделала тебя такой же счастливой!

- Не надо. Мне уже лучше. Ко мне между прочим вчера заезжал мой спаситель, и мы потрясающе провели время. Но тебе не до меня было все эти дни. – выпалила я. – Ладно, не будем ссориться. Каждому свое. Как бы ты описала текущую ситуацию?

Дора расцвела на глазах, когда я вернула разговор на то, что ее волновало.

- Я не своя. Оказывается, так классно принадлежать кому-то! Я, он и всё. Остальное тлен. Это что-то необыкновенное!

- Еще бы. Зовется розовыми очками.

- Прости... У меня такое чувство, будто я предала тебя и наш клуб...

- Лодку. Мы в ней гребли совсем недавно вместе. А теперь... твои глаза пустые зеркала. Ты обогнала меня и потому в душе гордишься собой. Но это нормально. Я не должна тебя осуждать, ты хороший человек, ты моя подруга. Парни они временные. Один, другой, третий... как автобус, приходят друг за другом. Это не разрушит нашей дружбы, ведь так?

Я несла такую ахинею! Подбадривала, утешала то ли ее, то ли себя... но я знала, что между нами пролегла большая и непреодолимая пропасть. И не зря. В следующий момент Дора

достала телефон и показала свои совместные фото с бойфрендом. Не знаю почему, но я промолчала.

На экране мне улыбался мой ангел, мой дорогой и любимый Том, целуя и тиская лучшую подругу.

Живи дабы умереть

Прошло несколько дней.

Что такое одиночество? Это когда я слышу тиканье часов. Радуюсь спаму. Те, кого я люблю счастливы без меня. Говорю сама с собой. Нет удовольствий в жизни. Раздражают поцелуи в транспорте.

Ненавижу день святого Валентина и жду его с ненавистью. Это свобода и удел сильных. Но я не хочу быть сильной. Успокаиваюсь на ночь перечисляя слова по алфавиту: шляпка, шлем, шланг, шлагбаум...

Разве это нормально?

Я унылое говно.

Вот и выходные. Снова. Пустые и одинокие. В субботу надо либо дела улаживать, либо болеть.

«Как хорошо, что ты есть!» - читаю комментарий под фотографией смеющегося Тома в сети. Конечно же подписалась Дора. Еще с десятков дурачков одобрительно поддакивают ей, желая им счастья.

А она мне втирала, что не достойна и не имеет права на другого человека. Врут. Все люди врут.

А попробую-ка вот так сделать. Вырезала и поместила себя рядом с ним в фотошопе. Но... кого я обманываю? Мое круглое и непропорциональное, точно в кривом зеркале тело не сошлется с высоким и красивым парнем.

Постараюсь быть ему чужая.

Листаю альбом Доры на странице дальше. Фото Доры и Тома с лосем. Когда они успели съездить загород? Развлекаются значит. В снежки играют. У всех все круто я им не нужна. Я не могу спать, не могу есть и пить не думая о Томе. Он пленил все мои мысли. Чем бы я ни занималась, я постоянно задаю себе вопросы. Во сколько он просыпается? Что ест на завтрак? Каким стиральным порошком пользуется? Как пахнет его одежда после работы? А тело после сна? Счастлив ли он? Сколько раз в неделю он трахает Дору? По разу или по несколько за

ночь? О-о-о! Как же я ей завидую и ненавижу ее!

Дважды не полюблю. Фатал. Жизнь оставила фантики. Ах если бы я тогда не ступила и не отдала ей или ему билет!..

Однако... Дора там с тобой в одной постели, а я тут со сло-манной ногой. Место твое не здесь, а жаль.

В любом случае люди ссорятся и расстаются. По статистике, уже после месяца отношений появляются терки и усталость друг от друга. Очень скоро это произойдет. Я буду милосердна и приму плохого мальчика под крылышко, и тогда он поймет, как он ошибался, променяв меня на Дору! Он должен принадлежать только мне!

Но время идет, а ничего не меняется. Как женщина ждала возвращения мужчины тысячу лет назад, так ждет и сейчас, выглядывая в окно. Развитие технологий не всегда решает эту проблему, и единственной связью между людьми остается надежда. Я все равно буду ждать и надеяться...

И в одну из одиноких ночей снится мне сон. Иду в церковь каяться в греховных грезах. Там свечи и хохот со всех сторон, звучит шарманка и музыка балагана. В расшитой одежде ко мне поворачивается на каблуках с круглыми носами туфель клоун. В его руке окровавленное сердце. Он подходит в рясе священника и протягивает мне. Я выбегаю прочь. За спиной слышится смех. Снаружи церкви всюду клоуны, игрушки, уродливые пупсы, какие-то скоморохи. Они расступаются и склоняют головы передо мной. Я иду меж них. Гибкая танцовщица с ярким макияжем и в одежде цыганки пляшет и закидывает ноги, с улыбкой выгибается назад. Над ней факир выпускает изо рта пламя огня.

Я невольно изумляюсь зрелищу.

- Здесь твой дом госпожа. - говорит скалясь шут, пригибаясь и звеня бубенцами на шапке.

- Весь этот балаган... мой? - спрашиваю я, морщась от такой перспективы, но видя численность слуг, и коварный огонек в черных глазах у шута, осознаю мощь власти. Шут кивает. Бубенцы весело брякают на его шапке.

Меня провели сквозь ряды уродов, убогих, потрепанных и изможденных рабов к палатке. Ко мне спиной стоял некий го-

сподин в испанской вычурной одежде и завязанными тесемкой волосами, и хотя лица его я не видела, но догадывалась что он хочет от меня, когда указал перстом с длинным ногтем на небольшой круглый столик с бумагой и чернилами.

Буквы составляли испанские слова и образовывали документ. Я силилась читать, но не могла сосредоточиться. Да и что там читать? Условия ясны и известны. Договор с дьяволом во сне подписываю. Как только я закончила свою закорючку подписи, раздается хор католический *Veni Veni Emanuel* и бьет колокол. Церковь продолжает быть церковью. Я же явственно ощущаю, как у меня горит печать на лбу.

Все вокруг тянется, съезжает от каждого удара колокола, выглядит как неудачная ширма странной реальности. Окружающий мир это обман и несуществующая материя...

Просыпаюсь с бешеным стуком в груди. Вся подушка и простынь мокрые. Сны – смерти лоскутки. Как же я их ненавижу! Подхожу на одном костыле к зеркалу, чтобы посмотреть, насколько все плохо со мной, а там... элегантно одетый мужчина! В панике отскакиваю и тру глаза. Но лицо не исчезает.

- Граф! – воскликнула я, храня в сердце много лет мечту о замужестве с Монте-Кристо. Старая любовь не ржавеет.

- Можно и так сказать моя прекраснейшая сеньорита.

"Как я могу быть прекрасной после такого сна?" - думаю я.

- Однако ж... я вас иначе представляла. - топчусь я возле зеркала. Было не понятно, сошла ли я от горя по Тому с ума и меня постигли галлюцинации, либо мой сон...

Нет. Это бред.

- Кто вы? – спрашиваю строго.

- Луиз. Маг. Властелин мира грез и зазеркалья. Мы только что виделись. Во сне.

- Вы смеетесь надо мной, да?

- Вовсе нет. Доверься мне. Отныне ты будешь видеть только прекрасные сны. Про любовь.

- Я не верю в нее.

- Не обманывай себя Матильда. Я все знаю, все видел. В последние дни ты много времени проводишь в слезах.

- Что вы видели и знаете? - я начала злиться.

Неизвестно кто он и в каких целях может использовать полученную информацию. Не исключено, что он следил все это время за мной через зеркало или веб камеру или еще откуда-то, видел меня голой...

- Ну-ну, не гневайся моя дорогая. Я на твоей стороне. А видел я достаточно, чтобы все понять. Например, ты вчера сильно страдала и кричала: "- Я ненавижу тебя до упоения Томас Лунден. Ненавижу!".

Я покраснела.

- От ожогов любви глаза взрослеют, не так ли?

- Как давно вы следите за мной? На кого вы работаете? Какую цель преследуете? Неужели Том и Дора установили что-то и теперь забавляются надо мной?

- Нет-нет, не беспокойся. В этом плане они невинны как голуби. Я увидел в тебе большой потенциал. Понимаешь ли, моя драгоценность находится в вашем мире, совсем недалеко от тебя. Мне нужен надежный помощник среди людей. Но одному мне не справиться... все же, как видишь, я немного из другого измерения.

- С чего вы взяли, что я стану вам помогать?

- Если я назову тебе пару имен, таких как Эмма, Олав... скажем так, они кое-что мне должны. И как ни странно, ваша общая подруга Дора, которую ты так сильно ненавидишь, тоже замешана. А пуще всех Том.

- Я... ничего не знаю. Вам не удастся меня шантажировать. Уходите, иначе...

- Тссс! Во-первых, успокойся девочка. Нет смысла кричать, тебя никто не услышит, потому что они не хотят ничего менять. Я разглядел в тебе потенциал еще тогда, когда ты наслаждалась исполнением своих грез в Петле Разума. Но тогда я был занят другими делами, и позволил правителю дать тебе маленькое поручение подбросить паука шпиона Эмме, с чем ты успешно справилась. В то время еще было неведомо ни мне, ни кому-либо другому, какой ущерб нанесет та девчонка городу. Вместе с придурковатым изобретателем, они разгадали систему, построенную на иллюзии и эмоциях, и потому покинули то место. Из-за них тысячи тысяч страдающих лич-

ностей обречены на безысходность и жизнь без отрады в том райском месте. Я же в свою очередь, лишен энергии. Я выбрал тебя не просто так. Ты не только имеешь связь с ними всеми, но ты понимаешь то, что недоступно всем этим идиотам. Ты умеешь радоваться и наслаждаться мечтами, ты в душе сущий ребенок, который не хочет вырастать из своих комиксов и игрушек. Ты - та, кто мне нужна.

Мы оба помолчали. Речь закончилась, но ожидаемой реакции не последовало. Луиз вздохнул.

- Как знаешь Матильда, но я был уверен, что ты так любишь эти сны, веришь отраженью... - он делает печальное лицо и нарочито медленно отворачивается, чтоб уйти в туннели зазеркалья.

- Пойдите. Тот город... он же реален или...

- Конечно, реален! - оживился он. - Это просто другая жизнь. И твоя душа она божественна! Такая стройная, страстная, твоя грудь пышит здоровьем и ее не выдерживает одежда. Тело жаждет любви... и оно достойно покорить сердце любого мужчины. На кого укажешь пальцем. Даже Томаса Лундена. Хотя я не понимаю, что ты в нем нашла. Я могу дать тебе в тысячи раз лучше. Целый гарем для услад.

- Это настолько смешно? Что ж смейтесь. Все смейтесь. Я просто дура, пожелавшая себе счастья. - разрыдалась я перед властелином грез. - Мне надоело видеть жалость в глазах. Перелом ноги это временно, а душа... Как он мог так со мной поступить? А она? Дора? Моя подруга! А я влюбилась в него... и-и-и-и-и-и!

Луиз выждал, когда мои рыдания начали стихать.

- Матильда, я открою тебе маленькую тайну. Ты слушаешь меня?

Я кивнула, шмыгая носом.

- Помимо добрых снов, бывают и плохие. Хочешь, чтоб все худшие сны этих гадких людишек сбылись наяву?

- Да, хочу. Что для этого нужно сделать?

- Раздели этот мир со мной.

- Как это?

- Просто помогай мне. Ты забудешь свою боль. Верь мне.

- Я уже никому не могу верить.
- Хорошо, однако, я рассею твои сомнения. Знаешь, какой самый страшный кошмар Доры?
- Я разом встрепелась. Во мне проснулась другая Матильда, жаждущая мести.
- Какой же?
- Как она теряет Тома. Понимаешь, куда я веду? Если ты будешь моей правой рукой, я исполню его совсем скоро.
- Я согласна.
- Тогда, наш договор приобретает силу. – из зеркала выглянула рука с пахнущим розами рукавом. Пальцы опустили кольцо с черным камнем. – Надень его. Это скрепит наш договор, и ты сможешь беспрепятственно перемещаться по мирам.
- Но я не знаю, что там было написано. Я не понимаю испанский.
- Ох, прости мою неучтивость. Долго рассказывать. Но если ты теперь со мной, вместе, мы завоюем мир, вернем власть мира грез, и ты получишь желаемое.
- Так давайте действовать!
- Нет, моя дорогая. Спешить нельзя. У меня есть план. Твоя задача сейчас самая сложная - не подавать виду, что ты страдаешь по нему. Веди себя естественно и не вызывай подозрений. Дай мне сроку ровно в два месяца, и ты все увидишь собственными глазами. Даю слово.

КОНСУЛЬТАЦИЯ #1

Воспоминание первое.

Луиз сидел в тесной комнатке на чердаке. В открытое окно были слышны звуки шумных улиц. Где-то бегала детвора, сражаясь на мечях, проносились гонцы на лошадях, и звучала ленивая перебранка соседей. На улице было невыносимо жарко. Такой промежуток дня в Испании называют сиестой и никто не работает. Все лавки закрыты и даже стакана воды днем с огнем не сыщешь. В солнечном свете, проникающем в окно были видны миллионы пылинок. Они кружились в воздухе, кувыркаясь и нежась на солнце. На подоконник сел голубь. Луиз радостно поспешил к нему и отвязал записку. Там был нарисован кривой мост и монета. Поскольку писать было затруднительно и опасно, пославший голубя прибег к простоте. Рисунок означал вот что: «В условленном месте. Не забудь деньги.»

Сердце Луиза забилося от предвкушения. Он закружился по комнатушке, с грохотом открывая тяжелый ржавый старинный сундук. В оном лежали игрушки мальчика. Глиняные фигурки со сколотыми частями тел, вязаные, деревянные головы, обшитые тряпичным тельцем, и наконец, его гордость – фарфоровые куколки! Из Италии. Сын одного торговца хранит тайну Луиза и за деньги, сбереженные от сладостей и сви-стуллек, Луиз время от времени скупает у него кукол. Из Европы привозят всевозможных кукол, статуэтки и пупсов. Ах, если бы Луиз был богат и мог позволить себе приобрести их все! С каждым годом куклы становятся все изящнее и красивее. Лица их раскрашивают особыми цветами, черты лица становятся детальнее. А уж какие наряды надеты на куколках! Платья вельмож, шляпки, кружавчики и жабо, сапожки и туфельки, ремешки и блестяшки...

Луиз прижал к груди свою первую найденную вязанную куклу. Он нашел ее по дороге к храму, куда на мессу собиралось много народа. Какая-то девочка потеряла ее и наверняка долго плакала.

После обеда, Луиз нетерпеливо отпросился играть и с энтузиазмом побежал к условленному месту. Но к его удивлению, на привычном месте стоял какой-то человек с узелком. Луиз рассердился. Ведь встречи с юным дельцом может не произойти, если этот человек не уйдет. Луиз стоял и не знал что делать. Оставить ли послание сыну торговца или попросить уйти этого человека. Взрослые хоть и глупые, но понять, что это место секретное не составит труда даже незнакомцу. Он может воспользоваться этим знанием и рассказать родителям Луиза о куколках.

Размышления мальчика прервал незнакомец.

- А ты, должно быть, Луиз? – спросил он.

- А вы кто?

- Я папа твоего друга. Не волнуйся, все в порядке. Мне пришлось наказать за шалость своего сына, но ведь бизнес должен продолжаться, не так ли? Нельзя останавливаться из-за каких-то мелочей и деталей. В конце концов, партнер не столь важен, важен товар. – вкрадчиво говорил человек.

Луиз недоверчиво смотрит на него.

- Ну-ну, ты можешь мне доверять. Я на твоей стороне. Я всегда на стороне клиента. Смотри, что я тебе сегодня принес.

Человек развязал узелок и глазам Луиза предстал десяток самых разнообразных кукол. Одна была краше другой. Личики детишек радостно застыли по мановению руки мастера. Они были обречены на вечную молодость, на красоту и вызывали умиление. Луиз раскрыл рот от изумления.

- Нравятся?

Луиз не задумываясь кивнул.

- Мне тоже. У нас с тобой похожий вкус. Ты редкий ценитель искусства, пока не модного. Ты наделен вкусом с малых лет. Хочешь, они все будут твои? – спросил незнакомец.

Луиз снова кивнул, более убедительно.

- Тогда, за небольшую услугу, я буду по кукле в месяц отдавать тебе. Согласен?

Луиз поднял полные восторга глаза на незнакомца. О какой услуге идет речь? Едва ли о чем-то серьезном, ведь что мог сделать мальчик для взрослого дяди?

- Я не требую от тебя многого. Просто ровно один раз в установленный день ходи на местное кладбище и запоминай имя на свежей могиле. Это все.

Луиз рассмеялся.

- И это все?

- Да.

- И за это я буду получать бесплатно одну из кукол?

- Да. Всегда старайся получить то, что любишь, иначе придется полюбить то, что получил.

- По рукам!

- Отлично. – незнакомец жмет руку, глядя в глаза мальчику. – То, во что ты веришь, становится твоим миром.

Испания. Средние века. Смутное время.

Воспоминание второе.

Натянут тент. За ним скрыты от людских глаз грандиозные фигуры кукол. Посетителям нет отбоя. Все только и говорят о молодом выдающемся мастере кукольных дел – о Луизе Иглесиасе. Его творения не имеют аналогов в мире. Они как живые, только что не говорят и не дышат. На тельцах фигурок натянут максимально приближенный к настоящей коже материал, глаза кукол смотрят осмысленно и останавливают, привлекают внимание, затрагивают души. Многие женщины, узнают в куклах своих умерших младенцев. Они настолько растроганы и поражены, что не могут не купить вечное изображение дитя, так похожего на их собственного. Деньги текут рекой. Все задаются лишь одним вопросом – как такое возможно сотворить, не будучи творцом.

Луиз выходит за пределы своей экспозиции и смотрит на горизонт. Сближение с тем человеком, назвавшимся отцом мальчика много лет назад, было роковым. Общение с ним, открыло перед Луизом, необычным ребенком новые горизонты. Теперь, он знает все. Он может сделать счастливыми тех безутешных матерей и бездетных жен. В разработке, в глубине палатки, у него лежат новые экспонаты. Еще более усовер-

шенствованные и уникальные. Луиз спешит к ним.

При входе, к нему выходят куклы на шарнирах и помогают снять рубашку. Пупс заглядывает в глаза и улыбается. Луиз улыбается ему в ответ. Он смог! Он добился того, что улыбку и вечную молодость можно запечатлеть и остановить на нужном тебе этапе. Еще немного, и он решит вопрос бессмертия...

На полках и в коробках лежат разнообразные куклы и статуэтки. Луиз подходит, трогает и разговаривает с каждой из них.

Неожиданно раздается свистящий звук и начинает пахнуть гарью. Множество грубых голосов послышалось снаружи. Луиз, с пупсом на руках, выглядывает из палатки, которая утыкана стрелами и начинает полыхать.

- Нет! Вы не смеее! Вы не понимаете! Что вы делаете? Я достоин почтенный господин! – кричит Луиз.

- О! Сеньор Иглесиас, вы-то мне и нужны. – вперед выходит человек в роскошном балахоне с большим крестом на груди. Под рукавами скрещенных рук, у него священное писание.

- Святой отец? Что вы здесь делаете? Что происходит?

- Разграбление могил, похищение младенцев, использование их тел для некромантии, запрещенные опыты над телом испустившего дух, сотворение кумира, использование похотей и горя для обогащения... мне продолжать перечень ваших преступлений против Бога и церкви?

- Нет-нет! Ничего подобного! Клянусь вам... я не преступил закон, я только... пытался помочь.

- Покайся дитя.

- Я ни в чем не виноват! – Луиз бросается бежать, но повсюду солдаты.

- Убегать бесполезно. Тебя постигнет смерть и бедствие преисподней.

Солдат вырывает у Луиза пупса и бросает в костер. Пупс начинает дергаться и кричать, его кожа морщится от пламени.

- Нет! Вы совершаете ошибку. Вы не можете так поступить!

- Что, еретик, больно? Кладбище святое место. – говорит святой отец, улыбаясь.

Из палатки выносят сотни кукол, которые испуганно водят

глазами и открывают рот. Солдаты бросают их всех в огонь.
- Вавилонская печь! Да пожрет пламя плоды греха твоего отступник.
- Я ненавижу вас всех! – кричит Луиз. Он рыдает, глядя как его творения гибнут безвозвратно.
- Твоя ненависть, лишь разжигает мой благой гнев. Если мрак окутывает тебя, а ты не хочешь ему сопротивляться, то погружаешься еще глубже. Взять его.
Костер горел долго. Говорят, что детский плач слышался из него, разрывая сердца женщин.

Воспоминание третье.

На городской площади толпы народа. Всем не терпится увидеть наказание известного мастера, который пошел против церкви и навлек на себя гнев святой инквизиции. Стража кольцом выстроилась вокруг помоста. Луиза, лохматого и обросшего ведут к пропитанному кровью пню. Рядом стоит корзина для его головы. Совсем скоро, ее как арбуз унесут и выбросят в безликую могилу для грешников.

Святой отец, он же глава инквизиции, толкнул речь и сделал жест рукой палачу. Тот привычно проверил остроту топора, поглядывая искоса на очередную жертву.

Луиз дрожит и что-то шепчет. Он смотрит на ближайшего стражника, который по стойке смирно держит меч и блестящий щит.

Кукольника ставят на колени и наклоняют. От пня приторно пахнет кровью и тянет рвать. Луизу неудобно, но он продолжает смотреть на щит.

- Здесь тебе не медовый месяц! Да лежи спокойно, не дергайся. Осталось немного. – кричит кто-то из толпы. Смех.

Палач взмахивает топором. Еще миг и раздается хруст позвонков и голова отделяется от тела. Она откатывается мимо корзины, поливая кровью пень и что вокруг. Толпа гудит.

- Ну что ж, одним еретиком меньше. – констатирует факт инквизитор. – Твоя смерть была слишком легкой.

БЕЛОЕ

- 06 -

*Завести календарь со спичками
на каждый день, чтоб знать,
а не прожигает ли ты свою жизнь?*

За стенкой раздавались крики, звук падения предметов, ругательства и пьяный рык. Человек из простого алкоголика превратился в запойного. Это безумие длилось неделями, становясь месяцами, а из них уже годы. Если быть точнее – 2 года без перерыва, как он вернулся из тюрьмы. И хотя мать с отчимом, после гибели моего старшего брата, больше ничего не связывало, тем не менее, он продолжал ее терроризировать и никак не съезжал.

Минус два года жизни. Минус два года молодости и улыбок. Когда же все это началось и будет ли конец?

- Дора ты как? – спрашивала Эмма по телефону.

- Как всегда. Просто замечательно. – вздохнула я, выглядывая с заброшенного одеждой пола в окно, где несмотря на осень было солнечно и пели птицы.

- Слушай, тебе не нужно терпеть это. Давно пора съезжать из этого проклятого дома!

- Ты правда думаешь, что он проклятый?

- Хотела бы я взглянуть в глаза человеку, который бы побывал поблизости или внутри и имел бы иное мнение.

- Спасибо за солидарность.

- Не раскисай. Я хочу тебе помочь выбраться из этого ада. У тебя нет даже намека на личную жизнь. Ты только и делаешь, что утешаешь свою мать, не спишь ночи и плачешь из-за разборок. Так нельзя. Вокруг есть другая жизнь, поверь мне.

- Не исключаю. Но вероятно не все рождены для счастья. Я уже не помню, что есть другая жизнь. Я не живу своей жизнью. Просто не умею. Всегда все делала как для кого-то. Каков процент, что я не свяжусь с дебилом и не спущу свою жизнь в унитаз? Лучше быть одной, чем мучиться и с нетерпением

ждать конца своих дней.

- Ничего не желаю слушать. Сейчас я заеду за тобой, и сегодня ты будешь спать у меня. И вообще, перебирайся ко мне. Вместе будет веселее и проще.

- Эмма... я не знаю уместно ли это. Я тяжелый человек и ты скоро устанешь от меня. Я не привыкла общаться с людьми долго. Ты узнаешь мою плохую сторону. К тому же я не особо самостоятельная.

- Почему ты всегда занимаешь такую позицию отчуждения? Все мы несем свой крест. Если ты проявишь его немного, это хорошо. Это будет означать лишь то, что в тебе есть жажда жизни, ты хочешь чего-то и требуешь. Это нормально.

- Нет, прости. Я сегодня не смогу приехать к тебе. Вечером у меня концерт, а потом...

- А что потом? Вот после него значит, и приедешь ко мне ночевать. Расскажешь все. Кстати это прекрасная новость! Ты идешь на концерт! Наконец-то встряска и новые впечатления, знакомства...

- Просто смена декораций. На короткое время. – поправила я подругу.

- Ууу! Кто знает. – захихикала Эмма. – Ты так смотришь на жизнь, что мне становится не по себе и страшно. Ты же не готьё! А полна уныния. Это ужасно. Я конечно пережила всякое, но у тебя совсем жесть. Будто бы ты уже знаешь все и ничего не хочешь, будто устала...

- Так и есть. Я устала жить. И с удовольствием бы перестала жить, но к сожалению, тело так устроено, что без отравления, без внешних факторов не умирает. Но если меня встретит убийца в подворотне, я не стану убегать и попрошу лишь сделать это быстрее и нежнее.

По крайней мере мне так казалось в тот момент, что я готова принять смерть и что мне наплевать на себя и на все на свете.

- Дора! Немедленно перестань! Жуть какая! Срочно жить отдельно и начать новую жизнь на новой работе. Или даже не работай, пока не отдохнешь. Просто живи у меня. Хватит тебе возиться с рыбами. Городок наш рыбный, но не нужно гробить себя на подобном поприще!

- Ты такая славная, Эмма. Спасибо, что ты есть.
- Ну, вот начинается. Пытаешься окончить разговор. Я выведу тебя в люди. Обещаю. Накрашу тебя, приоденешься и сразу же встретишь хорошего парня.
- Предлагаешь обманывать его искусственным фасадом?
- Прости за сравнение подружка, но женщина как товар в магазине, а мужчина покупатель.
- Залежалый и забытый на складе товар. Это я о себе. Я никому не нужна.
- Нет! Ни в коем случае! Ты как товар особого назначения.
- Да? И когда же придет тот день, когда можно будет вспомнить об особом товаре?
- Возьми супермаркет. Даже на всякий бред находится покупатель.
- Спасибо.
- Я не то хотела сказать! Уф... сложно с тобой. Все! Мне надоело. Я приеду через полчаса и будь готова к новой странице жизни. Мы отправляемся по магазинам! А потом у тебя зашибенный концерт!

С тех пор прошло два месяца. И как ни странно, но Эмма оказалась права. Все меняется очень легко и быстро. Жизнь непредсказуема и простому смертному неподвластно распутать и разобраться в клубке нитей судеб.

*Счастьем не отпускай
или уходи красиво*

Хочешь узнать, как рушится небо над головой? Зайди на сайт, где ты обычно скачиваешь любимую музыку и почитай линейку новостей. Каждое утро я захожу на один такой сайт и скрещиваю пальцы, лишь бы не случилось ЭТОГО. Но сегодня случилось. Погиб басист такой-то группы. Вчера ушел из жизни главный гитарист из другой группы... такие новости для меня подобны ножу в сердце. Ладно, если бы они умерли от старости, это было бы естественно. Но нет! Дорожные катастрофы, остановка сердца, передоз... что скрыто за этими официальными версиями? Каковы были последние минуты этих людей? О чем они думали? Что испытывали? Догадывались ли они, что их скоро не станет? Довольны ли они предельным путем творчества?

А вообще, довольно странно убиваться по людям, которых не знаешь и никогда не узнаешь.

- Что нового пишут? – спросил Том, вылезая из-под одеяла и продирая глаза.

Он такой милый с утра! Неумытый поросенок с заспанным лицом. Волосы у него спутались за ночь. Я закрыла ноутбук.

- Ничего нового. Снова все плохо.

- Ясно.

Том откинулся обратно на подушку. За окном выла метель. Никуда идти из дома, разумеется, не хотелось.

- Иди сюда. – позвал он меня и я радостно забралась к нему под нагретое одеяло в недра нашей любви.

Наши отношения с Томом завертелись подобно карусели. Помню, когда наши глаза впервые встретились после концерта – судьба моя была предрешена. Мы даже не разговаривали, а только улыбались как два идиота. Мы стояли, и просто не могли оторвать глаз друг от друга.

Тогда, в моей голове точно открылась шкатулка, из которой полились зловещие звуки музыки, означающие конец эры

моего единоличного правления. Он подошел ко мне и сказал «привет». Это был первый раз, когда я услышала его голос. Как-то резко мне стало вдруг так жарко! Было неловко, хотелось испариться куда-то от его пытливых глаз, но ноги не двигались с места.

Потом, с властью имеющего право, он вдруг положил свои руки мне на бедра и притянул к себе. Его руки приказывали, и ласкали одновременно... не было возможности вырваться из его объятий, и я бросилась в омут с головой. Я пыталась искать себе оправдание, смотрела на людей за его плечом, но они не замечали происходящего. Для них не существовало перемен. Они нас не знали и считали обычной парочкой.

Я еще раз взглянула в его глаза и... поняла, что все кончено. Воды поглощают... Бездна окутывает меня. Нет сил и желания сопротивляться, и я отдаюсь ей... Я растворяюсь в этих глазах целиком. Возникает чувство беспомощности, но мне нравится. Меня больше нет... появляется «мы».

«Забудь обо всех этих людях. Они не слышат ее. Это только наша мелодия» - словно говорили эти глаза про музыку шка-тулки в моей голове.

И тогда было всё. Мы упивались друг другом, стараясь поглотить один другого без остатка.

Его волосы спадали мне на лицо и шею, щекоча и скользя по коже, я зарывалась в них, находя приют и защиту от всего, что было вне нас, закрывалась от нашего безумия...

Ни у кого нет такого мрака на сердце как у блэкера. В тот момент в меня вошла тьма, которой он охотно поделился со мной. Я лежала у него на груди и слушала мерный стук сердца. Оно у него черное. Должно быть мое теперь тоже...

Вот и сейчас, я лежала так и слушала этот звук. Том излучает уверенность и силу. Рядом с ним мне спокойно и начинаю верить в лучшее.

- Во сколько тебе нужно сегодня на работу? – спросила я.

- Надо бы уже собираться... там не любят опоздавших. – вздохнул он, целуя меня в лоб.

Дело в том, что Том работает альпинистом. Выполняет любую работу на высоте в любую погоду, будь то ремонт или простое

мытьё стекол. Это опасно и требует большого внимания и смелости. Мне каждый раз не хочется его отпускать.

- Ну, тогда иди в душ, а я пока przygotowю тебе завтрак. – сказала я.

- Угу.

Было слышно, как снег бьется о стекло и воет ветер. Мы продолжали лежать обнявшись. Часы громко тикали на полке. Никто из нас не хотел нарушать этот покой и момент первым. Наконец, Том вылез, оставив после себя мятый след на матрасе и свой привычный запах.

В то утро, наше обычное прощание затянулось, и я же почувяла неладное! Что-то было не так, будто нарочно оттягивая момент его ухода, давая мне запомнить его лицо напоследок. Он ушел, но вернулся за ключами. Плохая примета, а зеркала у нас нет. Еще раз крепко обнял.

- А может плюнуть на бизнес центр и остаться дома с тобой? – спросил он, но я сама вытолкала его в этот недобрый час в такую погоду.

Его серо-зеленые, с коричневым солнышком вокруг зрачка глаза подмигнули мне напоследок, и дверь разделила нас в пространстве и во времени...

*Ветер стучится в душу
лучше его не слушать*

Проводив Тома, я начала собираться сама. Мне нужно помочь подруге в пиццерии. Сегодня намечается большое скопление празднующих людей там, а хозяева заведения, как нарочно заболели. Эмме одной не справиться. Поэтому я нужна ей. К тому же, быстрее пролетит время, и я не буду думать много о том, как прошла работа у Тома. Придет и сам все расскажет.

Таким образом, я отправилась в путь. Полупустой автобус довез меня до нужной остановки. На афишах красовались плакаты единственного выступления бродячего Черного цирка. Дата значится сегодняшняя. Я так давно не была в цирке! Не видела этих забавных и глупых клоунов... мимов с их поразительной жестикуляцией.

Хотя мне нечего там делать. Цирк это для детишек, которые не догадываются о правде. Бедные животные в ужасном состоянии, акробаты принимают допинг и другие запретные препараты, чтобы выдерживать стресс и столько смотрящих глаз. Наркотики нужны им, чтобы казаться веселыми и чтобы улыбка не сходила с их лица долгие часы. Одно дело цирк государственный, когда там все проверено на заболевания, тщательный отбор артистов и безопасность на высшем уровне, а другое дело какие-то приезжие иностранные бродяги. Кто их знает, что у них на уме и не заразны ли они.

Стучу в закрытую дверь. Эмма торопливо открывает мне и впускает. Остается минут пятнадцать до открытия.

- Привет. Нормально добралась? – спрашивает она меня.

- Да, вполне.

- Как у вас с Томом?

- О, все прекрасно. Правда. Мы счастливы. Только...

- Только?

- Я беспокоюсь. Странное чувство возникло утром, когда мы прощались. Я понимаю, что он должен работать, сегодня ему доверили большой бизнес центр в столице, он давно об этом

мечтал. Он теперь главный над другими альпинистами, это прибыльно и как новый виток его умений, проверка на прочность, но... у меня неприятное предчувствие.

Эмма озабоченно смотрит на меня. У нее был необычный опыт погружения в сны или видения... не знаю как это еще назвать. Я не особо верю во все это без принятия дозы, хотя, бывают, говорят, особенные люди. Она вроде там встретилась со своими страхами и общалась с известной группой на уровне подсознания, и все это произошло в доме у озера. Возможно, просто ностальгия или какие-то вещества так подействовали на нее. Но, если не думать обо всем этом, то она прекрасный человек и хороший друг.

- Не переживай. Все нормально. Просто я привыкла, что мы всегда вместе за эти пару месяцев и расставаться, пусть даже на какое-то время для меня пытка. – сказала я ей, чтобы она не волновалась.

Я переоделась, помыла руки, надела фартук и пиццерия открылась.

День пролетел действительно быстро. Две большие компании снимали зал и шумно праздновали, обычные посетители хвалили пиццу и покупали с собой. Наконец, Эмма спроводила последнего человека и закрыла дверь. Ей еще нужно пересчитать кассу.

Весь день я не звонила Тому. Он не написал мне ни строчки. Должно быть был занят и работа в бригаде шла полным ходом. Я крутила телефон в нерешительности. Мои ноги устали, но я ощущала блаженство. Приятно быть полезным. Эмма суетилась у кассы, раскладывая бумажки денег по стопочкам и отделяя монеты в другую сторону.

- Позвони ему. – прозвучал совет от кассы.

- Думаешь?

- Конечно. Чего за дела такие, думает, раз повысили до бригадира, то теперь и звезда до которой не достучаться? – смеется Эмма.

- Он не такой.

Набираю номер. Жду. В ответ тишина. Полная тишина. Абонент не отключен, не в зоне, куда не достает сигнала, нет даже

гудков. Никаких. Ни тех, когда абонент занят, ни тех, когда человек просто не слышит телефона.

- Странно... тишина.

Я убираю телефон в карман. Эмма отходит от кассы, давая мне несколько бумажек за мой труд.

- Спасибо огромное, что помогла. Без тебя я бы не справилась.

- говорит она. – Ну что там с Томом?

- Тишина. Не могу до него дозвониться.

- Как, тишина? Совсем?

- Да. Полная тишина... совсем нет ничего.

Эмма побледнела. Она вытаскивает у меня телефон из кармана и набирает номер Тома. Забавно наблюдать, когда другой человек пытается связаться с тем, кто дорог тебе. Она нажимает громкую связь, и мы обе слышим... тишину.

- Дора, это же... серьезно. Что-то случилось. – глаза Эммы стали испуганными.

- Ой, да брось ты. Просто занят или телефон сдох. – отмахнулась я, но страх подружки коснулся и меня.

- Нужно позвонить Олаву. Он изобретатель, обязательно что-нибудь придумает.

- Эмма, не беспокой человека. Еще ничего не ясно. К тому же, Олав живет в Дании, он далеко. Почему его голова должна болеть о моей заботе?

- Он хороший человек и готов на безумие, чтобы спасти... - начала Эмма.

- Тебя! Тебя спасти. Меня он даже не знает. Он твой друг.

- Да, но я уверена...

- Не надо. Спасибо, Эмма за все, но правда, не нужно. Все образуется. Мне пора. Я оделась и попрощалась с подружкой. Сейчас я вернусь домой и Том радостно обнимет меня и будет травить смешные истории о том, как он провел день в командовании. Все будет как всегда. Я хочу в это верить, а значит, все именно так и будет.

Я спешила к остановке. Фонари горели на улицах. Зимой рано темнеет. Снова увидела рекламу Черного Цирка. Представление уже должно было закончиться час назад. Угол плаката был оторван и зловеще хлопал о стену. Изображение клоу-

на то растягивалось в полную картинку, то комкалось. Улыбка показалась мне особенно неприятной, как оскал перед плевром, да и глаза смотрели как будто с презрением на прохожих. Я закуталась в шарф и поправила шапку. Мне их купил Том, чтобы я не болела. Одевая их, я чувствую его заботливые руки и тепло. Я села в автобус и поехала прочь от уродливого клоуна на афише.

В наших окнах было темно. Неужели он уже лег спать или еще не вернулся?

Поднимаюсь по лестнице. Открываю дверь ключом. В квартире темно. Ладно, бывало и хуже. Я сегодня не голодна, потому что мы с Эммой сытно поели на работе. Включаю наш любимый с Томом диск Dimmu Borgir. Песня The Sacrilegious Scorn звучит особенно сильно. Музыка проридает.

За окном чернота наступающей ночи опять воет и пытается прорваться сквозь окно. Почему-то мне стало так одиноко... Квартира, словно опустела без Тома. Где он сейчас? Чем занят так долго?

Почему-то пришли мысли о цирке. Зачем этим бродягам ехать в Норвегию? Что они здесь забыли в этом холоде? Кто эти артисты и для кого они выступали? Для чего они здесь?.. Сама изумляюсь своим глупым вопросам. Разумеется, они приехали за деньгами, за славой, для развлечения северян... Я вошла в интернет. Нужно узнать хоть что-нибудь об этом цирке. Слишком недобрые плакаты развешаны по городу. Сомневаюсь, что обычные семьи повели бы своих детей в подобный цирк. Наверняка это или какая-то акция для ценителей трэша или еще чего-то жесткого, рассчитанного прежде всего на молодежь. А вдруг, Том пошел в этот цирк? Но почему ничего не сказал мне? Он всегда берет меня на все выступления, чтобы потом было что вспомнить и посмеяться над безумием людей.

Интернет мало чем помог мне в поиске информации о цирке. Судите сами: «Самое мрачное место, мыслимое на этой грешной земле приглашает тебя принять участие в нашей игре. Мы ждем именно Тебя!» - гласили строки рекламы, выполненные в стиле стекающей крови по черному фону, на котором еле

виднелись очертания цирковой палатки. Забавно! Я нажимаю на клоуна. Клоун с афиши открывает коробку, и оттуда выпрыгивают слова как серпантин:

«Не думай, что нам нужны твои деньги. Все, что представляет для нас интерес – это твоя душа и эмоции. Мы питаемся ими. Потому не стесняйся, приводи своих друзей и родственников. Места на всех хватит».

Ого! Или это просто зазывалы или цирк действительно бесплатный? Тогда, наверно многие люди ринулись туда. Но... что значит «мы питаемся ими»? Чем именно? Душой или эмоциями? Скорее всего просто устроили себе такую рекламу в жанре ужасика.

Я еще поискала информацию про цирк, но никто ничего не знает. Ни откуда эта труппа приехала в наши края, ни кто организатор. Куда катится мир? Как можно допускать подобное без лицензии и аккредитации?

Проверила почту, ответила паре корреспондентов. У всех бурная жизнь. Кто-то расстался, кто-то нашел работу своей мечты, кто-то вернулся с отпуска из теплых стран...

А мне ничего не надо, кроме того, что у меня уже есть. Закрывает ноутбук. Выключила музыку. Попробую еще раз позвонить Тому, вдруг, он ответит?

Набираю номер и подношу к уху. Слышу щелчок и гудки. Ура! Видимо просто не было связи, а теперь он где-то недалеко. Значит, скоро я услышу его голос. Но гудки идут, а Том не берет трубку. Я хотела было уже сбросить звонок, как гудки прекратились. Послышалось чье-то дыхание и возня.

- Алло! Том? Все в порядке? Где ты? – спросила я.

В ответ были непонятные звуки.

- Том?

- Это не Том. Его здесь нет. Здесь никого нет. – ответил незнакомый печальный голос со странным акцентом.

- Как это... погодите, это телефон моего парня. Что случилось?

- Твоего парня зовут Том... не повезло тебе.

- Почему? Что вы имеете ввиду? Кто вы?

- Послушай, я не могу вот так говорить с тобой. Не положено. Если Человек-зонт услышит меня, мне не поздоровится.

- Человек-зонт? О чем вы? Что вообще происходит черт возьми? – закричала я.

- Не кричите на меня, Пьеро страшно...

- Простите. Я не хотела на вас кричать, но я волнуюсь... Том весь день не звонит мне. Если вы что-то знаете или видели его...

- Привези мне кровавые груши, тогда скажу.

- Кровавые груши? Это как? Есть такой сорт? И... куда привезти?

- Вдовый лес. – произнес шепотом голос. – А еще мне нужен рулон туалетной бумаги. Лучше два. А то здесь с этим трудно. Поняла? Нет груш и бумаги - нет Тома.

- Хорошо-хорошо. А где находится этот лес? Это название такое?

На том конце послышался гулкий звук, и кто-то третий кричал на моего собеседника.

- Брось! Брось немедленно, это же постыдно!

Послышался удар телефона об пол и сигнал пропал. Я попробовала перезвонить, но в ответ сказали, что абонент недоступен.

Сердце мое бешено колотилось. Что-то произошло с Томом... с моим Томом...

Я ходила по комнате взад-вперед и судорожно сжимала кулаки. Если кто-то хоть пальцем тронул его!.. Клянусь, он ответит за это. Том – единственное, что есть в моей жизни доброго и дорогого мне. Я не смогу жить без него. Мой мозг рисовал ужасные картины. Том в черном застегнутом мешке... Том окровавленный в канаве у шоссе. Мимо проплывают сотни машин, но никто не замечает его замерзающего в снегу... Том страдает и нуждается в медицинской помощи, но его телефон отобрали и он умирает... Том упал с высоты и...

Сдавленный вой ужаса вырвался из меня. Нет, не может быть. Не может все так кончиться и измениться за один день. Нужно успокоиться и не паниковать. В полицию звонить не нужно. Все хорошо. Просто, Том потерял или у него украли телефон какие-то психи. С ним все хорошо. Сейчас надо просто сообразить откуда начинать поиски и кому звонить. На часах

было позднее время. Некрасиво звонить сейчас да и кому? Строящийся бизнес центр не снимет трубку, их секретарша уже давно ушла. Может, Том у наших знакомых? Я набрала номер давнего приятеля. После пары вопросов я поняла, что болтать о жизни я сейчас не могу, а информацией про Тома он не располагает.

Итак, что я знаю? Какой-то Вдовый лес. Псих еще говорил про Человека-зонта. В разряд психов я его поместила из-за просьбы о кровавых грушах и туалетной бумаги. Странно все это...

Снова вошла в интернет. Вдовый лес... Вдовый лес... что же это такое? Где это место? Что же это такое? Где мне искать тебя, Том?

В этот момент раздался звонок в дверь. Я подпрыгнула на месте. Подхожу, смотрю в глазок. Там стоит Эмма. Открываю.

- Дора, Тома, конечно же нет дома? – спрашивает она.

- Да... но откуда...

- Олав позвонил мне сам и сказал, что видел дурной сон...

«Началось!» - подумала я, но промолчала.

- ... так вот, кажется, тот самый цирк вернулся и ему нужны жертвы.

Я замерла. Цирк... снова цирк.

- Дора? Я не удивила тебя? Ты что-то узнала? – допытывалась Эмма.

Пришлось рассказать ей все.

- Не понимаю, как может быть связан с исчезновением Тома цирк настоящий. Тогда, я попадала в другое измерение через шкаф, я впадала в сон и была там, но теперь этот цирк каким-то образом возник в реальности. погоди, я позвоню Олаву, дам ему задачу. Он любит загадки. Не сомневайся, он непременно найдет решение.

Эмма беседовала с Олавом, а я стояла у окна и смотрела на пустоту дорог. Как бы я хотела, чтобы это все было просто ошибкой и Том сейчас, как ни в чем ни бывало шагнул к дому!..

- Дора! Слышишь? Олав говорит цирк должен оставить какую-то зацепку или наводку. Нужно найти их плакат и поискать мелкие буквы или какой-то знак.

- Знак? Да какой там может быть знак? Просто ублюдки похищающие людей! – огрызнулась я.

- Дора, я знаю тебе тяжело, но чем стоять и сетовать, давай будем действовать. Я испытала весь этот ад на себе и потому понимаю тебя лучше других. Доверься мне, Олав умный парень.

- Хорошо. Прости что нагрубила... пойдем скорее искать зацепку.

Мы оделись и вышли из дома.

Чтоб познать глубину надо копнуть

Мы проехали немного по городу на машине. Я попросила Эмму остановиться, и мы вышли. Нигде не было видно афиш, словно их и не было. Но ведь я ехала вечером с работы, и они были повсюду! Я предложила Эмме разделиться, но она постоянно была в поле зрения. Она знает, что я попытаюсь от нее избавиться. Я не хочу втягивать ее в это. Возможно, что это просто недоразумение или ошибка. В любом случае, это моя проблема и решить ее должна я. Я готова на многое. Ради Тома, ради нас...

Я бежала к тому месту, возле остановки, где тогда хлопал плакат цирка. Какой-то человек в глубокой шапке и пуховике спешно срывал плакаты и пихал обрывки в пакет. Его спешку можно объяснить холодом, но как мне показалось, дело было в другом.

- Пойдите! – крикнула я человеку.

Он обернулся, и сорвав плакат бросился бежать прочь. Гнаться за ним не имело смысла. Машина далеко, а я не бегун. Куски сорванной плотной бумаги упали на снег и их понесло ветром. Я как чумовая кинулась вслед за ними. Чего бы мне это ни стоило, я должна успеть! Я чувствую, что моя судьба написана там. Не могу объяснить это, но такое часто бывает, что нечто тебе открыто наперед. Эмма вдали увидела меня и тоже начала семенить ногами по скользкой дороге. Наконец, кусок зацепился за кусок наледи, и я придавила его руками, рухнув сверху. Быстро перевернула на изнанку и растягиваю по снегу. Пусто... пусто... опускаю глаза в самый низ. Там что-то написано кривым почерком. Быстро отрываю эту часть бумаги и запикиваю в сапог, пока Эмма ничего не заметила. Я дрожу от волнения.

Дальше мне пришлось надеть ненавистную мне маску луна, и играть роль отчаянной, чтобы уверить ее в безнадежности ситуации. Я сетовала, что плакат оказался пустой идеей, и у нас нет зацепок. Эмма вызвалась проверить помойные баки с

бумагой и подключить знакомых. Я посмотрела на часы. Уже одиннадцатый час. Кто я такая, чтобы портить людям вечер и требовать от них участия?

Я сослалась на усталость и бессмысленность делать это в темноте. Лучше заняться завтра. Эмма меня привезла обратно к дому.

- Дора, обещай мне, что без меня ты не отправишься в этот цирк. Не скрывай от меня ничего. Обещаешь? – настаивала она.

- Да... конечно. Эмма, ты же знаешь, я не обманываю тебя (*мне адски стыдно было говорить эту ложь). Ты тоже держи меня в курсе. Никуда не лезьте без меня. Все-таки Том...

Тут я отчаялась на самом деле. Воспоминания о нем нахлынули на меня, и я поняла, что мне предстоит решающий момент. Или прочесть тот огрызок и упасть духом (вполне вероятно, что это клоунская или чья-то шутка), или обрести ключ к решению проблемы и найти Тома, если теория Олава верна. Я вдруг осознала, что сегодня я не увижу его лица, не заберусь на колени и не прижмусь, чтобы не бояться завывания злого ветра за окном, не услышу постукивания его сердца, и не будет ласковых рук и горячих губ...

Я попрощалась с подругой и поднялась в квартиру. А что, если это просто игра воображения? Что, если я зря обманула Эмму и теперь останусь наедине со своим одиночеством и страхом? Совсем одна...

Я спешно вынула бумагу из сапога в коридоре и начала читать. Здесь явно недостает нескольких строчек.

Текст написан криво, разными ручками, а потом и вовсе карандашом. Видимо у персоны, кто писал это, возникли проблемы. Ручка застыла на морозе, пальцы околевали и потому почерк плохой... скорее всего эта личность еще и торопилась. Зачем этот кто-то писал на этом плакате? Он следил за мной? Втянул в какую-то игру? Откуда ему знать, что я попытаюсь найти именно эту афишу с отклеенным краем? Или это игры гениев уровня вроде Олава? Возможно, раз он знает про зацепку, эта игра для него? Но почему Том? Причем тут я?

Делаю глубокий вдох и выдох. Читаю вслух:

Сломанные дни каруселью кружатся,
В тени холодной не видно любви...
А на кресты только хлопья ложатся
Рёва воды не заглушишь никак.
Там, в ее тьме одиноко таятся

На этом строчки кончаются. Я пинаю сапоги и в отчаянии сажусь на паркет. Бесполезно. Да, текст есть, но зацепкой его вряд ли назовешь. Какой-то бессмысленный текст в виде стиха, не более. Я сдаюсь. У меня нет таких друзей как Олав, чтобы мне помогли разобраться. Да и есть ли смысл? Просто совпадение. Какой-то ребенок или псих написал его, не имея лучшего места или бумаги под рукой. Но зачем? Отчего мне кажется, что кто-то пытается указать мне путь?

Я снова взяла огрызок в руки. Что бы сделал Том в подобной ситуации? Он вообще относится к такого рода темам как к забавному вызову. Воображение и логика у него развиты хорошо. Он бы не хотел видеть меня в таком жалком виде, из-за пяти строчек. Если там есть хоть капля здравого или потаенного смысла, я должна найти его. Том, помоги мне... я знаю, ты со мной даже если тебя нет рядом. Что все это значит?.. Как бы стал размышлять ты?

Снова читаю текст, но на этот раз медленно. «Сломанные дни каруселью кружатся...». Что это значит? Сломанные дни могут означать чью-то утраченную жизнь. Карусель... это бесконечное повторение пройденного по кругу, что-то веселое, интересное... когда я была ребенком, мне, нравились карусели. Если уйти в негативную сторону, то карусель это как заведенный сценарий, однотипность, бесконечность... веселье становится наказанием и плачем. Таким образом... карусель это прообраз цирка? Клоунов? Аттракционов? Остановлюсь на цирке. Из первой строки собираю понятие чья-то «жизнь» и «цирк».

«В тени холодной не видно любви...». Что такое любовь? Любовь это... что-то любимое и приятное. Нет любви - неприятно. Возможно, неприятное занятие? Тень это слабое и безликое отражение чего-либо, обезображенное пропорциями, при све-

те дня или освещения. Тень боится света и появляется только при нем, словно для контраста. Холод... север... нет любви... Там где холод обычно немногочудно... забытое место где-то вне города?

«А на кресты только хлопья ложатся...». Кладбище? Нет, слишком просто. Автор послания явно подразумевал нечто иное. Хлопья, это точно снег. Крест всегда сопровождает могилу. Могилы означают одиночество и уединенность. Там, где не бывает посетителей (если речь о нелюдном месте), могилы заброшены и зарастают... значит, кресты не ярко выражены и даже погружены в землю или упали... нет, что-то не то. Крест...

Пришла в комнату, достала лист бумаги и карандаш. Рисую разные виды крестов, какие только могу вспомнить. Сажусь в кресло. Голова готова лопнуть от натуги. Я чувствую, что близка к разгадке, но не понимаю чего-то очевидного. Зачем было зашифровывать послание? За той личностью кто-то гнался? Автор был уверен, что я смогу понять смысл. А что, если это Том написал мне перед тем, как с ним что-то случилось? Я заволновалась. Прошлась до кухни, выпила холодной воды. Нужно успокоиться и подумать логически. Что есть крест, если не символ веры у христиан? Изначально деревянная конструкция предназначенная... стоп! Деревянная? Крест это дерево, дерево на севере в забытой местности это лес. Лес это ели и сосны. Значит, снег ложится на деревья... да, Ведьмин лес это то самое место! Осталось разгадать до конца этот шифр. Где же находится этот лес?

«Рёва воды не заглушишь никак...». Вода... в прямом или переносном смысле? А если водопад? Тогда он должен откуда-то громко падать... таким образом... горы! Вода живет своей жизнью и прорубает себе дорогу, и ее не остановить.

«Там, в ее тьме одиноко таится...». Кто? Что таится? Таится значит существует или ждет? Ждет кого или чего? Меня?

Так... теперь нужно собрать все, до чего я умудрилась додуматься. Цирк живет в забытом далеком месте, где падает много снега на лес, там в горах ждут... меня. Холодок пробежал по моей спине, будто бы зловещая зима пробралась через крепкое стекло.

Картина проясняется, но все равно не достает чего-то главного, не достает наводки. Я достала карту. По всей Норвегии наберется множество подобных мест в эту пору. Где же ты? Если снова же рассуждать логически, то цирк не мог уехать очень далеко. Выступление было на большом открытом месте Marienlyst helsestasjon... даже если он в пути... то везти животных, пожитки и палатки придется долго. Привалы неизбежны. Я начала двигать пальцем вокруг нашего городка Драммена. Где-то здесь... вверх или вниз по карте? И там и там есть зеленные области, но наверху их больше.

В тексте должно быть что-то еще. Какая-то ключевая фраза или слово... или буквы. Я не хотела сдаваться и верить, что все лучшее я уже выжала из этих строк. Глаза слипались. За день я набегалась в пиццерии и тело подняло белый флаг. Мозг уже не соображал. Все. Это мой предел. Не уверена, что ночь будет приятной без Тома, ко мне могут снова вернуться мои детские страхи, которые я испытала ребенком. Я привыкла, что в комнате кто-то всегда есть, тогда мне не страшно. В случае с Томом, я просто прижималась к нему как к грелке и сладко спала, даже не вспоминая ни о чем. Придется спать со светом. В квартире было прохладно. Я задернула шторы и переоделась. Умыла лицо. Мыться сегодня не буду. Слишком намерзлась и устала. Забралась в постель. Одеяло было холодное и скользкое. Его еще предстоит нагреть. Ах, если бы сейчас пришел Том и лег рядом...

Мне приснился тревожный сон. Как будто меня выдают замуж за какого-то поляка. Я не могу понять что и почему происходит. Моя мать, подруги и те, с кем я когда-то работала в один голос уверяют меня, что все замечательно, что мы будем отличной парой. Я как в тумане ничего не понимаю. На меня надевают белое платье и предлагают расписаться. Я спрашиваю, где мой жених, но никто не знает и мне советуют не беспокоиться, а его подпись они добудут. В доме устроен банкет в честь свадьбы. Я захожу в свою комнату и вижу, как жених копается в моих вещах и складывает некоторые мои вещи себе в сумку. Я вырываю у него их, и спрашиваю в чем дело и что он себе позволяет. На это он невозмутимо отвечает,

что все равно всё мое принадлежит теперь ему и нет смысла ругаться. Я в ужасе хватаюсь за голову и выгоняю его прочь из комнаты. Кричу, чтобы он убирался. Я на глазах у всех гостей срываю с себя платье и говорю что белый цвет не для меня. В этот момент в одном из гостей я узнаю Тома и сразу же к стыду своему вспоминаю, что я совсем забыла о нем и чуть не вышла замуж за чужого мне человека. Том улыбается мне грустно и уходит из гостиной во двор. Я бегу за ним, но пол подо мной ломается, двери закрываются, гости хохочут, и я вижу, что все они лицемерят и хотят мне зла. Лица гостей меняются и покрываются гримом. Волосы любых цветов становятся черными и свисают ниже плеч. Пропадают гости и остается всего несколько человек, и они мужчины. Раздается жуткий смех, и я слышу из каждого уст слово СВАРТ (*в пер. с норв. черный).

Я в ужасе просыпаюсь. Рядом со мной по-прежнему нет Тома. Ночник горит на столике. Я отключилась ровно на один час. Сейчас полночь. Ноги гудят и ноют с непривычки после работы. Тишина напрягает, как если бы чье-то присутствие было рядом.

«Черный»... черное сердце, черная жизнь, черная музыка... я с трудом вылезаю из теплого одеяла и подхожу к столику, где оставила карту и текст. Не понимаю зачем я снова и снова пытаюсь понять то, что невозможно понять? Меня точно просит некто делать это снова и снова...

Сонными глазами смотрю на текст. Если прочитать его не обычно, а вертикально... первые буквы каждой строки образуют слово... СВАРТ... сердце мое бешено забилося. В нетерпении гляжу на карту и в глаза бросается название карового высокогорного Черного озера Svarttjern, точь-в-точь как название одноименной блэковой группы.

Призрак в зеркале – прошлое

Ноги ныли в области бедер и потягивало под коленями. Это с непривычки. Обычно, на то, чтобы отпустило, уходит дня два. Но у меня нет этих двух дней! Из-за треклятой работы в пиццерии я потеряла весь день, а теперь еще и вечер! Сидя в конторке с бумажками о рыбе я никогда так не устаю. С Томом могло случиться что угодно...

Стоп. С каких пор помогать подруге стало треклятым занятием? Что со мной происходит?! Может, я просто заиклена на Томе? Я так боюсь его потерять, что это просто сводит меня с ума. Я готова ругаться, бить, ломать и кричать, но не могу смириться с мыслью, что неправа я. Нужна ли ему такая эгоистка? Не захочет ли он пойти налево, когда я начну на него давить и раздражать привязанностью?

Я села на диван и начала теревить голову. Нужно что-то делать, уходят драгоценные минуты, а я не могу разобраться в себе, но это важно для меня! Том единственный, кто слышит меня, кто действительно понимает, а не просто кивает головой в знак согласия. Он тот, кто обладает лучшими качествами, всегда верен своему слову и... возможно, он действительно достоин кого-то лучшего, чем я?..

Мне вдруг захотелось позвонить Эмме и покаяться в обмане. В принципе, она не удивится. Я не умею врать и она должно быть догадалась. Но не могу. Не должна. Я не имею права втягивать ее в это. Слишком тяжело, слишком лично и слишком... мрачно. Я прямо чувствую, что вокруг меня сгущается нечто злое и темное, желающее превратить мою жизнь в ад и отобрать ее... хотя, без Тома моя жизнь ничего не стоит и уже ад. Он был тем, кто раскрашивал мои пустые дни и закрывал собой мои страхи... Был? Почему я говорю так? Неужели уже не верю? Не жду?..

С трудом поднялась. Тяжесть была во всем теле, не только в ногах. Нужно как-то встряхнуться и начать действовать. Лучше бы было начать утром, потому что тело требует отдыха, но

я не смогу безмятежно спать одна в пустой квартире после случившегося тогда...

Каждый раз, проходя мимо зеркала, пусть даже маленького, я вспоминаю тот страшный день из детства, когда я стала другой. Родители, сводный брат и я переехали, по причине финансовых затруднений. У отца были долги, и пришлось продать нашу квартиру в столице и переехать в маленький рыбопромышленный городок его юности. Дом, в котором мне предстояло расти, был непривычно старым и унылым. Все в нем отдавало стариной и чем-то чужим, подержанным, точно прошлые жильцы вовсе не уезжали, а продолжают ходить из комнаты в комнату, оставляют запахи. В доме уже была мебель от бывших жильцов, которой мы пользовались еще некоторое время до того случая...

Наступил день, когда я в первый раз собиралась пойти в новую школу и познакомиться с другими детьми. Я волновалась и воротник платья доставлял мне уйму проблем, и как мне казалось криво торчал и сдавливал шею. Я нервничала и сердилась, не слушая уговоров мамы. В результате, мне совсем перехотелось идти в школу, и я заявила, что это платье мне не нравится, и я хочу другое. Я потребовала зеркало. Мама поднесла зеркальце, но я хотела увидеть себя во весь рост. Мне тогда казалось, что взрослые всегда обманывают детей, и говорят нам, что все хорошо, чтобы не иметь проблем. Точно помню, как мама уперлась рукой в бок и сказала, что я могу пойти в дальнюю комнату, смежную с ее спальней и там есть большое трюмо, где я смогу удовлетворить свой каприз.

Я так и сделала. Громко топая башмаками, я проследовала в ту комнату, куда заглядывала лишь раз по переезду. Там до сих пор стояли не распакованные коробки и кое-какие наши вещи с прошлой квартиры. Входя в комнату, я наступила на пищащую резиновую игрушку шута, она издала громкий писк. Я пнула ее, и подошла к большому зеркалу. Шут откатился к стене и продолжал улыбаться. Трюмо было пыльное и действительно большое, учитывая мой детский рост. Местами сколотое, с неровностями поверхности и многолетней пыли, оно меня впечатлило. Я недовольно топнула ногой и приня-

лась ладошкой стирать пыль. Рука сразу же стала грязной. Я оттряхнула ее и начала усиленное расчищать, как вдруг по разводам пыли потекла теплая кровь. Я порезала кожу ладони о какой-то выступ или скол. Досаде моей не было конца. День явно не задался, и я уже хотела начать плакать, как увидела в мутном стекле свое отражение. На меня смотрела девочка с плаксивым выражением лица. Она выглядела настолько жалко, что мне перехотелось звать маму и поднимать крик. Я приблизилась к зеркалу и показала девочке пораненную ладонь. Она сделала то же самое. Из ладони сочилась кровь. Я улыбнулась ей и она улыбнулась мне в ответ. Я не одинока, нас двое. Мы обе поранили руку и готовы плакать от боли и досады. Я вытянулась на носочки и оглядела ее одежду. Как ни странно, воротник не топорщился, и платье хорошо сидело на ней. Значит, мама была права.

В тот день, я радостно отправилась в школу, но мне не терпелось вернуться домой и снова покрутиться перед зеркалом, увидеть себя. Тогда, свое отражение мне показалось более интересным, нежели общение с настоящими людьми... или просто грязное старое зеркало притягивало меня к себе?

Как бы то ни было, вечером, я снова пробралась туда, чтобы встретиться с девочкой близняшкой. У меня не было сестры, лишь старший брат, вечно занятый тренировками, и я не знала, как я веду себя и выгляжу со стороны, наверно поэтому я нашла свое отражение занимательным. Я показывала ей разные наряды, любимые игрушки и рассказывала секреты. Это было какое-то наваждение. Я точно спятила. Пожелав спокойной ночи девочке отражению, я легла спать.

Ночью я проснулась от неясного волнения. Я лежала в постели, но холод пробирался сквозь одеяло, как чье-то дыхание. Я крепче закрылась одеялом, чтоб темнота не пугала меня, но раздался писк. Так пищала только резиновая игрушка в комнате с зеркалом. Игрушка шута. Я выбралась из кровати и надела тапки, поеживаясь от темноты. Зажгла свет в комнате и выглянула в коридор. Стало почти не страшно. Там поодаль располагалась комната родителей и еще дальше та с трюмо. Я подумала, что наверно отец решил разобрать коробки и насту-

пил на игрушку. Или братец копается в барахле. Я довольно смело направилась туда, с полной уверенностью в своей правоте догадки. Открыла дверь той комнаты. Там было темно и никого. Игрушка валялась в том же месте, куда я ее пнула утром. Я уже собиралась было вернуться к себе, но зеркало влекло меня. Я подошла к нему. Кроме света фонаря с улицы, не было иного освещения. Какое оно, мое отражение ночью? В тусклом стекле приближалась фигура в белой сорочке. Девочка близняшка тоже не спала и пришла поздороваться со мной среди ночи. Я приложила руку к поверхности и она сделала то же самое. Я улыбнулась ей, но отражение показалось мне очень страшным. Лицо, хотя и улыбалось, однако было непонятно, желает ли оно добра или издевается. Глаза были полностью черными и невероятно блестели. Я испугалась, и сердце мое заколотилось в груди. Неужели я такая некрасивая и страшная? Или это моя новая подружка и сестра изменилась с наступлением ночи? Я попятилась назад, как вдруг девочка за стеклом повернула голову в сторону. Я невольно последовала ее примеру, ведь не может быть так, чтобы мы двигались по-разному! Я увидела обычную стену и повернула голову обратно, но девочка продолжала смотреть вбок. Потом, она отчаянно начала колотить кулачками по стеклу, прося меня впустить ее по эту сторону, она открывала рот и явно что-то кричала, но я не слышала ее слов. Стекло было слишком плотным. Я стояла и не верила глазам. Это невозможно!

Потом... девочка убежала прочь, куда-то за предел зеркала. Я не понимала что происходит, но что-то было не так. Страх и переживание за девочку очень похожую на меня заставляли мои детские нервы натягиваться до предела. Вдруг, в зеркале зажегся свет этой самой комнаты, где стояла я, и к трюмо с той стороны подошла женщина и стала красить глаза. Я поздоровалась из вежливости с незнакомым человеком, но она не обращала на меня внимания и вероятно не видела. Я подошла совсем близко к зеркалу, когда в отражении открылась дверь, и погас свет. Женщина испуганно повернулась и попробовала снова включить выключатель. Но электричества не было во всем доме. Я подбежала к выключателю и нажала его, чтобы

женщине стало светлее. Свет в комнате зажегся тотчас же. Но женщины в зеркале больше не было. Я выключила свет. Сперва была темнота, затем женщина вернулась с зажженным подсвечником и продолжила красить глаза. Наверно она куда-то собиралась. Пламя ее свечей задрожало и она остановилась. Повела в сторону одним накрашенным глазом, сильно отличавшимся от другого, точно сосредотачиваясь на слухе. Едва она успокоилась и вернулась к туши и ресницам, как тонкий шнурок был накинут ей на шею. Коричневые кожаные перчатки стягивали его. Женщина выпучила глаза и открыла рот, хватая воздух. Она брыкалась и размахивала рукой, пытаясь другой, свободной расслабить шнурок у шеи. Тушь с шумом упала на пол и откатилась к самому краю зеркала. Казалось, я могла протянуть руку и взять ее. Я с изумлением наблюдала неравную борьбу. Один накрашенный глаз, другой нет. Оба хлопали и испуганно двигались, ища помощи. Потом, женщина обмякла и перестала двигаться. Руки ее беспомощно упали вдоль тела. Кожаные перчатки положили ее на пол и стали шарить по полу. Они искали тушь. Я уверена в этом, потому как я протянула руку и схватила ее. Сейчас, имея багаж книг и фильмов на тему зазеркалья, я бы не решилась сделать это, а тогда, будучи ребенком, я просто протянула руку и окунула ее в нечто упругое как силикон и взяла упавшую тушь на свою сторону. Я смотрела на нее, пытаясь прочесть марку изготовителя, когда вдруг кожаные перчатки приблизились к зеркалу с той стороны. Это был человек в кожаном плаще, перчатках и шляпе. На лице у него была надета белая улыбающаяся маска. За ней блестели два глаза. Два недобрых глаза. На секунду, которая длилась для меня много дольше, мы смотрели друг на друга, затем человек сделал резкий рывок и схватил меня за волосы. Сильные руки почти сразу же втянули меня в эту силиконовую массу. Я пыталась закричать, но голос пропал от ужаса и что-то сжалось в груди и в горле. Чем больше я пыталась сопротивляться и найти опорную точку, тем больше руки затягивали меня туда. И вот, когда моя голова уже была там, и я отчетливо видела ткань на коленях его брюк, мне удалось дернуть ногами и нащупать основание

трюмо. Изю всех детских сил я уперлась.

Что было потом? Очнулась я в больнице. Я была вся изрезана осколками зеркала. Долгое время я не могла говорить. Я панически боялась зеркал и даже жидкостей. Родители пригласили известного детского психолога. Постепенно, он смог разговаривать меня, и я рассказала ему о том происшествии. Вместо положенных утешений и заверений, он взял меня в пустой белый кабинет и поставил перед зеркалом. Стоя рядом, и не давая вырваться, он сказал мне такие слова:

- Дора, однажды, когда я был примерно твоего возраста, одна старая женщина сказала мне, что любое зеркало хранит память и события. Как плохие, так и хорошие. То, что мы с тобой сейчас стоим перед этим зеркалом, тоже будет как запись. На заводе, где изготавливают их, зеркала черпают свои первые впечатления. Человек, который их создает, остается для них загадкой, они стараются понять человека, потому полностью копируют его, играют и забавляются, пытаются стать важным для человека, стать его собеседником. Зеркало не может говорить языком, потому оно общается с нами жестами и изображением, создавая второго нас. Видимо то зеркало, которое было у вас дома, устало играть. Оно захотело открыть тебе свою душу и поведать о наболевшем. На этом свете существует не так много людей, которым зеркало захочет открыться. Ты наверное знаешь, что у многих суеверных и не очень цивилизованных народов есть обычай, когда больной человек садится у зеркала и читает заговор. Болезнь забирает его двойник, а человек выздоравливает. Если человек умирает, нужно зарыть зеркало, потому что там может остаться душа. Если люди хотят пожениться, жених и невеста должны смотреться в одно зеркало, чтобы их любовь связала души их двойников и укрепила союз. Зеркало – молчаливый свидетель. Это как видеопленка времен.

Я тогда немного успокоилась, и доктор посоветовал мне способ как можно перебороть свой страх и наладить дружбу с зеркалом. Прежде всего, нужно купить новое зеркало, чтобы оно не содержало негатива и не знало других хозяев. Он сказал мне проверить, не было ли это моей фантазией, смо-

треть на лицо в зеркале как на внешний объект. Отражение смотрит на меня, а не я на него. Если думать так, то можно достичь удивительного эффекта! Мое положение становится другим по отношению к пространству. Происходит замыкание круга энергии и проходят страхи и суеверия. Несмотря на противоречие, приходит осознание, что все-таки отражение не отдельная личность. Я в этом убедилась, поскольку новое зеркало не желало ни на долю секунды отставать от меня в жестах и мимике.

От доктора я вышла в спокойном состоянии, но вернувшись домой с родителями, вновь испытала неуверенность и страхи. Пришлось отправить меня к тете, и родители занялись ремонтом дома и полностью сменили всю мебель, взяв кредит. Только после этого, я смогла вновь войти в тот дом и жить в нем.

Я наспех запихала в рот бутерброд и запила холодным кофе. Трудно сказать, было ли это со мной на самом деле, или ночной кошмар перерос в реальность. И я еще не верю Эмме! Кстати я ей так и не поведала о своем страхе. Я стараюсь всеми силами забыть об этом. Мою тайну знает только Том и давно уволившийся доктор. Им я смогла доверить эту информацию. Не знаю, если бы Том рассмеялся или не поверил мне, мы бы расстались так же быстро, как и сошлись. Но он очень серьезно выслушал меня и вынес все зеркала из квартиры. Теперь мы живем без них. Странно конечно, но нас устраивает. Меня. Быть может Том делает это только ради меня...

Мне было невыносимо оставаться среди стен, видеть искусственное освещение и знать, что я бесполезная. Хотя здесь нет зеркал, они существовали в моем воображении. К тому же, в любой момент, при свете я могла увидеть свое отражение в окне. Зимняя вьюга вновь постучала в стекло. Сейчас как никогда, это угнетало меня. О такой ли возлюбленной мечтал Том? Нужна ли ему слабая, не способная к борьбе со своим безумием?

Я оделась теплее, выключила свет, утрамбовала в карман джинсов огрызок бумаги со стихом, и закрыла дверь квартиры.

Что я делаю? Зачем я это делаю? Неужели наивно полагаю,

что сейчас примчится какой-то герой и составит мне компанию?! Уже давно пора вырасти и понять, что человек человеку волк и никто никому не нужен.

Какое-то неясное чувство звало меня на улицу. Чем больше я думала об этом, напрягая мозг и пытаюсь сосредоточиться, тем хуже я осознавала свои действия. В ушах на разные голоса раздавалось слово «сварт». Отголоски сна? Как странно, мне приснилась разгадка на стих (если это можно считать верным направлением). Неужели я не одна? Та тьма, к которой я прикоснулась, познакомившись с Томом ведет меня? И куда ведет? Не к гибели ли? Могу ли я ей доверять? Не спятила ли я окончательно?

Мне нужно как-то добраться до того озера. Я должна проверить догадку или подсказку... должна попытаться. Если честно, я бы очень обрадовалась, если бы машина Эммы стояла сейчас у парадной, и она бы пригласила меня внутрь. Но нет. Автобус поймать среди ночи проблематично в ту сторону, просить друзей неприлично. Да и что бы я им сказала? Начались бы лишние волнения, поиск вдоль озера... Почему я отказываюсь от помощи? Боюсь потревожить людей или быть опозоренной? Боюсь, что связалась с чем-то не простым и пострададут невинные? Или хочу сама взять славу спасителя себе, и тем самым заставить Тома быть обязанным мне жизнью? Или боюсь правды... о Томе? О себе?

На улице откровенно говоря похолодало. Мороз крепчал с каждой пятиминуткой на полградуса, и кожа на лице просила пощады и ухода Nivea.

- Ну и что дальше? – спросила вполголоса я себя или кого-то темного, невидимого, однако ощутимого, как мне казалось. Возле дома стояли машины соседей, ожидая наступления утра, чтоб весело заурчать и отправиться кататься. Эммы не было. Машины Тома тоже не появилось мифическим образом из мастерской. Что же делать? Идти ждать чуда на остановке у дальнего перекрестка?

Вдруг, я услышала негромкий звук полифонии. Я нервно полезла в карман за телефоном. Нет, не мой. Огляделась по сторонам. Звук продолжался. Я начала искать направление.

Откуда-то со стоянки. Затеплиться слабая надежда на то, что кто-то не спит и поможет мне добраться до озера. Наконец, я остановилась у какой-то невзрачной шевролетины, в которой на пассажирском сиденье спал человек. Я пригляделась к нему. Не могу сказать, что его лицо мне было знакомо, но вероятно сосед. По-видимому, он спал очень крепко, так как не слышал телефона и вибрации. Дверь, со стороны водителя на удивление была приоткрыта. Собственно, благодаря этому я и услышала его телефон. Кому понадобилось звонить в такой час такому человеку? Я открыла дверцу и залезла в машину. Невольно, я прислушалась к звонку. Играла громкая, грустная мелодия на манер заводных фигурок, открыток или... шкатулок? Я вздрогнула. Шкатулка... когда я встретила Тома впервые, в моей голове играла похожая мелодия. Или все мелодии такого плана похожи? Телефон смолк. Сразу, как я подумала о шкатулке.

- Извините... могу я попросить об одолжении? – обратилась я к человеку.

Он продолжал спать, прижав голову к стеклу. Между ног у него стояла пустая пивная банка. Скорее всего, далеко не первая. Понятно, он пьян. Я попробовала растолкать его, но человек что-то промычал и не проснулся.

- Ну, как хотите. – я захлопнула дверцу и завела машину. Бензина вполне хватит, чтобы добраться до озера.

Выезжая со двора, я продолжала думать о мелодии. В жизни бывает множество совпадений, но совпадение ли это? Я уже начинаю сомневаться в этом. Все, что связано с Томом, какое-то необычное и полно загадок. Сама наша встреча кажется мне особенной, судьбоносной, что ли... быть может роковой...

Вспомнилась фраза «Жизнь это музыка. Какая музыка, такая жизнь». Применимо ли это ко мне? За последние пару месяцев я круто сменила музыкальный жанр и интересы, и вообще все изменилось для меня, с появлением Тома. Но разве может музыка влиять на мою жизнь, управлять ею?..

«Ах, Том! Найдись же! Я так не хочу, чтобы все кончилось плохо!..»

*Черные ветра,
Суровая нордическая ель...*

Машина остановилась на занесенной снегом дороге. Табличка гласила, что я приехала к озеру. Дальше машина не проедет, придется идти пешком. Я заглушила двигатель и повернулась к попутчику. Алкаш мирно посапывал во сне. Каково будет его удивление, когда он проспится и увидит себя в незнакомом месте! Да и черт с ним! Нефиг пить.

Снова накатила пучок неприятных воспоминаний из прошлого. Помню тот день, перед концертом, когда я и Том встретились...

Отчим снова напился и рычал на зависть любому блэкеру. Не иначе, как я проклята с момента рождения. Не понимаю, почему мама оставалась с ним? Зачем терпеть такого человека? Не нужно пытаться сохранить семью, если не клеится. ТАКУЮ семью... Дети всегда из-за этого страдают, и травма остается на всю жизнь, как и отношение к браку и страх любви. Наверно потому брат устроился мореплавателем, чтоб быть как можно дальше от такого папаши. Для него он был родной отец. Помню, мне казалось, что этот кошмар никогда не кончится. В моей жизни, совсем не было радости и надежд на лучшее. Несмотря на возраст, я оставалась в родительском доме, но не из-за того что некуда было податься, а скорее ради мамы и поддержки ее. Оставалась так долго, сколько могла... но в тот день отчим перешел все границы. Пока был жив брат, все было в пределах нормы. Взрослый сын сдерживал порывы. Теперь же отчим распоясался окончательно.

Я лежала у себя в комнате, когда он ворвался ко мне и стал пожирать красными глазами. Взгляд передвигался от головы к бедрам и ногам. В следующее мгновение он кинулся на меня и начал срывать с меня одежду. Я отталкивала его как могла.

- Что ты делаешь?! Отпусти меня! – пыталась кричать я, но голос был слабым.

- Что, завела себе парня и папочка стал противен? – он пытал-

ся сесть на меня сверху и прижать к кровати руки.

От него сильно пахло алкоголем.

- Прощу не надо! Уходи!

- Я не для того тебя растил, чтобы ты досталась кому-то другому. Я так долго ждал этого момента! – ему удалось прижать мне обе руки за головой, оставалось лишь укротить ноги. Он ударил меня по лицу, отчего я опешила и потеряла самообладание, чем он и воспользовался.

- Я хочу помочь тебе... - он тяжело и возбужденно дышал надо мной.

- Отпусти урод!

Одной рукой он придавливал запястья, вторую запустил мне под майку. Было непередаваемо противно ощущать, что похотливые пальцы большой шершавой ладони, как минимум вдвое старше тебя мужика, скользят по животу вверх, обхватывают грудь и вынимают ее из лифчика. Потом эта рука начала расстегивать джинсы и полезла в трусы. Ну, уж нет! Я собрала силы и извернулась, дотянувшись до руки, которой он прижимал мои запястья. Поскольку он был пьян и увлечен разглядыванием трусиков, я укусила зубами его вспухшие вены. Он заорал и ослабил хватку. В этот миг я лягнула его со всех сил ногой, и он упал с кровати. В моем распоряжении было лишь несколько секунд.

Я заперлась в ванной и плакала. Похотливый ублюдок! Он некоторое время стучал по двери, потом видимо решил дожидаться меня или отступить. Но в это слабо верилось. Моя жизнь как черная комедия. Смешно слушать советы людей, что нужно позитивно смотреть вперед и к чему-то стремиться. Для чего и ради чего жить дальше?!. А главное как?!

Я хотела умереть. Лучше просто знать абстрактно, что твой отец, пусть и не генетический - мразь, чем удостоверяться в этом каждый день, проводя бессонные ночи, полные беспокойства и ненависти в слезах. Я размышляла о том, почему все это происходит? Что я сделала не так? В чем виновата? Свою жизнь я ассоциировала с автобусом, у которого неисправные тормоза. Цель его одна - разогнаться посильнее и врезаться куда-то, причинить как можно больше урона и боли. Он несет

тебя вперед, ломая все на своем пути, не слушая пассажиров и водителя. Можно пытаться сесть за руль и направлять автобус, но не более. Все выбранные тобой дороги, так или иначе, пролетают мимо или ведут в тупик к фиаско. Однажды, тебе надоест стоять у руля, когда придет осознание того, что все бесполезно, и захочется, чтобы кто-то просто остановил весь этот кошмар любым способом. А можно, на свой страх и риск разбить стекло и выпрыгнуть наружу... но там ли выход?..

А потом позвонил телефон. Его звук, казалось, исходил из самой преисподней и звал меня присоединиться к мракобесию жизни снаружи. А ведь у людей все иначе. Они как-то получают удовольствие, находят истинную любовь, поют веселые песни, слушать которые я не могла без цинизма... Все так призрачно и лицемерно!

Это была моя знакомая со школьной скамьи. Она попросила захватить к ней поболтать. Если бы меня позвал другой человек, я бы наверно отказала, потому как мысли о веселой физиономии раздражают. Но это была Матильда. Она недавно из больницы. Врачи уже не надеялись, но она победила кому и вернулась в наш бранный мир. Но, радость врачей была недолгой. Она упала с лестницы и сломала ногу. Так что теперь лежит с гипсом дома. Я ей обещала привезти костыли.

Оставаться в запертой ванной не было смысла, и я поехала к ней. Вышла на цыпочках, долго прислушиваясь к звукам. Прокралась в свою комнату, взяла одежду и спустилась по лестнице к входной двери. Из кухни вышел ублюдок. Он выбежал за мной из дома, крича что-то нехорошее. Я просто сбежала. Мне нужно было где-то побыть, отвлечься...

Когда я зашла и сняла верхнюю одежду, Матильда, прыгая на одной ноге, сразу же заметила на моем плече спутанную длинную черную нитку.

- О! Долго же ты ждала своего суженого, раз такую нитку вырастила.

Она сняла ее, намерила 94 см, и дурачась, как в детстве сказала намотать на палец.

- Нет. Это глупо. Просто выкини ее. – сказала я ей.

- Сперва намотай! Ведь не отстану. Я хочу знать, на какую

букву он будет.

- Ладно, только я не верю во все это. Любви не существует. Ученые уже доказали это. Феромоны и гормоны – вот она любовь под микроскопом. Животная страсть и инстинкт спаривания. Все так глупо и пусто! А как же тепло общения, понимание, близость душ?! Нет! Парень либо скакун кобель, либо маменькин сынок ищущий мамочку в другом качестве.

- Да хватит уже! Наматывай! Я анализирую среднестатистический женский палец.

Вздохнув, я намотала. Нитка оборвалась на букве «Т».

- «Т»? Бред какой-то. Я не знаю никого приличного с таким именем. – заявила я и не зная куда выбросить скрученную нитку, в итоге, сунула ее в карман.

Матильда обрадовалась костылям и вовсю резала огромным ножом торт и хитро поглядывала на меня из-под очков. Мне так показалось. Я не решилась рассказать и нагружать ее своими проблемами. Наконец, после ритуальных бесед ни о чем, она поведала мне истинную причину моего приглашения. Я и думать забыла про это. Из-за сломанной ноги, она не может пойти на концерт, а билета два. Ей жалко, если пропадет билет, и она просила меня сходить одной. Второй билет она отдала спасителю. Нехотя я согласилась, хотя настроения совсем не было. Я тогда просто так сказала, что пойду с ней туда, не надеясь на то, что она всерьез купит билеты.

Если подумать, я до сих пор чувствую угрызения совести. Я считаю, что та встреча с Томом предназначалась не мне, а другой, - Матильде. Я же наглым образом, заняла ее место и забрала без права того, кто никогда бы и не заметил меня в другое время в другом месте, в другой одежде. Но билет Immortal радикально перевернул мою жизнь. Интересно, Матильда ненавидит меня?..

Захлопнув дверцу машины, я огляделась. Темнота лесного массива, среди которого находится замерзшее горное озеро. Фары потушены. Откуда-то сверху падает снег, дабы убелить эту грешную грязную землю и живущих на ней, скрыть от ока всемогущего их нечистоты...

Я еще раз попробовала набрать номер Тома. Безрезультатно.

Сегодня какой-то проклятый день! А чего я хотела?

«Когда жизнь испорчена, один неудачный день не имеет значения» - пронеслось у меня в голове.

- Что же мне делать дальше? Где же ты, мой тайный доброжелатель? – спросила я. Одиночество как никогда стало близким. Доброжелатель ли он или она, позвавший меня сюда в такую пору? И вообще, с чего я взяла, что мне кто-то давал знаки и вел сюда?

Было боязно идти куда-то в неизвестном направлении по морозу ночью.

Решила направиться к озеру по заваленной снегом тропе, вдоль горы. Плевать. Будь что будет.

Ветер бил в лицо пощечинами, пытаюсь вразумить дуру, и не давая видеть что впереди. Вот она метель, которой я так боялась в квартире. Так-то она меня встречает ласково. Снег кололся, и глаза было практически не открыть, приходилось щуриться. Щеки разом одеревенели и к ним было больно прикасаться рукавицами. Из глаз текли слезы и тут же застывали на ресницах, сковывая их ледяным замком. Ноги, сойдя с шоссе на тропинку, окунулись по колено в толщу снега. Идти было трудно, как если бы я несла на спине пудовый рюкзак с палаткой и лодкой. Интересно как далеко я смогу дойти? А зайти?

Кроме белого снега ничего не было видно впереди. Я шла не так долго, и уже появилась отдышка, ноги не слушались, холод обвивал их белым покровом и ждал моего решения. Нет, я не поверну. Без Тома не уйду. Справа от меня закрипело дерево под гнетом ветра. Я повернулась к нему, ветви согнулись и тронули меня своими корявыми щупальцами. Я вздрогнула. Они лезли по плечу к лицу. Было неприятно. Идти дальше они не давали, зацепившись за шарф. Пришлось остановиться и бороться с ними. С треском надломанных сучков, дерево качнулось назад, выдернув шарф из-под ворота, точно умывая руки и отпуская меня в безумие ночи. Мгновенно, вслед за ветвями, словно сговорившись, мороз переключился на мою голую шею. Озираясь на дерево, я сделала шаг вперед, запиная шарф на место, и провалилась по пояс в снег.

«Ну, прекрасно! Просто прекрасно!»

Такой резкий перепад уровня означал лишь то, что я по идее нахожусь на ступенях, ведущих вниз к озеру окружным путем. Двинуть ногами не удалось. Не было возможности. Это как застрять в песке, только еще и замерзнуть насмерть. И тогда я испугалась не на шутку. Кое-как оглянулась назад. Смогу ли я взобраться наверх, туда, откуда пришла? Нужно попробовать. Повернулась лицом к своим следам. Тело клонило туда, где я еще не оставила признаков присутствия, ветер переменился и как нарочно дул снова в лицо, толкая меня прочь от цели и возможности вернуться. Неужели природа обиделась, и теперь будет вредить мне?

Я пыталась упереться обо что-то, найти точку равновесия и вернуться к месту, где уровень снега по колено, но ноги скользили на ступенях и меня бросило назад. Таким образом, я опустилась в снег еще ниже поверх ступеней на спине. Теперь стало еще хуже, чем полминуты назад. Видимо, у меня нет выхода и придется позвать на помощь. Я достала телефон. В кнопки было не попасть варежкой. Пришлось снять. Пальцы тотчас начало щипать. Кого просить? Эмму? Я нажала кнопку вызова. Телефон показывает связь и вдруг застывает и начинает тормозить.

- Ну же! Да что такое-то?! – кричу я в бешенстве, тряся трубкой.

Телефон выскальзывает из рук и проваливается в снег как мыло в воду. На ощупь ищу его, разрывая туннели. Потерять телефон означает сущий кошмар для меня. А вдруг позвонит Том? Или я не смогу вызвать спасателей? С трудом и паникой, наконец, удается поймать его и опустить в карман. Дисплей так и показывает зависший процесс звонка. Кнопка выключения не помогает. Видимо техника не выдерживает нордической зимы. Нужно собраться и определиться. Что я могу сделать в подобной ситуации? Просто лежать неразумно. Придет сон и я больше не проснусь. Рыть туннель руками мартышкин труд. Далеко я не продвинусь, а вот растрочу силы и вспотею, и как следствие заболею это точно. Выбраться наверх единственный вариант. Хотя бы ползком, на коленях. Там, вернусь

в машину и дождусь утра или вернусь домой. С поражением.

Принять сидячее положение оказалось трудной задачей. Лежа на спине, скатываясь по ступеням все ниже и ниже, я все же смогла перелечь на живот и только тогда встала на колени и начала двигаться. Если бы кто увидел меня в таком виде, осмелел бы непременно! Медленно, борясь со страхами укатиться еще ниже и быть погребенной более, чем метровым настилом, я ползла наверх. Отчего-то, было страшно смотреть назад, туда, на лежащее озеро за спиной. Мгла сгущалась и нарастало беспокойство. Я уже была не рада, что затеяла всю эту авантюру.

Выбравшись со ступеней, я на четвереньках, как животное, ползла на дрожащих руках и коленях к машине. Там, у дороги стоят фонари. Там свет и надежда. Сердце содрогалось от мысли, что алкаш уже уехал, и я просто погибну здесь в безлюдном месте в 21-м веке в цивилизованной стране с самым высоким уровнем жизни. Просто злая ирония!

К моему облегчению, машина оставалась на месте, а вот алкаша нигде не было. Я подергала дверцу. Открыто. Влезла внутрь. Здесь намного теплее, чем снаружи. На заднем сидении хозяина машины тоже не было. Наверно отошел в кусты. Я просидела так, скрестив руки и ежась от холода не знаю сколько времени. Сознание мое выдавало какие-то обрывки событий, лица, голоса, мелькая как пурга. Неожиданно я очнулась.

Подумав, что телефон уже разморозился, я решила перезарядить его. В итоге, он не включился вовсе. Села зарядка. «Все больше и больше начинаю радоваться и веселиться. Моя жизнь уже сплошной цирк! А я в ней главный клоун. И зачем мне посещать обычный цирк?» - гневно думала я, раздражаясь, что алкаш никак не возвращался. Я чувствовала себя виноватой и не могла уехать без него. Это было бы бесчеловечно. Быть может, он потерялся в таком состоянии где-то в лесу. Я ударила по рулю и машина издала бибиканье. Ничего не изменилось за стеклами.

- Ну, где же ты чертов алкаш? Долго мне еще ждать тебя? Я хочу домой. – разговаривала я сама с собой.

Устав ждать, я вышла из машины. Нужно посмотреть по его следам. Быть может, он уснул под сосной и вообще умрет, если я его не отыщу.

Слабые наполовину занесенные следы вели действительно в лес, в сторону от моего недавнего маршрута. Я шла по ним. Подозрительная тишина давила на слух. Все, как будто заледенело, сама жизнь была искусственной и вечной...

Увлечшись созерцанием подошвы чужого человека, я чуть не оступилась. Большой уступ с рваным ущельем являл собой зрелище впереди меня. Следы обрывались возле поваленного ствола заледеневшего дерева. Оно вело куда-то на другую сторону. Я подняла взгляд от дерева и застыла. Небо там было окрашено зеленым и фиолетовым цветом. Северное сияние! Как бы я хотела наблюдать его вместе с Томом! Нужно бы сделать снимок, но телефон не работает. До чего же досадно! Мне хотелось закричать от обиды на обстоятельства. Даже в малом мне отказано! Зеленые разводы путались с фиолетовыми, и исходили как дым из трубы. Я следила за их сужением как по спирали. Они сводились... к черному силуэту куполообразного строения...

*А что, если бы снег шел летом?
Если бы облака могли держать нас?*

Дора впиалась vareжками в оледенелое бревно, села на него, чтобы не упасть, и двинулась вперед. Штаны цеплялись за сучки, ветер дул прямо в лицо. Один раз, она покачнулась и обвила бревно всем, чем только можно обвинить, как лемур, за-жмурившись. Был бы хвост, она бы и его задействовала. Главное не смотреть вниз. Под ногами зияла пустота и не обо что было опереться и оттолкнуться. Страшно. Дора оглянулась назад. Обратного пути нет. Ее следы заносил снег. На бревне ей уже не развернуться и нужно просто продолжать начатое. Отступать нельзя. Там где-то там, в палатке цирка. Она чувствует это, знает наверняка.

«К палатке цирка путь не прост, бревно проложит тебе мост...» - пронеслось в голове у девушки. Она удивленно прислушалась. Снова некий доброжелатель или враг нашептывает ей мысли. С большим трудом и нестигаемым телом от страха и мороза, она все же перебралась на другую сторону и встала на ноги. В полусотне метров располагалась главная, большая палатка цирка, и вокруг несколько малых. Между ними горели бумажные фонарики, по какой-то невероятной причине не задуваемые нордическим воздухом. Дора подошла к маленькой палатке. Фонарик не бросало из стороны в сторону от ветра и в целом, здесь стоял полный штиль. Она оглянулась. Что за чудеса? За ее спиной неистовствовала непогода, сметая все на своем пути и сгибая деревья пополам, а здесь мирно падал крупный снег и даже пламя не дрожало в фонарях. Из крайней палатки звучала музыка на французском. Дора заглядывает в палатку.

- Извините... могу я войти? – спрашивает тихонько она.

В палатке горит масляная лампа прошлых веков, играет патефон. На полу разбросанная белая одежда и колпак. На кушетке постелен ковер, на котором лежит человек, снимает ваткой грим с лица.

- Простите, что мешаю в такое время, но...

Человек повернулся к вошедшей. Лицо его вытянулось, и он вскочил с кушетки. Подбежав к Доре, он стал выталкивать ее, пытаясь застегнуть палатку на пуговицы.

- Простите! Я не хотела вам мешать, но у меня случились непредвиденные обстоятельства. Машина сломалась, и пропал человек... даже два.

- Люди всегда пропадают. – лицо с наполовину снятым гримом сказала в щель между пуговицами. Слышен акцент.

- Я недавно звонила, и мне ответили, что... - Дора просовывает руку в щель и заглядывает туда. Человек, пытается вытолкнуть ее. Пуговица отваливается от тента и падает. Щель становится больше, и затянуть ее нечем.

- О, нет! Уже и пуговички отпадают, мои верные собраты в этой неравной войне... то-то еще будет! – сетует человек и наклоняется, чтоб поднять пуговицу, ему приходится расстегнуть низ, потом, он неверно его застегивает. Человек нервничает и в отчаянии кидается на кушетку лицом вниз.

- Бесполезно! Вы все равно прорветесь в мою душу! – кричит он.

- Извините еще раз. Я не хотела... мне кажется, или это вы говорили со мной по телефону? Ваш голос мне знаком. Я спрашивала про Тома. – Дора расстегивает палатку, входит и застегивает ее изнутри.

- Том? Какой Том?

- Как? Вы не помните? Вы сказали, что Человек-зонт может вас услышать и лишить радости. Потом, вы говорили, что знаете, где Том.

- Кровавые груши и бумагу принесла? – прозвучал вопрос с кушетки.

- Нет. Произошло нечто ужасное...

- Я не знаю никакого Тома. Уходи. Оставь Пьеро с его болью. Дора подошла к патефону, откуда звучал французский язык.

- Вы любите французский шансон? – спросила она, меняя тему.

- Не просто люблю. Я француз. Для меня это нечто личное. Это голос моей немой души, мои слезы... - ответил человек,

поворачиваясь лицом к гостю.

- Да, очень красивая песня. И язык. – согласилась Дора.

- Ты судишь поверхностно, а я слышу ее смысл.

- А о чем поют?

- «Мне говорят, я ей не нужен, что у нее всего полно. Друзей вагон, родни и стужи, глубокое прошлое у нее. Поиграй со мной ветер в загадки, я поставлю на кон свою жизнь. Провожу свои ночи в страданиях, королева задушенных снов. Ты же черный нарцисс, моих сломанных дней власть хранишь в сердце холодном. Я рисую рельсы на воде и пускаю по ним листья дружбы и мечты. Тихо спит моя любовь, не разбудит отныне никто ее. Чтоб понять мою печаль ты просто в небо посмотри. Ля-ля-ля-ля....» - перевел Пьеро, закрыв глаза.

- Сильный смысл в песне...

- А ты думала, что французы только улыбаться и на аккордеоне играть умеют?

- Нет, что вы... все люди одинаковы, просто с некоторыми отличиями культуры и нравов. Но вы хорошо говорите по-норвежски, вы давно учите язык?

- Мне это ни к чему. Он забрал кое-что у меня, что лишает национальности и индивидуальности... он у всех забрал кое-что...

Снаружи палатки послышались шаги. Пьеро перепугался не на шутку.

- Ты... ты... должна исчезнуть. Немедленно! Иначе... нет времени полезай в сундук! – Пьеро толкает Дору к большому сундуку у стены палатки.

- Что происходит? Почему я должна прятаться?

- Тихо! Прошу тебя, молчи, иначе тебя схватят как твоего Тома...

У Доры перехватило дыхание от волнения при упоминании о Томе. Она послушно легла в сундук, и тяжелая крышка опустилась сверху. Она лежала на каком-то тряпье, видимо костюмы. Все здесь пахло затхлостью и стариной. Это напоминало ей дом детства и неприятную атмосферу в нем...

Небольшая замочная скважина была единственным местом, пропускавшим тусклый свет масляной лампы. Она лежала в

неудобной позе и наблюдала. Вот, в палатку заходит какой-то клоун с зонтом. Вероятно, это и есть Человек-зонт.

- Ты пошто в сундук полез убогий?! А радость? Забыл про нее? – рявкнул вошедший, и Пьеро вздрогнул, стоя у сундука. - Ты чего там позеваешь, не работаешь нифига! Вот не дам тебе в этот раз радости и будешь знать. – клоун специально долго отворачивается к выходу. Пьеро бросается за ним, падает на колени и просит о радости. Наконец, тот, потешив самолюбие и комплексы, дает что-то и уходит. Пьеро, дрожащими руками застегивает палатку и садится на кушетку. Закатывает рукав на руке. Дора с трудом открывает крышку тяжелого сундука и видит, как Пьеро вкалывает шприц.

- Что ты делаешь? Ты... - слова застывают на ее губах.

- Наркотики это дно, безысходность, когда сама жизнь в тягость, а каждый новый день подобен смерти во плоти. Уж поверь, я видал лучшие дни. А теперь, когда нет души, нет ничего доброго, и я не могу спать... доза помогает мне забыться образами, цветными снами чужого счастья. В них я по-прежнему могу радоваться...

- Но ведь... не может быть все настолько безнадежно. Тебя никто здесь не держит. Брось эту работу и начни жизнь заново. – Дора в ужасе смотрит на разбитого человека с усмешкой смазанного грима.

- Циркач – такая профессия, из которой невозможно уйти. Уходя, ты все равно вернешься, так как в мире обычных людей, в их повседневности ты неуместен. Ты лишний. А так... проще для всех. В кукольном сердце нет места для боли, кукла всегда хороша в своей роли. Все думают, что у меня праздник по жизни. – улыбается Пьеро, откидываясь на кушетку.

- Что с тобой произошло? Скажи мне...

- Ты хочешь знать? Боюсь, если я расскажу тебе все начистоту, ты мне неверишь.

- А ты попробуй.

- Нет. Зеркало мой лучший друг, когда я плачу, оно не смеется. Этого для меня достаточно. Больше я никому не верю. Люди предают, делают больно, обманывают, игнорируют... Я не из тех людей, кто утром подходит к зеркалу и улыбается,

обманивая своего двойника и заставляя его улыбаться в ответ. Однажды, это сыграет злую шутку, и двойник ответит на это лисьей дружбой... - ушел в мысли Пьеро.

- Я тоже не улыбаюсь зеркалу... и совсем не держу их в доме после... - Дора запнулась.

Пьеро неестественно засмеялся, выбрасывая шприц на пол. - Я запуталась. Мне кажется, что все перевернулось и изменилось в моей жизни не в ту сторону... когда я встретила Тома, я была счастлива, но у меня постоянно чувство, что я взяла что-то, что мне не принадлежит, что я проживаю чужую удачную жизнь... кажется, что я сошла с ума или что все разом спятили вокруг...

- У всех сумасшедших такое чувство, что все вокруг сумасшедшие. Поверь мне, я знаю это. Когда все завертелось центрифугой и понеслось как балаган... но на самом деле причина в тебе. Она внутри... слышала фразу, что жизнь это театр, а мы актеры? Так вот театр и все выступления, это то, что у тебя внутри. По разным городам носило наш цирк... веками длилось это безумие... я уже утратил понимание и оценку происходящего. Сперва я боролся, пытался остановить этого безумца, что соткан из мрака и злобы... а теперь смирился. Бесполезно. Для него это лишь игра, игра нашими жизнями... ему весело. И без разницы дергаюсь ли я в протесте, или исполняю приказы... ему весело видеть безнадежность... владеть нашими душами... раздавать радость порциями тем, кто заслужил и лишать тех, кто восстал...

- Постой... о ком ты говоришь? О высшем провидении или какой-то наркобарон снабжает циркачей наркотиками?... - Дора нахмурилась. Она не знала, можно ли верить хотя бы одному слову человека, вколовшему в руку эту дрянь.

Пьеро снова рассмеялся, зевая и уходя в сон с улыбкой.

- Полежай в сундук и спи... для тебя это естественная функция... ты опустошена... - произнес Пьеро, не открывая глаз.

- Как я могу спать, не выяснив ничего о Томе? Ты ведь знаешь что-то! Скажи мне! Если тебе нужны деньги... - выпалила Дора. Она действительно была истощена и нуждалась в отдыхе. Нервы ее были на пределе, и снова волна отчаяния подка-

тила к горлу и глазам. Ей захотелось прижаться к кому-нибудь и поплакать.

- Утром... даю слово француза. А сейчас... позволь мне побыть хоть немного счастливым...

Дора вернулась к сундуку. Больше спать было негде. Как поломанная ненужная игрушка, она перевесилась через край сундука и повалилась на тряпье. Можно ли доверять этому Пьеро? Он наркоман и явно не в себе. Не запрет ли он ее в этом сундуке? Тяжелые мысли, и море впечатлений давили на уставшую девушку, и она заснула. И снилось ей вот что. Дора и Том радуются общению друг с другом на берегу. Они развели костер, жарили там сосиски, открыли бутылку красного вина... вечер прошел прекрасно, они наблюдали закат. Палатка приглашала людей в себя.

Ночью, Том разбудил прижавшуюся к нему Дору, и предложил посмотреть на луну. Крупное ночное светило висело в чистом небе среди мириад звезд и давало слабый свет. Сверчки и кузнечики издавали стрекот. Когда они смолкали, наступала полная тишина. Вода ночью, казалась, особенно черной и страшной. Лес позади палатки был сплошной тьмой, небо над головой открывало вселенскую бездну миров. Дора прижалась к Тому еще сильнее, хватаясь за него как тонущий человек.

- Тебе страшно? – спросил он.

- Да, столько безмерной черноты вокруг... я сознаю себя такой крохотной и ничтожной, погруженной во тьму... не отпускай меня, ладно? – шептала Дора, положив голову на плечо и боясь открыть глаза.

- Не надо бояться, это всего лишь ночь. Я здесь, рядом.

- Обещай мне, что ты всегда будешь рядом? Что я не останусь одна в этой глубокой тьме?

- Обещаю. – Том целует ее.

Дора заметила за собой странное чувство и мысли. Когда не видишь человека, его лица, глаз, то нельзя быть уверенным, что перед тобой именно тот человек, кого ты знаешь при свете дня. Нельзя угадать, красавец обнимает тебя или урод. Нельзя быть полностью уверенным в искренности его слов. Руки обнимают тебя, но ты не знаешь, куда смотрит этот человек и

какое принимает выражение лица. Быть может, его воротит от тебя. Только стук сердца успокаивал ее.

- Дора, посмотри! Там что-то движется по воде. – вдруг сказал Том.

Девушка повернулась к страшной черноте воды, контрастирующей с лунной дребезжащей дорожкой.

- Ну и пускай себе движется. Пойдем в палатку. – Дора тянет его в предположительном направлении к палатке.

- Нет, я хочу посмотреть что это. Подожди здесь.

К ее великому ужасу, Том отстранился, и послышались его удаляющиеся шаги к воде. Дора сделала пару шагов вслед за ним и замерла. Нет, лучше остаться на месте, чтоб Том нашел ее там же.

- Том? – позвала она.

- Все нормально. Я сейчас только посмотрю что это и вернусь. Я мигом. – послышался ответ из темноты. Шло время, секунды капали, превращаясь в часы по ощущениям.

«Что он там увидел? Это что-то важнее меня?»

Тишина напрягала Дору. Все жучки как нарочно заткнулись. Душная ночь окружала, поглощала и стояла совсем рядом. Дора зажмурилась, хотя не было особой разницы открыты глаза или нет.

- Том? Иди сюда! – позвала она, испугавшись собственного голоса.

В ответ тишина и потом легкий всплеск воды. Волосы на голове девушки зашевелились. И почему она вышла без фонарика?

- Том? Это уже не смешно. Ты где? Не нужно так жестоко шутить.

Ей стало невыносимо стоять на месте. Воображение рисовало страшные картины и злодеев, поджидающих ее. Дора даже на цыпочках перешла на пару метров в сторону, боясь, что на ее голос подкрадется убийца. От совершенного поступка, ей даже полегчало. Жизнь это игра в шахматы. Нужно продумывать наперед ход противника, и если ты сделал все верно, у тебя есть шансы победить. Точно прочитав ее мысли, на том месте, где она недавно находилась послышалось движение.

Дора вздрогнула и замерла. Неужели этот кто-то убил ее Тома и теперь ищет в темноте ее? Тогда, темнота может быть полезной и занять твою сторону, конечно же, все это относительно и зыбко. Она надеялась, что этот некто все же не причинил вреда Тому, иначе нет смысла бороться за свою жизнь и следовать за врожденным инстинктом выживания.

Пока она размышляла об этом, превратившись в слух там, где бесполезно зрение, сильные руки схватили ее. Дора вскрикнула и ударила коленом в живот нападавшему. Человек слегка согнулся и отошел.

- Эй, ты чего? Это же я. – засмеялся Том.

Дора недоверчиво вытянула руки в темноте и стала ощупывать его горячие плечи, шею, понюхала волосы, потрогала нос и рот.

- Да, это ты. Прости. Не делай так больше никогда, слышишь?! Ты же знаешь, как на меня действует темнота и воображение.

- Пойдем, я покажу тебе кое-что.

- Том...

- Идем-идем, я рядом. Ничего опасного и главное никого.

Том мягко, но настойчиво толкает напряженную Дору, которая упирается и шагает как робот вперед, куда ее направляют.

- Вот, еще немного вперед. Тут небольшой спуск к воде.

- Том, я не хочу к воде...

- Все нормально. Смотри.

Дора видит в отсвете воды и луны белую маску, плывущую к берегу. Неизвестно откуда взявшиеся тучи закрыли луну и маска белая, с черными прорезями поворачивается на воде к смотрящим.

- О, нет... - у Доры начинается паника.

- Сейчас я достану ее. – Том наклоняется и закатывает штанины.

- Нет Том! Прошу тебя! Не надо! – кричит Дора и хватается его за локоть.

- Ты чего? Это просто маска. – смеется Том.

- Нет! Не делай этого! Это не просто маска... Том это... - голос Доры срывается в рыдание.

Ей страшно оттого, что маска напомнила о себе спустя столько лет, зачем? Но еще страшнее и больнее от действий Тома. Она словно видит другого человека. Он все делает против ее воли и просьб.

«Он другой...» - мелькает у нее в голове.

«Ты его совсем не знаешь...»

«Чернота покажет тебе истинное лицо...»

«Он хочет довести тебя...»

«Он такой же как все, любит издеваться...»

«Слышала? Он смеется над тобой и твоими слабостями...»

«Он обманывает тебя все это время, считая ненормальной...»

Дора присела, обхватив голову руками. Что ей делать? Ей так больно... все эти мысли давят и говорят, что она ошибалась в нем. Как Том может так поступать с ней? Ведь он знает! Она рассказала ему о зеркале и убийце в маске, о своих страхах... Неожиданно, ей почудилось, что кто-то стоит сзади.

«Когда маска спадает, человек спешит надеть ее обратно...» - сказал кто-то тихим голосом. Дора оглянулась, но кроме темноты ничего не было видно. Снова выглянула луна.

- Дора! Иди сюда! – звал Том, стоя по колено в воде и держа маску в руках. Она поднялась и с ужасом посмотрела на него. Как можно достучаться до человека и передать ему свое состояние, чтоб он понял, что именно ты имеешь в виду и почему? - Том... прошу тебя... выходи из воды.

Прямо под водой, рядом с Томом, начал возникать свет, который становился все ярче.

- Том! Подле тебя... иди сюда немедленно! – кричала Дора, но он не реагировал, как зачарованный держал маску, поднося ее к лицу.

- Нет!.. – повалилась девушка на песок, видя, как из воды поднялось небольшое зеркало, отражая лунный свет и... Тома в маске....

- Проснись! – Пьеро тряс за плечо спящую Дору.

Наконец, она открыла глаза.

- Я уж было испугался, что ты ушла в мир цирка. – странно улыбнулся актер. Дора видит его в белом костюме и в гриме, как ему и полагается.

- Уже утро? Я долго спала?
- Уже день. Есть не будешь. Нечего. Тебе нужно уходить их цирка. Будут проблемы.
- Ой... прости, что пользуюсь гостеприимством... я так устала. Меня почти не осталось. Я просто лежу здесь, как застегнутый мешок для трупов... как заброшенная игрушка. - Дора трет виски и глаза.
- Тоже кошмары мучают? – спросил Пьеро, вздыхая.
- Угу. Но откуда...
- Ты говорила во сне и стучала в сундуке.
- Да?
- Звала своего Тома... расскажи мне про него. Действительно ли он так дорог для тебя, что ты рискнешь всем? Стоит ли он того?

Пьеро смотрит в глаза и ей вспоминается сон, когда нехорошие мысли о Томе проникли ей в голову.

- Стоит. Когда он обнимает меня, мир вокруг исчезает. Понимаешь? К тому же... Уже поздно. Я в игре. Я разгадала загадку на плакате и нашла Вдовий лес и цирк... я не могу повернуть и все бросить. Я не могу просто вычеркнуть его из своей жизни вот так, ничего не выяснив... так не расстаются... – говорила Дора, но звучало это так, словно она убеждает саму себя.

- Разгадала загадку? Так это для тебя предназначалась она... - протянул актер. - Я не знаю, что с ним стало... Пьеро боится побоев. Я устал от них. Не знаю, его ли я видел или нет. Если парень в костюме шута с длинными волосами тебе о чем-то говорит...

- В костюме шута? – удивилась Дора. – Вряд ли бы Том надел его. Обычно он не такой. Он серьезный человек...

- Не слышу уверенности. Боишься, что совсем не знаешь его?

Дора кивнула. После тяжелого сна слышать разговоры и сомнения было невыносимо.

- Ладно, единственный способ узнать это – проверить. Ты одного со мной роста, тощая, так что оденься как я, и мы пойдем в примерочную. – Пьеро протягивает ей второй белый костюм и баночку грима.

Дора с удивлением примеряет театральный костюм. Фран-

цуз мажет ей на лицо белый и черный цвет.

- А что будет, если нас увидят вместе? Разве два Пьеро это нормально? – удивляется Дора.

- Не думай об этом. Главное, будь мной.

- Это как?

- Ты должна вести себя как я. А еще лучше просто повторять движения. Пьеро это трагичный персонаж с тяжелой судьбой и неразделенной любовью. Так впрочем и случилось... видимо роль избрала меня раньше, чем я пришел в цирк. – опечалился француз.

Девушка кивает. Сейчас, когда все в подвешенном состоянии, роль трагика для нее подходит как нельзя лучше.

Два Пьеро вышли из крайней палатки и пошли семенящими шагами к большой цирковой. Акробаты уже делали колесику и прыгали на улице.

- А кто это у нас тут? – раздался неприятный голос и шут с оскаленной улыбкой возник перед ними. Однако, улыбка быстро сошла с его рожи.

Он недоуменно смотрит то на одного Пьеро, то на второго. Мотает головой и трет глаза. Дора и Пьер делают одинаковые движения рукавом, вытирая изображаемую слезу.

Шут шарахнулся от них и ушел.

- Невероятно! Ты сделала все как надо. Он после пропойки и дозы ничего не понимает и думает, что у него в глазах двоится. – возрадовался Пьеро. – обычно, он издевается надо мной и бьет... вчера, парень в костюме шута спас меня.

Дора улыбнулась. Да, Том такой. Он лучше всех на свете и всегда готов помочь и сделать невозможное. Даже, если ему пришлось остаться в этом цирке, наверняка есть объяснение его поступку и почему он не звонил.

Белые костюмы прошли между толпы циркачей и под изумленные встряхивания голов, проникли в примерочную.

- Почему тебя бьют? Разве в цирке не весело? Здесь есть враги?

Пьеро ответил непонятным горловым звуком.

- А что случилось с Томом? С тем парнем в костюме шута? – спросила Дора.

- Сперва глянь, его ли это вещи. Я убирался здесь вчера, когда ты и позвонила на телефон.

Пьеро открывает шкаф, где висит одежда.
Да, сомнений быть не могло. Это вещи Тома. Он где-то в цирке.

Дора сглотнула и кивнула. Пьеро громко вздохнул.
- Тогда... все хуже, чем можно было подумать на первый взгляд. Вчера я не хотел говорить тебе...

Актер рассказал ей о встрече с Томом под ареной, где Том разбил сосуд.

- А что это за сосуд?

- Ну... как бы тебе объяснить.... там собирается энергия, эмоции зрителей.

Дора вспоминает зазывание посетить цирк в интернете.
- И теперь, Том должно быть должник цирка? Да? Поэтому он остался помогать вам? Сколько он должен?

Пьеро поджимает рот и смотрит в сторону.
- Не совсем... - отвечает он. - Видишь ли... этот цирк, немного не такой, как ты его себе представляешь... наш хозяин очень плохой человек, и мы здесь не по своей воле. - шепчет ей.

Дора побледнела под гримом.
- То есть... Тома похитили? - спрашивает она. Во рту сразу пересохло. - А, есть где зарядить телефон? Я бы вызвала полицию...

- Здесь есть энергия, но пользоваться ей умеет только хозяин. - сокрушенно ответил актер.

- Как это? Ну, проводов нет допустим в этой части леса, но запасная батарея заряда же должна быть? Как вы сами-то тут живете? Чем питаетесь? Совсем что ли не пользуетесь током? Не звоните никому из родных? - задавала вопросы Дора, и смутное недоброе предчувствие расплзалось по ее сознанию, так что она вовсе не удивилась отрицательному покачиванию головы.

- А что дает та энергия... в сосуде?

- Временную жизнь, поддерживает внешность хозяину и пребывание во внешнем мире. Цирк забирает время зрителя, его восторги и эмоции, пока он испытывает их, наблюдая арену.

Дети в этом плане просто бесценные экземпляры, их особенно любит хозяин... - начал Пьеро.

- Звучит зловеще. – усмехнулась Дора, но почему-то легкости это не принесло.

- Да. Твой Том разбил сосуд и энергия вернулась ко всем людям, кто был здесь.

- Это плохо?

- Очень. Хозяин проснется с морщинами, и нечем будет подпитать его телесную оболочку... Он живет в мире людей, забывая срок жизни посетителей себе.

- Это ужасно... Но ведь с Томом все хорошо? Правда? Ему ничего не сделали? – глаза Доры наполнились слезами.

- Я не знаю... я не смогу особо помогать тебе в поисках. Я бы посоветовал тебе покинуть цирк и забыть Тома. Но если тебе нечего терять, то...

- То? – всхлипнула девушка.

- Единственный способ вернуть его это попросить свое отражение.

Видя непонимание, Пьеро объяснился.

- Понимаешь, это зеркало всегда закрыто, если здесь лежит одежда твоего любимого, и зеркало без чехла, видимо, он открыл его. И не похоже, чтобы он использовал грим. Значит, его двойник отделился от него и стал личностью. Даже если ты найдешь Тома, без двойника он будет чахнуть и страдать. Между тобой и двойником должна быть гармония. Циркачи не смеют трогать великое зеркало молчания, оно читает душу. Сегодня оно покажет твою мечту, а завтра твой конец.

Дора поспешила к зеркалу.

- Пьеро! Оно точно такое же, как было у меня дома в детстве! Я в нем видела убийцу в маске, он пытался затянуть меня внутрь. Я дружила с девочкой своей копией. – выпалила Дора разом то, что хранила в тайне годами, и с трудом поведала Тому. – Вчера мне снилась маска, плывущая по воде и зеркало в озере... а я еще думала к чему бы это? Маска напоминает о себе... мне так страшно. Почему оно ничего не показывает?

Пьеро снял колпак.

- Подожди. Это хорошо, что ты в гриме. Твой двойник не смо-

жет своевольничать, когда ты его увидишь. Но... ты сказала, что дружила с девочкой раньше?

- Да. Меня долго лечили после того случая. Убили женщину, девочка стучала и хотела выйти ко мне, но я не могла ей помочь...

- А вот это уже не так хорошо. Значит, твое отражение имеет обиду.

Дора походила по примерочной и снова приблизилась к большому зеркалу.

Смотрит в него. В зеркале отражается Дора, повторяя движения.

- Не играла бы ты лучше с зеркалом... - опасливо начал Пьеро.

- Мне нечего терять. - ответила девушка.

- Это ты так сейчас говоришь, а не дай бог, окажешься на моем месте и будешь стенать из-за своей беспечности.

- Ну же! Девочка из зеркала. Я же знаю, ты видишь меня. Даже слышишь! Мне нужна твоя помощь. Мне нужно увидеться с тобой... - говорила Дора.

- Только помощь? - раздался чей-то недовольный голос. Пьеро сжался.

- Это она... - прошептал он.

Дора вглядывается в черное пустое стекло.

- Бу! - руки хлопнули по стеклу с обратной стороны. Дора подпрыгнула от неожиданности.

Похожая на Дору девушка, только с короткой бунтарской стрижкой и густо накрашенная громко смеялась.

- Напугала? Хаха. Чего надо? - жуя жвачку спросила девица.

- Пропал мой любимый человек. Том. Его похитили в цирке. Без двойника из зеркала он погибнет.

- И?

- Я бы хотела... попросить...

- Ну?

- Не могла бы ты поискать его? - спросила Дора.

- Послушай, ты бросила меня тогда, кучу лет назад. Сейчас объявляешься, ни здорова, ни прости, сразу требуешь найти какого-то парня. А мне то это зачем?

- Как зачем? Ты мое отражение! Ты мой двойник! Том мое сча-

стье, значит и твое тоже.

- Едва ли. Мне это не интересно. Найди другого урода получше и живи спокойно. Мало их что ли? – девица разворачивается, чтоб уйти.

- Том лучше всех! Мне не нужен никто другой. Он не урод! Девица завязывает шнурок гадов перед зеркалом и лукаво смотрит на Дору.

- И ты, даже не желая узнать как я жила все эти годы, чем интересовалась, чего хотела... как меня зовут для начала... просишь решить твою проблему?

Дора села на пол в апатии.

- Ты права... я... не имею права просить тебя.

- Во-во! И я про то же. Явилась тут!

Дора продолжает сидеть неподвижно. Слезы текут по ее щекам.

- Скажешь мое имя, я подумаю над твоим предложением.

Дора смотрит на девицу. Она не знает ее имени. Том безвозвратно утерян для нее. Нет смысла бороться и тянуть время свое и чужое. Нужно сдаться. А что бы сделал Том в такой ситуации? Требовал ли его двойник того же?

- Том...

- Ну вот опять! Назови мое имя или я уйду. У меня еще дел по горло.

- Том научил меня не опускать руки и использовать логику. Если меня зовут Дора... то в зеркале все наоборот. Я бы назвала тебя... Арод?

Девица открыла рот и тоже присела с той стороны стекла.

- Ну, допустим. – согласилась она. – Но это ничего не меняет. Ты же знаешь, наверно, что самые лучшие люди рано уходят из этого мира и из нашей судьбы... - разглядывала свои ногти Арод. – Можешь забыть его. Он больше не принадлежит тебе.

- Ну, пожалуйста! Я умоляю тебя! Помоги мне! Мне больше не к кому обратиться, ты моя последняя надежда. Ты единственная, кто поймет меня...

- С чего это ты взяла?

- Я это ты, значит ты полюбишь Тома тоже, как только увидишь. Однажды, мне сказали, что если два человека посмо-

трят в зеркало, то их двойники полюбят друг друга и они будут счастливы всю жизнь.

- Нет! Ты это я, а не наоборот. Не путай вещи местами. И вообще, мне не нравятся сопляки.

- А Том и не сопляк!

- Да ну? Ты вот соплячка, уверена, что и твой Том тоже.

- Он самый лучший, крутой блэкер, и вообще... я его обожаю и с ума схожу без него и его прикосновений...

- Блэкер? – хлопала глазами Арод. – Блэкер и ты?! Не верю! Что он нашел в тебе? Хватит тут чепуху молотить! Это твои половые трудности, что ты прохлопала такого чудного парня, если он такой, как ты говоришь. – Арод ударила по зеркалу с обратной стороны, почему-то расстраиваясь.

- Прости... что попросила. Так и знала, что ты изменилась и больше не сестра мне... - Дора утерла слезы и пошла прочь из комнаты.

- А ну постой! Че, думала слезу бросишь, и я растаю? Не так быстро сестричка, я еще не все сказала!

- Так тебе же все равно! Вот и топай в свое зазеркалье убогое. Где все крутые и не сопляки! – закричала Дора и пнула зеркало.

- Ой-ой! Полегче там! – распахнула глаза Арод. – Я начинаю верить, что ты не такая уж и пропащая в плане брутала. Ладно. Давай успокоимся. Все же, если ты как моя мягкая сущность, желающая любви и ласки нашла кого-то подходящего по ту сторону мира, и вдруг он пропадает... я просто обязана разобраться с этим. – заявила Арод воинственно.

- Прости меня за тот случай... я долго лечилась у докторов после того как разбилось зеркало. До сих пор не держу зеркал в доме. – сказала Дора.

- Так вот почему я тебя не видела столько лет! Ладно, замечано. Напиши мне его имя и телефон. Попробую позвонить этому блэкеру, вдруг, он и меня впечатлит.

Пьеро находит клочок бумаги, Дора пишет на нем имя фамилию Тома и его мобильный. Прикладывает к зеркалу, за стеклом оно, Арод копирует.

- Итак, Мот такой-то, телефон такой. Я поняла.

- Мот? Том очень бережливый и серьезный человек! – возражает Дора.

- Мот это имя Том наоборот. У нас тут все правильно называют, как надо.

Не ради людей, а ради искусства

Дора сидит у зеркала и ждет. Ее двойник Арод, ушла.

- Пьеро, скажи мне, почему ты стал циркачом? Каким образом?

- Когда человек пытается покончить с собой, в последний момент приходит мастер кукольных дел, наш мастер. – начал вспоминать актер, - Он достает музыкальную шкатулку, которая наматывает на крутящийся барабанчик твою душу. Человек, лишенный души, лишен прекрасных чувств. Все, что он ни делает, в тягость. Ничто не доставляет радость. Проявляются лишь низменные желания и злость. Все мы, кто работает здесь, слуги и рабы нашего хозяина – заложники черного цирка.

Пьеро рассказал свою историю. Дора с сочувствием смотрит на него.

- Я сожалею... Если бы я могла хоть чем-нибудь помочь тебе и остальным!.. Я заметила, что сам цирк и костюмы не первой свежести, но де думала, что все настолько худо... И эта же участь ждет моего Тома? Я больше никогда не увижу его? Ваш цирк просто уедет, напивавшись энергией и все?! Он станет заложником?

Пьеро смотрит на зареванную девушку перед зеркалом и садится рядом.

- К сожалению, я не могу по-настоящему плакать, поэтому на моем лице нарисованы черные слезы, но душа моя скорбит вместе с тобой. Я не знаю ответов на твои вопросы. Я не знаю, кончится ли когда-либо этот кошмар. Не знаю, одолеет ли кто-нибудь нашего хозяина или нет... Я завишу от его подачек «радости». Понимаешь? Я не могу жить, не могу спать. Мне нужно забываться и отвлекаться от этой боли и бесконечного кошмара. Если ты разгадала мою загадку, тогда ты должна была понять, о чем речь. Я живу в этом передвижном месте уже давно. Долгое время наш цирк находился в ночном городе с непрекращающимся дождем, скрываясь от внешне-

го мира людей, поглощая и питаясь их мечтами. Но потом... говорят, какая-то девушка и ее друг изобретатель довели до белого каления наместника, он устроил публичную казнь и в итоге сам же и погиб. Она там устроила «черную революцию», как прозвали то бунтовское событие в массах мечтателей. Тот город был неплох. Каждый получал все, что желала его душа. Конструктор – патент и почет, писатель – публикацию и сюжет, поражающий умы. Любой находил свою нишу и не покидал города годами. Люди приобретали гражданство, продавая свои души за иллюзию...

- Постой! Что-то подобное я слышала от моей подруги Эммы. Уж не она ли там это все провернула со своим знакомым изобретателем из Дании Олавом? – спросила Дора.

- Твоя подруга? – задумался Пьеро. – Тогда быть может, я могу объяснить твоё появление в этом месте.

- Скажи мне, если ты знаешь. К чему все это?

- Если это действительно та самая девушка твоя подруга... тогда наш хозяин должно быть просто в не себя от ярости. Он видимо нашел способ проникнуть в ваш мир и ищет ее, чтобы отомстить. И начал он с тебя, как ее подруги. Возможно, это лишь теория, но похоже на правду.

- Ладно я, но Том!? Почему он? При чем тут он?

- Не будь Тома, и ты бы не вляпалась во всю эту перипетию.

Вдруг, послышался далекий голос и шарканье ног.

- Нужно спрятаться. Кто-то идет сюда.

Два Пьеро залезли под завал костюмов и только глаза выглядывали наружу. Между ними и дверью стояла длинная вешалка на колесиках. И вот, входит личность. В ней, Дора узнает свою знакомую Матильду. От удивления, она чуть было не выдала себя, но Пьеро сжал ее руку, удерживая на месте.

Матильда сняла свою уличную одежду, надела что-то легкое и вульгарное из шкафа, и начала что-то быстро и нервно искать.

- Да где же этот чертов телефон? – она лезет в шкаф и достает одежду Тома.

У Доры срабатывает собачий охранный рефлекс. Она с трудом сдерживается, чтоб не наброситься на наглую знакомую,

посмевающую лазить по карманам ее парня. Матильда паясничает.

- Ой, ну надо же какая забота! Бумажный платочек! Тьфу! Будь ты проклята Дора и вся твоя компания! Думаешь, отхватила такого парня и будешь счастлива? Да с херов ли! Ничего, я тебе еще устрою... и твоей подружке достанется на орехи.

Она обшарила все карманы, но ничего не нашла. Тогда подошла к большому зеркалу и как на сенсорном экране провела рукой, рисуя какие-то знаки. Зеркало осветилось, и там возник человек в костюме.

- Чего тебе Матильда? – спросил мужской голос.

- Владыка, я не могу найти телефон этого парня. Я сделала все, как вы и просили, но видимо, Человек-зонт куда-то унес его и забыл. Пьеро мне кажется предателем. Я волнуюсь.

- Не нужно. Все идет своим чередом. Игра будет интересной. Ты выполнила свою роль. Я позволю тебе остаться в мире людей, если хочешь.

- Нет-нет! Прошу вас! Мне здесь плохо. Меня никто не любит и ни во что не ставит. Я хочу в мир грез.

- Как пожелаешь, моя верная помощница. Заходи. – человек в зеркале водит руками и стекло распаивается как дверца серванта.

Человек пропадает, зато Матильда с нетерпением вступает в черный город. Зеркало впускает ее внутрь, тускнет и становится обычным.

- Пресвятая Мадонна... - восклицает Пьеро, вставая из-под наваленной одежды.

Дора спешит к одежде Тома. Прижимает ее к себе и вдыхает знакомый запах.

- Я заберу ее отсюда. – решительно говорит она.

- Нет! Ни в коем случае! Иначе все догадаются и нас раскроют. Мы не должны совершать ошибок. Ты же слышала, хозяин начал игру. Нужно держаться вместе.

- То есть... ты веришь в вероятность хорошего исхода игры? – спрашивает Дора, впиваясь в куртку Тома что есть мочи.

- Надежда есть всегда. К тому же, нас сейчас двое здесь, и твое отражение в другом мире на нашей стороне. То есть,

фактически нас уже трое. Но...

Пьеро обмяк и сел на тряпье.

- Глупо надеяться и мечтать, ведь мы не в мире грез. Ты это хотел сказать?

- Я лишь пытался подбодрить и настроить на войну тебя. У меня нет этой части души, которая отвечает за оптимизм и веру, за добрые эмоции и надежды. Извини. Я всего лишь кукла раб, в руках злодея. Вас двое.

Дора комкает одежду Тома в руках. Буквально сутки назад, она еще обнимала его, выдворяя из дома, а теперь кроме одежды у нее ничего не осталось.

- Пьеро! Нам нужно найти телефон Тома. Если он звонил, значит, там еще есть заряд. Мой перемерз и сел совсем. А еще, нужно открыть ту шкатулку и освободить вас всех. – Дора сжала кулак.

Пьеро грустно улыбнулся.

- Шкатулка... - произнес он. – Она у хозяина. А где хозяин живет в мире людей неизвестно.

- Нам и не нужно этого знать. Видишь зеркало? Если оно магическое, значит можно попасть туда, как это сделала Матильда. Ну и сучка... не думала, что она так ненавидит меня и Эмму. Рабское отродье! – разошлась Дора.

- Тише! Нас могут услышать.

- А долго мне тут ждать, когда мой двойник разберется с задачей?

Пьеро задумался и поправил колпак.

- Время в зазеркалье течет как ему удобно. То неделя проходит за один день тут, то оно наоборот тянется стрелками часов, в обратном порядке, сохраняя при этом события и новизну будущего... Все зависит от тебя. Ты главный человек, а двойник лишь твоя копия. Двойник неполноценен и как бы одна из твоих граней и черт характера.

РУКА ПОМОЩИ 1

Мощные ботинки Олава с высокой шнуровкой ступали в замерзающие лужи. Тончайший мягкий лед ломался под натиском подошвы, не издавая ни звука. Мокрый снег с каплями воды падал сверху. Вроде бы зима, а погода мерзкая... Уж лучше бы снег и морозы, чем эта слякоть и сырость. Но дождь не может быть вечным в этом мире. Олав поежился, вспоминая странный ночной город, где лил вечный дождь по бесконечной ночи...

«Дождь, как и я, ночью по лужам будет бродить до утра... Интересно, он тоже ищет импульс воплощения в себе?»

Капли стучали по окнам домов. Быть может, кому-то от этого станет чуть легче дышать, зная, что они не одиноки...

Там, где тучи заканчивались, небо было ясным и звездным. Дождь постепенно сходил на нет. Сложив мокрый прозрачный зонт, Олав остановился возле знакомого дома.

Он зашел в парадную, открыл по коду квартиру, и сбросив с себя верхнюю одежду растянулся в кресле, прямо в коридоре. При опускании тела в мебель, зажегся матовый свет на стене, и заиграла мрачная музыка мелодичной мизантропии. Все это работало на автомате, встречая хозяина. Что-то его беспокоило. Против легкой хандры, можно принять ванну с эфирными маслами, против тяжелой – с феном. В руках у него было яркое выражение признательности из онкологической больницы, где он посещал неизлечимо больных детишек. Олав криво усмехнулся и бросил бумагу с детскими рисунками и корявым почерком на стол.

- Если бы все сказанное было правдой!.. Но всемогущий маг только на бумаге я...

Бумажка с кривым почерком, который скоро прекратится как дождь в слабеющей детской руке, сотрется с лица этой земли навсегда, вот и вся его заслуга. Детишки радостно мацали всякие штучки и сияли. Вот если бы и взрослые так принимали! Олав отнес всякую мелочевку, решив покончить с изобретениями. Его идеи неоцененные. Пора уже вырасти и стать нормальным, как все люди вокруг. Хотеть того же от

жизни, покупать чьи-то идеи, не давая фантазии и рукам места...

А что же дальше? Бесполезность труда, пустой стаж на неинтересной и пресной работе. Будущее бесперспективное и пустое. Если бы люди, прилагали некоторые усилия, то все вместе, они бы сделали этот мир в разы лучше и проще. Такие изобретения, как пылесос и кофеварка прочно вошли в каждую семью. Жизнь без них невозможна. Посудомоечная машина и стиральная создают комфорт и экономят наше время. Почему люди остановились в развитии и стремлении к совершенству? Неужели больше уже не придумать ничего? Только японцы еще делают попытки и ломают головы, как заставить роботов, служить человеку. А европейцы, кроме новых моделей телефонов и примочек к ним же, ничего больше не хотят. Игровая индустрия и то происходит в содружестве с неутомимыми японцами. Олав растянул себе глаза. Каким бы он был, если бы родился в другой среде? Комната расплылась изображением. Нет, он передумал быть японцем. Песня давно кончилась и в прихожей было тихо.

Поджал ноги в кресло. Никогда, ощущение себя бесполезным не было таким сильным. Одиночество, отсутствие поддержки и одобрения, непонимание со стороны людей и нереализованность в жизни и способностях давили.

Люди мыслящие никому не нужны. Ты лишний! Все ценят людей роботов, бездушных, способных выполнять нечто одинаковое и беспроядное как сама тьма...

Но вот ведь парадокс! Олав творит настоящих роботов, в прямом смысле, но никто и слышать не хочет о них. Жизнь его тянется как один длинный жидкий сон...

Внезапно, телефон завибрировал в куртке. Пришлось встать и подойти. Как всегда, наверняка какая-то ерунда и ничего важного. Олав вынул аппарат и радостно улыбнулся. Это Эмма. Впервые, они общаются живьем, а не только через интернет. Их знакомство было каким-то безумием, так как они живут в разных странах. Нет ничего удивительного в том, чтобы одни и те же идеи и сны могли причудиться незнакомым людям, но так дословно, будто они оба там побывали!.. И

самое удивительное, что в соседней Норвегии действительно существует Эмма! Она живет не абстрактно, а по-настоящему. Ее лицо видел Олав тогда, в том городе, а теперь на фотографиях сайта.

Олав сглотнул. Настал тот момент, когда он услышит ее голос. Он уже знает, какие у нее руки, при знакомстве он прикасался к ним, даже нес на руках эту особу... во сне.

- Привет! Узнал? – начала смеясь Эмма.

- Узнал. – ответил Олав, прижав телефон к уху до боли.

Наступила тишина. Оба вслушивались в ту атмосферу, которая была присуща людям из разных стран. Потом разом засмеялись, так как тишина одинакова везде.

- Как... - начали они разом.

- Сперва ты.

- Я хотела спросить как ты.

- Нормально. А ты?

- Я тоже. Какие новости?

- О, нет, ты не заставишь меня повторить ту же самую ошибку и перейти на национальные распри.

- Оставим политику и историю в покое.

- Точно. А ты всегда с таким акцентом говоришь?

- Я только что тебя хотела об этом спросить.

- Не хочешь проветриться?

- Не возражаю. Куда приглашаешь?

- Прямо во двор. Встреча будет там.

- Окей, одеваюсь и выхожу.

Оба слышат шорох одежды и обуви в трубках.

- Я вышел.

- Сейчас... открываю дверь... я тоже тут. Но я тебя не вижу. – смеется Эмма, изображая недовольный голос.

- Нет, это я тебя не вижу. Ты где вышла то?

- У себя.

- В Норвегии что ли?

- Угу.

- Ну вот, а я думал...

Смеются.

- Что ты видишь? – спрашивает Эмма.

- Улицу, спускающуюся вдаль, синюю машину напротив, мусорный бак за углом...

- Хи-хи. Подними глаза вверх.

- Серый дом с красной крышей.

- Еще выше!

- Звезды, между мутных облаков.

- Завидую. А у нас сейчас снег идет. Холодно.

- У нас уже был. Мокрый такой, противный как дождь. Помнишь его?

- Помню...

- Не хочешь говорить об этом?

- Нет.

- Я тоже. Стараюсь забыть, как кошмар.

Несколько секунд молчания.

- А давай созваниваться иногда? – Олав кинул предложение, и сморщился, ожидая отказа.

- Отличная идея! Только...

- Не знаешь о чем говорить?

- Да. Лично как-то проще. Было.

- Ну, давай просто перекидываться новостями, если что-то случается интересного в жизни? – Олав не собирался сдаваться так просто.

- Окей! Так и сделаем.

- Да? Ты согласна? Если не хочешь, то...

- Нет, все в порядке. Я тоже не хочу терять связь, которая появилась так необычно.

Олав делает американский жест YES свободной рукой.

- А... может...

- Ну да, можно.

- Когда?

- Скоро. Я сообщу тебе, когда смогу.

- Ах, да, ты же занят очень своими изобретениями...

- Да не так чтобы и очень... я решил завязать.

- Что? Почему? У тебя же так все получается! Столько идей блестящих! – закричала Эмма в трубку, но этот крик был подобен лекарству на больное место. Олав расплылся улыбкой от возражений человечка в трубке.

- Ну, понимаешь ли, нет спроса на меня, все хотят ординарность и штампы...

- Вот уроды! Да они просто не понимают что они теряют в твоём лице. Одеть бы им всем ошейники, чтоб высосался позитив и пришло угнетение и комплексы! – разошлась Эмма.

- Хе-хе! Ну ты и скажешь, добрая такая... - отнекивался довольный датчанин.

- А ты не стесняйся заявлять о себе! Ты гений, и заслуживаешь премии! – заявила Эмма.

- Да какой там гений...

- Да-да, он самый. А кто не понимает тебя, тот недостоин твоих трудов. Мне вот было бы интересно взглянуть на твои штуковины. Как ты их делаешь? У тебя есть лаборатория?

- Мне не нужна лаборатория. Часть деталей я делаю прямо дома, а сборка в подвале дома.

- Ого! А что соседи говорят? Ты же наверно захламил все подвальное помещение! Там же можно было читать, отдыхать...

Олав нахмурился. Откуда Эмма знает о положении вещей так явно? И что значит «захламил»?!

Датчанин сослался на не выключенный чайник на плите и попрощался. После такого балзама и похвалы, нож в сердце! На такое способны только женщины. Техника никогда не делает больно. Она или сразу не работает или подводит в ответственный момент, но Эмма! Видимо не очень хорошая была затея дружить с ней. Как ни крути, не выходит. Рано или поздно они против своей воли или даже неосознанно делают друг другу больно. Тогда он уязвил ее, теперь она вернула реванш... Дания – Норвегия 1:1.

Олав без удовольствия поужинал, помылся и лег в постель. Сон долго не шел к нему. Он ворочался, хмурился, вдавливаясь лицом в подушку. Все было плохо и было глупо думать, что это может измениться к лучшему. Каким наивным он был, доверяясь этой девушке и мечтая стать ее другом...

Все люди одинаковы, все желают причинить боль. С таким настроением, он наконец, забылся тяжелым зимним сном...

КОНСУЛЬТАЦИЯ # 2

Завод издал усталый гудок, ознаменовавший конец рабочей смены, и стайки работяг потянулись по домам. Небо было покрыто тяжелой копотью, и сажа выпадала повсеместно. Рабочие шли, закладывая в трубку табак. У большинства была непроходимость дыхательных путей, раковые заболевания и чахотка, но это мало кого заботило. Люди просто работали, и дни сменялись днями, как прокрученное вспять колесо под ногами белки.

Редкий дождь немного облегчал заводской труд, но в знойную пору, в цехах люди падали в обмороки и покидали сей бренный мир, так и не приходя в сознание.

Пьер был из числа этих самых работяг. Ему пришлось забыть ухоженность пальцев после французской революции и приравниванию всех сословий, и приучить себя к физическому труду, чтобы поддерживать свою семью. С изобретением гильотины, многие люди потеряли родственников, якобы замешанных в борьбе с новым режимом.

Штрафы за то, что человек засыпает от бессилия и недоедания на рабочем месте, штрафы за медлительность за станком, вычеты за опоздание на работу были здесь обычным явлением. Как же он устал от этого!

Вымазанный в машинном масле, руки в твердых мозолях и ссадинах, стоит он с восковыми шариками в ушах и смотрит в никуда. Люди бегают как заведенные по цеху, носят какие-то детали, катят тележки и на всех лицах запечатлен страх потерять работу и желание заработать на одну монетку больше, нежели вчера. Разве это жизнь?

Подобные наблюдения не проходят бесследно. Недавно, палец чудом удалось приладить обратно, Пьер задумался о высоком и железная машина не считаясь с чинами, равнодушно надрезала человеческий сустав. Брызнула горячая багряная кровь на мазутные ботинки с дыркой и сильная боль пронзила его спустя несколько секунд...

Пьер напугался не на шутку и потерял сознание. Очнулся он в лазарете, с грубо пришитым пальцем и огромным бинтом

на оном. Рядом лежал увольнительный лист и жалкие гроши, с учетом простоя и оказания первой помощи. Сейчас палец не болел, а что будет, когда обезболивающее окончит свое действие?

Ноги Пьера шатались, когда он доплелся до окна лазарета и устремил свой взгляд к загаженному смогом небу. Черная газовая масса расползалась все дальше и дальше по городу от завода, заполняя собой, закрывая солнце и не давая тучам хорошенько прочистить этот город...

Чем больше Пьер смотрел на эту черноту, тем больше она казалась ему одушевленной, чем-то зловещим, нависшим над проклятым поселением богом забытых людей. Масса не просто лишала людей ярких дней, но и забирала улыбки.

Дети кашляли и реже играли на улице. Мячики, деревянные лошадки и прочие игрушки, лежали раскиданными по дворам, и все реже к ним проявлялся интерес со стороны детей. Женщины умирали при родах от удушающего кашля, а если нет, то их грудь давала горькое молоко и младенцы не желали пить его. Уроды появлялись на свет все чаще, предвещая таким образом рассвет нового века...

Ходили слухи, что где-то за городом объявился цирк. Выжатые трудом люди по-разному отнеслись к этому. Кто-то, не жалея грошей спешил увидеть нечто новое для себя, готовый платить за свою улыбку разноцветным циркачам, наблюдая дрессированных животных и хоть на какой-то час забыть о своей тяжелой доле. Кто-то, наоборот, считал это роскошью и уделом буржуев, пустой тратой времени и денег, предпочитая лишний час отлежаться на старом матрасе и приготовиться к дню грядущему...

Суеверные бабы тут же смекнули, что детям опасно соваться в цирк. Бродячие артисты похищают детей, увозя с собой и вынуждая их тренироваться без отдыха ходьбе по канатам и другим рискованным занятиям. Матери и бабки страшили малых, рассказывая небылицы, потому, когда мимо дома по улице шагал хромой шарманщик, зазывая посетить цирк, ставни домов захлопывались и двери запирались. Звуки старой шарманки были расстроены и растянуто играли одну и ту же ме-

лодию не один год подряд. От этих звуков кровь стыла в жилах и сердце готово было выпрыгнуть из груди. Шарманщик же, любил остановиться у какого-нибудь дома, покашлять, не торопясь набить трубку, поворчать на жадных людей или вообще постучать в дверь. Тогда внутри дома раздавался детский визг и топот ножек. Шарманщик усмехался в свою нечесаную бороду и глубокие морщины образовывали складку вокруг его выдавших мир глаз.

Но в этом году, на его стук не было слышно визга и привычного топая ног. Шарманщик обернулся на пройденный путь. Целая улица лежала за его спиной, но лица людей были полны злобы, неприязни и неудач. Шарманщик заголосил было привычную бодрую песню, как навстречу ему вывели на тощем осле телегу. В ней было множество детей, в основном младшего возраста, имеющих какие-либо отклонения. У кого-то не было ножки, у кого-то голова имела нарост в виде второго носа, у кого-то был огромный горб и три руки...

Их собрали со всего города и ближайших поселений, жители добровольно отказались от них, не желая растить уродов, отдавая их цирку как плату за дальнейшую жизнь. Но разве можно жить, зная, что частичка тебя живет неизвестно где и страдает?

Больше с того времени, шарманщик никогда не улыбался. Он взял всех этих детей в цирк, но счастья это не принесло никому...

Пьер вышел из лазарета и разглядывал замотанный бинтом палец. Воздух был настолько полон заводской пыли, что бинт быстро перестал быть белым и покрылся скользким слоем выхлопов, не успел он пройти и половины пути к дому. Как он придет домой? С каким лицом скажет, что сегодня он потерял работу? Он взял в долг большую сумму на лечение больной матери, а теперь из-за потери рабочего места пойдут проценты. Чтобы найти новое место нужны связи и время, которого не было. Нет денег нет доктора и лекарств. Пьер мог бы преподавать, но учение сейчас не в почете: люди охвачены разными настроениями власти и стремлением к равенству, а имеющие власть заняты подготовкой к войне.

Пьер сел на парапет, и грудь его сдавила невыносимая тоска. Люди сновали туда-сюда, жизнь продолжалась, но не всем хватало в ней места. Он представил чахоточно больную мать на кушетке, с землистым цветом лица, как она безжизненно тянет к нему свою ледяную, не знавшую труда руку... как он берет ее своими огрубевшими и израненными ладонями и целует. Придется, рассказывать ей как он повредил руку, потом почему ему не нужно вставать ночью и собираться на работу...

Пьер сокрушенно обхватил голову. Неужели это никогда не кончится? Он поднял голову в небо, но не увидел там ничего нового. Черная масса висела над ним, словно доминируя и показывая ничтожность его существования. Пьер поднялся и поплелся домой. Поднимаясь по скрипучей лестнице, ему навстречу вышла соседка и сообщила безрадостную весть о кончине его матушки. Пьер так и сел на грязных ступенях. Все его усилия были напрасны. Копоть победила! Она забрала не только цель его жизни, но и средства для ее продления.

- Не будете прощаться? Надеюсь, у вас найдется хотя бы половина сбережений на похороны вашей матушки? Мы скинемся и поможем чем сможем, но вы же понимаете, мы люди бедные... - начала соседка.

- Не утруждайте себя. – буркнул Пьер и пошел прочь из дома. Здесь его больше ничего не держало. Черное небо торжественно и величаво заявляло о себе, на его фоне заводские очертания выглядели как явление с того света. Пьер бросился бегом не разбирая дороги. Слезы струились по его щекам, застилая дорогу. Несколько раз он больно спотыкался о предметы и падал. Рыдания сдавливали грудь. Наконец, он вышел на пустырь за крайний дом.

- Сколько еще душ тебе надо? – обратился он к черной завесе над головой. – Доколе ты будешь мучить меня и этих людей? Ты убиваешь наши души!..

Пьер валялся забыв о времени на земле до утра. Весь день, голодный и злой, он не знал куда себя деть. Заниматься похоронами он не мог. Увидеть землистое неподвижное лицо, некогда великой и красивой женщины не было сил. Сами разбе-

рутся как-то. Муниципалитет же должен отрабатывать свои поступления.

Пьер шатался как тень, до самого вечера как затравленный зверь, ничего не помня и не понимая. Он шептал какие-то отрывки мыслей, бессвязно и глухо, словно ведя диалог с кем-то могучим и невидимым. Он был таким до тех пор, пока рядом не заняла расстроенная шарманка. Тогда, Пьер вздрогнул и улыбнулся. Кожа на лице стянулась от слез и готова была лопнуть от неожиданной улыбки.

Так, Пьер сходил в цирк. Там было непривычно шумно, люди как будто и не враги друг другу. Все улыбаются, показывая зубы, издавая хохот и крики. На сцене прыгают звери, клоуны дурачатся и падают, акробаты выделывают невероятные трюки...

Но, все хорошее когда-то заканчивается. И представление тоже. Палец начал болеть. Пьер вышел, подталкиваемый толпой счастливых сограждан, которым было куда податься и с кем обсудить свою радость.

Копоть настолько обнаглела, что падала на землю влажными смоляными каплями. Пьер поднял голову вверх и жирная капля копоты упала точно в его глаз. Промыть его было нечем. Палец ныл и хотелось схватить его и как-то притупить боль. Глаз чесался и слезился. Тысячи подобных капель опускались на его голову. На плечи, одежду и на дырявую обувь.

Когда идешь вдоль луж, и смотришь в них, то там отражается твой мир, только наоборот. С разной скоростью проносятся перевернутые деревья и дома, лица и фигуры людей, птицы машут крыльями, отталкиваясь от луж с той стороны...

Каково им всем живется там, в том мире, прореха которого видна лишь через маленькую водную гладь?

Пьер еще раз оглянулся на цирк. Должно быть там хорошо, всегда весело... пульс его к ночи ускорился.

Он зашел в чахоточную подворотню, где со всех окон звучала смерть разных стадий и на все голоса. Телом ощущались щупальца болезни, она гладила Пьера по шее, обвивая со всех сторон. Из подворотни был виден цирк. На фоне плачущего копотью неба, он смотрелся черным пятном, такой же каплей,

порождением этого неба...

Пьер осмотрелся. Прогнившая бочка, мусор и испражнения, веревка для привязи лошади...

Соорудить петлю и набросить ее на чахлое дерево во дворе не представляло проблемы. Гуманно ли умереть здесь, в месте, где умирают другие люди не по своей воле, а в силу болезни? А если не здесь, то где?

Пьер подкатил ветхий бочонок и вскарабкался на него. Петля участливо покачивалась на уровне глаз. Он специально закинул ее довольно высоко, чтобы не было возможности что-либо изменить и спастись, чтоб его не мог снять случайный прохожий.

- Прощай белый свет, прощай веселый цирк. Спасибо тебе за счастливые минуты радости. Простите люди добрые, за то... - слов не нашлось. - За все.

Пьер просунул голову в петлю и слегка затянул у затылка. Вот и пошли последние секунды. Сердце его гулко стучало в груди. Пот выступил на лице. Как бы плохо ни жилось человеку, но жизнь не хочет отдать свои права смерти без боя. Сейчас он покачнется на бочке и дыхание собьется удушьем... - Ну чем не циркач? – раздался громкий сильный голос какого-то мужчины, эхом отозвавшись в подворотне.

Пьер вздрогнул и потерял равновесие. Бочка с грохотом выкатилась из-под его ног и он беспомощно повис, засунув два пальца левой руки к шее, а правой пытаясь ухватиться за саму веревку.

Хлопая в ладоши, на свет вышел некий гражданин в длинном плаще, сокрытый капюшоном. Пьер кряхтел и глаза его испуганно шарили по двору. Долго еще господин будет издеваться и омрачать момент смерти? Так и умереть невозможно по нормальному при свидетелях.

- Полноте. – господин щелкнул пальцами и ветка дерева обломилась. Пьер рухнул наземь прямо в парашу и отходы. Виски пульсировали, изображение плыло и покрывалось мглой. Он ртом громко хватал воздух, лицо его стало бледным и испуганным до смерти.

- Великолепно! Добавить немного грима и первоклассный ак-

тер! Вставай, помойся и приходи в цирк. Отныне это твой новый дом и семья. И запомни, если ты решишь покинуть нас...

Пьер ничего не понимал из того, что говорил этот господин. Просто за полминуты борьбы, он понял, что жить при любых обстоятельствах это самое прекрасное и дорогое, что только даровано человеку.

Едва оклемавшись после ужаса, Пьер поспешил к цирку. Как его примут те, которые пели и прыгали по сцене? Что он им скажет? Не передумал ли этот господин, или же он просто пожалел его и сказал так, чтобы Пьер не повесился? Ведь он даже не спросил его имени!

Неуверенной походкой, он приблизился к палаткам. Некогда цветные, они покрылись размазанным дождевым осадком заводской грязи. Не было того шарма и очарования, которое было до представления.

Приняли Пьера радушно, но без восторга. Клоун Жак притащил большую бутылку и наполнил бокал новичку, акробаты свесились с высоты и помахали ему руками и другими частями тел, красавица жонглерша подмигнула и послала воздушный поцелуй.

Прошло несколько месяцев. Пьер познакомился со всеми, учился разному, но не имел склонности ни к чему конкретному. Все-таки, он был не из простых людей и видал другое. Раньше он кидал звонкую монетку уличным музыкантами и актерам, добивался за сценой внимания известных балерин...

Постепенно его неуклюжесть и задумчивое поведение начало раздражать труппу, ведь трудятся они все, а должны бесплатно кормить его? Хозяин выделил ему ткань на сценический костюм и прошептал имя новому актеру.

- Пьеро.

Редко кто его видел, и наступала мертвая тишина, будто все провинились и должны ему по гроб жизни. Каждый раз, когда хозяин чтит их своим присутствием гас свет и он шел почти беззвучно, слушая стук сердца каждого циркача и актера. Все артисты выстраивались в ряд и склоняли свои головы, пока хозяин цирка проходил мимо как тень...

Пьер с тех пор ходит в белом костюме, накладывает грим,

веселя публику своим несчастным видом, и получает настоящие удары. Он уже не был так счастлив как вначале и постоянно слушать насмешки и получать тумаки ему надоело. Он начал подумывать о том, чтобы покинуть цирк и дружный коллектив. Все бы ничего, но его душу грызла неопределенность. Он всем сердцем полюбил жонглершу и целыми днями думал только о ней и даже сочинил для нее песню. Она связалась с каким-то известным офицером и он ее бросил. Говорили многое, и она страдала настолько, что не могла выступать.

В один из дней, Пьер собрался с духом и стоял возле ее палатки, чтобы признаться в любви и предложить сбежать вместе. Ему не было дела до ее ошибок и прошлого, он смотрел в будущее. Он вошел внутрь и замер не начав говорить. То, что он увидел, убило его мечту и любовь. Любимая женщина его мечты была пьяна, связана цепями, полностью голая и изогнута в непотребной позе, а вокруг нее выстроились в очередь клоуны и циркачи. Она пошла по рукам... таких оргий Пьер не ожидал узреть.

Сердце облилось кровью в тот миг. Его заметили и стали насмехаться, что и он, вечный страдалец, пришел откусить лакомый кусочек. Он выполз оттуда, не чуя почвы, и не взяв никаких вещей вышел за пределы цирка. Его ноги путались, но он шел прочь, сжимая в руке нож. Вдали от цирка он размахнулся им и с силой всадил себе в грудь. Непривычная боль спазмом отозвалась там, кровь полилась по телу, окрашивая белый костюм. По белому гриму на лице текли слезы, оставляя дорожки. Пьер упал и смотрел на небо. Здесь оно было обычным, но ничего не менялось. Оно оставалось таким же безучастным. Хриплое дыхание замедлялось, и вытекающая кровь и боль становились последним в памяти, на пути из этого мира... Но! В миг, когда зрачки замирают, и душа покидает тело, над Пьером возник мрачный человек. Он вынул из кармана небольшую шкатулку и под грустную музыку крутящейся фигурки поднес ее к лежащему.

- Я предупреждал тебя, что никто не должен покидать мой цирк. Это был уговор ценою в жизнь. Ты нарушил его. За это, я накажу тебя. Отныне, ты заложник цирка.

ЦИРК! ЦИРК! ЦИРК!

*Не может болеть там,
где нет души*

В палатке цирка набился народ. Свободных мест почти нет. Всем интересно, что это за бесплатное представление такое. Быть может акция? Или реклама лжет?

Гаснет свет. Люди прекращают разговоры и шарят глазами по черноте. Не видно ни своих рук, ни соседа. Молодежь хихикает и толкается, кто-то рискнул и впервые чмокнул подругу. Но все же наступает тишина. Не понятно, кто чем занят и откуда ждать перемен, но скорее всего в стороне арены. Темнота скрывает все, даже гнусные деяния воровства. Люди слишком отвлечены от своих сумок и напрягают зрение. Заметят пропажи они значительно позже.

Раздаются громкие звуки грустной мелодии музыкальной шкатулки.

Хоровое пение:

Приходите к нам скорей,
Здесь вам очень рады.
Блеск в глазах, смех на устах
Что еще нам надо?

С потолка опускается блестящий шар, сверкая сотнями бликов, подсвечиваемый из раскрытых недр арены, откуда на встречу шару поднимается балерина.

В проходах между рядов закрипело что-то. Люди стали озиаться. Повсюду к арене двигались кукольные девушки ростом с человека. Заводные балерины скрипели шкивами, шарнирами и заржавевшими ключами на затылке. Хлопали невпопад веками. На арене брызнули разные цвета. Главная балерина поднялась и пол закрылся. Лицо ее густо намазано гримом, чтоб было видно издали улыбку. Глаза ее хлопают и вот один начинает залипать. Балерина двигает руками и ногами в такт музыке, но движения даются ей нелегко. Шарниры

жутко скрипят и заедают, рывками толкают сустав к изменению положения. В итоге, с последним звуком музыки она и вовсе застыла. Зрители хранили мертвую тишину и с недоумением, кто-то с изумлением, ужасом или отвращением взирали на арену, куда уже подкатили и остальные танцовщицы.

Прожектор резко осветил колесиком выкатившегося шута в черном костюме. Он толкнул застывшую балерину и она рухнула, развалившись на части.

- Раньше вы приходили к нам за исполнением своей мечты, за минутами счастья, а теперь мы пришли к вам! Не откажите в любезности принять наш малый дар. – скалится шут и кланяется. Делает жест рукой в зал.

Пока он говорил, всех балерин давно унесли. Те, кто сидел рядом с ареной, утверждали после представления, что балерины хотя и были куклами, но было в них что-то человеческое и вызывало сострадание.

Боковые прожекторы в слабом режиме освещают сидящих. Слышится всеобщее оханье. Люди и не заметили, как к каждому из них подошел пупс или кукла не более полуметра ростом. Они были как живые. Моргали, говорили разными голосами детей, двигались.

- Позаботьтесь обо мне. – произносили они каждому человеку и протягивали маленькое круглое зеркальце.

Многие с нескрываемым интересом брали в руки кукол и пупсов, вертели их, переворачивали, трясли, в поисках батареек и других механизмов управления, но тщетно.

Некоторые женщины прослезились, изумляясь и предаваясь воспоминаниям о своих маленьких детях. Весь зал пришел в движение. Все шло, как и было запланировано. Черный шут усмехнулся и покинул арену, увозя застывшую балерину, о которой уже давно все и думать забыли.

Зеркальный шар крутился, наполняя палатку мириадами блесков, предоставив людей куклам. Но вот заколошматил ритм и по стенам заскользили тени, а затем на арене зажегся зелено-красный свет.

Там в центре стояла женщина с кнутом. Она была пышная, в костюме дрессировщика в белых перчатках.

- Поприветствуйте нашу любимую няню! – кричал за кулисами шут. – Непревзойденная мадам Адель на магическом манеже!

Люди начали хлопать. Уж если пупсы в этом цирке как живые, то дальше будет только удивительней. Кто-то взял кукол на колени, позволяя себе выглядеть ребенком, невзирая на возраст и статус. Особенно куклеши тянулись к детям.

И правда, совсем скоро начали происходить невиданные вещи.

Толстая тень клоуна мелькнула и он появился с маленькой коробочкой. Вытряхнул на пол из нее что-то. Кто сидел ближе разглядел в содержимом кости.

- Ой-ой-ой! Страшно идти домой! Светопереставление! – завизжал жирдяй, убегая и падая на пол, запинаясь о кости. Зал смеется неуклюжести актера.

Два силача Пипи и Мими перешагнули через лежащего клоуна. Они тянули на канатах два больших ящика. Из них также были вытряхнуты кости. Зрители напряженно уставились на арену.

- Вы здесь сидите, а ваши нервы словно нити привязаны к моим рукам. Я знаю абсолютно всё про вас. – звучал проникновенный голос из-за кулис.

Тихая музыка набирала темп и звук все учащал и учащал удары, доводя до кульминации.

- Что-что? Не вижу в ваших лицах радости. – вещал шут в микрофон. – Вы же в цирк пришли, а какой цирк без мертвых животных?

Снова игра цветов освещения под куполом и традиционная цирковая музыка.

Дрессировщица осталась одна между костей. Луч прожектора обращен на нее, а вокруг темнота. Не убирая улыбки она взмахнула кнутом и тотчас разбросанные и перемешанные кости начали прыгать, собираться и составлять скелеты.

Отовсюду слышался гул вопросов как такое возможно, какую технологию используют в этом цирке, быть может это вовсе лазерное шоу или еще что-то трюковое иллюзорное.

Если не брать во внимание необычность зрелища, то само выступление останков животных было самым что ни на есть

обычным. Пудели, кошки и птицы строили пирамидку на спинах свиньи, львы прыгали в обруч, тигры катались на шарах, слоны и крокодилы играли с жизнью дрессировщицы, обезьяны танцевали и катались на велосипедах...

Акробаты летали, выделявали немыслимые комбинации и трюки и пели с высоты:

Нерушимо наше братство
Все кто в зале в нашей власти.
Да пребудет наше царство!
Будьте с нами одной масти.

Потом выступали глупые клоуны, мимы, была постановка с капризным королем на троне и его шутком. Все было вроде бы нормальным и обычным но преподано в темной обстановке и костюмы олицетворяли саму тьму и запустение. Тем не менее, люди быстро привыкли к такой подаче и уже хохотали вовсю, забыв про время. А уж время текло неумолимо быстро, сжигая минуты жизни. Маленькие зеркальца, которые дали пупсы светились и перестали отражать, но никто не обращал на них внимания. Как можно думать о таких мелочах, когда вокруг происходит такое! Игрушки тем временем незаметно удалились, и взамен им по краям каждого ряда останавливался силуэт размалеванного клоуна с горящими застывшими глазами, чье лицо становилось видно при бросании света с арены. Люди неистово визжали и вздрагивали, когда замечали присутствие этой личности. Он чуть кланялся и посмеивался, отходя к следующему ряду вниз. В руках у него был распахнутый мешок со светящейся массой пылицы, который он закрывал после вскрикивания зрителя и затем открывал вновь.

Летающие девушки и дети на ниточках затянули песню:

Танцуй безумный акробат под куполом чудес!
Висишь вверху ты, а внизу, там в бездне зияет пустота.
Когда ж узрю я, как тебя отпустит высота?
Чем выше ты, тем больше риск

Не справишься с собой -
Тем ближе час паденья. Мы ждем его. Мы жаждем зрелищ!
Тогда, когда ты рухнешь вниз, не жди
Не будет плакать никогда преемник твой – другой
Веселый акробат и друг твой гнусный клоун.

На тарзанке вися на ногах пролетает девица в костюме птицы. Акробаты без страховки летали под куполом на трапециях, жонглеры подбрасывали острые кинжалы, был показан жаркий танец цыганочки, где она в конце дала себя распилить двум любовникам.

Трагичная музыка и хор на заднем фоне. Труба как пароход. Играет грустное пианино. Выходит Пьеро в белом наряде с крупными пуговицами и помпонами на рукавах, с кисточкой на кончике длинного колпака. Поет:

Не могу я вспомнить кто такой
Часы бегут неумолимо
Молю, - о, зритель мой, постой!
Число дорог неисчислимо.

Хор:

Тик-так, тик-так, тик-так.

- Что ты несешь окаянный! - подскочивший шут бьет его. Пьеро падает и поет дальше.

За что удары я сношу?
Постигнуть что необъяснимо,
Пытаюсь много раз на дню
И дальше жить... невыносимо.

Пьеро издает громкий вздох. Идет сценка неразделенной любви, где шут разлучник вклинивается и отравляет возвышенные чувства влюбленных.

Наконец, представление подошло к концу. Снова приглу-

шили свет и заиграла та самая таинственная мелодия музыкальной шкатулки, но звук был заезженный. На арену вышел солидно одетый господин. Он был одет в цилиндр, пальто поверх кружевной испанской рубахи, сапоги до колен и кожаные штаны. Волосы его были стянуты бантом сзади. В руке у него трость. Всем своим видом он выдавал в себе хозяина. Шут поспешил дать ему микрофон.

- Благодарю уважаемые сеньоры и сеньориты за то, что осчастливили меня своим присутствием и улыбками. Надеюсь, вам все понравилось?

Зал утвердительно закричал и засвистел.

- Тогда, еще раз благодарю вас от всего сердца и приглашаю посетить также наш драматический театр и детский театр теней, что расположены в соседних палатках. К тому же, для смельчаков полных энергии и энтузиазма, есть особое место. – загадочно произнес бархатистым голосом хозяин цирка. – Но это, если вы конечно же не боитесь... - улыбнулся он.

- Что это за место такое? Разве можно бояться цирка? – рассмеялся низкорослый парень не северной наружности из первого ряда.

- Нужно. – еще шире улыбнулся хозяин и направил его в аллею зеркал. Палатка задрожала, начала раздвигаться и ворвавшийся свежий воздух с улицы показал звездное небо. Это означало конец и люди начали расходиться.

Парень храбрился напоказ. Люди ему вяло поаплодировали, провожая взглядами. Проходя к палатке зеркал он увидел клетку полную уродливых и дефектных людей, в том числе и детей. Они как дикие звери бросались на прутья и открывали свои уродливые рты, вытягивали разной длины конечности, стараясь ухватить шедшего и притянуть к себе. Один раз им это почти удалось, отчего парень разозлился и подобие испуга возникло в его глазах. Он остановился у палатки. Она была выполнена в стиле открывающего рот клоуна. В этот рот и следовало войти, то есть шагнуть в полную темноту и неизвестность. Парень оглянулся. Кроме него не нашлось никого желающего.

- Ненавижу клоунов. – сказал он вслух.

Он уже подумал что не стоит заходить туда раз никто не наблюдает за ним, но откуда-то возник тот самый верткий черный шут со сцены и скалясь подтолкнул вовнутрь. Рот палатки опустился. Первые несколько секунд ничего не было видно. Парень зажмурился и закрыл лицо руками, ожидая атаки. Но ничего такого не произошло. Когда он открыл глаза поодаль стояла шарманка. На ней крутилась ручка и лилась мелодия с картинками какой-то истории. Шарманка заедала и звуки фальшивили. Она двигалась вперед, приглашая гостя следовать за собой.

- Что за бред?! Самоходная шарманка?! – прошептал парень. Он прошел за ней несколько метров, пытаясь понять как такое возможно и тянет ли кто ее за веревочку. Но вот шарманка остановилась. Парень хотел поднять ее и рассмотреть, но его руки ощутили пустоту. К своему ужасу он вдруг осознал, что это всего лишь отражение. Где находился оригинал, где выход он уже не понимал. Парень шарил руками, кричал, бегал от отражения к отражению, но казалось, что самих стекол не существует и отражение существует само по себе в пространстве, играя с ним. Едва достигнув искомой картинки, он точно проникал внутрь отраженного пространства и запутывался еще больше. Это бесило и сводило его с ума. Вскоре он увидел толпу незнакомых людей среди кучи зеркал. Он радостно бросился к ним. Они все смотрели в зеркала и будто не замечали его присутствия. Вместо их лиц отражались чужие люди, вместо соседей виделись знакомые и родственники.

Парень повалился на колени схватив руками голову и истошно завывал. Только теперь он осознал, что исхода нет.

Тем временем хозяин цирка был главным лицом вечера.

- Скажите Луиз, как вы себя позиционируете? Как иллюзионист? Считаете ли вы, что ваши трюки лучше предшественников? – задавал свои многочисленные вопросы репортер после представления с уставшим лицом. Его восторженный голос и блестящие глаза не сочетались с той физической выжатостью, какую он собой являл.

КОНСУЛЬТАЦИЯ # 3

Горловое пение мантры разносилось по монастырю. Тишину и страшное бормотание нарушали чаши, которые рождали глубокое эхо. Каменные истуканы, призванные олицетворять собой богов сидели недвижно и взирали на собравшихся. Среди монахов сидел в таком же красном одеянии через плечо белый человек с худощавой конституцией тела и решительным видом. Глаза его были закрыты, и казалось, он медитировал. Отчасти это было правдой. Он действительно искал ответ на мучивший его ответ и силы отказаться от задуманного. Но вот он поднял веки. Стальные глаза уперлись в статую Шивы. Какое-то время статуя и человек смотрели друг на друга. Шива – бог разрушения следит за порядком. Бережет людей от иллюзий, круша их и возвращая к истинным ценностям. Многорукий танцор.

Вдруг, мужчина вскочил на атрофированные ноги из позы лотоса. Монахи равнодушно мычали дальше свой текст. «Ну конечно! Как же я раньше не догадался? Все, что мне нужно это обмануть течение жизни, а для этого мне понадобится...»

Он поклонился статуе и поспешил покинуть монастырь. Технология фотографии еще только появлялась, и потому, на пленку часто запечатлевались дефекты и искажения. Это и нужно было.

Дождавшись, когда возле огромной статуи во дворе храма никого не будет, мужчина установил напротив нее камеру. Прикинул расстояние и позицию. Поместил на подставках два зеркала под углом, между которыми впоследствии встанет. Это заняло более десяти минут. Человек нервничал. Вспотел. Руки его плохо слушались. Он не знал, сработает ли его теория на самом деле. Он должен попробовать. В любом случае, он щедро заплатил одному служке, который дал слово, что отдаст камеру доверенному лицу и тот проявит фотографию. В таком случае, участник эксперимента найдет способ вернуться в реальный мир из зазеркального. Но если...

Нет! Хватит думать о плохом. Нужно доверять людям и ве-

рить в доброту души, тогда это вернется к тебе.

Мужчина надел костюм, встал перед камерой, установив время. В руках он держал картинку с цирковой палаткой балагана.

Через несколько секунд все произойдет. Он находился четко посередине между двух зеркал, в которых отражался сам, и отражалась статуя, возвышающаяся над безумием человека. Раздался хлопок и густой едкий дым покрыл площадь, доходя до ноздрей Шивы. Когда же он рассеялся, то прибежавший служка обнаружил испачканные мутные зеркала, повалившуюся набок камеру и безразличного бога...

Лучше я чего-то не увижу, чем это будет последним, что я увижу

Дождевое нападение. В такую погоду возможно все. В том числе и обычное нападение. Примерно так и произошло. Циркачи жили своей жизнью, скрытой кулисами, палатками и гримом, прятались в костюмы. Никто и подумать не мог, что в такой серый противный день случится такое.

Клоун Билл ведет подобающий ему образ жизни: ест Kinder шоколад, моется детским шампунем, слушает детское радио с веселыми песенками и сказками. Радиоприемник как старый друг всегда что-то шепчет ему. Все это особо нравилось цирковому мальчику Снорре, который всегда после репетиций забегал к нему послушать вместе радио, угоститься и просто поболтать. Это скрашивало одиночество Билла и давало ему стимул жить порядочно, несмотря на то, что он теперь не властен над собой.

Хотя познакомились они не очень. Билл тогда был не в форме. - Попробуй-ка нюхни малыш. Я сам готовил этот порошок. - сказал он, предлагая мальчику познать участь падшего человека.

- Зачем мне это пробовать? Для этого есть более глупые люди. Ты не такой! Перестань так делать, пожалуйста! Я не хочу видеть тебя таким. - сказал Снорре и выбежал прочь.

Как бы непросто это ни было, но на удивление эти слова заде-

ли клоуна и он захотел дать себе еще один шанс.

Но в этот день Билл опрокидывал бутылку коньяка и равнодушно смотрел, как лужица воды затекает к нему в палатку. На щеке у него зиял след от окурка сигареты. Шуту не понравилось, что Билл рылся в его вещах, но клоун знал, что шут что-то скрывает. Наивно было полагать, что тот стал бы держать опасные предметы подле себя. Наверняка у него есть потайное место. Надо бы проследить за ним... Билл так и сделал. Ночь все равно представляет мучения и кошмары, так почему бы не последить за напарником? Пришлось стать черным копателем и взять грех на душу, но это стоило того. Теперь, он владеет тем, о чем никому не следует знать и надо это перепрятать.

Не сразу глаза его заметили вошедшего. Человек был в черном балахоне и лицо было сокрыто то ли тенью, то ли еще чем. - Где хозяин? – спросил гость.

Билл медленно поднял на него глаза и стал просто смотреть без мысли, без участия.

- Где он? – повторил вошедший.

- Я не знаю. Он сказал вчера или позавчера... что у него есть срочное дело.

- Какое?

- Вы хотите ему помочь?

- Не исключено.

- А мне? Мне вы тоже поможете? Также как и Снорре? – память отозвалась судорогой и клоун загнулся. Слез не шло, но он страдал. Он согнулся и обхватил ноги руками, свесив между коленей голову.

- Где шут? – снова задал вопрос человек.

Билл с трудом разогнулся. Так хорошо ему было в том положении. Кровь скатывается в голову, голова тяжелеет, коньяк расширяет сосуды...

- Где, я спрашиваю тебя мразь! – гость совершил захват клоуна и тот беспомощно замычал.

- Мне кажется он все знает. Он работает на хозяина. Я не уверен, но быть может он достал ту шкатулку, вытряс ее у пацана. – перевел стрелки на коллегу клоун.

- Адрес!

Зрочки Билла сузились, когда он увидел на лице гостя белую маску а за ней два ледяных глаза. Билл единственный, кто знал. Он умудрился найти сбежавшего после того события парнишку, но отдать ребенка в руки душегубу...

- Я не скажу тебе. Потому что я ничего не помню. Ровным счетом ничего. Ведь я в тумане. Да хоть убей меня! Ты не изменишь ничего. – натянул улыбку Билл, хотя он протрезвел достаточно, чтобы понять ситуацию.

- Тогда я действительно убью тебя. – процедил гость и что-то колючее впилося в живот, а потом поползло вверх и обратно вниз, застряло и поелозило. Человек отпустил клоуна, который уже не улыбался и растерянно смотрел на залитый кровью пол.

- Как некрасиво было выпотрошить мои кишки! Ух ты! А я и не знал, что они такого цвета и так воняют. – говорил артист дрожащим голосом.

Человек в балахоне и маске исчез.

Когда через некоторое время жонглер зашел попросить грима у клоуна, он завизжал как женщина. Сбежавшиеся циркачи наблюдали сцену, как Билл с улыбкой на лице забивает полости живота искусственным материалом, вытряхнув свои органы. Красит гуталином губы перед зеркальцем. Заливает дизель в глотку и хохочет.

Вбежавший бледный шут оттаскивает от него канистру.

- Что ты делаешь!? – озирается на полость и его мутит.

- Я не доверю свое сокровище этим уродам хлопковым.

Циркачи поспешили с новостями к Луизу. Он сидел на инкрустированном троне для представлений и в который раз без труда одерживал победу. Под потолком в петле виселицы горела лампочка для играющих в карты.

- Хм, как интересно. Кто же эта личность? Хотел бы я знать. – почесал бородку Луиз. - Как думаешь, тот урод больше не объявится снова?

- Упаси хозяин! Я не готов к такому. Никто не хочет испытать то, что выпало сегодня Биллу.

- Верю. Но это не столь страшно. Скоро вы поймете всю прелесть союза со мной.

- Поспешите хозяин. Биллу плохо. – звал жонглер.

Луиз поднялся и последовал за ним в палатку шута и клоуна. Все сгрудились, задавали вопросы. Всех интересовало почему клоун еще жив и увлеченно убирает органы в баночку, внутрь себя напихав какой-то сверток тряпья. Сошел ли он с ума или благодаря хозяину он стал...

- Ну-ну, полноте. Зашейте ему брюхо. – осмотрев палатку бросил Луиз и пошел прочь.

ЗАЗЕРКАЛЬНОЕ

- 14 -

Болты – металл. Рельсы тоже металл. Машина и кран – металл. Часы – металл. Настоящие, качественные механические часы.

Компьютер по своей сути – металл. Мост, по которому идешь – металл. Крепления, диски, каркасы, стержни в домах – металл. Музыка струн – металл, как и человек, создающий все это.

Тело органика, а душа металл. Металл побеждает органику, пусть и повреждаясь и окисляясь, просто потому, что он жестче. Правда на стороне сильных.

Пирсинг - металл, украшения – металл.

Вся жизнь, смерть и пустота между ними сводятся, по большому счету к металлу. Металл в отношениях, металл в просьбе, метал в мести, металл в прощении и заботе...

Зачем этот обман и иллюзии? Что бы ты ни делал, все придет к металлу.

Суицид – лучший способ познать металл. Один шаг в пустоту и металл раздавит тебя, или металл упадет сверху, или металл взорвет тебя, металл пронзит тебя. Потом, металл увезет твои останки и переложит их на разделочный стол, опять же из металла, у эксперта криминалиста, у которого сердце из металла...

Жизнь. Борьба. Существование и перекачивание изо дня в день лишь оттяжка встречи с металлом.

Арод шагала по своему городу и отыскивала глазами частички металла. Пуговицы военного пальто, колечки на пальцах, набойки на сапогах, цепочка на шее или на ремне... люди зависимы от металла. Зависимы прочно и бесповоротно, но задумывается ли хоть кто из них, что даже металл умеет петь и чувствовать?

Люди постоянно ноют, что свинцовые тучи собрались у них над головой, выхлопы образуют смог, который металлом оседает в их легких и тяжелая грусть заставляет их прерывать свои дни. Металл влияет и подавляет их душевные порывы. Металл груб и непреклонен. Некрасив, но надежен. За это его и не выкинули. В диковину видеть дом, собранный без единого гвоздя, без использования молотка, без отопления металлического радиатора и труб...

Не бывает кочерги не из металла.

На картонке сидит старый дед и просит милостыни. Мог бы сесть на металлическую скамейку, было бы надежнее. Никто не знает, что на душе у старика. А металл знает. Металл помнит, застряв в трухлявых костях врага, как его выпустил из автомата этот дед. Правда, тогда он еще не был дедом. У него была вся жизнь впереди, были надежды, цели...

Арод продолжает идти дальше. Передвижная тележка выпечки – металл. Монета на асфальте – металл. Поднимает ее и кладет в карман. Мелочь, а приятно.

Провода – металлические длинные змеи, переплетенные и обмотанные эластичной водостойкой оболочкой. Тоже металл. Лестница заднего хода в грязном дворе – металл. Зонт без спасающей натянутой тряпки в руке – металл в корне.

Человечество не один век бьет головы над этим вопросом,

как сделать всех людей одинаковыми, в одном строе, чтоб без принуждения, проблем и затрат все были счастливы. Им это не под силу, а металл может. И плевать он хотел на всех протестующих дурачков, размахивающих плакатами и пишущих петиции за возвращение в лоно природы. Они надевают камни, носят одежду из растений, едят зелень, но пьют все равно родниковую чистую воду, богатую полезными металлами. Как ни крути, а все они зависят от металла. Так зачем бороться? Говорят, век, когда люди добрались до металла и стали его активно использовать миновал. Жаль их, так как век настоящего металла еще и не начинался. Что было бы, если бы металл победил? Совсем победил? Девушка облокотилась на железные перила и посмотрела вдаль. По небу летали металлические куски с пассажирами внутри. Тут и там раздавались гудки, лязг железа и грохот отливаемых новых деталей. Она блаженно улыбнулась.

Оформление Металлграда отличается от других колоний людей. Мотивы другие, одеты здесь люди во что прет. Но в глубине души Арод знает, что это лишь внешний антураж. Ничего особо не поменялось. Человек – испорченное создание и везде не будет счастлив, даже среди себе подобных и близких по духу. В городе металла живут металлисты. Есть, среди них и красивые. Когда один металлист встречает другого, между ними звякает искра, выбиваемая металлом. Эта искра приводит их к оседанию в какой-нибудь металлической коробке, где на свет появляется новый гражданин этого города под страшные звуки твердого элемента таблицы Менделеева. Металлодемографический бум – звучит угрожающе! Все что для этого нужно – встретить подходящего жителя этого города и жизнь пойдет по привычной металлической колее. Ее двойник попросила ее отыскать сурового блэкера. Город большой, жителей много. Где и как его найти? У нее есть номер телефона и имя. Как ему позвонить и что сказать? У Арод забилося сердце от волнения. Если ее двойник Дора сходит с ума от этого Мота, Тома по-тамошнему, значит ли это, что и Арод потеряет голову при встрече с ним?

Арод погладила круглый магнит в виде подковы на груди.

Самое страшное и единственное, что может навсегда изменить твою жизнь в этом городе это отсутствие магнита. Его дают при рождении и хранят как зеницу ока. Без магнита ты чужак, ты слабак и вообще, существует страшная поговорка. «Выбрось магнит, и город металла тебя отпустит». Звучит забавно, но этих слов здесь боятся абсолютно все суровые личности, населяющие город. Потерять магнит равнозначно потерять все. Себя, семью, статус, авторитет, равноправие, уважение... быть может даже гражданство.

Девушка набрала номер этого самого загадочного Мота и поднесла к уху телефон. Щелчок связи и голос оператора сказал: «Приносим свои извинения, но данный абонент отключен за неуплату и мы отказываемся обслуживать его». Арод убрала телефон. Вот это да! Какой брутальный тип! Бросает вызов даже телефонной службе. Прожигает жизнь на всю катушку, вечно где-то шляется и плюет на все. Она в восторге засмеялась и завизжала. Кажется, он ей подходит и нравится. Поведение наглое, уверенное и вообще грубое. Именно то, от чего она млеет. Она спешит в «Люк» - заведение, где ошивается разный народ. Тут и хакеры, и бездельники, и любители выпить. Можно найти кого угодно и для любой цели. Она была там давно и всего один раз, но сегодня можно потратиться. Вдруг, он будет там? Арод спускается в огромный люк прямо посреди шоссе. Над головой проезжает машина с песней известных исполнителей. Осматривает публику. Никого достойного пристального внимания. Рожи не вызывают интереса и учащения сердцебиения. Играет старая добрая Pretty Maids – Walk Away.

Металлисты, которые общаются с техникой «на ты», сидят в уголке и что-то обсуждают. Арод заказывает для храбрости пива. Выпивает залпом большую кружку и подваливает к столу.

- Ребята, мне ну о-о-о-очень нужна ваша помощь. Не откажите?

- А в чем проблема? – отрывается от очередного устройства очкарик.

- Мне нужно найти абонента с таким-то номером. Местона-

хождение. Разумеется, я оплачу ваши труды любым напитком.
- Да без проблем.

Арод выполнила свое обещание, купила чуваку что он пожелал, сама же с удивлением взглянула на изображение картинки, распечатанный снимок со спутника. Там стоял цирк (вид сверху).

- А вы уверены... - начала она, кривя нос.

- Сто пудово.

- Кого ищешь то в цирке? – усмехнулся сосед помогающего. – Слона с заклепанным хоботом?

- Нет, один чувак. Спасибо огромное.

- Да не за что. Но будь осторожна. В подобных местах нормальные люди не бывают. – сказал напоследок очкарик.

Песня кончилась и началась Call from the grave. Арод вышла из «Люка», отошла на обочину и задумалась. Что это? Неужели шутка? Суровый блэкер и цирк. Несовместимые вещи. Что он там забыл? Может быть... зашел поглумиться над позитивными проезжими идиотиками и валяется пьяный?

Утешаясь такими мыслями, она села в металлический автобус и поехала к цирку.

Полетела белым лебедем

«Он точно обалдеет, когда увидит меня!» - думает Арод, приближаясь к ветхой цирковой палатке с полинявшими цветами.

«Ну, надеюсь, что хотя бы каркас у него из металла, а то я начну беспокоиться за моего блэкера». – она улыбнулась своей мысли. Уже причислила незнакомого человека в свою собственность.

На ней кожаный плащ, обтягивающие штаны, гады, руки в кольцах с черепами, в ушах полно серег, в носу гвоздик пирсинг. Глаза эффектно обведены, коричневая помада, тонкие брови и бунтарски поставленная прическа гелем.

Цирк недавно приехал, потому продажи билетов и толпы желающих не видно. Кругом снуют работники, устанавливая и таская оборудование, вещи, слышится рев животных.

Арод даже растерялась и насупилась, остановившись перед цирком. Она давным-давно выросла из того возраста, когда верят и радуются простым вещам. Жизнь это суровая штука и надо уметь дать ей в глаз, когда она хочет повернуть не туда, куда надо тебе. Так ее вырастили.

Ее брови сдвинулись окончательно, при виде бегающего человека в костюме клоуна. Он раздавал листовки прохожим и улыбался, ведя себя глупо и нелепо. Сторонясь подобного рода контакта, она шла поодаль от него.

- Вот мудак! – выругалась Арод, отворачиваясь.

- Простите? Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил, возникнув рядом человек в костюме шута.

Арод отодвинулась от него брезгливо и оглядела с головы до ног. Розоватый костюм с салатовыми вставками, с сердечками и разными значками нашивок. Бубенчики звенели на его загнутых башмаках и на шапке.

«Металл!» - промелькнуло в голове у Арод и она осердилась. По какому праву этот позитивно настроенный недоносок носит металл?

- Это вряд ли. – ответила она ему сквозь зубы, давая понять, что его общество нежеланно.

- Ну а все же? Я здесь работаю и знаю все. Или почти все. – человек лучезарно смотрит ей в глаза и смеется.

«Ну не идиот ли? Оделся как лох и даже общается также. Клеется убого. Ненавижу таких. А на рожу вроде ниче такой... снять бы с него эту дрянь, отшлепать бы как следует, чтоб улыбка сменилась остервенением от боли... тогда я бы может и заинтересовалась...» - думает она, уставившись на облегающие кальсоны и формы.

- Куда вы так пристально смотрите? – шутит шут.

- Да вот, размышляю, нормально ли это, когда парень носит подобные штаны в сердечках и пытается закадрить девушку.

- съязвила она, идя в цирк.

Шут на несколько секунд задумался, оглядел свои штаны и последовал за ней.

- Черт! Вот так и знала, что по уши вяпаюсь в дерьмо, а отмыть его будет трудно. – в полголоса бормотала себе Арод, слыша шаги за спиной.

- Девушка? А с чего вы взяли, что я к вам клеюсь? Я просто пытался поднять вам настроение. – говорил шут, ровняясь с ней.

- А меня спросить не хочешь, нужно ли мне это?

- Нельзя грустить. – выдал идиому шут.

Арод и вправду стало весело. Она захохотала в загиб, долго и громко.

Шут удивленно смотрит на нее, не понимая причины такого затаянного смеха. Потом, он решил, что его шутка удалась и сам засмеялся.

- Ой! Ну люди... я хую с вас просто. Это что-то невероятное. Нельзя грустить! А что можно? Ты хоть сам, понял, какой бред сморозил?

- Бред? Почему бред? Я говорю правду, грустить вредно и тяжело. Нужно смеяться и улыбаться как можно чаще по жизни.

- Ну, а если я не хочу? Мне не весело. Что я теперь, должна надрываться и выдавливать из себя смех? Так это уже зовется лицемерием. И вообще, оставь меня в покое. Я ищу одного че-

ловека, не до тебя и твоей наивной философии жизни.

Шут продолжал следовать за ней чуть поодаль и бубенцы звенели при каждом шаге. Арод заглядывала в каждый угол, ища глазами кого-то. В зале, на сиденьях, где она ожидала увидеть сурового блэкера было пусто. Люди крепили и устанавливали вышки для прыжков акробатов.

«Наверно уже ушел, пока я добиралась сюда» - вздохнула она, но все же решила спросить, не видел ли кто здесь крутого парня.

Работник, собирающий лестницу сказал, что не видел, хотя работает здесь с утра. Посетителей еще не было вообще, как и выступлений.

Поворачиваясь, чтобы уйти, Арод наступила на одну из трубок. Нога поехала, и девушка потеряла равновесие. Еще чуть-чуть и она бы свалилась, но шут тут же поймал ее. Около двух секунд она пробыла в его объятиях, но этого хватило, для воспламенения гнева.

- Да убереешься ты наконец или нет? Не трогай меня и вобще!..

- закричала она, вмазывая шуту в подбородок кулаком.

- Извините, я лишь хотел помочь... чтоб вы не ушиблись... - пробормотал шут, расстроено отходя в сторону.

Работники, остановились и воззрели на них.

- Все нормально, извините, что мешаю работать. - сказал им шут и пошел прочь из зала. Пошел так быстро, что почти побежал.

Лицо у Арод пылало. Ужасно! Она повела себя некрасиво и грубо. Здесь люди спокойные и занятые своим делом, а она реагирует как волчица или как если бы он провинился перед ней, изменив с кем-то. Возможно, шут действительно не хотел ничего личного. К тому же, он поймал ее, когда она вернулась на железной трубке. Железной? Металл предал ее или наоборот предоставил удачный случай? Случай был бы удачным, если бы это был не шут, а крутой парень, за которым она сюда позорно приперлась. Правильно говорит мама, никогда не следует бегать за мужиками. Кому надо – сами придут.

Арод тоже поспешила к выходу из цирка. Слишком неприятное место, противоречащее ее кодексу жизни и правилам,

здесь, даже металл ведет себя не как обычно и работает против нее.

Она решила, что не будет извиняться перед этим идиотом. Пускай, перестанет улыбаться и познает соль жизни и отказа. Пускай тоже ощутит всю жесть и невзгоды, а не только радость и смех. День для него теперь наверняка испорчен. Девушка стремительно выбежала из цирка, стараясь не смотреть по сторонам, но глаза предательски искали среди людей шута. Со смешанными чувствами не то ненависти, не то стыда за себя, она дождалась своего автобуса. Села у окна и еще раз взглянула на удаляющийся цирк. Шута не было видно.

Приехав домой, она врубила в магнитофоне тяжелую музыку. Пошла в ванную, смыла косметику. На кой черт она сегодня так старательно накладывала макияж? Для кого? Для шута что ли?

Позвонили в дверь.

- Дорогая, что-то случилось? – спросила соседка, заноса ей журнал со статьей о музыкантах.

- Нет. С чего ты взяла?

- Да на тебе лица нет. Как будто влюбилась. Такое замешательство бывает лишь в этом случае. А ну колись кто он. – соседка начала корчить рожи и ее тон звучал издевательски.

- Никто. – Арод захлопнула дверь перед ее носом, бросая журнал на тумбу в прихожей. Сделала музыку громче.

«Да что за бред?! Что, все спятили что ли? Как будто кроме любви нет ничего важного на свете! Просто произошел неприятный инцидент и мои надежды и ожидания разлетелись вдребезги. Что такого? Все ошибаются и делают глупости» - думает она, пиная пуфик к креслу и погружаясь в него, складывая вытянутые ноги на небольшой предмет мебели. Встала и выключила музыку. Сегодня не помогает. Мешает сосредоточиться и думать. Раздражает. Снова села в кресло, на этот раз, поджав ноги.

- Ты такой гений соседка! Нет, блин! В шута я влюбилась! Скажешь тоже ахинею! – вслух сказала иронично Арод и замолчала.

В квартире стояла тишина. Она обняла себя руками и за-

крыла глаза. Воспоминание тотчас же вернуло ее на пару часов назад, когда ее обняли те руки... шута. Она даже почувствовала прикосновение. Такое заботливое и не дерзкое.

- Да пошел ты со своим цирком! И заberi свои руки! – закричала в пустой комнате Арод.

Она долго не могла заснуть. Ворочалась, злилась, била злосчастную подушку. То ей казалось жарко, и она открывала окно, то наоборот холодно и она зарывалась под одеяло, обхватывая себя руками снова и снова, потом вспоминала, что так сделал нехороший, бесполезный и тупорылый человек, и убираала руки в стороны.

Утром, она встала разбитая и выжатая. Сперва, она хотела было пойти к зеркалу, и вызвать на связь свое отражение, чтобы сообщить о неудаче. Но передумала. Она не может так опозориться. Это недостойно ее имиджа и образа, с которым она предстала перед двойником. Нужно попытаться еще. Если она не найдет этого самого Мота (Тома), то ее двойник не будет счастлив, а значит, Арод тоже в глубине души будет чувствовать неудовлетворение.

Она взяла телефон и снова набрала номер. К ее удивлению, она не услышала голоса оператора. Пошли гудки. Арод завоновалась не на шутку. Вот он момент истины. Еще немного, и быть может, суровый парень возьмет трубку. Арод нажала кнопку сброса. Нет. Она не знает о чем говорить с этим человеком. Он чужой для нее. Сегодня по утру, она не испытывала желания знакомиться с ним, и тем более сходитьсь. Подумаешь у Доры проблемы! Это ее проблемы, а она, Арод, будет жить так, как ей хочется и любить того, кого она полюбит. Чему вовсе не быть, того не сгубить.

Телефон в руке засветился и полилась забойная музыка. Девушка вздрогнула и побледнела. На экране был этот самый номер. Суровый металлист заинтересовался, кто это ему звонил. Арод сбросила звонок.

- Что я делаю? Он сам пожелал проверить... возможно, это была кармическая связь, а я так подставляю Дору... она мне как сестра...

Телефон зазвонил снова, но Арод не решилась взять его.

Прошло пару минут, и телефон зазвонил в третий раз.

- Боже! Какой же он настойчивый! Мне даже страшно... - воскликнула она и дрожащей рукой поднесла телефон к уху. Нажала кнопку ответа.

- Алло? Вы, кажется, звонили мне? – услышала она.

«Обычный голос, совсем не звериный. Вежливый. Уже лучше» - думает она.

- Да, простите. Я видимо, ошиблась номером. Мне нужен один человек, но судя по всему это не вы. – выдавила она из себя странным голосом странную фразу.

- Какая жалость... (человек на том конце вроде бы расстроился, если верить голосу), - но ничего не поделаешь. Жестокая шутка жизни. Простите, что отвлекаю вас от дел. – сказал голос и наступила тишина.

По идее, в следующий момент, должны были последовать гудки. Сердце Арод болезненно сжалось. Что-то в манере его разговора, в интонации голоса было такое, что девушка сжала пальцы ног до боли, желая, чтобы он не вешал трубку.

- А вы... Мот? – спросила она, задыхаясь, не слишком надеясь на удачу, и ожидая беспощадных гудков в ответ на вопрос.

- Да, это я. Вам кто-то дал мой номер телефона? Я вас не помню, простите, даже, если мы встречались. Как ваше имя?

- Арод. Да, мы не встречались, но...

- Да?

- Я не могу этого объяснить... это слишком глупо. Простите и... до свидания. – повесила трубку Арод.

Она была красная, кулаки ее сжимались от волнения. Голос и руки дрожали. Что она делает? Да еще и свое имя сказала. Вот дура! Начиная со вчера ее жизнь пошла прахом. Зачем она согласилась на просьбу Доры? Теперь, она даже жить не может без того, чтобы не быть опозоренной и чувства, что она не в своей тарелке. Так всегда и бывает, когда начинаешь жить для других, растворяясь, теряя лицо и достоинство, совершая нетипичные для себя ошибки.

- Если любовь такая жестокая штука... я не хочу любить. – заявила она и выключила телефон совсем.

- Да какие дела в субботу? Ты че спятил Мот? – говорила она,

ходя по комнате. – Я не из тех дешевых людишек, кто будет тратить время своей жизни на пустоту и неинтересное занятие. Ты крупно ошибаешься на мой счет. Ишь ты, какой вежливый! Иди и сам пахай на дядю, а я лучше телик посмотрю.

Она рассердилась еще больше на себя, потому что выдала что-то несусветное и не имеющее отношения к данной ситуации.

Судорожно жмет пульт. Мелькают картинки, сюжеты... кто-то смеется, кто-то плачет, показывают клипы.

Не выдержав, она включает телефон и разговаривает вслух сама с собой.

- Слушай, да что с тобой такое, Арод? Где твоя нордическая выдержка? Зачем? Хочешь убедиться, что этот человек звонил тебе? Да черта-с два ты ему нужна. Подонок.

Телефон загружается, и она видит пропущенный звонок и сообщение. Читает.

«Я проявил чрезмерную настойчивость, требуя объяснений. Прошу прощения».

Арод засветилась от счастья.

- А может, и не дура? – спросила она себя.

«Нет, все окей, это моя вина. Но, уже не важно» - отправляет она в ответ.

По логике, диалог закончен. Больше обсуждать нечего. Она со спокойной совестью потягивается, раздвигая шторы. Вот теперь, можно и утру начаться. Стресс позади. Остается лишь известить Дору о печальном фиаско. Телефон издает сигнал. Арод бросается к нему.

«Быть может, у нас есть общий знакомый? Я давно не видел друзей. Вас не затруднит встреча со мной на неделе?»

Арод нервничает. Этот человек хочет встретиться с ней. Зачем? Почему? Просто невероятно! Уж коли поганый шут так впечатлил ее и заставил волноваться и не спать всю ночь, то какие чувства вызовет в ней суровый металлист в ее вкусе? Нужно расслабиться и позволить вкусу Доры влиться в свою жизнь. Дора – это она, ее второе Я, значит, все так как надо.

«Не затруднит. Когда?» - шлет Арод.

«Вечером у меня выступления, поэтому в любой день в первой

половине».

Девушка плюхнулась на диван, дергая ногами в воздухе как будто едет на велосипеде.

- Класс! Выступления! Он еще и играет в какой-то группе! Дора, я тебя обожаю! Ты просто золотко! – визжит она.

«Ого! Выступления? А сегодня?» - шлет она.

Хорошо бы не томиться, а решить поскорее этот вопрос. Или прет или не прет. Арод не любит откладывать дела в черный ящик на потом, даже, если этот ящик из металла.

«Супер! Как насчет через два часа там-то ? (адрес в центре города)»

Арод подскочила. Через 2 часа? О, ужас! Она в таком страшном виде! Бессонная ночь из-за шута. Какая тупость! Но ничего, крутой чувак изменит это быстро.

Она быстренько написала ему ответ согласия и поспешила собираться к встрече.

*Иногда сосуд оказывается более
умопомрачительным, нежели вино.*

Арод стоит в еще более ярком виде, нежели была вчера. Она приехала за 15 минут до встречи, так как живет она почти в центре. Сегодня, из-за недосыпа, ей потребовалось больше усилий для приведения себя в порядок, но ей кажется, что все равно, все просто ужасно.

«Как он узнает меня? Что скажет при встрече? Понравлюсь ли я ему?» - нервничает она.

Недалеко останавливается какой-то парень в обычном прикиде. Арод мельком осматривает его осуждающим взглядом и ищет глазами среди прохожих прекрасного Мота. Идет время, но он не появляется. То она, то этот стандартный чел смотрят на время в телефонах.

«Видимо тоже ждет кого-то. Ненавижу, когда опаздывают! Если бы это был не крутой металлист!.. Ни за что бы не простила такое.» - начинает сердито топтать гадом Арод.

Время перевалило за установленное для встречи. Человек, стоящий неподалеку смотрит на нее.

«Отвернись!» - думает она, и стискивает зубы, когда видит, что он идет к ней.

«Наверняка с тупым вопросом или немощью, типа у него телефон разрядился и надо знать сколько время. Ненавижу!»

«Спокойствие... только спокойствие»

- Простите... вы... Арод? – спрашивает человек.

Она поднимает глаза и видит... вчерашнего шута, только без идиотского костюма. Сто пудово его рожа.

- Что надо? Позвонить не дам, во вчерашнем не раскаиваюсь.
– рычит она, на всякий случай делая шаг назад, вспоминая его руки и бессонную ночь.

- Вы Арод? – повторяет вопрос человек и до нее доходит смысла ситуации.

- Мот?.. – спрашивает она вопросом на вопрос.

Оба уставились друг на друга в немой сцене, но занавес не

упал.

- Арод...

- Не называй меня по имени!

- Извини. Не держи на меня зла за...

- Я не держу зла! Мое зло неудержимо. – говорит не поворачиваясь.

- Тогда в чем же дело? Я не понимаю. Как ты узнала мой номер? Ведь кто-то тебе его дал. Ответь мне! Кто? И вчера в цирке, ты искала... меня?

Арод остановилась и резко повернулась.

- Много о себе воображаешь, шут гороховый.

(идет дальше)

- Чем профессия циркача тебя бесит? Чем обычный шут хуже обычного металлиста?

Арод снова остановилась и глубоко дышит, чтоб не сорваться от бешенства. Лицо ее напряжено. Она смотрит на руки говорящего с ней. Обычные. Что в них такого магического, что они мучили ее всю ночь?

- Сейчас позову полицию, и они арестуют ту, кто никогда не улыбается. – смеется Мот, пытаясь разрядить обстановку.

- А в рот не хочешь, чтоб морем пахло? – огрызнулась она и в раздражении шагает прочь, сжимая кулаки.

Гнев душил ее. Да что же это за наказание такое?! Это просто издевательство! Два дня она испытывает сильнейшее разочарование.

«Дора! Я ненавижу тебя! Я ожидала чего-то не совсем подходящего, но это просто жесть! Такая подстава!..»

- Подожди. Согласен, шутка не удалась... - подбегает Мот.

- Да нет, все круто! Шутка надо мной как раз идеально удалась. Веселитесь оба: шут и шутник! – повышает голос Арод.

«Как ты могла? Это жестоко! Я не выношу этого человека. Он бесит меня! Я ненавижу его всеми фибрами души! Он не катит мне ни по одному параметру! Он просто никакой... он ужасен в своей простоте и серости!»

За пределами ее мыслей слышится голос шута.

- О чем ты говоришь? Так это тот человек, кто дал тебе мой номер, заставляет нас встречаться? Но зачем ему это нужно?

Ты знаешь его?

- Не его, а ее. И да! Я знаю этого человека.

- С какой целью? Я... я просто не знаю, что сказать на все это...

- Именно поэтому, сделай одолжение: заткнись и скройся. Шута мне только не хватало!

- Почему ты так сильно ненавидишь меня? (Мот уже не выглядит спокойным)

- На это есть причины. А вот зачем ты продолжаешь идти за мной, этого уже я не догоняю. Мазохист что ли? Тебе нравится доводить людей? Ты энергетический вампир?

- Нет! Я просто хочу знать правду. И я имею на это право. Поставь себя на мое место: ты сваливаешься на меня, ударяешь, унижаешь, кричишь, звонишь мне... при встрече избегаешь прямых ответов, и снова все по кругу как на арене цирка. Что я должен думать о тебе? О ситуации? – вопрошает Мот, но Арод не смотрит на него, продолжая идти.

- Не парься. Больше я не буду беспокоить тебя. Это было просто ошибкой. Я знаю, кто так жестоко пошутил надо мной, и я разберусь с этим.

- Над нами! Я здесь тоже замешан. – поправляет Мот.

- Нет никакого «нами»! Только «Я». Ясно?

- Ясно! Я был лучшего мнения о девушках из города металлостов и о тебе в частности, но вижу, что... - остановился циркач.

- Что ты видишь? Розовые очки позитива разбились? Шут больше не может улыбаться и подскакивать? Думал, я наивная штампованная клавиша?! – обернулась Арод.

- Вовсе нет! Я просто не могу понять... что такого должно было произойти с человеком, что он стал таким ядовитым и жестоким. За что такая личная неприязнь?

- Жестоким? Это я жестокая?! Сам виноват, привязался как кобель! Да мне наплевать на тебя, есть ты на свете или нет! В гробу цинковом я тебя видала! Я не собираюсь продолжать этот бессмысленный разговор.

Арод почти осипла, срывая голос, так ей было невыносимо продолжать всю эту тяготину с человеком, который разбил

ее мечту о прекрасном металлисте.

- Так откуда неприязнь, точно ты знаешь меня? Слабо зайти со мной в кафе и спокойно обсудить все без угроз и дешевых понтов?

- Тс! (смеется) Ты издеваешься, верно? Ты хамишь мне так, будто у тебя в кармане есть запасная челюсть! Мне не слабо. Но вот смысла в этом не будет. Я знаю того человека, его мотивы и цели, а ты нет. Зачем молоть языком впустую? Здесь нечего обсуждать, считай, что это была всего лишь галимая игра плохого актера.

- Игра? Ну так давай доведем ее до конца. Почему нет?

Арод словно ледяной водой облили.

«Довести игру до конца... это как? Он ничего не знает, но согласен на безумные правила Доры?!»

- Это тебе нравится играть в своем цирке все подряд. А мне не нравится играть в игру, если мне уже известна моя роль в ней. Я не могу подыгрывать. Мне не интересно и это ниже моих принципов.

- Принципов! – усмехнулся Мот, - Так значит, все-таки слабо сесть за один столик с шутом. А говорят, что жители города металла доброжелательные ко всем.

Циркач засунул руки в карманы куртки и пошел прочь.

«Ааарргггrrrrrr! Как же ты меня бесишь!!!»

- А ну стоять! Я могу сесть за один столик с шутом. – крикнула ему вдогонку Арод. Он повернулся, и не вынимая рук из карманов, шагая спиной ответил:

- Ну что ты! Не нужно ломаться и делать это только ради сохранения имиджа, а не ради душевного расположения. Я уже все понял. Бывай.

- Да? И что же ты понял, мистер психолог?

- То, что у тебя тяжелая судьба. Поэтому ты ненавидишь людей, считая их виноватыми и ничтожными, слабыми. То, что у тебя не ладится что-то, не повод вгрызаться в глотку любому, кто имеет свое мнение и отличный от твоего взгляд на мир. Прощай, я уже услышал достаточно для того, чтобы провести вечер в агонии. Оставайся в своем негативе мисс недотрога.

У Арод запылали щеки.

- Ну и катись отсюда ко всем чертям! Кому ты нужен? Что ты вообще понимаешь в жизни? Легче же натягивать улыбку и подстилаться, чем идти не сгибаясь после пережитого в детстве!..

Арод замолчала. Почему она говорит об этом противному человеку? Он все равно не поймет, даже если очень захочет. Да он и не захочет. Не дано.

Ей вдруг стало очень больно и одиноко, так мерзко, будто она бросает свое распахнутое сердце под ноги свинье в дерьмо.

«Горизонт завален».

«Зачем я это сказала? Зачем показала слабость? Почему я едва не обнажила свою боль перед чужим и ничтожным человеком... шутом?! Он ведь поднимет меня на смех, на большее он не способен...»

Арод обхватила свои плечи руками, и ноги с трудом несли ее к остановке. Гады стали тяжелыми как вся ее жизнь, словно на них гири привязали. Секунды казались бесконечностью. Мир снова стал безразлично серым и металлическим, чужим и холодным, даже беспощадным к ней и ее боли. Где-то гремели шумные металлические электрички, катались машины с музыкой. Фонари загружаются в городскую матрицу, и загораются цепочкой. Она смотрит на небо, где висит луна.

«Говорят, на луне есть умные кратеры. Должно быть, очень классно залезть в один из них и не вылезать в этот жестокий мир... Как глупо! Небо, перестань манить меня, ведь за твоими туманами нет ничего, кроме боли...»

Девушка опустила голову и разомкнула скрещенные руки. Нужно быть сильной. Когда волка кусает шавка, не нужно реагировать. Шавка это стайное животное, действующее массой. Она не представляет интереса и реальной угрозы, и нужно свести к минимуму любые сношения с людьми шавками, потому что если они не из твоей стаи, они всегда стараются укусить. А если ты начнешь огрызаться, они позовут остальных и тогда тебе конец. Вот и сейчас, препираясь с глупым шутом, который на другой волне, она лишь заводит впустую себя. Ему ничего не доказать, ибо он не волк.

«К чему все мои принципы, если я все равно не могу наладить контакт с людьми? Шут прав в одном, - я жестокая, из породы зимних душ... никто никогда не полюбит меня, не сможет понять и простить... беспросветное пустое будущее ждет меня. Шут то найдет свое убогое счастье в его понимании. Она будет любить его без памяти, а он будет трахать ее до дури. Шикарно и предсказуемо! А что ждет меня? Молодость в непонимании, зрелость в осуждении, старость в унижении. Если ты одинок тебя бьет система. Но ничего, нужно же смотреть позитивно на все! Всего-то несколько десятков впереди. Не более шести, и будет вечный покой. Все уроды заткнутся и уже не будут меня волновать...»

Арод задумалась о перспективах так сильно, взирая в небо, что не сразу поняла, что крепкие пальцы циркача осторожно обхватили ее чуть выше локтей. Тепло подошедшего человека исходило из рук и сзади, почти возле уха она услышала тихий голос, который вывел ее из размышлений.

- Мне жаль... я не хотел беречь твою рану.

Ей было так спокойно и комфортно стоять вот так, глядя куда-то, и ощущать эти руки на себе, что она с трудом выскользнула из них, хотя ей это стоило всей силы воли, которую она по обыкновению собрала в кулак. Только воспоминание о том, что это противный шут, а не крутой металлист, заставили ее сделать это. И вместо того, чтобы поехать домой, она с удивлением услышала себя, задающую вопрос:

- Ну что, зайдём в кафе?

Верю твоим глазам

Через дорогу располагалось кафе «Удавка». В дневное время суток народу было не так много, и свободный столик нашёлся. Два свободных официанта подошли к ним с разных сторон, и посетители сделали заказы.

В забегаловке тихонько пели свои песни старые группы, такие как WASP, Whitesnake и им подобные, лаская слух и расслабляя.

Одна песня доиграла и началась другая. Молчание тяготило

Арод. Зачем шут так настойчиво звал ее в кафе? Что обсуждать то, если сам молчит? Или он надеялся, что она бросится ему на шею, пропустив пару стаканчиков?

- Какую музыку слушаешь? – спросила она.

- Разную, что придется. – ответил Мот.

- Ага! Цирковая, небось, и на будильник стоит? – смеется девушка.

- Нет, такого не имею. Мне ее сполна хватает во время тренировок и выступлений. А ты, очевидно, любишь то, что любезно предлагает тебе этот город? – откинулся на спинку металлического стула он.

«Мне кажется, или он только что витиевато опустил меня, назвав штампом?!»

- Да пошел ты! Что ты вообще понимаешь в металле?

Арод встает, чтобы уйти, но в это время приносят заказы. Ему апельсиновый сок, ей темное пиво.

- Не будешь? – спрашивает шут, отпивая сок.

- Выпью! – бросает вызов она и садится на место, потягивая пиво.

«Было неразумно пытаться пойти на мировую, мы несовместимы в корне. И что только Дора нашла в этом придурке?» – думает Арод, уставившись в столик. Потом смотрит на стакан сока.

- Ха! Сок! – комментирует она выбор собеседника.

- Да, для того, чтобы летать под куполом цирка, нужен трезвый взгляд, а то и убиться недолго. – Мот невозмутимо двигает ртом, Арод наблюдает за движением его губ, оторвавшихся от стакана.

- Летать под куполом? Да ты же простой шут! Хватит гнать!

- Шутом я стал недавно, получив растяжение кисти. Но сегодня, я уже буду участвовать в номере. Придешь?

Мот поднял от сока свои глаза и посмотрел ими прямо на Арод. У нее ноги обвили с силой стул.

«Охренеть! Какие у него глаза! Секунду назад я готова была его разорвать и линчевать, но...»

Мот смотрит ей в глаза так просто, с едва заметной лукавинкой, что она забыла про свое пиво и про то, что надо бы

ответить на его вопрос.

«И как я раньше не заметила их? Он что, сменил глаза? Или он был в линзах?.. Или я была слепа? Или его идиотский прикид скрыл такой огонь от меня?»

«Наверно так выглядит человек без проблем... все, что он делает полно покоя и дружелюбия...»

- Придешь? – повторил вопрос Мот, глядя на другой столик. Потеряв зрительный контакт, Арод пришла в себя.

«Подумаешь, глаза! Это ничего не меняет. Пошел он, этот поганый шут!»

- Посмотрим. Вряд ли. – буркнула она недовольно, уходя носом в кружку.

«Он понял, что я думала о нем. Теперь захочет не упустить шанс и отомстить мне побольнее. Готовься. Наверно, я в его обалденных глазах просто падшая женщина, намалеванная, пьющая пиво, тогда как он сам пьет сок... говорю грубые вещи, как последний чурбан...»

- Мне было бы приятно ощутить поддержку знакомого человека. Я в этом городе впервые и никого здесь не знаю. – сказал циркач.

«Снова эти глаза... я должна выработать иммунитет и надеть броник, иначе его магия ослабит мой боевой дух... надо изменить тему беседы, а то он давит на меня привязанностью. Дора!!!! Чтоб тебя!..»

- Как ты стал циркачом? Твоих родителей убили, как у Робина в Бэтмене? – спросила она, хмурясь.

Мот заразительно рассмеялся.

- Нет, что ты! С ними все хорошо.

- Тогда зачем?

- Что зачем?

- Все это...

- Зачем выбрал профессию и остался в цирке?

- Угу. Мне интересно, чисто для галочки, зачем подобное занятие нужно такому... (Арод едва не сказала «офигенноглазому») парню как ты?

- Ну, в каждом цирке есть свои секреты, всякая профессия не без сюрпризов. Мне нравится дарить людям радость, ви-

деть их улыбки, заставляя немного переживать, когда я делаю опасный трюк или сальто в воздухе. Все люди, в конечном счете, просто хотят быть счастливыми и заниматься любимым делом. Я ответил на твой вопрос?

- Да ты просто комплексуешь! Меня вот такое не заставляет улыбаться ни разу! Это никому не нужный неоправданный риск! И вообще, цирк это место, где скучают даже призраки. Все ваши актеры лицемеры, сами страдающие депрессией люди. – выдала она.

Мот промолчал на ее реплику. Он о чем-то думал. Пауза затянулась.

- Скажи мне, мисс металл, у тебя есть мечта? (снова смотрит в глаза, на этот раз испытующе)

Арод не ожидала такого глубинного вопроса и взгляда. Что на это можно сказать незнакомому человеку?

- Она есть у всех. – промямлила она, опуская глаза.

Циркач продолжает смотреть на нее. Она чувствует это, ощущает каждой клеточкой своего тела. В кафе становится душно, хочется сбросить одежду, но это будет еще более некомфортно. Еще как назло начинает играть песня Motley Crue – Too Fast for Love. Она понимает, что краснеет и это ее бесит.

- Чего уставился?

- Ты интересная. – слегка улыбнулся шут.

- В каком смысле? Что ты имеешь ввиду?

- Забудь, в моем мнении или похвале ты точно не нуждаешься. – говорит он, и отодвигает стул от стола. Встает.

- Да уж... (вертит пустую кружку пива)

- Просто...

- Ну? Договаривай уж, раз начал.

- После выступления, я пойду за город отправлять свою мечту в небо. Не хочешь присоединиться?

Арод удивленно смотрит на него. Что еще сокрыто за этими загадочными глазами? О чем думает этот неадекватный человек со странной профессией? Зачем он зовет ее с собой? Что он задумал?

- А ты доживешь до вечера? Не убьешься в своем цирке? Раскидывается тут приглашениями...

Мот смеется.

- Без понятия, как пойдет. Приходи и увидишь сама. Если что, будет кому отнести мои кости и пустить фонарик вместо меня.

- Ха-ха, нет уж, твои кости я не потащу такую даль ради глупости.

Лицо Мота стало серьезным.

- Ты считаешь, загадывание желаний глупостью?

- Это по-детски.

- Не вижу ничего плохого в том, чтобы оставаться чуть-чуть ребенком.

- Ну, конечно! Пора бы уже вырасти и знать, что это приносит боль и разочарования.

- А также искреннюю радость и новые надежды. Все! Решено. Сегодня же я поведу тебя туда, где ты будешь заново учиться мечтать. – торжественно заявил Мот, поднимая Арод за руку из-за стола.

Она отдернула свою руку как от горячей плиты.

«Снова магическое прикосновение... нельзя позволить ему понять мою слабость».

- Не решай за меня, что мне делать. – усмехнулась она, забавляясь идеей и самоуверенностью собеседника.

Мот прикусил губу, лукаво наблюдая за действиями знакомой.

Арод бодро спешит домой. Ее ноги чуть ли не подбрасывают ее. Она смеется сама себе и этому безумному человеку. На что он надеется? Неужели, в самом деле, он думает, что его глупый позитив и наивность смогут стать чем-то и для нее, изменить ее мировоззрение?

На углу дома, возле которого она ждала светофор, стоял кто-то в длинном пальто и шляпе, на манер детективов.

- Наверно это нормально, хотеть семью и любимого... О чем мечтают мертвые души? – произнес он с хрипотой.

Когда Арод обернулась, человек уже показал спину и спешно вошел в подъезд. На парاپете лишь тлела папироса.

«Он что, сам с собой разговаривает?»

Когда она приблизилась к дому, на асфальте была нацарапана мелом надпись «Ад там, где сердце. Мир не так красив, как ты думаешь». Дождь со снегом постепенно смывали ее, но еще можно было прочесть.

«Странно... кого это из соседей на философию дума (*жанр музыки) пробило?»

Она вошла в квартирку. Все как всегда на своих местах. Повесила плащ и подкинула тяжелый гад в прихожей до потолка. - Хи-хи! Мот, ты так странно и смешно выглядишь! Такие глазница и совсем нет вкуса! Тебе бы косуху...

«Твоя одежда будет классно выглядеть только в одном случае – на полу моей спальни!» - вдруг подумала она и поспешила помыть лицо холодной водой.

- Идти или не идти в гребаный цирк? Что я там не видела? Поддерживать шута акробата? А может, ну его ко всем чертям? Лучше отдохну.

Арод набрала ванну и опустилась в нее. Расслабление потекло по всему телу. Она закрыла глаза, и перед ней мелькало лицо Мота и отрывки его фраз, как двигались его губы в разговоре.

- Вот ведь привязался! Это из-за тебя, Дора!

Она вылезла из ванны, не пролежав там и получаса. Послониалась, попробовала сделать уборку, почитать. Вся работа прекращалась, едва начавшись, и она замечала за собой, что просто сидит и смотрит в пустоту.

- Ладно, черт с вами, схожу в цирк.

С момента, как она приняла решение, у нее появилось какое-то волнение на душе, точно она совершает преступление.

Она надела мешкообразную вязаную шапку, ничем не привлекательную куртку и старые ботинки. Она даже не стала краситься, а то вдруг, ее кто узнает, и будет неловко подмочить себе репутации посещением подобного места. По пути, пока она ждала и ехала в транспорте, ей чудилось, что на ней установлен бдительный глаз, что кто-то, или все сразу, пялятся на нее и осуждают, следят. Но к ее изумлению, много людей шлепало в палатку, потому можно было легко затеряться в толпе.

*Разбуди меня нежно
от тяжелого сна души*

Итак, она в цирке. Люди шумят, разговаривают, стараясь докричаться друг до друга, но предвкушение зрелища будоражит их. Суровые личности привели своих пассий и мелких отпрысков поглазеть. Арод расслабилась. В конце концов что может случиться в таком людном месте? В цирке? Зря она переживала за свой имидж. Она нашла свое место в 8 ряду под номером 36. Села. Вскоре погас свет и стихла болтовня. Задорно, как на марше стучат барабаны. На арену устремляются прожекторы, меняя цвета. Подвешенный под куполом зеркальный шар стреляет лучиками и бликами во все стороны, создавая подобие звездного неба с мириадами небесных тел. Шар отводят в неосвещенную зону и под нарочно позитивную музыку выскакивают трюкачи. Они намалеваны, длинные улыбки уродливо вздыблены на бледных лицах. Выдувают пламя изо рта, кидают ножи, жонглируют ненастоящими гранатами, делают колесики и шуточно дерутся, подбрасывая партнера и перепрыгивая его.

Арод наблюдает их кривляния в театральный бинокль. Почти с радостью, она не находит среди этих идиотов знакомого шута. Он сегодня выступает в другой категории. После, идут фокусы клоунов, пантомима, разные сценки с животными. Девушка усердно вглядывается в дрессировщиков, пытаясь уловить напряжение и испуг оплошности перед публикой, но грим надежно спасает их от позора. Таким образом, нарисованное краской лицо уничтожает настоящее, лишая его любого проявления эмоций, кроме обозначенных. На арене объявляют новый номер – выстрел из пушки. Арод уже истомилась. Невыносимая музыка угнетает и насилует ее уши и мозг, смех зрителей и улыбки артистов раздражают. Хочется уйти. Спине было неудобно и она обернулась. Со всех сторон лился хохот, кроме как за спиной. Там сидела немая персона в белой маске. В темноте, глаза были полностью чер-

ными и адски блестящими. Арод передернуло и по спине пополз недобрый холодок. Кто это? Актер? Наблюдающий? Она обернулась снова, но место было пустым. Тщетно поискав глазами уходящую фигуру в зале, она успокоилась. Показалось.

Она устало поднесла бинокль к глазам и видит мускулистое тело в обтягивающем красном костюме с белыми звездами. В нем она узнает знакомого шута. Его глаза радостно светятся, когда он залазит в ствол.

«Циркачи хитрые люди, у них полно уловок и себе то они не навредят, но все же... каким образом производится толчок? Идет ли удар по ногам?»

Улыбчивый ассистент зажигает фитиль и паясничает. «Мразь! Только посмей сделать что-то не так... Лично отобью почки!» - мысленно разговаривает металлистка с актером. Она непроизвольно скрещивает пальцы на свободной от бинокля руке. Раздается грохот. Красный костюм со звездами взмывает прочь из пушки как ракета. Его несет вверх. Внизу нет никакой страховки, как отмечает зрительница. Зал объединяется в общем «ох», и затаивает дыхание. Арод чувствует замирание сердца.

«Да с чего бы это мне беспокоиться за него? Он делает это каждый день» - злится она на себя.

Свет прожектора движется вместе с акробатом. Пик барабанной дроби и напарник поймал «снаряд». Живой. Мот помахал рукой зрителям, и под общий гул оваций, начал делать сальто с переворотами, хватаясь то за перекладыны, то за крепкие руки товарищей по несчастью...

«Как легко и пластично он рискует жизнью, словно это игра!.. Красивая игра. Чума! Завидую, у него есть те, кто надежен... они сплоченные и друг за друга горой... шавки! Слабые бесхарактерные шавки!»

Арод, за эти несколько минут прыжков и полетов под куполом, чуть не поседела от негативных мыслей. Ненависть к нему и его образу жизни, к дружному коллективу и друзьям, обида на свою жизнь и страх за знакомого испытала она. Каждый раз, когда он отпускаялся от платформы или жерди, она напрягалась.

«Упивается славой и моим страхом за него, гаденьш! Не ценит жизнь и на других плевать. Вот уж не позавидую его будущей жене! Что ни день стресс и неизвестность».

«Интересно, он знает, что я пришла? Есть ли ему вообще дело? Помнит ли о том, что мне пел про поддержку в незнакомом городе или это лишь желание получить лишнюю монетку? Наверно купается в славе и пожирает энергетику зала...»

Когда все закончилось, и люди стали расходиться, Арод с грустью посмотрела на еще недавно активную арену. Сейчас там было пусто. Что сокрыто за ней? Какие тайны скрывает цирк?

«Небось переодевается, рук не хватает, чтобы принять цветы и дары от поклонниц в гримерке, поздравления льются рекой... Зря убила вечер и приперлась!»

Решив, что встреча после цирка не состоится, она последовала за толпой. В кармане завибрировал телефон.

- Слушаю. (утомленно взяла трубку)

- Ты была в цирке? – слышался бодрый голос с отдышкой.

- А тебя это интересует?

- Конечно! Я чувствовал, что летаю не напрасно, и есть кто-то, кто как ангел хранитель контролирует мои действия и отводит от ошибок.

Арод промолчала. Слишком здорово, чтобы эта ложь была правдой. Она предсказуема в своем любопытстве к непонятному, и к тому же, выдала свое переменившееся к нему отношение, когда посмотрела в глаза.

- Прошу тебя, не уходи. Я сейчас буду. – продолжал циркач.

Она не ответила.

«Да что он о себе возомнил? Думает, я буду как собачка исполнять его прихоти?».

И тем не менее, пусть и возмущаясь, она задержалась у входа, где ее и нашел запыхавшийся Мот.

- А где звезды и ультрамодный костюм? – поддела она его.

- Не хотел смущать тебя.

- Да я уже почти привыкла. Что для меня может быть страшнее уже знакомого одного клоуна в красном?

- Два клоуна. – предположил Мот.

Железный трамвай переправил их через мост на другую сторону. Там, неспеша, прогулочным шагом шли двое с бумажными фонариками в руках.

- Как часто ты это делаешь? – спрашивает местная.
- Я запускаю мечту в каждом городе, куда приезжает цирк.
- Да? Вот тебе заняться нечем! Смешной ты! И жадный на желания. – смеется Арод. – И о чем твои мечты?
- Они разные, в зависимости от того, что я испытываю на данном этапе жизни. Иногда, это эгоистичные и корыстные мечты, как например, получить побольше денег, чтобы накопить на квартиру. Я хочу свой угол, куда бы я мог возвращаться время от времени. Да и карьера акробата это не на всю жизнь, как понимаешь.
- Ну, это хорошая мечта. А еще? – допытывается она.
- Порой, когда мне одиноко и тяжело, когда я не могу улыбаться от души, я запускаю фонарик, желая, чтобы он исполнил мечты тех людей, у кого они лучше и интереснее моих. У кого не исполнены желчи и претензий на жизнь.

Арод слушает Мота, и целая гамма вопросов и мыслей захлестывают ее.

«Так значит, он не постоянно на позитиве?»

Циркач смотрит в небо, куда улетаёт его фонарик. Наверно он что-то загадал и сейчас. Арод держит свой фонарик.

- Зажечь? – спрашивает Мот.
- Я... не знаю что загадать.
- Почему? Разве ты ничего не хочешь?
- По сравнению с твоими мечтами, мои слишком ущербны.
- Вовсе нет! Я тоже часто желаю не вселенского блага, но и кусочка личного счастья для себя.
- Ну и как?
- Что-то появляется, несущее радость в мою жизнь, что-то ломается и не выдерживает проверки на прочность. Не сравнивай себя с другими людьми, для того мы все и разные. Давай уже запустим твой, а то поздно.
- «Он устал после выступления. Я тут мнусь, как булка в заднице, а человеку нужен отдых... как неловко!»
- Я готова. – говорит она.

Спичка зажигает малюсенькую свечку и фонарик поднимается из рук.

«Прости Дора, я слишком плоха для него. Я хочу, чтобы этот парень был счастлив, и чтобы эти руки... по-настоящему... приносили радость тому, для кого они предназначены. Два желания это ничего?..»

Удар лейкой по голове.

- Я пыталась выразить себя

Арод громко ходит по комнате.
«Что со мной? Позволила акробату проводить себя до дома, показала, какие окна мои, и даже, пригласила зайти...
Он как-то странно, неуверенно или удивленно посмотрел на меня тогда. В свете ночных огней, его глаза были особенно хороши!.. Он отказался. Наверно подумал, что я шалава какая, которая водит всех подряд. Но хуже всего было мое предложение. Я как дура сказала, что если ему будет негде жить, если цирк его выгонит и он сломает руки, а он будет недалеко от города металла... Кошмар! Это прозвучало не как предложение, а как просьба! Будто я хватаюсь за него, как за соломинку и единственную возможность. Что, здесь больше мужиков нету?! Он теперь злорадуется, сто пудово. Мило поулыбался, сказал приятное, поразил меня, и думает, я расклеилась? Да. Так и есть, расклеилась. О, Дора! Ну за что? Почему все так напряжно и сложно? Я уверена, что с любым другим челом, не было бы такого. Неужели я все еще делаю это ради нее?! Или просто доигрываю игру?»

Ей захотелось поговорить с Дорой.

Возле зеркала с другой стороны уже сидела девушка с усталым лицом. При появлении Арод, она встала со стула и с надеждой взглянула на отражение.

- Хех! Чего такая замызганная? Выглядишь ужасно, будто не отдыхаешь. – решила потянуть резину Арод, собираясь с мыслями.

- Да какой же тут может быть отдых? Расскажи мне, ты сумела найти Тома в твоём мире? – Дора судорожно сжимает пальцы, отчего они хрустят.

- Ой-ой! Полегче, сестричка! Да, нашла. Только Мота, а не Тома.

- И?

- Что и?

- Как прошла встреча?
- Ужасно! Он такой идиот! Просто мерзкий тип, каких свет не видывал!

Дора сокрушенно садится обратно на стул, Арод упивается произведенным эффектом.

- Нет... не может быть... он лучше всех... (наворачиваются слезы)
- Ну вот, уже и пошутить нельзя. Ладно, расскажу тебе, как че было.

Арод приносит тоже стул и садится у зеркала.

- Знаешь, сперва он мне вообще не понравился. Идиот, какой-то наивный, верит в светлое будущее и полон позитива, работает шутком в цирке. Но потом оказалось, что он акробат, летает под куполом...

Дора в ужасе смотрит на Арод.

- Не веришь мне? Спроси потом своего чувака о его втором «я». Думаю, ты узнаешь много нового хе-хе. Так вот, я его ударила. Потому что руки распустил козел такой. Я была просто в гневе! Представляешь, по телефону вычислила местонахождение, приехала, нарядилась... в цирк! Ну, думаю крутой блэкер сидит, прется над уродцами. Но никакого блэкера я не нашла. Ты надула меня. Сперва, я расстроилась. На другой день мы с ним созвонились, встретились и я обалдела! Снова шут! Только уже без идиотского костюма, но не в лучшем виде. Знаешь такой, стандартный серый человек. Ну мы снова с ним полюбезничали...

Дора кусает ногти от волнения.

- Ну и короче в кафе заползли. Там, постепенно разговор налажился. И знаешь, с ним так легко и естественно! – размахивает руками Арод.
- Да, Том такой, только сдержанный, он все держит в себе, но я знаю, что он добрый внутри. – Дора смеется сквозь слезы. Отражение рассказывает ей все в подробностях о Моте, о разговорах с ним, о жестах и глазах, о запуске фонариков.
- И... есть шанс, что вы будете вместе? – спрашивает осторожно Дора. Арод нахмурилась и поникла, повиснув на спинке стула.

- Все сложно. У меня такое чувство, что я стою на хлипкой жердочке над бездной, прямо как он под куполом арены. В шаге от меня есть две платформы. Левая, металлическая с надписью «Плохая», полна моей привычной жизни и убеждений, и правая, совсем хлипкая, - «Хорошая». Какую из них выбрать? Если хорошую, то мне придется стать беззащитной. Тогда я смогу придти к Моту, потому что он живет как раз на этой платформе. Но, шагнув на нее, я потеряю равновесие, и должна буду довериться рукам циркача. Поймать меня или бросить в полете полностью зависит от него...

- О чем тут думать? Конечно, выбирай платформу, где есть Мот! Он не бросит! – воскликнула Дора.

- Как у тебя все просто! Может, в вашем мире все очевидно и понятно... а я так не могу. Предать идеал, мечту, возвращенную с детства в городе металла... променять на шута!.. Эй! У нас тут философский разговор пошел. Камень откровения, что ли кто подложил нам под задницы на стулья? Не заставляй меня исповедоваться! Мне и так стыдно! – покраснела Арод.

- Наверно. В моем стуле торчит гвоздь. Может, он ткнул меня в точку откровения, и тебя в зазеркалье тоже?

Обе помолчали, разглядывая друг друга. Арод набралась духа.

- Шут учит меня быть другой. Рядом с ним, я себя ощущаю чудовищем. Мне так стыдно!.. Еще я становлюсь слабой и неуверенной, хотя в городе металла не любят слабаков. Все, на что я способна, это язвить и делать ему больно. Это как защитная реакция...

- Арод...

- Не перебивай меня! Сущность твоего Тома слишком классная, я ее не достойна. Это в твоём мире он может быть крут и стоек, а в моем он просто душка. Мне больно причинять ему боль своим присутствием и личностью. Все, о чем мы говорим совершенно противоположно, для меня кажется недопустимым и детским. Он как мы с тобой, противоположен отражению!

«Так ли мы противоположны с тобой?» - думает Дора, грустно глядя на Арод, - «Ты просто мое запутавшееся и раненое ну-

тро...»

Поговорив о прошлом, как кому жилось все эти годы, девушки простились.

Арод уже легла в кровать, когда вспомнила о человеке за углом, о надписях на асфальте, о маске в цирке. Кто этот странный человек? Одно ли это лицо или просто совпадения за день? На всякий случай, она выглянула в окно. Надписи у парадной не было видно, все было занесено снегом.

Снег все падал и падал, покрывая металлические предметы и погружая в свою тишину звонкий металл сердец.

Арод снится, что она выходит из парадной и видит, как человек в маске рисует что-то баллончиком краски на каменном заборе. Она окрикивает его и он бросает все и начинает убежать. Она несется за ним, не понимая зачем. Вроде бы ничего криминального он не сделал, просто хулиганит. Но маска на лице сводит ее с ума. Ей хочется знать, кто это, и почему он это делает, ей кажется, что все это происходит именно для нее. Человек забегает в переулок, где ему преграждает путь во двор закрытая чугунная решетка. Человек карабкается наверх, чтоб перелезть ее и сбежать.

- Не так быстро! Металл это моя территория, а ты здесь чужак! А ну-ка решетка, сбрось его. – говорит она и решетка как живая изгибается, и помещает человека в рулон между прутьями. Ему никуда не деться.

Арод медленно, грациозно подходит, как если бы ее снимали в кино для эффектной сцены.

- Так-так, кто это здесь у нас? А ну покажи личико. – она садится на корточки, хватая за грудки человека, прижимая его к решетке, снимает маску и падает от неожиданности на пятую точку.

Перед ней Мот, только с длинными волосами.

«Но как...»

Он смеется, самоуверенно смотря ей в глаза. Он знает, что она не может причинить ему боль или ударить, так как он ее любимый враг.

«Черт! Твоя красота – мой демон и я ее рабыня...» - пролетает у нее в голове.

Том смеется, как если бы он слышал ее мысли. Решетка теряет над ним власть и отпускает его. Арод ищет в карманах ключи, чтобы собрать силы для управления металлом, но воля изъедена жучком времени и в карманах дырки.

«Поздно... ты уже заражена этим чувством... сильнейшая коррозия... ты больше не властна надо мной...» - шепчет кто-то, скрежеща как детали на заводе.

Том встает и делает шаг ей навстречу.

- Нет! – кричит она.

Арод отползает и тоже встает на ноги. Том протягивает руки вперед для объятий, но она шарахается и старается не смотреть на них.

- Не подходи! Не трогай меня! Слышишь? Убирайся в свой мир!

Том, смеясь делает резкий выпад, стараясь схватить ее, но Арод низко садится и бросается наутек из-под его ног. Правила игры изменились, теперь она беглец. Изображение плывет, город опустел, и только любой металлический предмет скрипит и лязгает на нее зубами, стараясь задеть.

«Почему?!»

«За что?..»

Она чувствует, что человек сзади догоняет ее и хватается крепкими руками мертвой хваткой. В этот момент она с криком проснулась у себя в кровати. Подушка была влажная от пота. Штора на окне колыхалась. Не успела она задуматься об этом явлении, как перчатка схватила ее за горло и прижала с силой.

Арод беспомощно дергалась, не способная найти упор для ног, чтобы вырваться или ударить. На нее смотрела белая маска. Другой рукой человек приложил указательный палец к пластиковому рту, и отпустил ее шею.

Арод тяжело дыша, отбежала к окну, к морозному воздуху.

- Кто вы? Зачем вы пришли? – спросила она, признав в этой персоне убийцу женщины много лет назад. Наступило долгое молчание, которое сводило с ума.

- Меня зовут Рихард Вейнц. – ответил тихим голосом человек.

- Что вам нужно? Вы следили за мной! Вы детектив?

«Детективы не убивают...» - ответила она сама себе.

У Арод бешено билось сердце, находиться с этой молчаливой персоной было невыносимо. Он давил на нее своей маской и холодностью, как пустая кукла.

- Не совсем. Я тот, кто предупреждает. – человек поднялся с кровати и начал шагать к ней. Его башмаки гулко ступали на пол, заставляя вздрагивать девушку при каждом шаге. Она уже на окно забралась, предпочитая выпрыгнуть и сломать ноги, чем остаться с ним тут.

- Предупреждает... о чем? – сглотнула она.

Ее пятки свесились с подоконника с уличной стороны. Ветром погладило по волосам. Она оглянулась. В темном дворе, чуть освещаемом тусклым фонарем, стояла старинная машина.

«А что, если он не один, а с сообщниками?!» - подумала она, и холодный пот прошиб ее тело, и без того, мерзнувшее на окне.

- Если ты продолжишь позволять коррозии наносить вред, то предательство твоей мечты и твоего города, тебе, как его жителю, дорого обойдется.

Человек в маске подошел совсем вплотную к ней. Где-то за маской был источник его голоса. Арод зажмурилась от страха.

- Как я могу вылечить коррозию? Что это такое?

- Коррозия это циркач.

- Но я...

- Удали ржавчину, пока она удаляема. Вырви память о нем. Убей его! – ледяной голос цедил слова.

- Нет! Я не могу... почему? Зачем все так обернулось? – прошептала Арод.

- Почему? – переспросил человек в маске. – Потому что нельзя привязываться к хорошим людям и забирать их себе.

Мой корабль уплыл без меня

Арод лежит в кровати и смотрит в потолок. Что это было и было ли вообще? Яркий солнечный день рвался в ее комнату. Где-то тикали часы. Тело девушки трясет как в лихорадке. Она боязно вылезает из-под одеяла и ищет следы пребывания ночного гостя. Ни запаха, ни отпечатка обуви, ничего. Может,

она спятила? Но, если даже допустить, что это ее большое воображение, то такая настойчивая просьба неспроста. Значит, ей нельзя соединяться и быть с Мотом. Он не для нее. Кто-то очень не хочет этого. Разве будет счастье, если она сделает все наперекор? Вдруг, этот человек убьет Мота?

Дрожащей рукой она берет телефон и звонит. Гудки. Потом голос оператора говорит, что данный номер заблокирован или не существует.

Арод уронила трубку и кинулась одеваться. Не может этого быть! Неужели?..

Она с нервами дожидается автобуса и садится. Все как нарочно слишком медленно, все против нее и ее желания узнать правду. Она пулей вылетает на остановке и видит, как цирк уезжает. Все вещи выносят по машинам.

Она отталкивает кого-то на входе и спешит внутрь.

- Мот! Мот! Где ты? – кричит она. Вбегает в главный зал. На арене, сидит знакомый парень и раскручивает лестницу.

- Мот! Я тебе звонила! Что произошло? Вы уезжаете?

Циркач повернулся к ней, оторвавшись от работы.

- Да. Цирк едет в другое место. – он снова вернулся к лестнице.

- Но... что с тобой? Почему ты мне не сказал? Я бы пришла попрощаться и пожелать удачи. Такие перемены... к тебе тоже приходил тот человек?

Мот в чувствах бросил железную трубку в сторону.

- Никто ко мне не приходил. Зачем ты пришла?

- Но ведь... мы... друзья? – неуверенно произнесла Арод и опустила голову.

- Ты правда так думаешь?

- Я надеялась... что... после запуска фонариков мы ими стали... но.... Видимо я ошиблась. Извини, что побеспокоила и оторвала от дела. – Арод, глотая слезы, отвернулась, чтоб уйти, но в этот момент Мот обхватил ее сзади, скрестив руки на ее плечах.

- Прости меня. Я не хотел тебя расстроить. Я безумно рад слышать, что ты считаешь меня другом. Директор цирка сегодня внезапно приказал нам собираться. Я бы написал тебе, но я не был уверен, что я нужен тебе... Ты такая смелая, решительная,

зачем тебе какой-то шут из цирка, у тебя и так полно друзей.

Арод блаженно тает в руках акробата. Время точно остановилось для нее.

- Если я тебе что-то расскажу, ты мне поверишь? – спросила она.

- Даже не сомневайся.

- Я не знаю, что это было, то ли видение, то ли наяву... ко мне приходил человек в маске. Я его видела вчера в цирке за спиной, еще странные надписи на асфальте у моей парадной...

- Он тебе угрожал?

- Да... Он сказал, что я оскорбила свою мечту и город металла и...

- И? Продолжай.

Арод стоит красная. Язык ее прилип к небу и окостенел.

-... он запретил мне общаться с тобой.

Мот хотел отпустить ее, чтоб заглянуть в лицо, но Арод впиалась ладошками в его руки.

- Нет! Только не отпускай меня, слышишь? – просит она с дрожью в голосе и теле.

- Хорошо, как скажешь Арод. Но... почему?

- Помнишь, я тебе говорила, что наше знакомство с тобой это игра?

- Угу.

- Так вот... есть некто, кто не хочет, чтобы мы были... друзьями...

- Друзьями? Странно. Я бы еще понял, если бы кто-то имел на тебя виды и запрещал нам жениться, но...

- И это тоже! – вставила она.

Мот замер.

«Ну, вот и все... вот она шаткая платформа! Теперь, либо бросит меня, либо поймает... надо было не так все сказать... вот я дура!»

- Так... дело в этом? Есть кто-то, кто не хочет, чтобы мы были... вместе? – спросил Мот.

- Да-а-а-а... - выдавила Арод.

- Знаешь, мне кажется, что этот ваш политический строй, контролирует жителей города и не дает им жить. А давай, убе-

жим отсюда? Ты из города металла, я из цирка? А? – Мот трет-ся щекой о ее щеку.

Арод разом перестала дрожать.

- Тогда никто нам не сможет качать свои права. Осядем где-ни-будь в другом городе, где нет такого бреда. Что скажешь?

- Искушаешь? Не все так просто... это ты романтик, привык путешествовать и менять все...

- Я не люблю менять все, но мне нечего терять. Я не успеваю привязаться к городу, как еду в другой. Ты первая, с кем я по-знакомился во время цирковых турне. Если у меня будет свой угол и любимый человек, то я ни за что не покину это место.

- Нас будут преследовать... - вздохнула Арод.

- Кто? Да зачем это кому-то нужно? Ты что, дочь местного мэра?

- Нет... я простой житель.

- Тогда нет проблем! Давай, сейчас я соберу свою сумку, и мы вместе поедem собирать твои вещи. Я тебя не отпущу одну, если кто-то угрожал тебе недавно.

- Мот...

- Что?

- Я боюсь... эта штука причина всего. – показывает на магнит на шее.

- Что это? Давно хотел спросить. Многие люди тут носят такие амулеты. Это что, местная мода такая?

- Нет, это все. Все что я имею. Это дают при рождении и кла-дут в гроб.

- Идентификационный номер? – нахмурился Мот озабоченно.

- Вероятно. Без магнита я никто. У нас есть поговорка «вы-брось магнит и город металла тебя отпустит».

- То есть... это как паспорт... без него, на тебя нет прав у этого города?

- Да. И поэтому... я решила... что будет лучше, если я стану как ты, свободной. – Арод снимает магнит с шеи и бросает его в сторону, радостно обнимая Мота за шею.

«Я горю в огне твоих глаз».

Магнит тем временем, вместо того, чтобы приземлиться на арену, куда и был брошен, застыл в воздухе и его начало под-

нимать вверх.

Арод жадно впиалась в губы Мота.

«Дора! Ты была права... он офигенный! Самый лучший! Мне не надо никого другого...»

- Эй! Это чей магнит летит к куполу? – спросил какой-то работник цирка.

Арод и Мот разочарованные, что кто-то посторонний оторвал их от поцелуя, подняли вверх головы. Магнит уже поднялся на пять метров и тянется все выше.

- Пусть летит. – рассмеялась Арод.

- Эээ... я слышал, что в этом городе не шутят с теми, кто теяет или добровольно отказывается от магнита. Лучше бы вы вернули его, а то всякое может быть. – ответил работник.

- Что, например? Лишат гражданства? – спросил Мот.

- Хуже... металл не прощает и мстит... - не договорил работник, как Мот поспешил к лестницам.

- Мот! Остановись! Не нужно так беспокоиться! Никто ничего не узнает. – кричала ему вслед Арод.

Акробат уже взбирался наверх. Магнит все ближе и ближе подбирался к небольшому круглому зеркалу под куполом.

«На кой черт это зеркало здесь привешено? Никогда не понимал дизайна интерьера!» - думал Мот.

- Эй! Остановись! Ты сейчас не в костюме! Ты же убьешься! Твои движения скованы и сейчас нет страховки. – вопил работник, выбегая, чтобы позвать на помощь страховщиков.

Арод в ужасе сжалась на арене, смотря вверх и боясь за Мота. Он тем временем, делает прыжок с переворотом, хватается цепочку с магнитом, и уже должен был схватиться за балку перед собой, но магнит не сдвинулся с места.

- Арод! Я не понимаю... что это за магнит? Он выдерживает мой вес и несет меня выше... - послышался удивленный голос сверху.

- О, нет! Ты не можешь справиться с ним, ты не местный житель, ты из другого мира... брось его Мот! Вернись сюда! – кричит девушка.

- Нет! Я не могу... твоя жизнь зависит от этого магнита... - его голос становился все тише, магнит поднимался, унося Мота в

зеркало, разбивая его напором. На Арод посыпались осколки с каплями крови.

Наступила тишина. Пустота в разбитом зеркале зияла сверху. Крыша не была прорвана, Мот просто исчез...

Арод стало страшно. Где-то слышались голоса людей, но она выбежала прочь из зала раньше, чем они пришли.

«Я пропала... без магнита, без гарантий... без Мота... куда его забрало зеркало?»

*Помоги мне в себя поверить,
стань слабее...*

Арод вернулась домой, сотрясаясь всем телом. Ей чудилось, что прохожие и соседи смотрят на нее свысока, за то, что она утратила свой магнит. Потеряв эту вещицу, ее точно опустошили изнутри. Колоссальное давление она испытала, пока дошла до дома. Наступали морозы, особенно ревностно следя за пониженной температурой в железных блоках домов. Арод поежилась. Ее глаза безучастно скользили по дому. Ее растревоженное воображение рисовало ей жуткие картины. Вот-вот приедет служба, чтобы выселить ее, или забрать куда-то на допрос... Нужно опередить их и просто покинуть этот город, вдруг, ставший ей чужим.

Хотя, со своей стороны, город выполнил задачу. Когда она стала совершеннолетней, ей выделили квартиру и безграничную свободу выбора для самореализации, для приобретения профессии, для развлечений и поиска пары. Не было никакого кодекса или строгих ограничений. Делай что хочешь, но не во вред братьям и сестрам, ибо они страдали не меньше твоего. Пусть металл руководит твоей жизнью! Единственное, чем дорожили негласно все жители был магнит...

И вот теперь, Арод стоит перед выбором. Если покинуть город, сделавший для нее так много, то куда податься? И правда ли, все те слухи, про магнит?

Магнит был полезен, хотя бы в качестве оплаты проезда. Его можно было прислонять в специально отведенную ячейку и бесплатно ехать в любом направлении. Только что же, ей пришлось потратиться на дорогу, будто она не местная, чтобы добраться домой. Возможно, она напрасно трусит. Нужно было просто объяснить ситуацию кондуктору или спросить совета в местах собрания металлистов....

Девушка начала собирать вещи и предметы, могущие понадобиться на первых порах.

- А ведь мы даже не договорились с ним, в каком городе мы

встретимся... Если, даже он вернется сюда, то меня уже здесь не будет. Прости меня Мот, все произошло по моей вине. Прости меня Дора, я подвела тебя... -

Арод прошла на кухню и поставила кипятиться чайник. Вьюга завывала за окном, напоминая о потере магнита. Арод устало вздохнула. Налила себе чаю. Дымок поднимался от железной кружки, ручка которой была обмотана платком, дабы не обжечь пальцев.

- Летели недели и месяцы, сменяясь сезонами и образуя года, а я жила как за каменной стеной... до тех самых пор, пока... шут не испортил все. Мот... где же ты теперь?

Она давала себе слово, больше никогда не возвращаться в мир цивиллов обывателей, тех, кто будет тянуть ее назад в прошлое, к старым ошибкам и боли. Как такое могло произойти, что она изменила себе? Изменила своей мечте? Или же это мечта была не ее? А что, если шут прав, и она лишь штамп, и принимает то, что любезно предлагает ей город?

Арод оделась и с чемоданом в руках вышла на стужу. К ее удивлению, на занесенной снегом дороге бился на ниточке воздушный шарик. Снизу, его удерживал тяжелый камень. На шарике было написано: «Наши улыбки вслед твоим шагам». Арод оглянулась по сторонам. Неужели Моту удалось выбраться из зеркала, и он оставил ей послание? Или же... это от того опасного человека, что угрожал ей? Получается... что он рад исчезновению шута? Ей не нужно покидать город? Только она прочитала надпись, как шарик лопнул от мороза. То же самое бывает с надеждами и мечтами. Но почему только сейчас?..

Стоит ли обратиться и попытаться заполучить новый магнит на шею? Хочет ли она оставаться жить в этом городе, где ей до сих пор не нашлось никого подходящего, несмотря на схожесть интересов? Готова ли она высунуть нос из своего привычного черного мирка, в цветной, где краски чувств и разочарований играют, как злой художник на холсте? Достаточно ли сильна она и готова для этого?

Арод огибает дом и видит, сидящего на снегу человека. Его волосы и тело практически полностью покрыло снегом. Арод

спешит к нему.

- Эй! Ты живой? Помощь вызвать? – спрашивает она, тряся человека за плечи, и стряхивая белую массу.

С трудом он открывает рот, уходя в забытие сна на холоде.

- У меня в сердце зима и мороз, похлеще, чем тут. Потому, не нужно пытаться согреть меня ложным теплом и заботой, идет?

Арод еще сильнее тормозит его.

- Нет! Я не позволю человеку погибнуть возле моего дома. Вставай, я помогу тебе дойти и согреться. Утром разберемся со всеми траблами.

- Бесполезно... Без Джульетты Ромео мертв. Оставь надежду, всяк ко мне подходящий. – горько смеется человек, не поднимая головы.

Вроде бы он хочет, чтоб ему оказали поддержку, и в то же время ему абсолютно безразлично это.

- Не поддавайся унынию! Страшиться нечего. Все еще может быть. – втирает ему Арод, помогая подняться на ноги. Идти тяжело, когда крупное тело навалено на тебя и почти не шевелится.

Человек неожиданно отталкивает ее с силой, так, что Арод поскользывается и падает возле чемодана.

- Мне не нужна твоя или чья-либо еще помощь! – рычит он, опираясь на стену дома. – Не нужна жалость!

Боль отдается в лодыжке, но вроде нет перелома. У Арод пульсирует адреналин в крови.

«И что, ты стерпишь такое отношение к себе?» - спрашивает она себя, и глаза наливаются черной ненавистью.

Арод поднимается, молча берется за чемодан, и вдруг, с разворота ударяет им о нахала, посмеявшегося сделать ей больно. Чемодан взлетает в воздух и возвращает должок. Человек падает у стены, наполовину оглушенный.

- Ублюдок! – обращается она к упавшему. - Думал, это тебе сойдет с рук? Да кто ты такой, чтобы поднимать на меня руку? Кем ты себя возомнил? Так знай же, что Я, никогда не потерплю подобного отношения к себе. Я люблю себя, слышишь? И если я проявила доброту к такому ничтожеству, как ты, то это только по доброте душевной. Поди сдохни! Обидевшему

жителя города металла полагается жестокая кончина. Я остаюсь! – кричит она наперекор зиме и снегу, а может опасному человеку в маске.

Арод пинает лежащего, для надежного закрепления своего намерения, тем самым заставляя его сменить положение и сдвигаются волосы с его лица. Второй пинок застывает в полете. Перед ней лежит копия шута, тот самый самоуверенный парень из ее сна и любовь Доры – Томас Лунден.

Со свистом в пропасть пасть

- Арод, кто этот нетрезвый парень? Я его раньше никогда не видела рядом с тобой. – спросила соседка, помогая затащить человека в квартиру.

- Не задавай вопросов, просто делай.

- Я так не могу. Мы же вроде как подруги и у нас не должно быть секретов.

- Ладно. Сдаюсь. Это... Томас Лунден. – перешла на шепот Арод.

У ее помощницы глаза на лоб полезли.

- А кто это? Твой парень? Так ты скрывала от меня это? Вы давно встречаетесь? Подруга! Это судьба! Металл решил отметить твою верность, не иначе. В голове не укладывается... чтобы ты и такой красавец...

Девушки положили Тома на кровать. Снег растаял и тонкая одежда была мокрой. Арод оглядела его странную одежду, похожую на комбинезон. Нет, это костюм.

«Зачем?.. Опять шутовской костюм, а человек другой... это и есть отражение Мота? Это и есть возлюбленный Доры? Вероятно, они как-то поменялись местами...»

- Арод, а тебе не кажется, что он одет как...

- Ну все, дальше я сама. Спасибо, что помогла, несмотря на мою недавнюю выходку.

- Ой, да о чем ты? Ерунда какая! Я привыкла к твоему характеру, а вот ему еще предстоит этого сделать. Чем собираешься занимать его этой ночью? – заиграла бровями соседка.

- Да ну тебя! Вечно ты думаешь только об одном! Все, иди уже.

Соседка хихикала и подшучивала, нехотя покидая квартиру Арод.

- Все же поаккуратнее с ним, вдруг ты потеряешь рассудок, когда он немного протрезвеет и если снимет обтягивающий кальсон...

Дверь захлопнулась перед ехидной физиономией.

- Дурочка. Этот страдающий гаденыш и не заметит меня на

фоне своей Доры.

Арод стянула с него мокрый костюм и накрыла одеялом человека в одних трусах.

- Ну вот, теперь, ты хотя бы не простынешь и я не получу взбучку. Арод полежала в ванне, обдумывая свое положение. В тот момент, когда она собралась покинуть этот город, она нашла ту самую персону, отвечающую ее требованиям об идеале. Совпадение ли это? Или же четко спланированный сюжет того опасного человека в маске? Но тогда получается... что Дора встретится с Мотом? Нужно бы с ней связаться.

Арод вытерлась, натянула плавки и футболку и подошла к зеркалу. Доры по ту сторону не оказалось.

«Наверно занята или измоталась бедняга за день... она надеется на меня. Или... развлекается с моим Мотом?!»

Она потрясла головой.

- Чушь. Она не такая. А вообще странно. Почему она в любой момент может вызвать меня к зеркалу, а я ее нет?

Арод пробовала посмотреть тихонько телевизор, но ее взгляд постоянно сворачивал в сторону кровати, на которой лежал Том. За ним наблюдать было гораздо интереснее, чем пялиться в глупую бездонную дырку.

- Я тоже устала сегодня. Денек выдался что надо... потеряла любимого, едва обретя, а потом нашла его. – разговаривала негромко она. – Пожалуй, мне тоже следует отдохнуть.

Арод широко зевнула и забралась на другой край кровати, закутавшись в одеяло. Спина к ней лежал Том.

«Так странно. В первую встречу поссорились и подрались. И во сне не очень. Теперь лежим рядом, как семья. Что бы сказала Дора на это? Наверно бы ревновала и злилась...»

«Интересно, у него тоже такие же фантастические глаза, как у Мота? Или лучше? Зато у него есть длинные волосы и он металлист, а не шут по призванию. Утром посмотрю глаза...» - подумала она и тепло уже нагретой кровати убаюкало ее.

Дерзкая рука скользнула под футболку, спящей на боку девушки, и поднялась по гладкой горячей коже вверх. У Арод бесшумно застучало сердце и она разом проснулась и напряглась, но он повернул ее на спину и прижал к матрасу, нависнув

сверху.

- Мне это не нравится. - сказал он тихонько, и начал стаскивать с лежащей футболку, натянул ее ей на голову и начал целовать ее грудь. Щеки Арод разом вспыхнули.

- То-о-ом!.. Что ты де... - почти взмолилась лежащая и сняла к черту мешающую футболку с лица и закрылась локтями, хотя нет смысла прятать то, до чего он уже добрался. Том распался.

- Дора... - тяжело дышал он, целуя ее в шею.

Арод попыталась приподняться и чуть-чуть отстраниться, чтобы прийти в себя.

- Нет, Том... я не... (поцелуй не дал ей договорить)

- Моя нежная Дора.

Арод находилась в странном состоянии страха и эйфории. Чтобы мечта ее жизни, настоящий идеальный блэкер, лежал с ней рядом на ее кровати и говорил такое!..

Но, все это предназначалось не ей, а ее отражению Доре из другого мира, и этот замечательный человек тоже. Арод испытывала борение. Предать Дору и вклиниться в ее отношения с этим парнем, или же не отдаваться сильному чувству?

Было темно, и он, вероятно, забыл, что попал в зазеркалье, в город металла, увидев подле себя свою девушку. В принципе, Арод это та же Дора, только наоборот. Должна ли она открыться? А как же Мот? Что с ним? Как он среагирует, если узнает обо всем?

Том не оставил ей времени на решение.

- Дора, я люблю тебя больше всего на свете. Ты единственный луч света в темном царстве для меня.

"Что я делаю? Почему я позволяю ему?.. Дора... прости..." - думала Арод.

- Мы всегда будем принадлежать друг другу. - шептал он ей, кусая за мочку уха.

Вместо ответа ему последовала дрожь и всхлипывание девушки. Дыхание участилось и сбилось, поднялся жар, и в постели стало как в сауне. Удовольствие перерастало в сильное сжатие запястий, во впивание пальцев в спину, вдавливание в матрас и боль, но никто не жаловался.

Длинные волосы Тома заставляли потеть, щекотали шею и грудь, слипались и лезли при поцелуях, которыми он пытался занять стонущий рот "Доры".

Происходил обмен мужской и женской энергией.

БЕЛОЕ

- 21 -

В зеркало смотрит чужой незнакомый человек и говорит:

- Садись, Дора. Нам есть о чем поговорить.

Дора смотрит в зеркало и страх ползет по ее сердцу.

- Кто вы? Почему вы... где Арод?

- Меня зовут Рихард Вейнц. – криво улыбается собеседник и тянет руку в коричневой перчатке, которая проходит через стеклянную границу.

- Вы... я не хочу с вами говорить! Я видела вас уже... вы убийца!

Дора отбегает прочь от зеркала.

- Клише поведения. Надоело уже. Одна паникует, вторая ничем не лучше...

- Вы сейчас об Арод? Что вы с ней сделали? Отвечайте!

Девушка поднимает ботинок Тома, который он оставил после переодевания вместе с одеждой. Замахивается им на говорящего.

- Боюсь, произошло недопонимание. Скажи мне, что ты видела в тот раз?

- Достаточно. Вы убили ее.

- Да, а ты знаешь причину?

- Мне это не нужно. Я знаю, что вы жестокий человек. Убирайтесь из зеркала и не смейте тронуть Арод, иначе...

- Иначе что? Если бы ты слышала и знала истинную причину...

- Я все равно не пойму! Не пытайтесь заговорить мне зубы. Я знаю, зачем вы здесь. У вас на уме только убийства.

- По моему имени ты могла догадаться, что я австриец. Когда-то, я был композитором. Мои мелодии пользовались успехом и спросом. До тех пор, пока я не получил заказ от него...

Дора хотя и не хотела слушать и всячески затыкала уши, но любопытство взяло свое.

В гардеробную вошел Пьеро. Личность в зеркале приветствует его.

- А, Пьер! Давненько не виделись.

- Мсье Вейнц?
- Хорошая у тебя память, несмотря на огонь в венах.
- Такое при всем желании не забудешь...
- Видишь, Дора? Я не плохой человек. Даже твой друг знает меня и не брезгует моим обществом.
- Я никем уже не брезгую много-много лет... пропала такая привычка... - вздохнул Пьеро, стягивая с головы пыльный колпак.
- Если бы я мог управлять зеркалами как тот человек... - начал Р.В.
- Он не человек. Он могущественный и злобный чародей. Маг! - прошептал циркач.
- Не совсем понимаю о ком вы... - Дора все же решилась чуточку подойти к зеркалу со страшной личностью внутри. - Кого еще скрывает это трюмо?
- Кого? Любого человека на любом конце света и отрезка истории, с момента изобретения зеркал. Я долго искал тебя девочка. Ты не пользовалась зеркалом в течение многих лет. Почему?
- Вы издеваетесь? После увиденного убийства в младшем возрасте, я лечилась у докторов. Я до сих пор боюсь зеркал.
- Попробую восстановить наш диалог с той дамой, последние минуты жизни которой ты лицезрела тогда. Я спросил ее, куда она дела ноты, кому их продала. Эта женщина была известной воровкой и на ее совести не одно преступление. Уж поверь мне, переживать из-за подобной потери как она в лице человечества - пустая трата времени.
- У нас полярно разное представление важности жизни и ее смыслов. - с ненавистью выпалила Дора.
- Она сказала, что он украл ее.
- Кого? Женщину? Не пытайтесь меня обмануть, я уже не маленькая.
- Нет. Воровка никому не нужна и пусть умолкнет в аде со своим обманом. Шкатулку!
- Что? И за это вы убили женщину? За какую-то шкатулку?!
- Это не просто предмет. Это шкатулка со вторым дном. Ситуация вышла из-под контроля и это повлечет большие непри-

ятности.

Пьеро многозначительно кивнул.

- Мне все равно. Я не вижу смысла нашего разговора. Наверно я просто сошла с ума или мне нужен отдых. Уходите.

- Хорошо. Я уйду. Тебе может, и все равно, но шкатулка имеет некоторое отношение и к тебе тоже. Также... я знаю, где твой Томас.

Дора сразу устремила глаза на собеседника.

- Он в городе металла с твоим двойником. Он должен найти мне мою вещь. Маг не стал бы рисковать и прятать столь важную вещь во внешнем мире, где все не долговечно. Твой Том, каким-то образом чувствует и слышит ее. Матильда, та кто заманила и подстроила все по указаниям свыше, слишком глупа, чтобы оценить ситуацию здраво. Она, как и ты. Руководствуется эмоциями и не видит ничего дальше своего носа. На самом деле, здесь идет игра, ценою в несколько десятков жизней. Твоей, и Томаса, разумеется тоже. И тех, кого еще заполучит Луиз. Он планирует поработить мир. Мы не должны позволить ему этого сделать. Если хочешь, чтобы твой Том жил, не мешай мне. Если все пойдет так, как я хочу, то никто не пострадает.

- Но... я не понимаю...

- Не пытайся вернуть его раньше времени. Я не властен над тобой, но я могу убить твое отражение. Надеюсь, ты понимаешь, чем это грозит. Мне нужна только шкатулка, до парня мне нет никакого дела. Я просто наблюдаю и слеую за ним. Между прочим, его и другую тебя так и притягивает друг ко другу. Совсем недавно у них была бурная ночь... хех-хех. – хрипло засмеялся человек в зеркале.

Дора побледнела. Пьеро закрыл глаза и качает головой.

- На что вы намекаете?! – потерянным голосом спросила она.

- Я не намекаю, а констатирую факт. Твое отражение провело эту ночь в объятиях твоего драгоценного Тома. Неприятно, должно быть, да? Отражение забивает голы в твои ворота. Что ты будешь делать теперь, а Дора?

- Нет... я вам не верю!

- Да мне плевать веришь ты мне или нет. Это не мое дело. Мне

нужна лишь шкатулка, а до тех пор... не мешай мне. Надеюсь, мы сумели договориться?

Человек в зеркале ушел прочь. Дора тупо смотрит на пустое стекло.

Пьеро подходит, переминаясь с ноги на ногу. Мнет свой колпак. Девушка в фрустрации.

- Дора... понимаешь ли... мужчины бывает, делают глупости... у нас во Франции вот например...

- Пьеро, не надо. Отойди, пожалуйста. Мне нужно спросить ее, глядя в глаза.

- Ты мой друг, я не хочу, чтобы тебе было больно...

- Спасибо, но хуже уже быть не может. Арод! – закричала Дора в зеркало. Тотчас же стекло осветилось, и показалась комната жительницы города металла.

Она кусала руки и быстро ходила по коридору, не осмеливаясь поглядеть в зеркало и выйти на связь с Дорой.

- Арод! – гневно прокричала Дора. Арод остановилась и испуганно взглянула на отражение.

- Дора... я...

- Боялась на глаза мне попасться, а, маленькая дрянь?

Из зеркала слышались шаги и знакомое позевание.

- Дорогая, с кем ты там разговариваешь? Я так и не понял, что это за квартира у тебя такая и район с чумовыми ребятами. Кстати, ты когда постриглась? Даже не предупредила... - Том ленивой походкой подходит к Арод в трусах и обнимает ее сзади за талию. Улыбается.

Смотрит в зеркало, и видит...

- Дора?!

В зеркале привычная ему Дора, а рядом с ним девушка, похожая на нее, но с другой прической и в другой одежде. Том убирает руки, и счастливая улыбка сходит с его губ. На него смотрит Дора и глаза ее полны слез, отвращения и укора.

- Так это правда? – спрашивает она.

- Нет... то есть... о чем ты? Кто ты? А кто тогда ты? – Том в полном замешательстве.

- Не лги мне. Это правда, что ты тешился с ней?

Том отвел глаза, подбирая слова. У Арод вспыхнули щеки.

- Кто тебе сказал такое?
- Сама вижу. И без добрых людей не обошлось.
- Дора... я... мы...
- Значит «мы» уже? Видимо правда.
- Произошла ошибка! Ты все неправильно поняла...
- Хороша ошибка! Предатели! – закричала Дора.
- Дора, прости. Я не понимаю, как это могло произойти... это моя вина. – Том тянет свои волосы, потому что больше нечего.
- Защищаешь ее? Что и требовалось доказать. Спасибо сестренка и подруга. Не ожидала. Ну, теперь твоя мечта о крутом мужике сбылась. Наслаждайтесь! – язвила Дора.
- Том прижался к зеркалу руками.
- Дора! Стой! Не уходи! Дора! Дора! (стучится с той стороны) Я люблю тебя и только тебя! Произошла ошибка...
- Да пошел ты! И ты тоже. Отныне вы умерли для меня.
- Дора! Послушай же меня!
- И зачем только я потратила на тебя столько сил? Вы идеально подходите друг другу. Как жестоко я ошибалась, когда верила тебе и в нашу любовь и счастье...
- Дора! Это моя вина! Я не сказала Тому что я это не ты... - начала Арод плача.
- А еще обещание давал... Оставайся лавка с товаром! Любовь умерла и сошла в могилу.

Дора хватает железную одинарную вешалку и с размаху ударяет о трюмо. Осколки падают к ее ногам водопадом.

- Прощай Том... прощай мой черный лебедь...

Дора без чувств падает тут же.

Пьеро в ужасе трясет ее, достает из шкафчика нашатырь и подносит к носу. Мало-помалу она очухивается.

- Где я? – спрашивает она слабым голосом.
- Все там же... в аду. То есть я не то хотел сказать... это... то, что я видел... это было ужасно. – навзрыд рыдает Пьеро. – Смерть любви.
- А я надеялась, что открою глаза, и этот кошмар закончится... а он только начался. (садится, положив голову на плечо французу)
- Ну не плачь. Всякое бывает в жизни. К тому же, твое отраже-

ние это ты сама. Нет ничего криминального, если он попутал тебя с ней...

- Нет, она не я. Она жадная, жестокая и хитрая... я ненавижу ее.

- Ты лучше ответь, зачем ты зеркало разбила? Ведь теперь ты никогда не сможешь увидеть своего ненаглядного. Нет больше такого зеркала в мире. Ты сорвалась и сделала то, на что и рассчитывал злодей. Ты играешь по его правилам и теперь нам до него не добраться. Ты развязала ему руки и обезопасила ему путь.

- Прости Пьеро... я такая глупая... импульсивная дура. Думала только о себе, о том, как мне плохо. Действительно, и черт бы с Томом... нашел свое счастье, и пусть живет с ней. Теперь, из-за меня вы не сможете обрести покой...

Дора горько заплакала.

- Ну-ну... не думай об нас. Мы всего лишь древние куклы. Сотней лет меньше или больше, никакой разницы. Намного важнее, что теперь будет с тобой? Вернешься домой и начнешь жизнь заново?

- Не уверена. Я прерву этот ад. Если я проклята, то не должна превращать жизни других людей в такой же кошмар. Не будет больше страданий... никогда больше не видеть свое лицо... я ненавижу себя и ее одновременно. Она отняла у меня единственного...

- Как плохо. Очень-очень плохо...

Дора встает.

- Прощай Пьеро. Спасибо тебе за помощь и поддержку. Если я как-то могу тебе хоть чем-нибудь помочь...

- Нет, спасибо тебе, что не отвернулась от жалкого наркомана и ничтожного человека.

Дора снимает с себя надетый сверху костюм Пьеро и покидает палатку.

- Стой! Тебе нельзя в обычном виде... тебя заметят. – кричит вдогонку циркач.

- Плевать. Жить насрать теперь.

Дора идет быстрым решительным шагом из гардеробной по длинному палаточному коридору с множеством ответвлений к

выходу. Отодвигает завесу входа. Пьеро бежит следом. В секунду, когда свет дня ударяет в глаза, привыкшие к полутьме, сверху свешивается лицо. Дора вздрагивает от неожиданности и жмурится, закрываясь ладошками.

Кто-то свешивается с края палатки.

- Ах, вот вы где! Далеко собрались голубки? - начал говорить шут, спрыгивая с палатки и вставая прямо перед Дорой. - Хозяин желает тебя видеть.

Дору привели в окружение цирковых артистов. Среди них сидел какой-то человек, чей облик ставил его на порядок выше остальных. Он сидел на украшенном троне, положив ногу на ногу и крутил между пальцами трость.

- Добрый день прекрасная сеньорита. Мое имя Луиз. Прошу прощения за то, что не встретил вас должным образом раньше, но мне стало известно лишь сегодня о вашем пребывании в моем цирке. Если бы я знал заранее, что... - он рисовался, делая паузу. - ... что вы так влюблены в Пьеро!

Щеки Доры вспыхнули.

- Что?! Вовсе нет! Вы все не так поняли.

- Нет? А как я должен был вас понять? Как рассматривать тот факт, что вы жили с ним в одной палатке вот уже пару дней как?

Циркачи запаясничали, делая из ладоней сердечко и адресуя их Пьеро, который стоял ни жив ни мертв.

- Я все объясню. - сказала Дора.

- Лучше не надо. Иди домой. - подал голос трагичный актер.

- Простите Пьеро, он не виноват, я здесь потому, что мой любимый человек пропал в этом цирке.

- Пропал? - поднял брови Луиз, наигранно растягивая улыбку. Циркачи развели руками и стали друг друга спрашивать не видел ли кто незнакомца.

- Да. Пропал. В костюмерной висит его одежда. Верните мне Тома. - заявила Дора, сжав кулаки.

Улыбка хозяина цирка сошла с его лица. Потом растянулась новая.

- Боюсь это немного проблематично прекрасная сеньорита. Вы зря тратите свое время. Ваш возлюбленный уже давно по-

кинул наше общество.

- Покинул?

- Именно так. Если он и заходил к нам, то по непонятной причине ушел, оставив свои вещи.

- Что за бред? Вы сами верите в то, что говорите? Что вы с ним сделали? Отвечайте, а не то я вам тут устрою!

- Оу-оу! Не нужно так сердиться, я вам верю. Но! Как я уже говорил, его уже здесь нет. Он ушел.

- Без вещей.

- Да.

- Зимой по морозу?

- Сеньорита, я не знаю, что случилось между вами, но когда мужчина исчезает бросив все и не оставляет следов... тут я бессилен. Не иначе как дело в его женщине.

Дора побагровела.

- То есть это вы так удачно на меня все перевели? А что, удобно.

Луиз посмотрел на часы на цепочке.

- Я дико извиняюсь, но я очень занятой человек. Если вы не против, то я скажу, и вас проводят. Все-таки в наше время небезопасно ходить девушке одной. Или же можете опросить моих друзей, вдруг они что-то видели или слышали.

Луиз поднялся и поклонился, собираясь уходить.

- Ну, конечно же, занятой! – едко подметила Дора. – Надо же поработать мир и забирать радость.

Луиз остановился. Циркачи переглядываются.

- Так и знал, что на Пьеро нельзя положиться. – расхохотался он. – Что ж, вы все знаете или хотя бы большую часть. Тем проще.

- Мне нет дела до вас всех и ваших гнусных делишек. Мне нужен мой Том. Верните его.

- Я бы с радостью милая сеньорита, но фортуна повернулась так, что ваш многообожжаемый Том перешел мне дорогу много лет назад и украл кое-что важное для меня.

- Не может быть! Том не вор!

- Вор или нет не столь важно. Важно то, что он знает, где эта вещь.

Пьеро трясясь от страха выступил вперед.

- Друзья! Уже много лет среди нас нет новичков. Луиз потерял шкатулку. У него нет власти над нами!

- Заткнись! Что ты несешь! Все не так! Осмелел что ли? – шут испуганно выскочил и стал хлестать Пьеро по щекам. Циркачи зашептались.

Клоун Билл оттащил шута.

- Значит ли это, что тот, у кого находится шкатулка наших душ, наш новый хозяин? – спросил он.

Луиз пошамкал перекошенными губами, но справился с собой.

- Вы есть благодаря мне. Все, что у вас есть – это дал Я. Когда вы были на грани, кто вам дал кров и вечную жизнь? Знайте, что тот, кто откроет шкатулку не владея навыками магических искусств, выпустит ваши души и вы тотчас же умрете. Не от этого ли вы все спасались? Что вас теперь не устраивает? Что за ропот? Вы неудачники. Вы ничто без меня. Вы были в канаве, прохожие плевали в вашу сторону и сливали на голову помой. А теперь вы уже забыли все это? Забыли, из какой дыры я вас вытащил? Со дна отчаянья я вознес вас до искусства! Вам аплодируют! Чего еще желать? Вместе, мы пережили войны и голод, трагедии и славу...

Луиз разошелся и много жестикулировал.

- Это не жизнь, а существование. Мы больше так не можем. Мы не можем спать и чувствовать. – сказали из трупы.

- Да-да, я знаю. Я работаю над этим. Потерпите друзья. В последнее время мы мало выступали, и потому не было радости в избытке, но я добавлял эссенцию улыбок и чувств в обычную «радость», и тогда вы видели добрые сны.

- Я могу по пальцам пересчитать такие ночи. – произнес Человек-Зонт, заведующий дозами. – Большая часть полученной энергии шла на вас сир. На поддержание вашей внешности в реальном мире. А теперь еще и сосуд разбит. Как мы будем дальше жить?

- Ах, если бы я знал, как вам нелегко! – увлекся игрой Луиз. - Но, друзья, в том, что сосуд разбит виноват тот незнакомец.

- Довольно! – закричала Дора. – Я хочу, чтобы вы немедленно

отдали мне Тома и тогда, если он правда знает, где шкатулка душ, то все кто здесь находится, имеют право самостоятельно решать свою судьбу. Ведь это их души в шкатулке.

Акробаты одобрительно закивали, силачи засвистели, подбрасывая в воздух кривого горбуна.

- Сделаем так. – сказал Луиз, после того, как голоса смолкли. – Вы, Дора, сыграете против меня в игру.

Пьеро снова выдвинулся вперед, стараясь защитить ее от роковой ошибки.

- Нет-нет! Хозяин всегда выиграет! Не вздумай даже пытаться играть с ним. Это нечестно! Она ничем вам не обязана и ничего не украла. Она многое перенесла. Выполните хоть раз в жизни доброе дело.

Билл подключился к словам Пьеро:

- Воистину хозяин! Мы были конченными людьми и заслужили того, что мы собой являем. Но девушка не при чем. Верните ей ее возлюбленного.

Луиз, видя, что недовольство растет, и он теряет авторитет, а что еще хуже, в итоге и слуг поднял руки в знак примирения.

- Сдаюсь, - говорит он. – пусть будет по-вашему. Не будет никакой игры, хотя по правде сказать, я рассчитывал получить удовольствие от нее. Я выполняю обещание. Внесите сюда зеркало.

Силачи поторопились исполнить приказ и вскоре большое трюмо и множество осколков в мешке было внесено.

- Тут проблемка возникла. Магическое трюмо почему-то сломано. – сказали силачи, озадаченно и синхронно почесывая затылки.

Дора покраснела и опустила глаза.

- Ну-с? И что натворила наша гостья с прекрасным старинным зеркалом?

- Я... так получилось.

Хозяин цирка устало закатил глаза. Потер виски и переносицу. Вдохнул. На лице у него проступили морщины, серость кожи и в общем, выглядел он не бодро.

- Воссоединись! – воскликнул Луиз и протянул руку вперед. Большой камень на перстне стал переливаться из красного в

черный и наоборот, и битое стекло из мешка соизволило подниматься и складываться кусочек к кусочку. Луиз хмурился, по щекам потек пот от вложенных усилий. Через несколько минут зеркало было почти полностью собрано и трещинки на нем срастались, не хватало лишь самой малости, какую не заметили силачи при подметании в гримерке.

- А теперь, девочка, подумай о своем парне. Если ты любишь его достаточно сильно, то зеркало покажет его тебе.

Дора приблизилась к черному стеклу, которое начинало слегка дымиться.

- Я хочу увидеть Тома. Больше жизни. – тихонько сказала она и закрыла глаза. – Прости, что разбила тебя. – попросила прощения у зеркала и приложила ладонь к поверхности.

Зеркало мигнуло светом и вот по ту сторону все видят парня в костюме шутника с бубенцами. Он стоит в профиль и смотрит куда-то обреченно.

- Том? – вырвалось у Доры.

- Не совсем. Его зовут иначе. – поправил маг.

Стоящий по ту сторону человек резко обернулся и встретился взглядом с девушкой.

- Том... я... наговорила столько гадостей и глупостей... все это неважно... то есть важно, но это ничего. Даже, если я тебе надоела и ты захочешь быть с другой... все же твоя жизнь... то, что ты есть на свете это больше моей боли. Я умру, если тебя не станет. – Дора прижалась к стеклу обеими руками. Она с мольбой смотрела вглубь черноты.

Луиз снова решил вмешаться.

- Дора. Я знаю, что ты нашла общий язык со своим отражением, и это отражение нашло общий язык с твоим Томом...

- Луиз выдержал паузу, намекая и напоминая ей о ране. – Но теперь тебе надо наладить связь и с отражением Тома. Ведь вы недавно общаетесь, не так ли? Бьюсь об заклад, ты будешь удивлена тем, что почти ничего о нем не знаешь. Так вот это Мот.

- Мот? – удивилась Дора и только сейчас заметила, что у этого человека волосы покороче. – А где же Том?

- Видишь ли, дело в том, что твой Том в городе металла. –

поморщился Луиз произнося это слово. – Я бессилён сделать что-либо ещё. Отражения это то же самое что и оригинал. Ты подумала о Томе и зеркало дало тебе желаемое. Том, которого ты знаешь, недостижим для меня. Выбор за тобой. Либо ты уходишь и Билл тебя провожает, либо пытаешься удачу и вместе с Мотом вы ищите Тома. Когда и оригинал и отражение встречаются они становятся одним целым. Тогда, после встречи, вы находите любое зеркало там, в городе металла, и ты уходишь оттуда вместе с Томом, но в случае неудачи... кстати, есть одно условие.

- Какое условие? – спрашивала Дора, не отрывая глаз от подошедшего вплотную к зеркалу Мота. Он тоже прикладывает ладони к стеклу и смотрит на нее.

«Поразительно! Копия Том, но... совсем черные глаза и что-то не то...» - пронеслось в голове у девушки, но она не могла отказаться от шанса воссоединиться с любимым и отбросила сомнительные мысли.

- Условие простое. Это время. К сожалению, здесь даже я бессильно. Оригинал может находиться в зазеркалье вместе со своим отражением лишь до рассвета следующего дня здесь, в реале. Иначе...

- Что? Что будет иначе?

Луиз делает трагическую мину.

- Я буду вынужден закрыть портал зеркал. Сил во мне не так много. Ваш любезный Томас разбил сосуд с энергией, а без нее я не смогу сдерживать зазеркальный мир и тогда... все кошмары и ужасы, страхи людей, болезни двойников, неудачи, всё подсознание и прочие нехорошие вещи прорвутся в реал. И виновата в этом будешь ты. Я не представляю, во что это может вылиться.

- Мы успеем. Если что, закройте портал. Сделайте что угодно, но не допустите этого!

- Если ты не успеешь... ты останешься в том мире навсегда. Помни об этом. Я не могу открывать и закрывать портал когда захочу. Риск велик. Подумай девочка.

- У меня есть гарантия? Чем вы докажете, что сдержите слово, если я найду Тома и мы придем к зеркалу вовремя?

- Я честный человек, Дора. Я не обманул никого.
- Неужели? А как же энергия, что вы обманом отнимаете у зрителей?
- Повторюсь, я никого не обманываю. Радость, смех и улыбки, они выходят из людей без моего давления. Я просто их собираю и нахожу применение. Не более. Разве есть разница, пропадут они даром в пустоту, или продлят дни цирку? Неправ ли я в этом выборе?
- Я так подозреваю, это не единственный ваш источник дохода? – задала вопрос Дора.
- Дорогая моя! Не будем сейчас об этом. Вернемся к вопросу о Томасе.
- Я согласна!
- По рукам. – Луиз провел ладонью с пульсирующим перстнем по зеркалу и преграда исчезла. Ладонь Доры соприкоснулась с теплыми пальцами Мота. Он улыбнулся ей и Дора безмятежно и доверчиво шагнула в его мир...

КОНСУЛЬТАЦИЯ # 4

Рад видеть тебя живой

Душная темная ночь. Мужчина тяжело дышит и громко ступает по лесу.

- Не стоило той девчонке показывать замороженные воспоминания. Почему зеркало открылось ей? – говорит он вслух.

Молчаливое холодное и бездыханное тело, которое нес мужчина на спине не отвечало.

- Смотри, какое театральное небо сегодня! Ты часто смотришь на небо? Специально для тебя. Все, как ты любишь. – побряхтел несущий.

- «Я танцую, где полный мрак, ты уже не умеешь так» - искажил голос человек, изображая женщину. – Ты же так мне всегда говорила, когда я изменял себе?

Человек остановился и перевел дух. Тело на спине не было легким, как казалось поначалу. Голова мертвой женщины безвольно уперлась на плечо несущего, и если бы кто их мог разглядеть и повстречать в ночной тьме, подумал бы, что это просто влюбленная пара, и он несет заснувшую возлюбленную.

- Ну что, глухая, слепая и немая голова? Хотя ты и бесполезна теперь, однако ж, только ты знаешь столько про мои сны.

Впереди показалась черная гладь воды, освещаемая лунной дорожкой.

- Ты моя маска. – человек погружает труп женщины в озеро. Тело становится мокрым и одежда намокает. Человек надевает на лицо мертвой белую маску. Руки его в перчатках. Перчатки тоже смачиваются. Свои руки мужчина никому не показывает. Никому не следует знать его тайну и причину высушенных ладоней.

Он заходит в озеро по пояс и толкает податливое тело от себя. Женщина плывет как надувной матрас в свете луны. Ее совсем не видно на поверхности, виднеется лишь белая маска. Мужчина залюбовался зрелищем.

Внезапно, его покой был потревожен звуками извне. Он присел в воде и стал прислушиваться и красться, стараясь не

шуметь. По голосам он понял, что здесь было двое. Девушка и парень. Видимо выбрались в лес с ночевкой. Человек уже выбрался на сушу и хотел было тихонько уйти, как ощутил присутствие еще одного лица. Девушка звала своего парня, который проявил любопытство и похоже вот-вот найдет тело. Нужно бы убраться отсюда, пока они не начали использовать фонари. Это могло бы обернуться намного хуже. Для них в первую очередь, а быть может и для него самого. Но третье лицо помимо этой двоицы напрягало мужчину. Он вынул из кармана небольшое зеркальце и поводил его отражающей поверхностью в предполагаемом направлении, где могли находиться все эти люди. Третья личность выждала момент и направилась в сторону девушки. Отойдя на порядочное расстояние, мужчина снова взял небольшое зеркальце и оно осветилось, когда он провел по нему рукой.

- Покажи мне их. – сказал он и стекло блеснуло яркой вспышкой света.

В зеркале появились те двое, которых мужчина не мог видеть своими физическими глазами в темноте, но зеркало читает души каждого. Девушка была симпатичной и черты ее лица казались очень знакомыми.

- Хех, - усмехнулся мужчина. – как я и думал – парочка. На свете существует великое множество людей на любой вкус, цвет и размер. Посторонние люди разных возрастов, мест жительства, языков, укладов, условий пересекаются и запутываются нитями судеб. Без предвещения. Потом уже не распутаться. Кто-то играет нами как в шахматы, используя стратегии ходов и столкновений ситуаций. А они даже не думают о таком.

Зеркало переводит изображение на парня. Его внешность ничего особо не сказала мужчине. Типичный металлист с волосами. Возможно, что из-за них он и не придавал значения парню, переместив внимание на третье лицо. А вот тут пришла пора удивиться смотрящему в зеркало. Ибо третья личность являла собой точную копию парня той девушки, но... зеркало показывало красно-черное обрамление – ауру, вокруг этого человека. Лицо его было коварным и искаженным завистью и недоброжелательностью.

- Так-так... это уже становится любопытным даже для меня. – произнес мужчина, и обнажился оскал его зубов. – Покажи мне ее прошлое.

Зеркало отобразило лишь краткие моменты, когда девушка бывала где-то в гостях. В основном она везде была спиной либо издали. Казалось, она старательно избегает зеркал и взгляда в них. Очень скоро мужчина уже смотрел известную ему сцену с девочкой по ту сторону от трюмо.

- Значит, рвешься доверчиво в сказку с плохим концом, да Дора? Думаешь, мне стоит вмешаться? Человек шепнул несколько фраз обращаясь к отражению девушки в зеркальце, отчего она начала нервничать. Казалось, она прислушалась к совету и чужому мнению, потому как ударила подошедшее третье лицо. И хотя оно заверяло ее, что оно это ее парень, сомнения уже пустили корни в ее сердце.

Человек сглотнул и почему-то разволновался. Туманные предпосылки к предчувствию редко обманывали его. Он знал, что всегда, если найдешь одну зацепку, то как правило, вторая не заставит себя ждать.

- А теперь, покажи мне ее парня и его прошлое.

Как только жизнь парня отмоталась до возраста десяти лет, мужчина резко поднялся. Лицо его было напряженным, и глаза горели как у охотника. Он быстро убрал зеркальце и поспешил добраться до города. Там он добрался до первой попавшейся витрины магазина, которая отражала его целиком. Еще раз достал свое зеркальце и направил в отражение витрины. В следующую же секунду он исчез с улицы и оказался в лабиринте зеркал.

Он знал каждый угол и закоулок этих зеркал, потому, ничуть не заплутав, прошел по кривой аллее зеркал в квадратный темный зал. Там стояло всего четыре зеркала по сторонам света. Он сел в середину с часами. Время отражается ровно наоборот, потом верно, потом искаженно и еще много раз верно-нерационально. Он ждет, когда кто-то с часами на руках зайдет в любой цирк мира в холл зеркал. Тогда миры синхронизируются и он достигнет цели – найдет этот треклятый цирк подсознания и возьмет должок.

РУКА ПОМОЩИ 2

Эмма куталась в толстый вязаный шарф и переминалась с ноги на ногу. С воды тянуло нестерпимым холодом, точно царица Хель вышла на прогулку этим вечером. Фонари светили поодаль от берега у дороги. Эмма нервничала и злилась не только поэтому. Совсем скоро, ей предстоит встреча с Олавом, датским знакомым. Ей не к кому было больше обратиться за реальной помощью, чтобы не быть осмеянной. Олав необычный творческий человек, замкнутый и самовлюбленный, но выбирать не пришлось. Он уже в курсе дела и поскольку они оба пережили приключение в мире подсознания, то настроен он серьезно и они договорились встретиться у залива.

«Что за бред? Я бы поняла встретить человека в аэропорту или на пристани, но чтоб торчать в такую погоду на берегу... что он задумал? Если это шутка, то весьма неудачная. Я себя ощущаю полной идиоткой, отчаявшейся в жизни настолько, что жду какого-то датчанина, как манну небесную. И как он собирался пройти паспортный контроль? Где? А штамп он у селедки получит? Ничего, я ему устрою встречу с северным ветерком...» - ворчала про себя девушка.

Колечко в носу окончательно заledenело и не двигалось как и весь нос.

Ей нужно было занять мысли чем-то другим, а то терпение было на исходе. Она включила плеер и начала листать радиостанции. На одной из них диктор находился в шутовском настроении.

«Вы любите датчан? Я да. Они колоритны и уникальны. Вашему вниманию предлагаю советы собственного изобретения, на случай поездки в ту страну. Инструкция «Как варить макароны, если на тебя смотрит датчанин»:

- 1) Сделайте расслабленный вид, т.к. датчане бесятся, если видят, что кто-то не уверен в своих действиях;
- 2) Сначала кипятите воду, а потом кидайте макароны, а не кипятите макароны и кидайте воду, датчане не любят перепутывания;
- 3) Не смейте петь гимн Норвегии во время приготовления ма-

карон. Дания воевала с Норвегией с 1289 по 1295 год. Это элементарная подстраховка, в случае, если датчанин окажется ветераном той войны;

4) Не смотрите в глаза датчанина, вы можете познать смысла жизни, что отвлечет от варки макарон;

5) Покидайте страну, если вы уронили макароны с дуршлага. Поделитесь этой инструкцией с друзьями, ведь каждый год в среднем один человек на планете попадает в эту сложную ситуацию, вдруг им окажетесь вы, или ваш друг, но с этой инструкцией у него есть шанс остаться живым».

Эмма рассмеялась. Есть доля правды в словах шутника. Датчане как с другой планеты. Они какие-то... непонятные.

«Ну, все. Хватит уже. Он не приедет. В такой буран только наивный человек мог надеяться на встречу» - Эмма смотрит на часы на телефоне и собирается уходить. В это время, ее глаза видят что-то удивительное. Переливающийся свет льется из глубин залива. Лед со снегом пропускает его неохотно и Эмма сперва подумала, что это начинается северное сияние, столь частое в Норвегии, но на небе не было ничего, кроме падающих хлопьев в порывах ветра. Вдруг, лед с треском раскалывается, и в свете прожектора показывается крутящийся бурав. Что это?! Бурав разбил толстый лед, выплеснув ледяную воду на льдины и стих. Две подставки, напоминающие лапы насекомого уперлись широкими пластинами в бока проруби и поднялось тело... точнее кабина. Бурав повернулся из вертикального состояния в горизонтальное и начал разрезать лед, двигаясь вперед с треском. Свет ударил Эмме в лицо, отчего она вскрикнула и бросилась бежать прочь от залива.

Из непонятной штуки послышался голос в громкоговорителе. - Эмма! Попрошу не покидать прибрежную зону до полной остановки Ихтиандра.

Эмма остановилась. Непонятная машина по типу бульдозера, только подводного вылезла на берег, орудуя сильнейшими лопастями, толкавшими ее из воды. С шипением кабина открылась, и оттуда выглянул человек в немыслимых очках с кучей насадок, улыбкой во все лицо и взъерошенной шевелюрой. Челка стояла просто дыбом.

- О...Олав? – с запинкой спросила Эмма, в надежде, что все это лишь дурной сон.

- Привет! Он самый к твоим услугам.

- Но... как? Что это за штука? И как ты тут оказался? Ты что на ней прямо...

- Да. Пересек воды, разделяющие наши страны.

- И тебя не арестовали?

- За что? Я же не сделал никакого преступления. Кстати знакомься – «Ихтиандр-7»! – гордо похлопал он по мокрому корпусу железяку.

- А почему «Ихтиандр-7»? А что стало с другими шестью?

- Потому что первый. – буркнул Олав, сунув брови и не глядя на собеседницу.

- О... понятно. – пробормотала Эмма, хотя ей было совсем ничего не понятно.

Наступила пауза.

«Датчане странные. Нельзя их злить и вводить в бешенство. Кто его знает, что у него на уме... достаточно вспомнить про макароны...»

- Так, где тот злодей? – прервал тишину и вой ветра Олав, поживаясь от холода в одном свитере.

- В цирке... но я не знаю его местоположения. У Доры не отвечает телефон, а Том не берет трубку. Наверно что-то случилось. Уверена, руки того негодяя забрали много жизней. Даже имея на руках зеркало... если мы его достанем...

- Рано сдаешься, Норвегия!

- Есть предложения получше, Дания?

- Разумеется! Я же не просто так прибыл сюда, а с важной миссией спасения! И мой Ихтиандр нам поможет. Предлагаю забраться внутрь и обсудить план действий.

Эмма продолжает стоять неподвижно.

- Ну же, ты тоже должна попробовать его!

- Не в этой жизни.

- У меня в кармане большая подкова для счастья. С нами ничего не случится.

- Звучит заманчиво, но... как мы доберемся с ним до моего домика у озера? Если бы ты сказал заранее, я бы хоть машину

взяла и трос для перевозки или прицеп одолжила у соседей...

- Эмма, перестань беспокоиться о таких мелочах. Я уже обо всем позаботился. – серьезно сказал Олав, обращаясь к ней, и ее имя прозвучало в его устах так непривычно, что Эмма покраснела, но темнота норвежской ночи была на ее стороне.

- Итак, добро пожаловать на борт универсальной машины! Батискаф, машина и просто вертолет! Прощу! После дам.

- Ой, ну я даже не знаю...

- Боишься? – усмехнулся Олав.

- Я ничего не боюсь, но где гарантия, что эта штука фурычит как надо?

- Я же приплыл в ней! Тебе этого мало?

- То был подводный транспорт. И тогда внутри не было меня. С детства я знаю одну истину - море не возвращает то, что ему доверили.

- Доверься мне! У меня все под контролем. – Олав улыбнулся самой обаятельной улыбкой после первого космонавта, и затолкал Эмму в кабину, которая, к слову сказать, оказалась довольно тесной для двух человек.

- Это и пугает... - вздохнула она, когда он нажимал какие-то кнопки на святящейся панели и закрывал герметичную дверь. От мысли, что ей придется быть запертой с ним надолго, бросало в ужас. Эмма размышляла над этим, и не сразу заметила, что они никуда не двигаются и Олав в упор смотрит на нее.

- Что?

- Наверно у меня врожденная тяга к прекрасному... - задумчиво произнес недавно прибывший. - Так вот ты какая живьем. Интересно было бы покопаться в голове у норвегов...

- И не мечтай! Мои мысли принадлежат мне.

«Так и знала, что он сумасшедший... ах, зачем я ему тогда написала и вышла на общение?»

После нажатия рычага, выдвинулись зимние шины с шипами. Агрегат двинулся по нажатию ручки, и миновав берег помчался по дороге.

Эмма неохотно дала адрес и Олав ввел его в навигатор. Ихтиандр катился на автопилоте, позволив водителю рассла-

биться и откинуться на спинку кресла с руками на затылке.

- Согласно расчету, мы будем на месте через 29 минут. – сказал он, поворачиваясь к Эмме. – Можно и поболтать.

- Круто.

- Я так понял, моя миссия состоит в том, чтобы достать треклятое зеркало из озера, куда ты его забросила?

- Именно.

- А что планируешь делать после?

- Ну... я должна найти Дору и победить злодея. Как-то так...

- Звучит не очень убедительно.

- Согласна. Так почему тебя не остановили?

- Кто?

- Военные... морские силы... ты ведь как-то нашел способ обойти закон?

- Говоришь так, точно я последний грешник на земле. На самом деле меня просто не заметили.

Эмма ждет объяснений.

- Да ничего особенного не пришлось мудрить. Просто, настроил сигнал на язык китов. Потому меня не уловили локаторы. «Он влачит свое существование высокомерно безразличный ко всему человеческому и принятому...» - промелькнуло в голове девушки.

Пока они добирались до места, Олав увлеченно рассказывал про устройство своих изобретений, про их недолгую жизнь и суровую судьбу. Теперь, имея такого надежного железного друга, он мог вынуть со дна неудачную модель старушку «Тамплиера».

- Если что-то из приборов сломается и гарантия истечет, звони. – лучезарно сказал он.

Оба вылезли. Озеро было затянуто льдом. Его предстояло сломать.

- Чего ждем? Надо выловить его и все. – спросила Эмма, которой уже невыносимо было ждать. Однако Олав был другого мнения. Он надел какую-то стеклянную пластинку на очки и осматривал местность. Потом, с помощью Ихтиандра сломал лед у самого берега и достал какой-то прибор, наподобие перископа. Окунул его и использовал небольшой подводный фо-

нарик в качестве насадки. Он сидел на снегу на коленях и делал какие-то расчеты и пометки на бумаге. Эмма сбегала в дом за курткой и накинула на его плечи. Олав от неожиданности повернулся, но не стал возражать и довольный залез в рукава.

- А так действительно лучше. Спасибо.

- Ты такой рассеянный! Прямо как настоящий ученый. Продумал все, кроме такой обычной повседневной вещи как одежда. Сколько займет операция по погружению и доставанию зеркала?

- Думаю недолго. В таком деле нельзя торопиться.

- А что ты вообще делаешь?

- Видишь ли, если погрузиться без разведки, то быть может там нас ждал бы неприятный сюрприз от недоброго человека. Он далеко не идиот...

- Какой сюрприз? – испугалась Эмма и поежилась в темноте ночи. Свет лился только с крыльца домика, от налобного фонарика датчанина, и от боковых лампочек батискафа-машины.

- Например, повернутое к нам зеркало, в котором мы могли бы отразиться, и возникли бы большие проблемы.

- Почему?

- Долго объяснять, но... у меня есть теория, что то зеркало, что лежит в озере... Толща воды преломляет пространство, позволяя миру грез выйти в реал. Вот и ответ на твою загадку появления того цирка. – сбивчиво говорит Олав.

- Ого...

- Поэтому, даже если ты попросишь, я не покину этого места, пока не разберусь с зеркальной проблемой. Не только твоя страна в опасности, но и вся Скандинавия, а быть может и мир! – торжественно заявил Олав, поднимаясь с колен. В свете лампочек Ихтиандра, его глаза светились одержимостью, но выглядел он каким-то изможденным. Вероятно, дорога на глубине сказалась.

- Тогда, сделаем это! Надерем уроду задницу, как делали наши предки! – закричала Эмма, поднимая за рукав руку знакомого.

Олав уставился на нее.

- Я знаю, то о чем я тебя сейчас попрошу прозвучит негуманно и противоречит правам человека и сродни дискриминации... но, не могла бы ты лучше приготовить мне что-нибудь поесть, пока я буду доставать зеркало?

- Что?! Так ты собрался делать это без меня? Захотел присвоить всю славу спасения северян себе? В своем уме? Я тебя пригласила сюда, значит, половина приключений моя! – запротестовала Эмма.

- Так я и думал... - вздохнул Олав. – Что ж, придется поголодать еще час и тогда побью собственный рекорд... а потом несколько часов...

- Ладно, не ной. Сварганю что-нибудь простое. Не задерживайся и будь осторожен. – бросила рассерженная Эмма ему и пошла в дом.

«Любят они геройствовать и строить из себя крутого брутального мужика!»

За время, пока Олав ковырялся в поисках зеркала, она успела сварить картофель, обрезав ростки, пожарить покупные цыплячьи грудки с соусом и зеленью, разжечь камин. Неуверенно взяла в руки бутылку вина марки Wongraven известного вокалиста блэк сцены. Красное полусладкое. Стоит ли открывать? Не подумает ли этот самодур на что-то лишнее и дозволенное, если она предложит отметить событие в случае удачи? Нет, лучше посмотреть как все пойдет.

На крыльце послышались шаги и топанье, чтобы сбить снег с подошвы. Олав со скрипом раскрыл дубовую дверь и радостно продемонстрировал завернутый в куртку квадрат.

- Достал? Целое?

Кивает.

- А почему завернул? Боишься, что треснет от перепада температур?

- Это тоже, но... думаю, не стоит перед ним красить губы или наряжаться и слать воздушные поцелуи.

На удивленный взгляд Эммы он решил поправиться.

- Ну, знаешь ведь, люди ведут себя странно, когда они одни и уверены, что за ними никто не наблюдает.

- И в мыслях не было! – возмутилась Эмма. – Это все стереоти-

пы о женском поведении.

- Да? Ну ладно. В любом случае не смотришь в него, пока не станет известно как можно победить злодея. А чем это так хорошо пахнет? Я голоден как варвар!

- Ты и есть варвар. Мой руки и иди к столу.

Олав повиновался и очень скоро уже уплетал цыплят и остальное за обе щеки. Лицо его набрало красок и от измождения не осталось и следа.

- Эх... еще бы винца сюда или чего-то подобного... тогда я бы сказал, что Норвегия гостеприимная страна и мне здесь по нраву.

- Провоцируешь. – смеется Эмма, доставая вино на стол. – Открывай.

- А?! То самое?! Не может быть! Давно хотел попробовать!

После позднего сытного ужина и вина языки развязались. Поговорили о жизни, Эмма рассказала про цирк все, что смогла о нем узнать, поведала о Доре с Томом. Они подвинули кресла совсем близко, и как закадычные друзья сидели у камина без признаков цивилизации вроде электрического тока, и грели пятки, когда за окном выл ветер. Это оказалось блаженством.

- Наверно наши предки когда-то сидели вместе и грели ноги точно также. Решали судьбы покоренных деревень и народов... – выдвинула идею Эмма.

- Но потом они что-то не поделили и разбрелись по разным странам.

- Ага...

- Сейчас часок вздремну и отправимся на поиски проклятого цирка. – зевал Олав.

- Я даже не представляю в какой стороне искать... - вторила зевком Эмма.

В итоге, прошел не час и даже не два. Навалив голову на его плечо, мирно спала Эмма, а на ее голову сверху положил взлохмаченную шевелюру Олав. Разбудил их будильник на телефоне датчанина нелепой горловой мелодией Альп и мужичка в подтяжках в шапке с пером как любят носить Нильсы и Тили.

- Знать бы куда ехать! – хмурилась недовольная Эмма. Ей слишком хорошо спалось и не хотелось вставать и вылезать из нагретого дома на улицу. А может, была и другая причина.
- Найдем. – отозвался Олав. – Залезай.
- Шанс выжить был. Тогда мы ехали, а тут лететь...
- Не нужно бояться.
- Я ничего и не боюсь.
- Да ну? А троллей? – ехидно улыбается Олав, вспомнив ее осипшие визги в мире подсознания.
- Сейчас ударю гаечным ключом. Заводи повозку и закрой рот. Я хочу своими глазами видеть этот цирк, забравший моих друзей.

Олав заправил запасной канистрой своего Ихтиандра, проверил выдвигание «конечностей» и они сели. Железяка начала свистеть и раскручивать пропеллер.

- Да это ж вертолет! Прекрасно! Просто прекрасно. Теперь нас точно арестуют за незаконное использование транспортного средства. Или лучше... собьют. Но нет, у тебя же и теперь есть способ обмануть службу безопасности?

Олав промолчал. Некоторое время они просто поднимались вверх, затем водитель запустил какую-то программу, издающую писк и покрывающую местность красным диаметром. Запрос возымел действие, и вертолет двинулся к Драммену. Над ним снова пришлось зависнуть, и Олав погрузился в свои записи и пометки, водя какие-то цифры и коды. Снова послышался писк.

- Что он делает?
- Сканирует.

Писк участился, и радар начал усиленно указывать красную точку в направлении севера.

- Есть! Засек нечто, напоминающее очертания цирка. Молись, чтоб это оказался он.

Вскоре, с высоты Ихтиандр проводил анализ палатки цирка.

- В главной видно что-то необычное.
- Аномалия? – спрашивает Эмма. Олав удивленно смотрит на нее.
- Ты знаешь такое слово? Шучу. Не совсем, но близко. Все как

я и подозревал. Энергия скапливается глубоко под ареной, в некий сосуд, и там конденсируется в более концентрированную форму, как... женские духи. Думаю, такой пример подойдет для упрощения. Опасное место этот ваш норвежский цирк...

- А куда потом используют духи? Наслаждаются чистотой скопленных ароматов живых душ? Подушатся ими и якобы становятся похожими на живых и могут заманить новых жертв? Точно! Люди, которые делают больно другим - внутри мертвы. Им безразлично. Они ничего не чувствуют и потому поступают вразрез со здравым смыслом и не считаются с другими. А прививается это всюду, учат пресмыкаться, а потом человек становится тупым и безжизненным истуканом не способным на что-то другое... надо бы еще развить эту тему... - разошлась Эмма.

Олав смотрит на нее.

- Нет, погоди... это не духи. Во! Это будет преобразователь внешний! Он продлевает им жизнь и дает временную возможность выглядеть, как люди, но его надолго не хватает и потому многие начинают выглядеть как они есть. Со временем и это становится заметно, но не всем, потому что те, кто идут добровольно на контакт с ними теряют ощущение реальности и видят только то, что им показывают...

- Стало быть... энергия живых дает им жизнь а без нее они чахнут и разлагаются... хорошо бы сбросить что-то с точностью до метра прямо по центру. А вообще, придется нам опуститься немного поодаль.

- Почему?

- Потому что сканер не выводит живых существ в палатках. Только одно тело. Нет два. Возможно, это кто-то из твоих друзей... надеюсь, мы не опоздали. А кто те скачущие точки без тепла тел я не знаю...

Матильда идет по улице. Пурга бьет в лицо. На детской площадке малыш забрался на горку и громко плачет.

«Заткнись уже маленькое чудовище!» - думает она.

Идет дальше. На балконе дома стоят несколько парней в пуховиках. Курят и смеются. Один из них свесился вниз и помаhal ей приветствуя. Все засмеялись.

«Упади!» - цыкнула она. – «... в мои объятия».

На проезжающую из-за поворота машину она оскалилась вконец и пожелала водителю взорваться на иракской мине.

Вот и нужный ей дом. Матильда, крадучись, отперла замок. Вроде бы никого. У магазина, с завлекающей клиентов витриной было тихо. За стеклом двигался пупс. При виде Матильды он поднял обе руки вверх и заморгал. Она сбросила верхнюю одежду и сапоги. Очки запотели после улицы и не было видно ничего.

- Рад видеть тебя Матильда! – детским голоском промямлил пупс.

- Ага, взаимно. – ответила она, даже не глядя на него.

- Не хочешь поговорить?

- Пошел нафиг! Не до тебя.

Пупс печально отвернулся лицом на улицу, чтобы дальше разглядывать редко проходящих людей.

Матильда вздохнула и потеряла виски. Вдоль стены стояло много коробок с браком. Не с той нумерацией, перепутали партию. У них должен быть штрих-код и товарный артикул, страна производитель. Нужно что-то с этим делать. Еще и дефектный шов по телу обнаружился на куклах. Осознавать, что ты лишь часть тиража, а не хэндмэйд. Наверно это страшно.

Девушка протерла очки и открыла одну из коробок под столом. Эти куклешки выпущены в другом тираже. Их делают на заказ и с особенными функциями. Сидит на корточках рассматривает лицо улыбающейся куклы с красными волосами. Кукла двинула головой. Матильда запихала ее обратно и за-

клеила коробку.

Вот уже больше недели, как она открыла лавку игрушечника на деньги хозяина цирка. Все, что от нее требуется, это выставлять кукол на витрине, сидеть на форумах, в поисках обзумевших женщин, и осуществлять торговлю по интернету. Прямых продаж, маг, ей пока не разрешал. Аналогов таким куклам нет нигде. Они действительно уникальны! Они живые. У них есть душа. Недаром магазинчик назван DwS (Doll with Soul). Это всемирно известная марка на рынке кукол. Больше всего она успела засветиться и обрести призвание в Азии. Там спрос на необычное велик, люди как дети, и помешаны на коллекционировании. Потому там находится основной филиал. Хозяин имеет планы на северные страны, а может, просто устал от шумных азиатов. Но скорее всего, он задумал нечто коварное для гадины Эммы.

Достав и подогрев толстый гамбургер, Матильда прежде всего влезла на свою страницу, проверить, не написал ли кто чего.

Встревоженное сообщение от Эммы. Спрашивает, не встречала ли она Дору или Тома.

Матильда расхохоталась.

- Встречала! Еще как. Он такой красавчик! Но неприступный. И это грустно. Моя Дора! Я люблю только Дору... тьфу! – передразнивает она его, корча рожу. - Будь ты проклят Томас Лунден! Я ненавижу тебя и твою Дору. Чтоб вы оба умерли в один день! Стоп. Неужели я желаю такое? Ахахахахаха! Увы, такому не бывать. Ведь я отправила его в зазеркалье. Так что, Дора, смирись. Ты сгниешь в одиночестве.

«Я хочу видеть их кровать в огне!» - думает она.

«Хотела узнать о Доре и Томе через зеркало. Но следить за ними не удастся, у них нет зеркал в квартире. Они прямо как чувствуют мои замыслы. Потому пришлось пойти таким путем. Что ж, все к лучшему».

Матильда, для успокоения совести нервно лазает по своим фото. Альбом под названием «Мои туфли 43-го размера» показывает ее ступню в туфле на большом каблуке. Редкие комментарии выводят ее из себя. Да что эти жалкие черви

понимают? Вот, к примеру, Эмма изумляется, правда ли у нее, Матильды, такая большая нога.

- У меня как раз все ок с ногами. А вот тебе даже пары не нашлось! – бурчит очкастая, гневно впиваясь в гамбургер. Но ведь для нее тоже не нашлось «пары», чтоб сказать два сапога - пара.

«Значит ли это, что если у меня нет пары, я не достойна никого?»

Заходит на страницу Эммы. Лазают и вращают глазами, осматривая улыбающуюся девушку на наличие недостатков. Что-то не так. И цвет одежды по стилю, и умеренный макияж, и ее коллеги по работе гармонично смотрятся без чудачеств...
- Да почему? Где твои недостатки, Эмма? Тоже сдохни. Лжецы, негодяи! Всех к стене!

Уходит из своего аккаунта, ответив Эмме, что видела Тома довольно давно. Спешит на форум по заказу кукол. Там фанатки - одинокие девушки и женщины, влюбились в кукол и им теперь не нужны настоящие мужчины, так как они полны недостатков.

- Хм, а что, если попросить превратить Тома в куколку? Тогда я смогу любоваться им до конца жизни, и он будет принадлежать только мне.

А то живьем, на фоне такого парня я буду жалкой и уродливо толстой. Неужели придется смириться со своей участью и ждать, когда тело увянет так и не став, и не сделав никого счастливым?

Матильда видит одну очень успешную девицу под ником Динамит, которая сама делает кукол и заодно занимается саморекламой на этом форуме. Так можно потерять нескольких потенциальных клиенток. Матильда заходит к ней и читает комментарии.

Динамит: Красивых мужчин много не бывает! Закончила двух давно обещанных мужчин. Закончила ночью и не удержалась, чтобы не сфотографировать на скорую руку. Лица, волосы, одежки (пусть и очень простенькие) - все сама! Меч, правда, кривовато получился, но для первого раза сойдет. Фотографии сделаны не для того, чтобы можно было рассмотреть

качество, а для того, чтобы "оживить" персонажей. Теперь на очереди еще двое мужчин - боцман на "Фортуна" и один скандинавский герой, если найду под него все нужное.

- Ах ты дрянь! Вздумала бросить вызов нашему хозяину? Да что ты знаешь об оживлении? – шипела Матильда. Читает отзывы про купленных кукол.

Пр.Нури: Сегодня выехавшие не так давно на ПМЖ мужчины добрались до дома.

Гага: У нас пополнение! Сегодня приехал наш красивый, наш славный, наш удивительный юноша!!! Такой он нежный, во-все не надменный, как скажем Фридрих или Лео. Не налюбуюсь никак. Стыдно, что не успела дошить ему собственный костюм, одела в то, что оказалось под рукой. Его так плотно облепили, что уже непонятно - чей же все таки мальчик?

Симплагёра: Милый джокер, выскочивший буквально ниоткуда как чертик из коробочки. В полку вампиров прибыло. Синеглазые блондины - это тенденция однако...

Фэйл: Элвис жив! Улыбаюсь как дура и растекаюсь. Вообще-то я не планировала заводить портретных кукол. Ибо они совершенно, как правило, неиграбельны. И я не люблю маттелл. НО!!! Это, наверное, единственная кукольная улыбка, которая заставляет меня счастливо улыбаться в ответ. Король рок-н-ролла. Мистер Совершенство... Величайшее средство от депрессии. Я люблю Элвиса, да.

Эшли: Динамит, раскройте же свои карты, в чем ваш секрет создания живых кукол, и где обещанная сказка? Ваш последний шедевр с байкером... это нечто!

Динамит: На сегодня только несколько фото, а историю про лису и пирата я расскажу вам как-нибудь в другой раз. На самом деле просто мне было жалко, что голова валяется без дела. А родная прическа мужика мне откровенно не нравилась да-да-да, я люблю кукломужчин с длинными волосами. Дорогие почитательницы, может кому надо еще одного красивого, брутального, но крайне ограниченного в подвижности мужчину? Буду продавать, ибо совсем не мое, а искать еще одно тело для случайного, даже не персонажа хлопотно. И у меня уже есть звезда рока, который конкуренции не потерпит

однозначно. Отдам мужчине в хорошие руки. Слегка завит - можно сделать более кудрявым без проблем. Прошивка допускает изменение причёски. Тело новое, не игралось. Отдаю нюд. По запросу сделаю дополнительные фото при дневном освещении и с разных ракурсов. Торг возможен.

Матильда в бешенстве плюется на пол и пишет сообщение. Выставляет фото одной из апатичных кукол, забирающих жизненную энергию из владельца.

МастерСервант: А пока посмотрите ещё такого паренька. Тут же её куклу комментируют.

Анри: Мне нравится шейный платок. Простите меня, я такой человек, который приходит в тему о новых куклах и говорит про предметы одежды.

Молли: Он заболел, лицо отекло... Парень немного отекший, как будто тяжелые выходные. Не могу понять, нравится, или нет. Он причудливый, вроде и интересный скульпт, но первый снимок — нееее, в лифт бы с таким я не села. Анри, мне тоже нравится этот платок или шарфик. Я одобряю ваш выбор! У него немного странный мейк, но парень шикарный.

Изольда: Что-то как-то совсем не понравился юноша. Хорошо, что я кукол-мужчин не покупаю, а то бегала бы по потолку сейчас.

Тико45: Парень прекрасен... * ____ * Надеюсь, он будет продаваться.

Хитрый Люциус: Ой *_* А я прям влюбилась!

Позитивная какашка: Так-то вроде ничего, но веки такие опухшие! Даже без мейка.

Онника: Блезненный юноша, кутается в шарфик... Декаданс такой!

Эшли: Подскажите, пожалуйста, как приобрести юношу? Он покрашенный похож на сонного Кейна. А на Валли, как ни странно - не очень.

Хитрый Люциус: А кстати, знаете, кто у автора по сюжету этот юноша? Набарро говорит, что он похож на метоселянина, и живёт под землёй!

Вампирское дитя подземелья, в общем.

Тико45: Жаль Валли не хотят продолжать делать...

Изольда: Мне сказали, что форма для отливки повреждена и вряд ли сможет ещё долго продержаться. Поэтому перед новым годом, в качестве эвента, будут проданы последние 10 голов.

Эшли: Отличная же новость!

Позитивная какашка: Нифига себе отличная!!!! Этак я себе ботинки никогда не куплю, придется третью зиму в мальчугановых кроссовках бегать.....

Матильда с ухмылкой дала сведения для приобретения куклы интересующейся девице. Далее шли новости для тех, кто в теме.

Ангелхеймовские феири, решили сделать (по многочисленным просьбам) повторный выпуск лимиток Raul & Isac. В общей сложности будет выпущено 15 Раулей и 15 Исаков в минимальной комплектации, но с выбором кожи. Два крылато-рогато-копытно-лапых юноши на новом, более человеческом теле. Рост 43 см, можно заказать в нормальном или загорелом цвете. В опциях у них мейк, парик, одежда и россыпь запчастей: крылья, когтистые руки, рога-ушки, лапы или копыта; цвет этого изобилия и его покраску тоже можно выбрать. Тело продается отдельно...

Матильда в бешенстве печатает по клавиатуре.

МастерСервант: DwS представляет нового юношу в линейке Zenith (69 см). KAGEL, базовый господин, но в опциях у него есть парик, одежда, фейсап и выбор кожи (нормал или вайт). Почти тотчас пришел ответ.

Хитрый Люциус: DwS скорбно сообщили, что тема таро исчерпала себя, после чего немедленно запустили еще одну лимитку из карточного проекта. Компания деградирует и цены высоки для простых ценителей кукол. Сбавьте цену для начала.

- Стерлядь! - орет Матильда. - А такое на вот, выкуси! А ну-ка пупсы, отправляйтесь на охоту за этой ценительницей умных реплик. И чтоб больше она никогда не появлялась в мире живых.

Пупсы послушно выбрались из коробок и покинули магазин. Они были одеты как гвардейцы с опущенными вниз улыбками.

Матильда немного успокоилась и написала ответ.

МастерСервант: А что не так с ценами? Достойная цена за достойного мужчину. Вот мой личный, купленный недавно. Мулат в размере Vito (52 cm). Можно выбрать тип тела (с закрытыми или открытыми шарнирами), цвет кожи - нормал, вайт или тан; парик, мейк, ауфит, обувь и доспехи из непромокаемого папьемаше с серебрянкой опциональны.

Эши: Действительно, как будто только сошел с Олимпа! Я в обмороке! Не пожалею денег!

«Попалась!»

Токи45: Здорово вы по-спортивному. Парню очень идет этот стиль.

МастерСервант: Не могу удержаться выложу еще две фотки. Вот он мой львеночек ненаглядный! (*упиваясь восторгом девиц)

Изольда: Потрясающе! У вас безумно красивый мужчина! Завидую вам.

МастерСервант: Спасибо!

Уставшая и добившаяся к утру победы над соперницами, Матильда собралась спать. Глаза не глядели и были красными от баталии за экраном монитора. Но в зеркале появилось яркое темное свечение и возникло лицо мага.

- Некогда спать. Нужно срочно предпринять меры. Олав и Эмма нашли ТО самое зеркало!

ТЕРАПИЯ

*Для кого-то ворота кладбища
открываются слишком рано*

Часы на железнодорожном вокзале пробили без четверти два. В воздухе царил тяжелый туман. Вдыхать его было уже тяжело, в груди сдавливало, появлялась испарина. Со скрежетом колес, поезд все же остановился у пустого перрона. Открылись двери. Из вагона под номером 4 спустился незаурядный человек в плаще, шляпе с обычными полями и саквояжем в руке. Он не оглядывался на поезд, на котором прибыл. Не озирался по сторонам, ибо знал, что никто не должен его встречать. Тем не менее, из-за колонны опасливо появился упитанный мужчина среднего роста с добрым лицом. Глаза у него были большими и грустными. В области висков оставались частички не смытого до конца грима. Видимо не было времени для тщательного туалета. Его щеки были дряблыми и висели как сливы, рот был вызывающе маленьким и поджатым. Обычный мясистый нос не обращал на себя внимания. Подбородок выпячен вперед. Человек видимо надеялся таким образом казаться выше чем он есть при общении с более высокими собеседниками.

- Добрый день. – поприветствовал тучный человек человека из поезда. – Меня прислали встретить вас и сопроводить. Все называют меня Билл, хотя мое настоящее имя другое...

Приезжий не ответил, лишь коснулся рукой поля своей шляпы мельком пустив колючий взгляд на встречающего. Билл вздрогнул. Чем-то холодным как сама смерть потянуло от незнакомца.

«Что могло понадобиться передвижному цирку от этого человека?» - подумал клоун в штатском и поспешил указывать дорогу.

- У вас имеются все необходимые инструменты для проведения операции? – спросил Билл после продолжительной молчаливой ходьбы.

Ему хотелось бы спросить и лицензию на работу врачом у

этого сумрачного человека, но он побоялся.

- Я мастер своего дела, если вас это интересует. – подал вдруг голос прибывший. – Мое имя Рихард Вейнц. Вряд ли оно вам о чем-то говорит.

Клоун вздохнул с облегчением. И чего он волновался? Настоящие профи именно так и выглядят. Холодные, порой жестокие. Но они знают свое дело и им можно довериться.

- О, я очень рад в таком случае. А то я волновался за Снорре. Он еще маленький а случился такой опасный перелом... - начал изливаться душу Билл.

Они уже приближались к цирку стоящему в поле зрения, когда вдруг новое беспокойство охватило клоуна.

- А у вас есть девиз? Ну некий принцип работы? Мы вот имеем цель нести радость, даже если нам самим очень плохо. Но делать счастливыми других людей... это высшая награда в нашей профессии. – разошелся Билл. Вокруг него даже сформировалась аура героя. Вейнц усмехнулся и ответил:

- Наша цель дать право уйти из жизни достойно. – сказал он, наслаждаясь побледневшим собеседником и его реакцией.

- Что?... нет... вы же не... - недоговорил Билл. Навстречу им спешил другой циркач.

- А вот и наш долгожданный доктор! Что ж, проходите, мы очень надеемся на вас. – расплывался в улыбке недавний шут. Сейчас он был одет в добротный деловой костюм и благоухал парфюмом. Он провел гостя в палатку к больному.

Рихард Вейнц снял плащ и шляпу, отдал их семенящему следом Биллу. Клоун стоял с заплаканными глазами и кусал нижнюю губу.

- Благодарю, вы можете быть свободны. – бросил Вейнц ему.

- Что вы собираетесь делать? – дрожащим голосом спросил Билл не желая покидать палатку, но коллега шут выталкивал его наружу.

- Да-да, Билли, я понимаю ты привязан к мальцу, и этот тип мне тоже по умолчанию не нравится, но так будет лучше для всех... - говорил шут уже за пределами палатки.

Мальчик с искаженным от боли и страха лицом повернулся к пришедшему доктору. Вейнц поставил саквояж и раскрыл его.

Несколько уровневый саквояж обнажил всевозможные баночки, препараты, порошки и шприцы любого калибра. Мальчик сглотнул и попытался двинуться, но это вызвало сильнейшую боль в спине и потемнение в глазах.

- Где-то в другой реальности все то, о чем мы мечтали, что потеряли, что не сделали... там живет наш Второй. Уходя из этого мира мы попадаем к нему и там он дает нам все то, что не получилось тут. Понимаешь меня? Тебе не нужно бояться. Там лучше, чем здесь, поверь мне. – начал говорить доктор, доставая резиновые перчатки.

- Как я могу вам верить... ведь вы здесь... откуда вы знаете? – слабым севшим голосом спросил мальчик.

- Скажу тебе по секрету. – Вейнц приблизился к лежащему мальчику и склонился над ним близко-близко. – Я пришел из того мира. Я путешествую между мирами ради поисков.

Зрачки мальчика сузились и бешено заколотило сердце в груди.

- Нет... прошу вас... не надо... я не хочу...

- Боюсь у меня нет иного выхода. Цирк не может позволить тебе дорогостоящую операцию на позвоночник. К тому же, скорее всего ты так и останешься инвалидом на всю жизнь. У вас ведь действует золотое правило: только умелый циркач заслуживает аплодисментов. Разве нет?

Крупные соленые слезы полились по щекам.

- Я умру да? – тихий голос прошептал страшный вопрос.

- Ты погрузишься в прекрасный сон и больше не проснешься. Ты останешься в мире своих грез, будешь видеть его бесконечно, наслаждаться общением с дорогими тебе людьми, будешь делать лишь то, что захочешь. Там ты бог и хозяин происходящего. Сны – лоскутки смерти. Мы сделаны из того же вещества что и сон. Когда мы спим каждый день, то бываем в том мире куда однажды все мы вернемся.

- А если мой сон будет кошмаром? Он же никогда не окончится. Прошу вас... не делайте этого.

- Ты хочешь жить? Несмотря на чудовищную боль? – удивленно замер Вейнц набирая шприц из баночки.

- Да... мне плохо, но я хочу жить... это мое право! Я хочу играть,

у меня есть лучший друг Том... - плакал мальчик.

- Мальчик мой, ты больше никогда не сможешь прыгать, бегать, ходить. Каждый день твоего существования будет доставлять тебе боль. Твой друг отвернется от тебя. Дружбы не существует на свете. Все это лишь иллюзия. Человек всегда одинок. Люди – это миражи по отношению друг к другу. Человек приходит один в этот мир и уходит. Если бы твой друг дорожил тобой, то почему его нет сейчас здесь? Почему он не пытается тебя спасти?

- Вы не знаете Тома! Он самый лучший, самый надежный!

Снаружи Билл не мог никак смириться.

- Я буду давать ему морфий. – заявил он.

- Пфф! И сделаешь пацана наркоманом с детства? – рассмеялся шут закуривая сигарету.

- Я оплачу его лечение. Я найду способ. Если надо, я продам свои органы. – горячился клоун, исходя слезами.

- Не говори ерунды. Ему уже не помочь. Мастер снов знает как лучше. К тому же хозяин так пожелал. По дешевке мы продали наши души и теперь даже наши тела не стоят и гроша ломаного. Мы больше не свои.

- Как?! Как ты можешь быть таким равнодушным? Ведь это Снорре! Наш маленький друг! Он вырос на наших глазах! Неужели тебе все равно?

- Ну а какая разница? Что толку переживать о нем, когда впереди целая вечность? К тому же эвтаназия не плохой выход из данной ситуации. Ты же знаешь, рано или поздно Снорре пришлось бы отдать свою душу. Уж лучше пусть отдаст ее Богу, чем хозяину. Ты пойми, все обычные люди вокруг смертны, а мы благодаря хозяину больше нет. Мы будем жить вечно. Свыкнись уже с этой мыслью и воспринимай происходящее за тривиал. – шут затушил сигарету о пуговицу на плаще Вейнца, который все еще держал на руках Билл. – Подаришь ему пластиковый цветок. Он не вянет.

В палатке тем временем, доктор садится рядом, чтобы вводить препарат в руку Снорре. Мальчик пытался было брыкаться, но боль ломала его и приводила в отчаяние. Плакать и терпеть ее не было сил.

- Ты узнаешь в первый раз, что такое экстаз... - напевал Вейнц.
- Том! Сделай же что-нибудь! Я не могу больше! – закричал срывающимся голосом переходящим на визг мальчик. Из-за бельевого сундука вдруг выскакивает другой мальчик и набрасывается на Вейнца, бьет его и кусает.

- Отпусти его! Отпусти урод! Он выживет, он сильный! Снорре лучший! – кричал Том.

- Ах ты маленький мерзавец! – шприц втыкается в матрас и часть жидкости выдавилась. - Уже поздно! Не мешай мне! Лучше бы попрощался и успокоил своего друга.

В палатку на крик врывается двое циркачей. Один другого держит.

- Если ты сейчас же не перестанешь я воткну этот укол смерти в твою руку! – закричал доктор и Том разом обмяк. Сжался и затрясся с ужасом взирая на шприц.

- Так-то лучше. – Вейнц резко повернулся к Снорре и воткнул иглу в его руку, придавив ее к матрасу.

- Тооом! Помоги мне! Я боюсь! – кричал Снорре захлебываясь слезами.

- Нееееет! Не смей! Я ненавижу тебя! – истерил Том понимая что уже поздно, но пытаясь причинить хоть какой-нибудь вред доктору. Однако глаза его наполнились слезами и он уже не различал куда машет руками и ногами. В палатку входит еще один человек.

- Я закончил. – произнес Вейнц и начал рыться в своем сакво-яже, оставив на маленьком столике использованный шприц.

- Держите пацана ему нужно ввести успокоительное. Вот вам и замена для цирка. Этот более прыткий, лучше подойдет для номеров.

Эти слова прозвучали как приговор. К Тому стал приближаться напوماженный человек в деловом костюме с натянутой улыбкой. Изображение расплывалось и застилалось влажной, но Том понял, что ни в коем случае нельзя дать ему в руки. Он схватил шприц со столика и всадил его шуту в живот. Тот ойкнул и выругался. Мальчик прыгнул кувыркком под его ноги, быстро встал и выбежал вон из палатки.

- Том... не отдавай им шкату... - из последних сил пытался

прокричать Снорре.

- Схватите его! Немедленно! – разъяренно завопил вслед убегающему вошедший последним человек. Это был Луиз. Трое циркачей тотчас оставили свои дела и побежали следом за мальчиком.

Билл бросился к умирающему, но расслабленный и засыпающий Снорре смотрел мимо лица клоуна и шептал имя Тома пока не погрузился в вечный сон.

Осень на душе Пасмурные дни

Выходной. Парк развлечений Тюсенфрюд, что расположен в 20 км от Осло.

Том сосредоточенно наматывал нитку на палочку. Воздушный змей над его головой извивался и улыбался нарисованной улыбкой и глазами. С большим трудом и далеко не с первого раза, мальчику удалось поднять его в воздух. Он стоял, задрав голову вверх, и был бесконечно доволен собой и проделанными усилиями.

Мимо проходила семья. Девочка с хвостиками поджала ноги, повиснув между родителями в яркой футболке с Дональдом и модного фасона шортах. На ногах у нее были сандайки.

- О, я тоже хочу такого! - торжественно заявила она, вставая на ноги и указывая пальцем на летающую игрушку.

Родители переглянулись.

- Милая, ты уверена? Управлять этим бумажным змеем не так-то просто.

- Но ведь он может. - сказала девочка, переместив палец со змея на мальчика.

- Он наверно долгое время тренировался. - пыталась мама отговорить ее от затеи.

- Значит и я смогу. - девочка решительно двинулась в сторону стоящего мальчика. Порыв ветра усилился и нить, соединяющая мальчика со змеем натянулась. Тот еще больше нахмурился. Только девчонок ему тут не хватало.

Он повел змея за собой в сторону, но девочка поспешила обогнать его и встала впереди.

- Дай мне попробовать.

Люди лениво прогуливались по направлению к большому ТЦ после парка развлечений, где для каждого члена семьи нашлось что-то свое и повод оставить деньги. Многие улыбались

и вспоминали смешные моменты, грезили проявить фотографии.

Том сидел на траве и грустно вздыхал на оборвавшегося где-то в высоте небес змея и злился на ту девочку. Родители этой девочки купили ему другого змея. Отчего было не купить девочке такого сразу и тогда бы не случилось неприятности. Новый змей тоже неплох, но он другой. С тем, Том уже подружился, а с этим нужно было начинать знакомство с нуля и уже не было ни сил ни желания на это. Потом он вспомнил о чем-то и кинулся к зданию. На верхнем этаже, в закутке стояли различные игровые залы для взрослых и детей. Он добежал до американских завезенных автоматов с новыми аркадами. Там уже толпились другие мальчишки, советуя и споря наперебой.

Том вставал на носочки, пытался пролезть между ног. Ребятня толкалась и не желала уступать удобную позицию. Наконец, ему удалось встать там, где виден экран. Высветилась кровавая надпись The Clown's Revenge. Дети охнули.

- Я знаю эту игру. - похвастал мальчик, стоявший рядом с Томом. - Там по сюжету у клоуна украли улыбку и он не может веселить детей, а наоборот пугает их. Он начал мстить и у него кувалда в начале игры, а потом будут другие орудия. Его зовут Killer Clown. Там еще есть другой бонусный режим, где надо устраивать злые шутки над людьми и всяко пугать их. За это дают много очков.

Несколько ребят увлеченно слушали его.

- А откуда ты знаешь? Ведь автоматы завезли недавно.

- Я много путешествую, в Америке я играл в это.

- Заливает. - сказал кто-то и все уставились на экран.

Головы снова закрыли экран и Том разочарованно пошел прочь.

- Я Снорре, а ты? - представился мальчик, знающий про игру.

- Том.

- Теперь мы друзья.

- Ага. А ты правда много путешествуешь?

- Да. Я выступаю в цирке. Мы ездим по всему миру.

- Здорово. Я еще нигде не был, но родители обещали поехать

со мной и братом куда-нибудь на Рождество.

- Да там все также. Ты ничего не потерял. Люди другие и такие же.

- Это как?

- Только лица и язык отличается, а остальное все то же.

- Понятно. А что ты делаешь в цирке?

- По канату хожу, кувыркаюсь вот так смотри.

Мальчик демонстрирует.

- Круто.

- Еще катаюсь на одноколесном велосипеде. Жонглирую. Пока мне не разрешают, но я хочу участвовать в опасных номерах и летать под куполом... - мечтательно произнес он.

- Обалдеть. А научи меня чему-то простому.

- Дай подумать. Хммм... а ты мне позволишь запустить своего змея?

- Конечно! Бери.

После долгого веселья они утомились и упали на траву смеясь.

- Классно прошел день! Давно я так не веселился. У нас в цирке почти нет никого моего возраста. Есть девчонка постарше но она такая вредная! - скривил мину Снорре.

- А вы надолго в нашем городе?

- Нет, еще два дня и поедем в Швецию. Там турне завершится.

- Давай еще встретимся, и ты мне покажешь еще сальто и поиграем в автомат? - предложил Том.

- Я не возражаю. Но лучше делать это с утра, пока никого нет и никто не будет нам мешать.

Прошло 18 лет.

Сердце учащенно билось, предвкушая концерт. Том стоит среди толпы единомышленников и любителей хорошей музыки и смотрит на сцену. Зажегся синий прожектор, освещая сцену, напустили дыму. И вот, под овации и свист выходят исполнители. Нет, постойте. Что же это? Что за шутки? Толпа ликует и радуется, и Том тщетно озирается по сторонам в поисках человека с таким же мнением. На сцене начинаются паясничанья и кривляния. Изуродованный и осмеянный об-

раз музыкантов металла портят уродливые парики и поролоновые носы и прочие яркие цветастые элементы одежды. Клоун играет на гитаре с ручкой шарманки идиотскую музыку и хохочет. Клоун барабанщик колотит марш солдатиков, что совершенно бесит Тома и он пытается уйти с концерта, жалея о потраченном времени и деньгах, но клоуны охранники не дают ему покинуть зал. Том испытывает приступ отчаянья и злобы, пытается драться с ними, но его толкают обратно в зал. Толпа ликует и приходит в экстаз. Ужас от слепоты людей пронзает сознание и Том просыпается.

Увиденное как вспышка пронеслось во сне и оборвалось вместе с первым звуком будильника. Том открыл глаза. Волосы были разбросаны по подушке, одна прядь даже умудрилась обвить шею и забраться между губ. Из-за темной плотной шторы сбоку в комнату светил уличный фонарь. Еще темно, но скоро начнет светать. Он нащупал провод и нажал на кнопку. На тумбочке возле кровати зажегся ночник в виде уменьшенной Эйфелевой башни, из нутра которой лился свет. Зажмурившись, какое-то время Том просто лежал, медленно привыкая к нему и к мысли о начале нового дня.

Затем издал вздох и сел. Свет ночника все также надежно струился сквозь маленькие перекладыны башни.

«Париж – город беззаботных романтиков. Навешанное клише» – в который раз подумал он.

Если долго всматриваться в макет-аналог, то можно увлечься.

Тепло покидало вывернутое одеяло и волоски на руках вздыбились, что говорило о том, что сейчас не лето. Том встал на ноги и начал делать зарядку. Тело после сна плохо слушалось и ленилось, но он все же заставил себя проснуться.

Прошел в ванную под душ, предварительно утянув волосы резинкой на макушке, чтоб не намочить. Они еще не были жирными, да и некогда сушить перед трудовым днем. Тщательно вытерся. Прохлада помещения еще не сильно тревожила разогревшееся тело. Стоя в полотенце вокруг бедер и накладывая себе крем для бритья на нижнюю часть лица, он посмотрел на себя в зеркало. В неярко освещенной ванной его глаза казались странными. Он сдвинул рот в подобие улыбки

и вышла скептическая гримаса.

«К чему снятся сны? Тем более такие» - подумал он и включил электробритву. Прибор быстро и без проблем справился с небольшой щетиной, и Том пошел готовить себе завтрак.

За окном пела синица, с шумом ударяя подвешенную кормушку сделанную из коробки молока об стекло. Начиналась зима и птицы нуждались в поддержке со стороны людей. Том расчесался, оделся и насыпал небольшую горсть зерен через щелку рамы. Холод мгновенно заявил о себе. Ртуть упала и градусник показывал (-10).

Проверка веревок, креплений. Замена одного карабина. Том работал альпинистом. Хотя это и запрещено из побуждений техники безопасности, но с музыкой все делается быстрее и веселее. Время не тянется еле-еле, не приходится отвлекаться на посторонние звуки. Он оглянулся на напарника, который свесился с крыши и начал опускаться в нескольких метрах правее. Клод хороший парень, всегда все делает четко и быстро. На него можно положиться. Том ровняется на него. У него двое веселых ребятешек и отзывчивая жена. На Рождество Клод попросил Тома помочь разгрузить мебель и тогда выяснилось семейное положение напарника. Разумеется, голодным Том от них не ушел и стал желанным гостем в их семье.

Вот и сейчас он кивнул Клоду и тот заулыбался. Значит, прикроет. Том оттянул рабочую рукавицу и горячими пальцами включил сенсорный плеер. В наушниках начала играть Dark Funeral – The End of Human Race. «Неплохое начало дня в приятной компании!» - подумал он, вставляя сверло в перфоратор.

После окончания труда, он распрощался с Клодом и пошел к стоянке. Музыка играла, снег блестел, птички перелетали с ветки на ветку, осыпая сверху белую пудру...

Как вдруг на его глазах на лестнице поскользнулась какая-то женщина и упала. Том поспешил к ней. Прорезиненная подошва не давала ему упасть на голом льду.

Упавшая пыталась встать, но ей это не удалось, так что он был просто обязан узнать о ее состоянии.

«Только бы не лицом... лишь бы не сотрясение» - думал он, выткнув наушники из ушей и переворачивая закутанную женщину. Однако, пострадавшей оказалась молодая девушка. Ее расширенные и перепутанные глаза говорили о шоке. Она повредила ногу и пришлось вызвать скорую. Она была так потрясена, что переволновалась и в порыве благодарности даже отдала ему билет на концерт.

Том знал, что даже если человек хороший, при размолвке начнутся претензии и укоры, потому он решил во что бы то ни стало не оставаться в долгу и отблагодарить девушку за билет.

Боль – движение вперед

У нее были грустные темно-синие глаза, волосы чуть ниже плеч темно-медового цвета и не накрашенные губы, мягкий овал лица, помещенный на хрупкую шею.

Я понимал, что не должен приближаться и портить ей жизнь. Она достойна лучшего, однако, я как ночной мотылек двигался к ней, раздвигая толпу. Иногда к человеку просто тянет. Этого не объяснить.

Я осознал проделанный путь лишь когда оказался рядом с ней. Она, вероятно, почувствовала что-то, так как повернулась, и наши глаза встретились. Оба неба здесь. Я погрузился и не мог оторвать взгляда от них и руки притянули обладательницу этих небес. Если бы она отвесила мне сочную оплеуху, я бы остыл, но Дора не оттолкнула меня, хотя я действовал как какое-то животное вышедшее на охоту. Чем больше я смотрел на нее, тем сильнее мне казалось, что мы знакомы всю жизнь и никогда еще и я не встречал такого родного человека как она.

Мы с трудом добрались до дома. Я сжимал Дору так сильно, что без конца извинялся, а она улыбалась мне сквозь слезы и прощала мне эту боль и мое нетерпение.

Она такая же как я, только лучше.

- Сделай так, чтобы я проснулась завтра и не могла от боли улыбаться. Чтоб мои губы были искусаны до крови, опухли и устали от поцелуев. – прошептала она в темноте коридора, когда я с трудом открыл маленьким ключом квартиру.

В этот день прорвало отопление и шли ремонтные работы у дома, что само по себе редкость у нас. И несмотря на стеснение, холод вынуждал ее тянуться ко мне, прижиматься, искать тепла и заботы. Меня бесконечно радовала мысль, что она нуждается во мне.

Я благодарно улыбнулся зиме, ведь она свела нас.

- Спасибо, за то что стал частью меня. – тихонько сказала Дора, засыпая рядом.

Многие отрицают это, но людям страшно, когда им доверяют. Я наслаждался и в то же время боялся не оправдать ее веры в меня, боялся стать предателем, который перешагнет через нее по ходу наших отношений.

Между нами все было так невероятно, мы словно отделились и сбежали от этого пустого и чуждого мира вокруг, что я и не вспомнил сразу о своем грузе из прошлого, и глубоко верил и ждал, что Дора излечит мою давнюю рану, а я со своей стороны старался излечить ее боль.

Однако, с появлением Доры вернулись мрачные сны. Те, о которых я мечтал забыть, те, которые не желал больше никогда видеть.

За то счастливое и важное, что появилось в моей жизни придется платить кровавой данью.

Холод. Туман. Пустая площадка с качелями в виде шин. Песочница пуста и поодаль лежит опрокинутое ведро. У забора поставлен детский трехколесный велосипед. На большом надувном мячике блестят капли холодной росы. Слышится скрип держащего каркаса и цепей, на которых прикреплены шины. На одной из них сидит худенький мальчик лет десяти. Он весь продрог. Что он делает в таком месте совсем один? Почему не идет домой? Кого он ждет? Кожа у него бледная, почти синяя. Пальцы судорожно впиваются в ледяную цепь. Когда он поворачивает голову видны темные круги вокруг глаз. На детском лице запечатлены страх, боль и отчаяние. Он поднимает лицо и бесконечно грустный взгляд проясняется. Мальчик словно оживает, когда смотрит прямо в глаза.

- Ты все-таки пришел... – говорит он тихим голосом.

Подобие слабой улыбки возникает на миг, но тут же в тумане слышатся шаги и мальчик испуганно оглядывается по сторонам. Из густой дымки к нему шагает клоун с разрисованной уродливой гримасой. Грим потрескался и местами образовал разводы и потек. Цветастый парик в тумане выглядит особо запоминающимся. Одна половина у него красная, другая желтая. На клоуне яркий зеленый с белыми большими пуговицами костюм и нелепые голубые башмаки с высунутыми языками.

- Время наказания. – произносит клоун, сверкая черными как сама

тьма глазами.

Мальчик слзлит с шины и бросается бежать, но клоун ловит его за руку. Пойманный обмякает, на лице появляется выражение безнадежности. Тем не менее, он все же пытается вырваться.

- Отпусти! Отпусти же меня! Ты мне противен! Я не пойду с тобой! Я не хочуууу!... – кричит мальчик, срывая голос и переходя на сип.

Большой клоун намного выше и сильнее. Он, все так же улыбаясь, ловит вторую руку ребенка и победа уже за ним. Клоун спокойно и молча повернулся спиной ко мне и поволок перепуганного ребенка прочь с площадки. Их тела растворяются в сером тумане. Страшный холод проникает и сковывает мышцы.

- Том! Помоги мне! Том! Я боюсь... мне страшно... Том! – слышатся крики уводимого мальчика за спиной клоуна. – Ты снова бросаешь меня! Почему?! Том... Ты же мой друг... – смолкает голос, становясь все тише и тише. А вокруг остается лишь пустая площадка, стелющийся повсюду густой туман и ужас.

Я проснулся с бешено бьющимся сердцем. По лбу стекал ледяной пот. Дора мирно спала рядом, положив свою руку мне на грудь. Мне захотелось встать и как-то встряхнуться от кошмара, но я не хотел потревожить ее покой и остался лежать. Про это я не был в состоянии рассказать даже ей. Она слишком дорога мне, чтобы взваливать на ее плечи такой непомерный груз вины и боли. Нет, я должен и я буду нести его один. Смогла бы она простить меня, зная правду?

Как я ни пытался вспомнить, но не смог оживить память. Все же прошло больше 18-ти лет. Никак не могу вспомнить имя того мальчика... как же его звали? Помню, что нам было весело вместе. Стояло теплое лето. Мы были как братья. Он учил меня держать равновесие, кувыркаться и ходить на руках. Мы виделись не так уж и много, но каждая наша встреча была особенной и полна ожидания. Однако в тот день... трюк циркового мальчика не удался. Он выбрал движение сверх своих сил. Кто же делает перевороты на дереве? По сравнению с другими детьми цирка, он был не очень успешен в выполнении номеров и потому часто был отстранен от участия и почти все свободное время тренировался. Его мечтой было летать под куполом как птица, пролетая над восхищенными людьми,

ощущать полную свободу от притяжения и тела, от всего что ограничивает человека по жизни...

Я пытался его отговорить, на что он лишь еще больше захотел доказать свои умения и залиvisto рассмеялся. Циркачи особый народ. Они умеют противостоять невзгодам и улыбаться несмотря на боль и удары судьбы. Этот смех был последним смехом в его жизни, потому что последующие пару часов превратили его из лучезарного человека в страшную тень себя.

Думаю, что даже работать на столь рискованной работе я стал благодаря этому парнишке. Это было мое обещание ему не забрасывать наше общее ремесло и стать сильнее и лучше. В цирк я больше никогда не возвращался и не вернусь, ноги моей там не будет, но что-то отдаленно напоминающее подвешенное состояние парения и схватки с судьбой я испытываю каждый день.

Помню после случившегося, я прибежал домой со всех ног, спрятался под кровать и пролежал там несколько часов. Меня трясло и зуб на зуб не попадал. Тело свело судорогой от неподвижного неудобного положения, но я не мог найти в себе сил выбраться наружу. Я просто знал, что он следит за мной. Я не верил, что я смогу оторваться и сбежать незамеченным. Произошедшее стало основным событием моего детства. Неприятным событием. С большим трудом маме удалось уговорить меня покинуть безопасное место. Она растирала мои скрюченные конечности и сама перепугалась не на шутку за меня. Она дала мне успокоительное, покормила меня, сидела со мной рядом и гладила меня по волосам, целовала в лоб, ласково держала за руку и поддерживала, но ничего не спрашивала, хотя тревога на ее лице не пропадала. Тогда, чтобы не казаться трусом, и поскольку я не хотел рассказывать о происшедшем, я сделал вид, что пришел в себя. Я начал смеяться, проявлял интерес к пирогу с вареньем, к настольному хоккею, в который играл с кузеном, в общем вел себя как и подобает десятилетнему ребенку. Моя семья успокоилась и не стала выдавливать из меня пережитое. Когда совсем стемнело я пытался листать комиксы, подкидывал мяч и ловил его большой бейсбольной перчаткой. Включил телевизор, но там шел ужа-

стик «Токсичный мститель» и страх снова впился в мою душу. Я выключил телевизор из розетки, проверил не стоит ли кто за дверью моей комнаты. Положил биту рядом на кровать для успокоения нервов. Страх все усиливался и усиливался. По непонятной причине окно находящееся левее от спинки кровати пугало меня. Я прислушивался, вздрагивал, когда раздавался малейший шум снаружи с улицы или внутри за моей дверью. Когда мама заглянула пожелать мне спокойной ночи, я подпрыгнул, и так напугался, что начал икать.

Когда она ушла, я лег под одеяло, все еще сжимая биту в руках и попытался считать овец. Десять овечек, пятнадцать... шестнадцатой не повезло. Едва она стала перепрыгивать через ограду, то угодила прямо в бездонный мешок уродливого клоуна. Он стоял полуприсев. Громадные нелепые башмаки были расставлены в стороны. Полосатые грязные штанины выделялись из-под приталенного, полинявшего и залитого чем-то зеленого пиджака. Малюсенькая шляпка не закрывала и части пролысины, по бокам которой торчали выкрашенные в разные цвета пряди волос. Клоун разинул уродливые зубы в улыбке с высунутым языком и гаденько разошелся смехом. Овца беспомощно блеяла и просила о помощи, но клоун крепко стянул мешок веревкой и протянул указательный палец в мою сторону.

- Не хочешь помочь бедной овечке? – заржал он.

И тотчас же из мешка вместо блеянья зазвучал голос моего друга.

- Помоги мне Том! – кричал он, а у меня нестерпимо больно стучало в висках и давило грудь. – Почему ты мне не поможешь? Мне страшно!..

Я набрался духа и выглянул в окно, чтобы доказать себе, что страхи беспочвенны и все нормально. Там стоял клоун и махал мне рукой...

Мы идем по хрустальной лестнице любви

Когда ты не один жить проще. Внешний мир не так бьет, ты становишься ответственным за того, кто рядом. Ощущая поддержку, ты делаешь невероятное, то, чего в одиночку не смог бы и давно махнул рукой.

В один из дней, когда я наслаждался переменами в своей жизни, начал рушиться мой мир. Тогда наши с Дорой выходные не совпали, и я был дома. Наводил порядок и вздумал порадовать ее самодельным ужином.

Зазвонил телефон.

- Алло?

В трубке послышался неразборчивый голос заводной игрушки. Я улыбнулся. Неужели дети Клода балуются? Я решил придать серьезность голосу и сделать вид, что не понял шутки.

- Говорите. – сказал я в трубку, нарочито важным голосом.

Раздался скрип, потом звук соскочившей пружины и я услышал вместо смеха детских голосов:

- «В ночной тиши шагаю к зеркалам. Из их глубин шут смотрит на меня...»

Сказавший гаденько захихикал и послышались шорохи и звук заводимого ключиком солдатика или другой какой игрушки. Потом связь оборвалась и пошли гудки.

- Алло? Кто это? – спросил я, но звонящий добился своего. Неприятное предчувствие и какой-то холодок скользнул по мне как невидимая тень. Однажды я уже испытал лютый страх, и это было именно то чувство, которого я меньше всего жаждал. Тогда, будучи ребенком, я понял, что причина во мне. Так дальше продолжаться не могло. Я не хотел и не мог так жить. Мне было нужно нечто, что смогло бы сделать меня сильнее, что избавило бы меня от страхов и я стану смелым. Становясь старше, я нашел этот источник силы и ответы на многие вопросы. Этой шляпкой спасения и моими доспехами для меня стала тяжелая музыка. Но что, если кошмар решил вернуться и ударить по самому дорогому?

Воспоминания неприятно ожили во мне. Это начало давить меня до такой степени, что пришлось сходить до места трагедии. Я знаю, что существует некая память деревьев. Она отличается от памяти человека. Это другой уровень бытия. События там запечатлеваются четко и неторопливо. Без искажений. На сердце было тяжело и я решился спустя столько лет вернуться на то место, но там все изменилось. Рядом закусовая. Злосчастное дерево спилили и не его месте красовалась парковка.

Я вернулся ни с чем. Было странное ощущение, будто меня мучают. Хотят, чтоб я вспоминал то событие, но в то же время лишают меня покоя и времени, которое бы мне потребовалось для примирения с собой.

В дверную щель просунули газеты. Они сбрыкали в прихожей. Я вздрогнул от неожиданности. После такого звонка и тяжелых мыслей газеты вывели меня из строя. Среди буклетов рекламы и газет лежало письмо. Анонимное письмо. На нем был напечатан мой адрес, но не было отправителя. Раскрыв его, я обнаружил маленький листок, на котором были разными буквами приклеено: «Если ты не будешь заботиться о ней, то потеряешь».

О чем это? О ком речь? Я еще раз прочитал адрес. Да. На мое имя отправлено письмо. Ошибки быть не могло. Приславший знал меня. Неужели я кому-то перешел дорогу и теперь мне мстят? Или это просто чей-то розыгрыш?

Я решил игнорировать письмо и странный звонок. На всякий случай убрал письмо в шкаф. Не хочу беспокоить Дору такой ерундой, но сохраню на случай, если придется вмешаться полиции.

Время шло, я был занят. Приготовил запеченное мясо в духовке и обнаружил, что мусорный пакет полон отходов. Нужно его вынести. Оделся, бросил ключ в карман куртки и открыл дверь. В парадной стояла тишина. Снег тихонько падал за окнами снаружи. Настроение мое поднималось, так как до прихода Доры оставалось не более двух часов. Вдруг мой взгляд уперся на надпись на перилах белым маркером «Опасность рядом».

Это уже начинало порядком раздражать. Зачем так мелочно пакостить и разводить грязь? Пришлось вернуться, взять чистящее средство и удалить надпись и лишь потом вынести мусор.

В другой раз, когда мы с Дорой решали куда нам отправиться, в домик в лесу, кататься на санях с лайками или заняться зимним спортом, снова послышался звук почты.

- Я возьму. – сказала она, но я ее опередил и вызвался взять. Когда я наклонился над рассылкой, то понял, что все сделал верно.

На рекламных газетках было написано черным маркером «Без имени без судьбы». Что за?! Я выглянул за дверь, но там никого не было. Лишь стучали ноги убегающего человека по лестнице. Одеваться и гнаться за дураком не хотелось. На стене была нарисована жирная стрелка, указывающая на мою дверь. Я обошел ее. На наружной стороне двери красовалось слово тем же маркером «ШУТ».

- Что там Том? – послышался голос Доры из квартиры.

- Ничего. Ошиблись квартирой вероятно. – ответил я, убирая газеты в стопку прочей макулатуры для скорого выброса. Доре к счастью позвонили и она отвлеклась. Я тем временем уже во второй раз взял растворитель и быстренько оттер надпись. Что за шутки такие идиотские?

Но это были еще цветочки. То, что последовало в следующие дни, заставило меня всерьез напрячься. Что-то подобное безумное происходило практически каждый день. Как только Дора появилась в моей жизни, кто-то возненавидел меня. Я старался изо всех сил оградить ее, спрятать от нее все эти надписи и послания. Как мне кажется, мне удалось держать ее в неведении. Сперва нейтральные и обличительные в мой адрес строки, постепенно переросли в угрозы и намеки про Дору. Суть их сводилась к тому, что я обманываюсь, что связался не с тем человеком, что она плод моего воображения. До того случая, я разумеется, не верил ни единому слову.

В тот же вечер нам привезли и собрали шкаф.

- Тебе не интересно, как мы смотримся вместе? – спросил я ее, поднимая за руку с пола. Дора вдруг стала серьезной и даже

не повернулась в сторону шкафа, на котором висело большое от пола до потолка зеркало.

- Том, мне страшно. – зажимает глаза и упирается на пути к зеркалу.

- Не нужно бояться, глупенькая. Это просто зеркало. – засмеялся я. – Или ты будешь выискивать у себя недостатки которых нет?

- У меня есть страшная тайна. Том, пожалуйста, не заставляй меня. Это плохая идея, правда.

Я подвел ее обнимая сзади к зеркалу и... похолодел от ужаса. Доры не было в зеркале. Там отражался лишь я. Руки дрогнули и хотелось отскочить от Доры, но ведь вот она – теплая и знакомая.

- Ты хочешь, чтобы я поборола свой страх? Том, понимаешь ли... - говорил голос, но отражения так и не появлялось.

«Не может быть! Я не вижу нас...»

- ... это довольно долгая история. Ей много лет... - с трудом говорила Дора и все еще жмурилась. – Ты хочешь, чтобы я...

- Нет родная. Я... я тоже так думаю, что это плохая идея. Прости меня. Не открывай глаза. Отойди вот сюда. Так. Я сейчас же уберу зеркало, и оно больше не будет тебя беспокоить. Согласна?

- А как же ты? Это твое жилище, и я не могу здесь...

- Это НАШЕ жилище. Все будет так, как ты скажешь. Если тебе не нужно зеркало, я тем более обойдусь без него. Ты мое отражение и всегда скажешь как я выгляжу и что не так.

- Том, ты лучший! Спасибо! Я люблю тебя!

- Я тоже тебя люблю. Сейчас я вынесу его вон, а потом ты мне все расскажешь, идет?

Когда я отнимал стекло от шкафа, руки мои тряслись. Я искоса поглядывал за Дорой, но она, казалось, была очень рада моему решению и улыбалась издали, когда мы встречались взглядами.

Я перевернул стеклом к себе.

- Мне помочь тебе вынести его? – оживилась Дора.

- О нет-нет, я быстренько. Не одевайся.

Дора подержала дверь открытой, пока я выволакивал неудобное длинное зеркало из квартиры.

«Невероятно! Неужели это все правда?! Ее не существует?»

Потом лицо Доры на афише. Я был в таком шоке, что не мог поверить. Хотелось подергать прохожих и спросить, не сплю ли я, но было неудобно. Наверно стоит спросить об этом инциденте саму Дору. Уж она-то должна знать, как такое возможно.

В магазине бытовой техники, где я покупал новый тостер, в ряду с телевизорами показывали медленное норвежское те-

левидение. Там всегда показывают природу, в сопровождении с классикой и другой прекрасной музыкой, показывают эстетические места, архитектурные достижения развитых стран. Никогда не интересовался подобным, хотя и не отрицал достижения зодчих. Внезапно привычная картинка изменилась. Экран мигнул и я поднял глаза на один из телевизоров. Актриса похожая на Дору плачет, надрезая себе вены в ванной. Я не мог оторваться от происходящего, буквально прилип к экрану, и чтобы придти в себя потряс головой. Никто не переключал каналы, продавцы были заняты своими делами, редкие покупатели осматривали товары. Разыгрывать меня кому-то просто не было смысла, да и кто мог знать, как меня надо поддеть? Сцена со страдающей девушкой исчезла. В телевизоре показывали новости. Полиция арестовала клоуна с наркотиками. Он брызгал пеной изо рта, обнажая поломанные уродливые корни зубов. Зачем только живут такие люди? Ненавижу клоунов.

Оплатил тостер и все равно никак не мог отойти от увиденного. Дора на экранах! Быть может, она решила попробовать себя в роли актрисы? Но почему она скрывала это от меня? Это она! Я не мог перепутать ее с кем-то. Я не верю в клонов и двойников. Или она ведет двойную жизнь?

После работы я зашел в супермаркет. Там играла песня Skid Row – I Remember You. Приятная старая тема. Всяко не попса, которая уже осточертела. Наполнил корзину провизией на несколько дней вперед и встал в очередь. Праздники давным-давно прошли, и потому я несколько удивился, увидев человека в костюме Санты. Он быстро нашел, что ему нужно и встал в очередь подле меня. Заметив мой интерес к себе, он первый заговорил.

Из разговора я понял, что он актер. Ради больного раком ребенка вне срока праздников он выезжал на дом. После такого признания стало грустно. Больные дети это ужасно. Они еще только начинают жить. Жизни не видели, не познали добра, а уже пора уходить из жизни. Мы стояли молча. Очередь постепенно двигалась. Я все же захотел задать ему вопрос, хотя не надеялся на адекватный ответ.

- Что, если прожить жизнь с выдуманным человеком?

Актер серьезно на меня посмотрел и ответил не сразу.

- Нет, это определенно чудовищная жизнь. Обманывать плохо и играть роль несуществующего героя сказки, как вот я делаю тоже плохо. Но жить и верить в того, кого нет... или с тем, кого априори нет... это хуже. Для самого человека.

Я был следующий у кассирши и потому отвлекся на деньги и упаковку продуктов. Когда я оглянулся, то Санты уже нигде не было.

На следующее утро, в квартире стало пусто. Не было ни единой волосинки Доры. Никаких вещей. Вообще ничего, что бы говорило о ее присутствии. Я в панике бегал по квартире и звал ее, заглядывал в разные труднодоступные места, в поисках «улик», чтобы доказать себе, что я не болен. Но ничего. Уходя в разбитом состоянии на работу меня ждала еще одна фраза.

«Я теперь твое воспоминание» - значилось на запотевшем стекле парадной. В ту секунду я чуть было не разбил окно, но завибрировал телефон и это была Дора. На мой вопрос, куда она так стремительно и бесследно исчезла она ответила удивленным непонимающим голосом, из чего я понял, что нужно умерить коней, иначе поссоримся. Наверняка у нее была причина. Чтобы удостовериться, я снова вошел в квартиру и увидел все ее вещи на своих местах. В шкафу, на полочках, на столе, принадлежности гигиены...

«Она существует! Существует!» - стучало у меня в голове. Значит, она тут ни при чем. Дело во мне.

Я болен. Это не я страдаю, а она. Я лишь обрекаю ее на муки жизни с собой рядом. Мне уже не помочь. Но я буду стараться. Я буду пытаться до конца, до своего предела возможностей сделать ее счастливой, даже, если это будет последнее, что я смогу сделать в этой жизни.

Ветер берет начало в бесконечности

Том втягивал шею в шарф, уткнувшись глубоким капюшоном с мехом. Машину он сдал в ремонт и сейчас приходилось зябнуть на морозе в ожидании пригородного автобуса.

Ему сегодня приснился странный сон. Не сказать, чтобы он был страшным или особенным, все в нем было до смешного простым. Он видел освещенную дорогу на пару метров вперед ночью, по которой он же и шагал ногами. Обувь он отчетливо помнит, свои шнурованные ботинки. Жухлая ломкая трава с треском проминалась в снег, и никаких действий больше не было. Разве что... музыка. Тихая, медленная и мелодичная, точь-в-точь, как бывает в музыкальных шкатулках. Так вот во сне он слышал эту мелодию, когда смотрел на чуть освещенную тропу. Один раз он попытался найти источник этих звуков и начал светить фонарем в разные стороны, но свет обнажал лишь чудовищную голизну задубелых веток, ушедших в зимний вечный сон и не желающих, чтобы их покой тревожили. Мелодия смолкла. Деревья нависали корявыми пальцами со всех сторон, давя и требуя покинуть это место. На некоторых ветках висели обрывки кружевной белоснежной ткани от пачки балерины. Они свисали неподвижно, соперничая с белизной снега. Не было ветра, чтоб сорвать их или колыхать. Заглядевшись на рваную материю, и окончательно запутавшись в направлении пути, Том опустился на снег и хотел свериться с направлением следов, но их не было...

Снова зазвучала мелодия, зовя за собой в черную пустоту ночи, и тогда Том проснулся.

За столом сидела Дора, ковыряясь в компьютере. Уже встала и полна энергии. У нее сегодня тоже непростой день, она должна поработать с подругой в пиццерии. Некоторое время он понаблюдал за ней, пока она не заметила, что он не спит.

Почему-то сегодня, как он ни пытался, но настроиться на нужный лад не удавалось. Он заметил за собой легкое раздражение и нетерпение. Хотелось как можно скорее уже сделать

дело и вернуться домой, и приготовить Доре сюрприз. Он собирался после работы забежать в магазин и закупить продуктов.

Том не мог объяснить в чем дело, но ему чертовски переходилось сегодня делать что-либо. Но нужно. Не попробуешь, не узнаешь. С него не убудет, разве что время потратит своего выходного, и ожидания в очередной раз разобьются о камень правды. Но именно убитый выходной день, который он мог бы провести более спокойно, не выходя на улицу, и расстраивал его.

На сердце его было отчего-то тяжело и угрюмо. Когда плачет душа, становится плаксивым все: настроение, мир теряет краски, люди кажутся недалекими и пустыми... их улыбки обращаются в уродливые гримасы и вызывают неприязнь. Все, что связано с чужим счастьем раздражает и хочется исправить это.

Мысли об улыбках людей возникли, когда он невольно наблюдал за расклейкой плаката на стенд. Смешно передвигающийся семенящими шагами человек мазал клеем плакат и всем телом налегал на него, придавливая. У каждого свой способ работы. На плакате был изображен неприятный клоун. Собственно от его физиономии и испортилось окончательно настроение у Тома. Он достал наушники и включил симфоническую музыку. Музыка неплохо начала. Утром мелодичные проигрыши и легкий налет мистики, создаваемый синтезатором, как нельзя лучше подходят для сонных мозгов. А уже потом, после полудня можно переходить на жесткий режим.

Мороз клонил в сон и одновременно подстегивал бодростью. Двойное состояние хуже всего своей неопределенностью. Но вот, на горизонте показался автобус. Он медленно полз к остановке, освещая фарами заснеженную дорогу. Дыхание Тома рассеивалось паром в бескрайнем холоде улицы. В этом паре и подплывал автобус, нарочито медля.

Наблюдая за транспортом и предвкушая оплату проезда, холодное место, которое предстояло нагреть, Том не сразу заметил, что его кто-то дергает за варежку. К своему удивлению он обнаружил где-то на уровне пояса мальчика лет 6-ти. Он

дергал Тома за руку и беспомощно открывал рот.

Том вынул наушник из уха. Холодок стремглав коснулся этого места, где капюшон был отодвинут в сторону. Музыка больше, чем наполовину пропала из его жизни.

- Чего тебе? – спросил Том, пытаясь высвободить свою большую варежку из цепких маленьких варежек.

- Дядя! Я прошу тебя... помоги мне... - ревел мальчик.

Том разглядывал лицо мальчика. Мокрые глаза, покрасневшие щеки и нос, все это смешалось с соплями и замерзшими в стекляшки слезами. На секунду, он представил каким был бы их сын с Дорой, на кого больше похож и будут ли у него также стекать сопля и слезы по лицу... нет, Дора такого точно не потерпит.

- Дядя! Ты меня не слушаешь! Пойдем скорее! Они украли маму! – малой тянет Тома в сторону от остановки.

Пришлось вынуть второй наушник и музыка совсем пропала. Автобус был уже недалеко от остановки.

- Кто похитил? Говори яснее.

- Я покажу! – всхлипывая, мальчик тащит Тома к приклеенной афише цирка. Тычет варежкой на злого клоуна. – Он!

На секунду возникает резкая головная боль, которая спазмом шевелится где-то в лобной части.

- Ну, это вряд ли. Слушай, если тебе не с кем поиграть... - Том оглядывается на подъехавший транспорт. Ему не по себе и плакат с мерзкой рожей вызывает неприятные чувства.

- Но это правда! Мне никто не верит... мама не хотела идти в цирк, но злой клоун... (хныкает и протяжно воет)

Прохожие с укором смотрят на Тома. За слезы ребенка можно и в тюрьму сесть в Норвегии. Эти маленькие паршивцы могут сказать любую неправду про своих родителей и знакомых, и тех осудят, лишат родительских прав и даже нарисуют срок. Выглядит это именно так. Том, как отец или проходимец пытается подавить волю ребенка и тот ревет, призывая на помощь внимание окружающих. За неоказание помощи заблудившемуся тоже грозит штраф или выговор.

- Парень, прости, но мне нужно ехать, попроси вон ту тетю, она тебя отведет в полицию и они найдут твою маму. – Том

попытался отвертеться, указав на женщину, и двинулся к автобусу. Там двери открыты и еще можно успеть.

- И не надо! Я ненавижу вас взрослых! Вы все одинаковые! Я сам найду мою маму и убью злого клоуна. – закричал малой и бросился бежать прочь.

Том дошел до автобусных дверей и остановился. Он вспомнил, что в детстве, как и все дети, он больше всего на свете боялся остаться один и потерять мать. Дело не в том, что ты не знаешь улиц и остался один, а в том, что тебя никто не замечает и не слышит твоей просьбы, не воспринимает тебя всерьез.

- Черт! – произнес Том. Водитель удивленно ожидал пассажира, не закрывая двери.

Том развернулся и быстрым шагом пошел вслед мальчику. Нужно его найти как можно быстрее и отвести в полицейское отделение, иначе что угодно может случиться. Бывают случаи похищения детей и продажи их на органы. А что, если он не врал? Под гримом клоуна может быть кто угодно.

Том прошел несколько дворов и поворотов, пока не вышел на открытое пространство, где стояла палатка цирка. Было довольнолюдно. Улыбающиеся клоуны раздавали скрученные шарики в виде зверей, продавались сладости и всякого рода розыгрыши и яркие хлопушки осыпали серпантинном прохожих.

А вот и мальчик. Он опасливо сторонится клоунов и идет к цирку. Вот его приметил клоун на ходулях и бежит к нему с мягким медвежонком. Чтобы получить его, придется спеть песенку или отгадать загадку. Мальчик перепуган не на шутку и садится на корточки с ревом, закрывая голову руками. Клоун склоняется над ним и пытается навязать ему медведя и веселье.

- Отойди от него! – Том отталкивает клоуна. Тот шатается, теряет равновесие и падает. Том замечает, что одежда на клоунах далеко не первой свежести.

- Эй! Покажи мне, где пропала твоя мама и нет ли среди этих уродов того самого клоуна?

Мальчик поднимает лицо и радостно вешается Тому на шею.

- Так ты веришь мне? – ревет он.
- Да. А ты, тоже не любишь клоунов?
- Они злые и совсем не веселые. (вытирает слезы)
- «... я знаю, можешь мне этого не говорить...»

Том дает ребенку платок высморкаться. Дора всегда кладет ему в карманы верхней одежды по паре бумажных платков на всякий случай. Вот и сгодились. А уж как она обрадуется, выслушав его приключения, пропустившего работу, но помогшего мальчику найти мать в цирке!..

Вдруг, мальчик отстранился и закричал:

- Вот он! Это он украл мою маму! – с этими словами он бросился за каким-то клоуном и прошмыгнул между ног у кого-то при входе.

- Стой! – крикнул Том, но малого и след простыл в палатке.

Том пошел следом, но ему путь преградил шут в черном костюме. На его шапке была надпись «Черная смерть». Лицо было вымазано белым гримом с черной обводкой глаз и губ.

- Господин, сюда нельзя. Еще не началось представление. – натягивал улыбку шут, но глаза его были черными и недобрыми как и улыбка. Том сжал челюсть. Смотреть в глаза и на это существо не хотелось. Он был слишком инороден здесь и что-то исходило от шута такое, что напрягало каждую клеточку тела и приводило в боевую готовность.

- Мне надо пройти. Туда мальчик забежал. И я тут же выйду. Обещаю.

- Боюсь, никак нельзя. Правила такие. Мы еще не подготовили убранство нашей обители для гостей. – улыбался шут. – Приходите позже, будет весело.

- Ну как же позже? Мне нужно сейчас вернуть мальчика, понимаете, шалопай такой. – Том решил попробовать говорить иначе, видя что шут не дает пройти.

- Сын? – спросил шут, не в тему скаясь.

- Эээ... нет. То есть... друг. Да. Мой маленький друг. Нам нужно ехать в гости, а он балуется.

- Ихихихи! А врать господин не мастер. – продолжал шут.

- Мне правда нужно внутрь. Мне не интересно, что там у вас творится. Если надо, я даже заплачу как за выступление. Мне

нужно вернуть мальчика.

- Заплатить... господин хочет заплатить за пустоту? Интересное предложение.

- Слушай, мы теряем время. Хватит паясничать. Я не шучу.

- Том ощутил внутри какое-то волнение за мальчика и гнев к этому чуваку в гриме.

- Я тоже. – шут вдруг перестал скалиться.

- Ну так... мы договорились?

- Нет! – растянулся черный рот и послышался громкий неприятный смех шута.

- Ну, как знаешь. – Том размахнулся и впечатал кулак ровно в нос шуту. Тот не успел и пикнуть, как провалился за шторы палатки. Том шагнул следом. Внутри было темно, тусклый фонарь где-то в глубине палатки освещал пространство и отбрасывал тени. Из носа шута полилась черная кровь и он лишь дрыгал ногами в загнутых башмаках, заливая палаточный ковер из носа. Вероятно кровь казалась черной из-за темноты. Вероятно...

- Ты чего? Да я тебя!.. – начал было шут, но Том глянул на него с таким остервенением, что тот заткнулся и отполз, пытаясь остановить кровь и пряча ее.

- Откинь голову назад и кровь остановится. Извини. Но ты сам виноват. Я же говорю, мне нужен мальчик, а не ваш балаган и секреты. А теперь, отведи меня туда.

- Нельзя! Если тебя увидят другие... я буду страдать! Они лишат меня радости. – шут ползает у ног Тома на коленях.

- Ну тогда приведи мне малого. Только быстро. И без шуток. Позовешь остальных - у вас у всех будут проблемы с полицией.

- Ммм...

- Ну что?

- Боюсь... я не смогу привести мальчика... - улыбается шут, и смотрит снизу вверх не моргая.

- Почему? В чем проблема-то?

- Я не знаю где он. Здесь... как бы это сказать...

- Палатка-то небольшая, арена, животные за кулисами, да гримерка. Чего, где тут теряться то? – Том уже горячился. Его

угнетала эта тягомотина с тупым шутом, который нарочно тянет время и не желает двигаться. Угнетала сама палатка. Спазм в голове усилился и не собирався уходить. Болезненные фрагменты прошлого прорывались из памяти и он уже не был так уверен в правоте своего нахождения тут. Но раздражение смешавшись с каким-то постыдным и гадким чувством тревоги взяло верх.

«Нельзя дать ему себя одурачить. Нельзя дать понять, что в этом моя слабость...»

- Так, мне надоело. Идем вместе. (поднимает за черное жабо шута)

- Умоляю господин! Если тебя увидят в таком виде... мне конец! Тебе нельзя в одежде смертного в цирк. – выпалил шут, заливаясь крокодильими слезами, которые оставляли растекшиеся следы на лице.

- И что ты предлагаешь?

- Одеть душу.

- Как это?

- Надеть костюм и грим.

- Шутишь наверно?! – Том усмехнулся.

Ну и денек! Одно дело на праздник напаять что-то несусветное, и совсем другое просто так. Это уже походило на не смешную комедию.

- Не-е-ет, слушай, это как-то не по мне. Давай обойдемся без этого. Если у тебя проблемы с коллективом или начальством, давай я им все сам объясню.

Шут стал серьезным и пристально посмотрел на Тома.

- Нет, господин. Это последнее предложение. Если вы откажитесь одеть душу, вы потеряете ее. – шут настороженно отходит от Тома.

«Может, и не так плоха затея стать частью этих позитивных уродцев, чтобы беспрепятственно отыскать мальчика».

- Ну давай. Что там у тебя за костюм? Только не совсем уж дурацкий, не хочу выглядеть полным идиотом. И так уже опоздал на работу, упустил мальчика несколько минут назад по твоей кстати вине! Если бы ты впустил меня сразу... - ворчал Том, следуя за шутком.

Тот крадся и отведя гостя в уголок темной комнаты, где лишь под потолочным навесом проникал свет, выкатил ему множество вешалок на стенде. Там висели всевозможные костюмы разных размеров и цветов.

- А чего они все такие пыльные? Будто не один век провисели. Того и гляди рассыпятся. – Том двигает вешалки по трубке, сдвигая ненужные вещи в сторону.

Шут испуганно косится на него.

- Так вы все знаете господин? – шепчет шут.

- Что знаю? – Том хмурится и отвлекается от вешалок.

-... а может вам предложить нечто эксклюзивное? – шут меняет тему и скалясь лезет в стенной шкаф.

- Эксклюзивное?..

- Да-да, специально для вас сир. Даже размер что надо. Он ждал вас.

Шут вынимает черный костюм. Тоже шута, но немного иной. На нем изображены масти карт. Том вертит шапку с двумя отворотами. Между ними на лбу вышит крест «крести» перевернутый на манер любителей блэка. Без всяких надписей начиная от «мэйд ин чайна» до тех, что клепают снаружи. Хоть на том спасибо.

- Ну ладно, вроде не так уж все плохо. – Том снимает куртку и вешает ее взамен костюма. Вскоре, он полностью сменил свой наряд. Облегающие кальсоны обвили ноги, остроносые гнутые башмаки чудоковато гремят бубенцами как и шапка.

Шут зачарованно смотрит и хлопает в ладоши.

- Осталось наложить грим и вы вылитый... - шут не договорил, и преисполненный эмоций закрыл рот руками.

- Что, так смешно выгляжу? Мне бы глянуть на себя для начала.

Том водит головой в поисках чего-то и видит высокий зачехленный предмет.

- Нет! Прошу вас! Без грима нельзя! Или лучше я поищу маску...

Шут кидается рыться в шкафу, но Том спокойно сдергивает с высокого трюмо пыльный чехол и подходит к зеркалу. В этот момент щель света под потолком пропадает. Шут ежится и

сжимает свою голову в агонии.

- Я же просил вас!.. Нужно слушать меня... я знаю здесь все...

- лепечет он, со страхом глядя на Тома и зеркало из темноты в темноту.

- Ты чего, зеркал боишься? – спрашивает Том. – Однако ж, в темноте ничего не видно. Нечем посветить?

Тотчас зеркало начинает излучать какой-то неоновый слабый свет изнутри себя, переходя подсветкой в рамку. Шут мычит в углу. Том заворожено наблюдает люминесценцию. Перед ним происходит нечто необычное. Как может старое пыльное зеркало делать такие вещи? Не иначе как фокус циркачей! Больше всего, Тома изумило черное стекло. В нем видна задняя стенка комнаты с полками и баночками грима, но нет человека, стоящего перед стеклом.

«То же самое было с Дорой...»

- Эй, шут. А почему я не отражаюсь?

- В зеркале нет господина? – дрожащим голосом спросил шут и приблизился.

Зеркало показало подошедшего шута. В зеркале он был одет в шорты и майку, стоял с удочкой и смотрел куда-то вдаль.

- Что это значит? Оно дефектное? Или это трюк такой?

- Нет, зеркало читает вашу душу. Оно показывает только то, что видит. Мечты, эмоции... сны...

- И? Я что, совершенно пуст? Меня не существует? Я никого не люблю и ничего не хочу от жизни? – Том приблизился к зеркалу вплотную.

Зеркало погасло и снова озарилось светом, на этот раз темным, почти не заметным светом. И на стекле медленно начал проявляться образ стоящего. Том увидел себя в костюме шута.

- Мда... какой-то бред. Ты с удочкой, а я как есть сейчас... я что, всю жизнь мечтал побывать в роли шута горохового? Глупость какая-то. Не будем терять времени, надо найти мальчика. – Том двинулся к двери.

Шут растеряно стоял перед зеркалом.

- Господин, ваше отражение стало картой.

Том вернулся к зеркалу. Его изображение моргнуло и улыбнулось ехидной улыбкой и покрылось черно-белым гримом. Чуть

отодвинулось на задний фон в черноту, и вокруг него образовалась карта, как бы заточившая его внутрь себя. Пентаграмма перевернутой черной звезды и надпись «Джокер» выгравировались по обеим краям карты.

- Ого! Кто такой кудесник, что проворачивает подобные трюки? – удивился Том, не отрывая глаз от своего отражения. Щупает зеркало, смотрит его сбоку. Оно довольно плоское, как ЖК панель. Отражение двигалось самопроизвольно, делало мимику и жесты не повторяя движений Тома.

- Шут... мне кажется, или...

- Да господин, отражение отныне живет автономно от вас.

Это ваша другая личность. Хорошо, что вы с ней познакомились, но...

- Но?

- Но теперь вам придется задержаться у нас...

- Что ты имеешь ввиду, шут?! У меня нет на это времени. Достали эти ваши фокусы. Я же не оставил свою душу в этом треклятом зеркале? – подумал об этом, ни с того ни с сего Том.

- Ну... как бы вам это объяснить... все сложно и без истории о нашем хозяине этого не понять... к тому же...

- Ладно, после разберемся. Сейчас нужно найти мальчика, а потом ты мне за все ответишь.

- Как скажите, господин. – ухмылялся шут, идя за спиной Тома. – Но, вам все же придется наложить грим как у вашего отражения, иначе...

- Иначе что? Договаривай уж.

- Иначе при встрече с ним, вы не сможете его удержать, так как оно не похоже на вас. И оно уйдет своей дорогой...

Я всего лишь искорка во тьме

Черный шут, шедший впереди, вдруг рванул вперед и нырнул под нависшую завесу. Том не успел среагировать и поймать его, так как рассматривал то, что попадалось на пути. Снующие клоуны с размазанным гримом на лицах, дерущиеся акробаты, скупающие трюкачи, выпускающие огонь из рта...

По полу были разбросаны скомканные газеты, испачканная вата. Пыль, мох и запустение бросалось в глаза. Глаза у артистов были безжизненными, утомленными от профессии циркача настолько, что на секунду возникло подозрение, будто бы он ошибся дверью, и вместо цирка, заглянул на заседание клуба самоубийц или на терапию в лечебницу для душевнобольных. Создавалось впечатление, что здесь никто никогда не отдыхает и мучается в душевной агонии, здесь нет самого понятия счастья...

«Так вот он какой, цирк за кулисами!» - думал Том.

Кривая улыбка мелькнула на его лице. Так он и знал, что все это веселье и позитив наиграны. Тем легче для него, избравшего иной путь.

Том ходил среди всего этого балагана и никто его не останавливал. Все эти персоны лишь поворачивали к нему изможденные физиономии и продолжали заниматься своими делами и разговорами.

Том шел все дальше по бесконечным коридорам и подсобкам, которым не было счета.

«Странно все это... палаточный тент уже давно должен был закончиться, вместе со всем контентом. И что за цирк без зверей? Нет даже намека на животных. Ни тебе специфического запаха, ни звуков хлыста и рева избиваемых тварей...»

Больше всего Тома напрягали слова шута. Придавать им особого значения, разумеется, не стоит, но все же...

И куда запропастился тот мальчик? Из-за него все это и началось. Заварил кашу и исчез. Не иначе, как он сам подставной актер. Размышляя так, Том окончательно начал злиться.

Громкий смех и раскачивание на перекладине одного из артистов привело его в бешенство.

«Как же вы меня достали тупые уродцы! Хоть бы один взял и разбился! Так, чисто для разнообразия... неужели у них не бывает падений, травм и ошибок?»

Том увидел широкую дверь, и выложенную красную дорожку к ней.

«Ага! Главный зал арены.»

Том открыл дверь и зашел внутрь. В зале было темно. Из двери за спиной тянулась полоска света. Том уже сомневался, чтобы малец, плакавший о матери, забрался бы в темный большой зал и забился среди сидений. Если он не врал, конечно, и вся эта история не вымысел. Но какой прок заманивать любителя блэка в цирк? Бред какой-то.

Только Том собрался было уходить, как на арену пролился свет прожектора. Свет менял цвета, подключив другие прожекторы. Подвешенный блестящий шарик, отражая все это светопреставление по стенам палатки, крутился под потолком. Заиграла громкая музыка из шкатулки, совсем не типичная для цирков.

«Не может быть! Та самая телега из моего сна...» - Том смело двинулся к арене. Ему захотелось все выяснить. Кто ставит эту музыку? Чья эта музыка? Кто написал ее и с какой целью? Как, подобная музыка могла присниться постороннему человеку?

Он приблизился к бортику арены. Лучи разных цветов сгустились на середине, освещая круг.

Как-то неестественно светить в круг, если там никого нет. Том поднял голову вверх, навстречу всем этим светящимся лампочкам. К своему удивлению, прямо сверху опускался блестящий зеркальный шар. А за ним, под самым куполом цирка, висело круглое зеркало. Шар опустился почти к самому полу арены, когда она вдруг начала раздвигаться, образуя зияющую черную дыру. Туда-то и опустился шар. Все прожектора погасли. Том свесился с бортика, заглядывая в дыру. Шар открыл свои зеркальные края и оттуда потянулся цветной дым, всасываемый в большой сосуд, расположенный ниже.

«Что за чертовщина здесь творится?! Что это за дым и что за сосуд?»

Том огляделся. В зале было темно, только из-под арены лился неестественный дым и свечение. Том задрал голову вверх и воззрился на зеркало. Оттуда, с высоты подкупольной, из зеркала на него смотрел другой Том, стоя на потолке, имея такую же арену. Он смотрел на своего двойника, и для него Том, должно быть тоже был как бы на потолке...

«Зловеще выглядишь» - подумал Том, обращаясь к отражению в костюме шута под потолком – «смотри не навернись оттуда».

Забавляясь собственной идеей о падении двойника из зеркала, Том опешил, когда его отражение замахало руками, отрываясь от своего пола и бортика арены. Волосы его встали дыбом (или свесились, кому как удобней), и двойник начал приближаться. Он рухнул прямо на стекло зеркала с той стороны, провалился сквозь него, и отчаянно хватался за края. Том уставился на висящего на кончиках пальцев шута.

«Черт возьми! Он же упадет!» - мелькнуло у него в голове.

Падение акробата это одно дело, но падение самого близкого тебе человека, считай тебя самого, это совсем другое.

- Держись! Я что-нибудь придумаю... - крикнул ему Том.

Он начал судорожно переминаться. Что он мог сделать для этого человека? Можно попытаться забраться по мосткам акробатов и как-то, никогда не умеючи, сделав на идеал пару тройку сальто в воздухе, спасти его...

Пальцы шута разжимались.

- Эй! Мне нужен акробат! Срочно! Все сюда! – закричал Том.

Из коридора не было ни звука в ответ.

- Да чтоб вы все сдохли уроды! Почему вас никогда нет, когда вы действительно нужны?

До Тома долетела прямо на лоб капля крови, казавшаяся в темноте особенно черной. Видимо, висевший, порезался о зеркало. Том стиснул зубы. Даже если он очень поспешит, у парня нет шансов. Он сорвется, пока Том еще будет карабкаться. Так и случилось. Тело качнулось и пальцы сорвались...

У Тома сдавило грудь, словно это он падал с высоты. Летящий сверху человек не издавал ни звука, беззвучно прощаясь

с жизнью, как и подобает настоящему мужику.

Том вскочил на бортик, и описав по нему полукруг для скорости, сделал прыжок, в открытую дыру арены. Совсем рядом с ним, пролетало лицо человека в костюме шута. Глаза его были закрыты, из них текли немые слезы о несделанном в жизни, о навсегда утерянном и важном.

Том обхватил его кольцом рук. Если падать, то лучше вдвоем, чем позволить человеку не по его воле погибнуть.

Человек удивленно раскрыл глаза и посмотрел на Тома. Время точно остановилось на момент соприкосновения взглядов, когда они оба погрузились в огромный сосуд цветастого брожения, который тотчас же разбился вдребезги...

- Месье, здесь запрещено находиться... боюсь, у вас будут проблемы, если хозяин увидит вас. – Том услышал тихий голос подле себя. С трудом раскрыв глаза, он увидел человека с метлой в руках. На нем был белый потрепанный костюм, нелепый колпак, черные капли слез на щеках и нарисованные опущенные брови.

Прямо под собой и всюду вокруг, разбитое стекло.

- Что случилось? Где тот парень? – спросил Том.

- Простите, я не понимаю о ком вы говорите... – затараторил уборщик, вжимаясь руками в швабру.

- Ну, такой, на меня похожий как брат... – начал Том.

Он осекся на фразе. Как можно объяснить незнакомому человеку о том, что из зеркала сверху, выпал твой двойник? Вполне вероятно, это был всего лишь чей-то трюк. Теперь, Том причинил убыток цирку и на него повесят долг. Как же он мог так глупо попасться?

- Прошу прощения... кажется, я немного не в себе. – Том встает.

- Уходите? – спросил тихий уборщик, но его кроткий вопрос прозвучал для Тома как упрек.

- Я бы помог вам с уборкой. Вероятно, все это из-за меня...

- Нет! Немедленно уходите отсюда! Вы... не помню... вы посетитель или член труппы? В любом случае уходите! Через задний ход! Или будете жутко прокляты! – замахал длинными рукавами уборщик. – Не бейте Пьеро!

Том недоумевающее смотрел на человека перед собой. Тот был в отчаянии.

- Слушай, у меня абсолютно нет желания причинять тебе боль. Я и сам уже согласен убраться отсюда. Понимаешь, здесь был мальчик... он плакал и позвал меня в цирк найти его мать. Он сказал, что ее украл злой клоун. Но уже не уверен во всем происходящем... это похоже на...

- На что? – спросил мрачно уборщик.

- Даже не знаю, как описать... на какой-то кошмар и идиотизм высшей степени. Не понимаю, как вы все это терпите иживаетесь, не поубивав друг друга.

Уборщик вдруг начал смеяться. Его заливной смех, звучал страшно. Потом, так же внезапно, как и начав, он смолк. По-ник головой на грудь и начал стонать.

- Ты ведь сейчас играешь какую-то роль, не так ли?

Уборщик не отвечал и лишь еще истощнее начал стонать и почти выть.

- Не похоже... прости.

Уборщик замолчал и поднял удивленные красные глаза на Тома.

- Ты просишь у меня прощения?

- Ну... да. Я не знал, что тебе настолько плохо здесь. Хотя оно и понятно.

- Это что-то новое... ты странный шут. Издеваешься над бедным Пьеро?

- Нет. Мне это не нужно. Я же сказал тебе, что ищу мальчика. Он забежал в этот цирк и пропал, точно в воду канул.

- Иди за мной. – уборщик приставил к стене швабру.

Пройдя несколько маленьких шагов, он вдруг остановился и обернулся к Тому.

- Ты точно хочешь его видеть? – спросил он.

- Да. Надо было сразу отвести его в полицию.

- О, нет! Только не полиция! Если люди узнают о нас!.. - артист затрясся.

- Если узнают о вас... что именно?

- Нет! Уходи! Пьеро не должен... меня лишат радости. Убейся! – невысокий человек застучал слабыми руками Тому по

груди.

«Уже второй чувак говорит о какой-то радости... чего можно лишить еще, если тут ее в принципе нет?»

- Эй, успокойся. Все хорошо.

- Нет! Все плохо... уже очень давно... - трясся человек в белом костюме.

«Как можно делать уборку, будучи одетым в белое? Зачем такая радикальность?» - думал Том, держа его за плечи.

Прошло пару минут и человек отстранился.

- Ну, живое сердце вблизи и наличие сильной души успокаивают. – сказал он и пошел вперед между плавающими брезентовыми стенками. Металлист шел по круглым заворотам стен следом, разглядывая пятки поводыря.

- Так, значит, тебя Пьеро зовут? Прямо как из трагедии... - усмехнулся Том.

- Да.

- Выглядишь вполне убитым. У тебя что, вечная беда?

- Да.

Раздался идиотский смех откуда-то спереди и Пьеро упал наземь, затыкая уши.

- Ты такой жалкий! Как же я тебя ненавижу! Убогий Пьеро! Пьер! Пьерушка! Ахахахаха! – потешался над упавшим, уже знакомый Тому шут. Рядом с ним стояло еще двое циркачей. На полу лежал лист с записями, вывалившийся из белого костюма Пьеро.

- А что здесь у нас? Смотрите-ка! Черный список! – громогласно прочел название шут. – А что, мое имя уже внесено туда? А я думаю, куда делись мои друзья-товарищи... а их, оказывается, Пьеро кокнул. Смотрите, уже некоторые вычеркнуты, и мы их более не видели с тех самых пор, как мы стали пленниками цир... - голосил шут, но тут он замечает Тома и закрывает испуганно рот.

- Оставь его! – издает грозный голос.

(Том смотрит исподлобья, сжимая кулаки)

Шут и компания пятятся назад и убегают прочь.

Пьеро подымается на ноги. Молча ведет гостя далее. Говорить обоим не хочется.

Артист приводит тома к некоей комнатке со стульями, крадучись, заходит внутрь и указывает на небольшую сцену.

- Ну и? Куда мы пришли? – нетерпеливо спрашивает Том. Он уже чувствует утомление от всего этого спектакля.

Пьеро делает знак рукой, чтоб гость молчал и не уходил. Сам спешит за кулисы и пропадает там на некоторое время.

- Слушай, если ты сбежал как все эти уроды!.. – говорит Том, сердясь еще больше на то, что снова позволил себя надуть.

Но из-за кулис выглядывает Пьеро. Глаза у него опущены как и плечи. Он медленно шагает и рукой как бы собирает слезы с лица в ладошку.

Том поджимает губы. Его откровенно говоря уже раздражает весь этот театр.

«Ну же!»

Пьеро поднимает упадническое лицо и смотрит в зал. Потом подносит руку к веревке и дергает за нее, отворачиваясь.

- К чему все это? – спрашивает металлист.

Занавес все поднимается и поднимается, и вот, стали видны ботинки и носки. Том напрягся. Когда штора поднялась еще наполовину, все стало ясным, осталось лишь досмотреть сцену до конца, как страшное кино.

Зрелище было чудовищным. Тело мальчика было разрублено на кусочки, перештопано как неумелой швеей, всюду торчали сухожилия и уродливая гримаса натянутой улыбки разрезанного рта смотрели на зрителя. Тома слегка передернуло. Не подготовившись, такое смотреть тяжело.

«... я с ним говорил недавно... это был такой живой, такой сопливый малец... как хорошо, что Доры сейчас нет здесь, и она никогда не увидит убитого ребенка...»

Том присел на маленькое сиденье. Похоже, здесь отделение для детских представлений. Скорее всего кукольные...

- Что здесь происходит? Что это за цирк такой, отбирающий жизни? – закричал Том на артиста.

Пьеро вжался в плечи.

- Прощу тебя... не кричи... уходи отсюда пока есть время.

- Что? Нет. Я не уйду пока ты не объяснишь. И вообще, надо вызвать полицию. Здесь криминал творится. Это не шутки.

Сейчас я вам устрою...– Том по привычке тянет руку к карману штанов, но... он в шутовском костюме. Телефон остался в примерке.

Том побледнел. Только сейчас он понял, в каком невыгодном положении он оказался. Пьеро удрученно замотал головой.

За спиной послышались шаги, и что-то крепкое обвило Тома по рукам и ногам. Это была железная цепь.

- Эй! В моей одежде есть телефон! Прошу тебя... ты здесь один нормальный человек... Пьеро! Послушай меня... прошу тебя! Дружище! Нужно предупредить Дору... вызови поли...

Рот заткнули кляпом, и Тома куда-то увели, надев для безопасности на голову мешок.

Матильда, вместе с шутом, клоуном и странным артистом с зонтом, находились в черной палатке.

- Немыслимо! Каким образом ты разбил верхнее зеркало? – спрашивает она связанного Тома, звеня его бубенцами на шапке.

Он благоразумно умолчал о своем двойнике, выпавшем сверху. Он не был уверен, что это не трюк и обман зрения. Он вообще уже, не был ни в чем уверен на сто процентов в этом месте, где были садисты и безумцы.

- Лучше отвечай мне, иначе, ты больше никогда не увидишь свою драгоценную Дору. – хватает его за подбородок и поднимает ему лицо.

Том смотрит на ее руки. Они покрыты черными уродливыми волосками. Матильда нервно отдергивает руку.

- Ну и что? Люди с физическими недостатками всегда обладают сверхъестественными способностями и уникальностью. – оправдывалась она, водя ладонью по шерсти. Том улыбается. Матильда выходит из себя и ударяет его по лицу. Кровь прилила к щеке.

Шут начинает противно хохотать.

- За что ты так ненавидишь Дору? Я думал, вы подруги. – спрашивает Том.

- Она не имеет права быть счастливой! Вы парочка дураков. Два попугая неразлучника, лебеди! Противно же! – закричала

Матильда комично строя рожу.

- Поиграй с куколкой. – клоун подносит Тому хорошо сделанного младенца, хлопающего цветными стеклянными глазами как живой. Кукла тянет свои ручонки к нему. От прикосновения искусственного материала, напоминающего человеческую кожу, Тома воротит.

- Убери свою чертову куклу! – рычит он. – Чего тебе надо?

Клоун начинает рыдать и хохотать одновременно.

- Он не хочет играть! Слишком взрослый, слишком правильный. – хнычет клоун.

- Билл, успокойся. Раз уж наш гость не желает разговаривать, мы его заставим говорить. Человек-зонт? – позвала Матильда помощника.

Том видит, как к нему подкатили большое трюмо и сняли с него покрывало. То самое зеркало, возле которого он стоял уже однажды.

- Ой, забыла тебе сказать кое-что важное. Поскольку твой двойник находится по ту сторону, попав туда, ты уже не сможешь выбраться. – она опускает бровки в сочувствии.

Вперед выступила тощая личность с сумеречной физиономией. Глубокие мешки под глазами свидетельствовали о бдении, а тонкие пальцы и горб о зле внутри. Под загнутым носом взвилась кривая ухмылка. Он раскрыл зонт и начал им крутить перед зеркалом. Возник вибрирующий звук спиц и пестрой ткани в виде спирали. Том закрыл глаза, чтобы не впасть в гипноз.

Матильда громко рассмеялась.

- Бесполезно, мой дорогой, бесполезно. Твое внимание и не требуется. Смотри, прощайся со своей Дорой, ты больше не увидишь ее никогда, разуется, если не попросишь пощады. Тогда, я подумаю о твоём возвращении. Но, есть одно условие.

- Какое? – выдавил из себя Том, рыпаясь на стуле.

- Ты откажешься от Доры, забудешь ее, и мы будем вместе. Изначально, ты обязан своей встречей с ней мне. Это Я дала ей билет на тот концерт! Из-за меня вы сошлись. Мы убежим от хозяина, цирка. – шипела Матильда ему на ухо. – Ну? Что ты решил?

- Отправляйся к черту! Никогда! Да с тобой даже пропащий наркоман не захочет быть.

Раздался душераздирающий крик отчаяния, переходящий в рык гнева.

- Нет, это ты отправляйся к черту. Прощай Том. Прощай навсегда. Как же я буду рада видеть убитое горем лицо Доры в тот момент, когда ей принесут похоронку о тебе. Но, увы, ты этого уже не увидишь. Хотя я могу доставить тебе такое удовольствие. Прощай Том и его двойник. Я победила.

Под вращение спирали на зонте, зеркало разверзло черный рот и клоун с шутком наперебой смеялся, толкнули Тома туда.

Проданное сердце

Луиз гневно ворча и сплевывая двигался к зеркалу. Без шка-тулки и без сосуда с энергией время для Луиза струилось как песок сквозь пальцы. Нужно было срочно что-то предпринять. «Ну, конечно! Как же я мог о нем забыть?»

За магическим замком в преломлении зеркального отраже-ния сидел мальчик в совсем непохожей на ту, в которой сто-яло зеркало комнате. Там не было окон. Стены были металли-ческими. Из мебели там находился лишь матрас, стол с одной табуреткой и зеркало. Еще там была дверь, но вела она вовсе не в зеленые поля с тучными коровами и игривыми бабочка-ми, как любят изображать рай для отмаявшихся душ. За две-рью ждала темная, туманная, холодная и давящая местность бывшего парка аттракционов. Он заржавел и давным-давно заброшен. Редкие игрушки, которые там валялись либо поло-манные либо ржавые и неподъемные. Все эти улыбающиеся статуи и вывески угнетали. Мальчик боялся и не любил туда выходить, но вечно сидеть взаперти было невыносимо и он все же делал вылазки наружу. Качели на скрипучих цепях, карусель с заевшей музыкой и сломанными лошадками... ко-лесо обозрения, навсегда застывшее в одном положении, сгру-дившиеся машинки в загоне, американские горки с разбив-шимися вагончиками на асфальте... здесь было очень много всего, но ничто не работало. Парк аттракционов был обнесен металлической сеткой на замке, а сверху вдобавок еще и ко-лючей проволокой. Сколько уже раз мальчик пытался сбежать из этого места! Но каждый раз здоровенный клоун ловил его и наказывал. Даже гулять было не положено.

Туман видимо был особенностью данной местности, потому как никогда не кончался. Всегда на коже ощущалась влаж-ность и липкость от пребывания на улице. Мальчик задумался, глядя на пасмурное небо. Сколько он уже

здесь? Почему он здесь? Когда все это началось и будет ли конец? Бывали ли здесь дни и ночи? Время скомкалось и представлялось одной бесконечностью без перемен, без развития и взросления.

Послышался громкий лязг металлической калитки. Это вернулся клоун. Не следует его сердить. Мальчик поспешил вернуться в контейнер, где он и проводил большую часть времени. Едва он вошел, как вздрогнул от неожиданности. Перед ним стоял элегантно одетый человек. Мальчик совсем отвык от общения. И хотя видит этому мужчину всего второй раз, но узнал его лицо. Он помнит, как этот человек приходил в цирк, где он вырос и договаривался о покупке клоунов. В тот день и случилось несчастье...

- Кто вы? – спросил он.

- Я Луиз, хозяин этого чудесного парка аттракционов. Тебе здесь нравится? Надеюсь, тебя не обижали? – улыбается он. Мальчик сжимается в комочек в углу на железном неубранном полу. Луиз продолжает.

- Среди циркачей бытует страшилка, что после смерти клоун, давай обобщим нас всех, ведь по-любому мы все смешны в глазах людей, попадает в судилище. Если он жил недостаточно позитивно и искренне, то его муки лишь начнутся в ином цирке. Профессия это судьба. Как швея после смерти продолжает шить, пока не достигнет заданного предела мастерства, так и любой другой. Такова жизнь и так устроен мир. Учитель будет вынужден учить дьяволят. За неугодные уроки они будут жарить его и тыкать вилами.

Снорре испуганно смотрит на него большими уставшими глазами.

- Но я тебе мой мальчик предлагаю нечто лучшее. Подойди сюда не бойся.

Достает колоду карт и раскладывает на полу обратной стороной.

- Ты любишь карты? – спрашивает Луиз.

Мальчик кивает.

- Отлично. Карты тебя тоже любят. Протяни перед собой руку. Снорре вытягивает левую руку вперед. Одна карта с пола под-

нимается в воздух и переворачивается. Это Джокер.

- Джокер в игре! – радостно провозгласил Луиз. – Потрясающе! Такого даже я не ожидал.

- Это плохо или хорошо? – спрашивает Снорре.

- Люди соответствуют картам по иерархии, согласно поступкам и качествам. Джокер – вероломно пострадавшее лицо. Перед ним открывается выбор злодея или героя.

- А разве он не хитрый плут со злыми шутками?

- Выбор за тобой. Оставить все как есть и просто сыграть отведенную тебе роль, или...

- Или?

Луиз замечает искру интереса в глазах ребенка.

- Я верну тебе твои годы и ты станешь такой же большой, как твой друг Том. Мне кажется, довольно тебе уже играть в игрушки и застревать в детстве с кукольными проблемами. Мальчик посмотрел в зеркало, где точно на экране телевизора показывается, как Том целует девушку.

- А меня больше не будет бить клоун и заставлять делать плохие вещи?

- Не будет. Обещаю. Более того, я дарю тебе власть быть господином над всеми другими циркачами, ибо ты теперь – Джокер! Карты никогда не врут. Они знают цену души каждого и его путь. Отныне ты – Черный Король и я вверяю тебе мой прекрасный мир подсознания – Петлю Разума.

- Тогда я хочу быть таким как он.

- Ты будешь много лучше него, уверяю.

- Нет! Я хочу быть таким, хочу быть им! Иначе он не никогда не узнает, что значит потерять любимую игрушку. – прищурил глаза Снорре, вперив глаза в смеющуюся Дору.

- А ты мне определенно нравишься. – рассмеялся Луиз. – Да будет по твоей воле. – хозяин цирка сделал вуаля и из его цилиндра выпрыгнула крыса, прямо на плечо мальчику.

- Но я все еще маленький! Это просто фокусы. – рассерженно сказал Снорре.

- Терпение мой дорогой друг. Давай посмотрим до конца начатую игру. Видишь, отражение Тома встретилось с отражением его девушки и между ними тоже зародилось чувство?

Но... - Луиз как пультом мотает события их общения и вот уже Мот вылетает через купол палатки, держась за магнит.

- Он же разобьется! – начал кусать ногти Снорре. Уж ему ли с пеленок выросшему в цирке не знать этого?

- Не беспокойся. У меня есть план. Пошли.

Луиз провел мальчика за руку сквозь зеркало в цирк, туда, где упал Том и его отражение. Маг дал команду подбежавшим силачам взять отражение и унести, пока Том не очнулся.

Они прошли в другую палатку. Голову Мота опустили в корыто с ледяной водой. Он тотчас же пришел в себя и стал брыкаться. Силач поднял его от воды и он начал ловить ртом воздух.

- Ну, вот и прекрасно. А то совершать задуманное с бессознательным человеком это не мой метод. – произнес маг, откупоривая небольшую бутылочку. Из нее потянулся цветной звенящий свет.

- Пройди сквозь сущее! Стань одним. – произнес Луиз и дымок раздвоился и окутал стоящего на коленях с заломанными руками Мота и Снорре. Дым все окутывал и окутывал их, заслоняя от глаз других свидетелей происходящее. Крупицы порошка в виде нот, которые звенели и бились друг о друга в кружении достигли своего апогея, и поглотили обоих. Силач успел отдернуть руку выпустив Мота в звенящий цвет. Это длилось несколько секунд, после чего раздался хлопок и из пустоты посыпались цветы и конфетти. Перед стоящими предстал человек, похожий на Тома как две капли воды, но с черными глазами как у всех циркачей и коварной усмешкой. Он стоял в костюме Джокера.

Твоя любовь – груз на душу

Дора с интересом вглядывалась в Мота. Что он за человек? Такой же как Том или другой? Мот был в костюме джокера.

- Ты так забавно выглядишь в этой одежде. Никогда бы не подумала.

- Я бесконечно рад, что ты шагнула в мой мир. – произнес он.

- Я тоже. Хотя у нас не так много времени, но покажи мне здесь все. Как тут живет в зазеркалье? Я хотела бы узнать Тома получше, что ему интересно, что важно. А кто еще может мне открыть его сокровенные мысли и мечты как не ты?

Мот рассмеялся. Они шли по ночному городу под зонтом, где стояла удивительная тишина. Дождь беззвучно падал на мостовую и площадь. Дора доверчиво продела пальцы между пальцами Мота.

- Прямо как взрослые делают! – произнес Мот не то изумленно, не то восторженно, как могло подуматься. Дора улыбнулась. Томас обычно держит эмоции в себе и его нужно раскрывать, а Мот выглядит непосредственным как ребенок. Они гуляют под фонарями мимо фонтана на площади. Девушка рассказывает как сильно она скучала по этому лицу. Дора не перестает удивляться увиденному. Куклы, прямо как живые, помыли ее в ванне с благовониями, наполненной восточными ароматами и пеной. По дорожке, устланной лепестками роз она шла по шикарному выложенному мозаикой коридору. По бокам горели свечи. В пламени свеч убранство и кладка и узоры особенно трогали и впечатляли. За резными ставнями стояла ночь, лишь фонари отбрасывали теплый свет сквозь нескончаемый дождь.

В большом зале Мот устроил грандиозное представление перед Дорой. Она восседала на персидских подушках и коврах с яствами и фруктами. Занавес опускается и поднимается. Куклы, заводные балерины и солдатики, говорящие пупсы и игрушки всех видов развлекают ее, обслуживают, вытворяют различные трюки. Под конец представления сам Мот скачет с

рук на ноги и под фанфары падает на шпагат.

- Ого! Здорово! Я и не подозревала, что ты так умеешь! – восхищенно хлопает в ладоши Дора и смеется.

Мот светится. Он подкатывается к ней колесиком и вот уже их лица близко-близко.

- Надо же! Ты так похож на Тома! Просто не верится. У вас с Арод все наладилось? Сначала была очень сердита на нее и на Тома. Но главное, что вы вместе. Я рада.

Мот смотрит на нее своими черными как бездна глазами.

- Арод? Кто это?

- Как? Ты забыл ее? – Дора отстраняет свое лицо от него. Ей вдруг становится жутко и подозрительно странно от этих глаз, которые нельзя прочесть.

- Не будем о ней. Теперь мы вместе.

Джокер берет лицо девушки руками и тянется целовать. У Доры по сердцу пробежал холодок при соприкосновении губ. «Это не Том! Это совсем другой человек с его лицом» - вдруг пронеслась мысль тем же голосом и порывом, как бывало уже прежде.

Она пытается отстраниться и от его ласки не остается и следа. Он грубо притягивает ее к себе и с силой целует. Жадно, и как-то неумело переходит на шею.

Доре неприятно и кажется, что просто-напросто делает это впервые.

- Мот... не нужно. Я не хочу. Прощу тебя. Тебя любит Арод, а я люблю Тома. Это неправильно.

Мот отпустил свои мокрые и горячие губы от ее шеи.

- Любишь Тома? – переспросил он почти шипящим голосом.

- А за что? Почему ему вечно все достается? Чем он лучше меня? Счастливчик судьбы что ли? – толкает девушку прочь от себя на большую подушку.

- Мот, что ты такое говоришь? Я не понимаю. Что с тобой? Разве Том это не ты? В чем ты обделен? Не может быть отражение Тома таким!

- А я и не его отражение. – высовывает язык и паясничает.

- К-как это?

- Да все очень просто. Смотри.

Он достает карту пляшущего Джокера из колоды карт и подбрасывает ее. Карта увеличивается и становится прозрачной как стекло.

- Покажи меня. – говорит Мот, и карта, подобно зеркалу отражает. Но в отражении Дора видит не Мота, а совсем другого незнакомого молодого человека.

- Я просто взял это тело. Мне было скучно. А так, почти все получилось.

- Мот что... умер? – у лежащей на подушке побледнели щеки.

- Хахаха! Если бы! Нет. Но он порабощен мной. – гордо заявил он.

- Но зачем?! Зачем тебе все это нужно?

- Слишком много вопросов. Мне становится неинтересно с тобой. И что только Том нашел в тебе не понимаю. Типичная старуха. – зевает фальшивый Мот.

- Старуха?

- Взрослые такие скучные. Но...

Дора напряженно смотрит на него.

- Зато взрослые могут делать то, что рано и запрещено детям. «О чем это он? Причем тут дети?» - недоумевает она.

- Да, думаю хотя бы для этого ты годишься. Для этого самого ты и нужна ему. Хочу тоже попробовать.

Мот резко подскакивает к Доре с объятиями, но она пинает его ногой в пах.

- Не смей! Слышишь? Я люблю только Тома и принадлежу ему одному. Я не позволю всяким проходимцам прикасаться к себе. Кто ты вообще такой? Откуда ты взялся и откуда знаешь Тома? – спрашивает рассерженная Дора. Ее уже бьет дрожь от волнения и она начала беспокоится, как бы это не перешло в панику. Одетый джокером неприятно захохотал.

- Кто я такой? Я Снорре. Лучший друг Тома. Но вышло так, что он бросил меня умирать. Сбежал, как крыса с корабля, и спокойно зажил себе дальше. Теперь же, как я вижу, он еще и живую игрушку себе завел.

Дора разозлилась сравнению с игрушкой.

- Я не игрушка! Мы с Томом любим друг друга. Он не такой, как ты и перестань наговаривать на него. Он бы никогда ни-

кого не бросил умирать. А о таком друге я и вовсе даже не слыжала. Ты все наврал.

- Даже так? Еще интереснее. Прекрасный же он актер, однако. Вроде не он циркач, а играет роли на зависть любому. Такой-такой. Так ты что же это, совсем ничего не знала об этом? Вероятно, вы вместе совсем недавно.

Джокер сложил руки вместе и опустил сочувственно брови. Доре нечего было возразить. Она не знала о прошлом Тома. Мог ли он остаться равнодушным, глядя на умирающего друга? А почему, собственно, нет? Он же смог без зазрения совести переспать с Арод. Наверняка смог бы и с любой другой. А сколько их у него было до Доры?

«Наверно я совсем не знаю его...»

- Забудь Тома, оставайся со мной. – нарушил тишину джокер.
- Прости. Я не могу. – опустила голову Дора.
- Это не предложение. Ты останешься здесь навеки! Даже, если мне придется пойти на крайние меры и сделать из тебя заводную балерину.
- Но я правда не смогу... полюбить тебя.
- Постарайся.

Джокер гневно взмахнул колодой карт, и они создали тюремную камеру вокруг девушки. Карты твердые, острые как лезвия сверкают их края и слишком большие. Даже вытянутой руки просунутой меж них не хватает, чтобы хоть куда-нибудь дотянуться.

- Выпусти меня! Умоляю. Мне нужно скорее найти Тома и вернуться с ним в реал. – взмолилась Дора.
- Посиди здесь подумай хорошенько. Времени у тебя теперь целая вечность. Я лично никуда не тороплюсь. Охраняйте ее. – подхихикнул Снорре и исчез в коридорах дворца.

Армия игрушек отдает честь Джокеру и марширует вокруг клетки. Они стали монотонно бить в барабан и дудеть в игрушечные трубы.

ИЗ ЧЕРНОГО В ПРОЗРАЧНОЕ

- 30 -

*Ты носишь тысячу лиц.
Скажи, которое из них – ты?*

Томас нервно ходит по прихожей, запустив руки в волосы.

- Что я наделал?!? Дора! О, ну какой же я дурак!

Остановился. Резко поворачивается.

- Может быть, ты мне разъяснишь, что только что произошло?

Кто ты такая? (трясет Арод за плечи)

- Ай! Отпусти! Больно же!

- А мне не больно? Ты понимаешь, что только что было? Дора меня возненавидела! А всему виной ты! Кто ты? Откуда ты и почему так на нее похожа и кто тебя подослал? Где я черт возьми!? Почему Дора по ту сторону зеркала и что это за зеркало? Это секретная дверь в ту квартиру?

Том отрывает зеркало от стены и ставит на пол. Перед ним обычная кирпичная стена. Он ударяет ладонью с чувством в стену. Садится рядом с зеркалом.

- Черт! Черт! Что же делать? Ты будешь отвечать или мне выбивать из тебя каждое слово?

- Мое имя Арод. Я живу в городе металлистов. Здесь в целом неплохо, но люди извне редко заходят в гости и потому скучно...

- Мне по барабану до твоей скуки. Отвечай на вопросы.

- Не ори на меня. Забылся что ли? Как будто ничего не было. Все мужики одинаковые. Я тебя приютила на ночь, а он еще орет на меня.

- Приютила? О-о-о! Продолжай уже! – впился пальцами в голову Том, закрыв глаза.

- Ладно. Я... отражение Доры. Да. Знаю, звучит безумно, но...

- Даже не собираюсь слушать весь этот бред. Я уже все понял. Мне нужно срочно вернуться к Доре.

Том поднимается и идет в комнату, где видит свой костюм шута. Арод следует за ним.

- Не хочется тебя обламывать... но... ты не найдешь пути назад в свой мир.

- Что значит, не найду? Раз я сейчас здесь, а был в другом месте, значит все поправимо. И что ты подразумеваешь под миром?

- А то и подразумеваю. Другой мир это не шутки, это не просто поехать в другой город. И хотя наши миры тесно связаны и идут параллельно друг другу, простые жители понятия не имеют, где находится разлом.

- Да мне плевать на простых жителей. Я обязан найти, понимаешь?

- Ну как хочешь. Все равно вернешься. Раз ты заброшен теперь сюда из мира внешнего в наш...

- Я найду способ вернуться к Доре и объяснить ей все.

- Ну-ну, блажен, кто верит. Я уже давно поняла, что с ней бесполезно разговаривать. Она сумасшедшая! Чуть что начинает истерить.

Том схватил Арод за шею, прижал к стене и глаза его злобно засверкали. Зрачки расплылись поверх коричневого солнышка и заполнили почти все серо-зеленое пространство радужки.

- Если ты еще хоть раз скажешь что-то плохое о Доре!.. Я забуду о том, что ты девушка. И даже на ваше сходство, так как кроме этого тебе нечем больше крыть.

Он напялил костюм шута и направился к двери. Арод потеряла шею. Уже второй раз ее пытаются душить. Если это станет закономерностью, то радости в жизни заметно поубавится да и жизни тоже.

- Подожди! Ты что, спятил? Ты же замерзнешь! Околеешь заживо. Костюм такой тонкий!

- Нормальный. В нем пришел в нем и уйду.

- Ничего не нормально! Я сейчас стрельну у знакомой куртку ее парня... - Арод виснет на его руке, стараясь оттащить Тома от входной двери.

- Не надо мне ничего от тебя. Отцепись. – он выдергивает руку и хлопает дверью.

- Ну и лады! Не обещай что вернешься! – кричит Арод вслед, пиная свой ботинок.

Том залез на ЛЭП, прячась от Арод, которая очень скоро выбежала из-за поворота с пуховиком в руках и начала озираться. Ему не хотелось, чтобы эта девка, как две капли воды похожая на Дору бегала за ним и навязывалась. Как ни крути, но она не Дора.

Арод побежала дальше по дороге. Том вздохнул с облегчением и поежился. Металлическая конструкция была ледяной. Ветер пронизывал костюм насквозь. Но ему нужно все обдумать и решить, как быть дальше. С высоты он видит горизонт. Город металла стучит на все лады, раздаются композиции, где-то кто-то музицирует и пытается создать собственную группу. «Дома из металла... дизайнерски верное решение. Никакая бомбежка не страшна» - думает он.

Смотрит вдаль. Очень далеко видна темнота. Темная зона. Без увеличительного прибора не разглядеть.

Он понимает, что город ему незнаком, хотя здесь легко дышится и приятно находиться, будто он здесь бывал уже и не раз. Нужно послушать, что говорят местные. Том слез и пошел по другой дороге, опасаясь наткнуться на Арод.

«Нет ну надо же! Вылитая Дора, но другая!» - думал он, когда мимо промчался танк с перевернутым норвежским флагом под рубилово 1349.

Впереди возник бар «Опрокинутая чаша». Том остановился перед ним. Нет денег, нет знакомых.

- Эй! Ты чего так вырядился? Замерзнешь в трикотаже бегать. – похлопал по плечу его какой-то бородастый мужик с ярко-синими глазами.

- Так вышло. – ответил Том.

- А-а-а! Понимаю. Ну, не стоять же тут. Пойдем, угощаю.

Раскрылись двери, и в уши Тома ударил металл. В углу нашелся пустой столик. Только он уселся за него, как подошла обтянутая кожей официантка и протянула меню.

- Заказывай не стесняйся, у меня сегодня радость. Сын родился! – гордо произнес бородач. – Надо отметить.

- Поздравляю! Наверно здоровяк?

- Точно! Весь в папашу хаха!

Том выбрал себе пива и заказал макароны с сыром и сосиской. Есть очень хотелось. Собеседник заказал оленину. Бородач хотел отвлечь парня в шутовском костюме от проблем.

- Итак, ты доброволец? Едешь к Пределу, чтобы поднять дух и бороться с фриками?

- Фрики? Кто это? – не понял Том, отпивая.

- Ротозеи фантазеры. Не слыхал про разлом? На окраине Металлграда есть заброшенный парк развлечений. Рядом свалка. Так вот, фрики – челы в отчаянии, ну цивилиы, застрявшие в лапах города грез. Их мукам нет предела, их грезы стали кошмарами после смерти градоправителя - Танцора. Они несут какой-то бред, якобы юридические вампиры преследуют их. Люди запираются в домах, некоторые бегут. Но мало. Боятся высунуть нос наружу. Там вечная ночь и дождь. Типа их мечты и эмоции обращаются против них. Клоуны ходячие в общем!

- Необычно... - вставил Том, когда ему принесли макароны с сыром.

- Ты не местный и потому не в теме. Но поверь, нас травили байками этими с пеленок. Так вот, бывают чуваки, которые реально побывали там и вернулись живыми. Только вот... после увиденного... они часто повреждаются в разуме и начинают хандрить. Потом худо кончают. Что-то неладное с тем городом, точно тебе говорю. Но что... никто пока не смог дать вразумительного ответа.

- А зачем все это нужно? Кому? – спросил Том, задумавшись про разлом в конце города.

«Стало быть, та девица похожая на Дору не врет...»

- Самая фишка в том, что из разлома частенько к нам забрасываются и люди. Или они сами находят здесь приют. Ты сам-то откуда прибыл?

Том задумался.

- Я уже не уверен...

- Раз про фриков ты не в курсе, значит не оттуда. Вокруг тебя много обычных людишек, занятых карьерой, выпендрим друг перед другом и прочим бредом?

- Более, чем достаточно.

- Ну вот! Значит, ты прибыл от цивилизованных. А фрики, ну инфицированные цивилизы, пропущенные через тот город, они лезут в Металград пачками. Мы их отстреливаем, и знаешь что? Они падают пустыми куклами, как только их продырявить. Они пустышки, понимаешь? Уж не знаю, кошмары ли на них так действуют, или цивилизы сами по себе пусты, но таков факт.

Рассказчик осушил большую кружку и заказал новую. Ему как раз принесли мясо и мужик облизывал усы в предвкушении.

- Сходил бы ты, получил собственный магнит. – посоветовал он. – Ты ж наш, прямо вижу. Нехорошо скитаться и не иметь своего угла.

- Возможно придется так и сделать. – вздохнул Том. – Скажи мне, а что там, за темной стеной? Что это такое? Откуда она? Я увидел с высоты темную зону.

- Это черный туман, брат. А кто ж его знает, что там за ним. Может тот самый город грез с поврежденными душами фриков откуда они и лезут. Я не ползал туда. Мне как-то плевать на весь этот внешний лоск и убогую фальшивую жизнь. Не умею и не собираюсь жить иллюзиями. Я уверен, что ничего хорошего там нет и быть не может. Глупые социальные отношения, самообман и мечты. Глупости одним словом. Может еще один разлом, откуда прибывают люди вроде тебя. Возможно, это лишь другой путь куда-то. Давай-ка я тебе лучше расскажу про наш славный город и общество, и ты точно захочешь здесь остаться...

Не бойся открытых дверей

Том насытился. У бородатого знакомого он выведал как можно добраться до темного участка на краю города. Для этого нужно было сесть на поезд. Поезд выглядел как металлическая гусеница.

- Куда конкретно идет этот червь? – спросил Томас.
- К Пределу. Предел адекватных личностей. Далее уж как-нибудь сам. Но будь осторожен. Фрики они... ну сам увидишь.
- жмет руку потомок суровых северян. – Тебе бы оборонку... а вообще, оставайся у нас. Зачем тебе этот мир цивиллов?
- Спасибо! – душевно поблагодарил Том. – Но я должен попробовать вернуться. Меня там ждет дорогой человечек.

Бородач провел магнитом по турникету и Том бесплатно прошел далее в вагон, кивнув новоиспеченному папаше изнутри. Вскоре перрон остался позади. Поезд мчался прочь от новостроек, от навесных мостов, от металлических жилищ довольных своей жизнью металлостов.

В вагоне висели часы. Кажется, они остановились. Сколько Том ни смотрел на них, пытаясь сосредоточиться, сколько времени они показывали, он так и не смог сказать. Циферблат был словно вымыт. Как во сне было трудно уделить внимание деталям, они как живые ускользали от него.

За окном пролетали постройки, узкая речка, дома становились все ниже. На каждой станции вместе с новыми часами, встречавшимися на пути, темп тиканья ускорялся. Это нервировало Тома. Возникало чувство, что часы ведут его куда-то на время, которого остается все меньше, но яснее от этого не становилось.

Тиканье все звучало и звучало. Вагон был с подогревом и Тома разморило. Возле одной из платформ, проносящихся за окнами станций, слегка приостанавливается поезд. Вместо объявления станции машинист говорит: - Держитесь за поручни.

Поезд рванул дальше, пуще прежнего.

«Что за чудачки здесь живут» - думает Том и веки его закрываются. Намерзнув изрядно, он расслабился в теплом вагоне с подогревом сиденья.

Он уже начал забываться, когда поезд наконец-то остановился, и он как-то разом очнулся. За окном висела ржавая табличка ПРЕДЕЛ. Том вышел наружу из теплого вагона и пожегся. Снова холод плюс неизвестность. В конце платформы стоял кто-то, но из-за зимнего солнца бывшего в лицо, Том не понял, что это лишь статуя пока не приблизился довольно близко.

- На твоих ладонях солнце. - прозвучал заводной голос, щелкая пружинами.

- А? - Том уставился на статую. Потом оглянулся, но он был один на пустой платформе.

- Эпоха металлического солнца завершилась. Настала эра вечного позитива! - прошипела статуя.

Шестирукое существо, напоминающее ацтека, громыхнуло металлическими крыльями, состоящими из пластин. Том на секунду зажмурился, прикрывая лицо рукой, так как эта штука нависла над ним, но ничего не произошло. Статуя просто исчезла. Том помотал головой. Что это было такое и было ли вообще?

*Не всегда будет мрак там,
где он загустел*

Солнце моментально скрылось за мутными облаками, точно совершило непристойный проступок и сбежало. Туман и влажность ощущались кожей. При вдыхании они просачивались в легкие через ноздри и оседали ощутимой массой. Создавалось впечатление, что тело наполняют подобно баллону. Вдруг подумалось про поезд. Том оглянулся. Рельсы пусты. Поезд скрылся из вида уже некоторое время назад, так как не было ни гула, ни дрожи по земле и рельсам. Том пытался вспомнить поехал ли он назад или укатил дальше в туман. Внимание рассеивалось и память отказывала даже в простом. «Что же это за туман такой? Я с трудом контролирую свои

действия».

Видно лишь черную массу и неясно что там скрывается за ним. Рельсы доходят до тумана и пропадают под его клубами. Том нагнулся и окунул руку в темную завесу, стоящую плотной стеной. Рельсы прощупываются и там. Он лег на землю, чтобы рассмотреть. Туман стелился и лишь в узкой щели между землей и сгустком черноты просвечивался дальнейший путь. Город металла обрывался перед туманом и терял власть.

«Из-за магнита, любой тру металл защищает металлста, а где его нет – увь, пеняй на себя» - вспомнилось наставление бо-родатого.

Том решил шагнуть в туман. Все равно больше некуда идти, кроме как по рельсам вперед. Он шел медленно на ощупь пока не наткнулся на мокрый твердый предмет, стоящий прямо на рельсах.

- Вагонетка! – воскликнул он. Она приросла к рельсам ржавчиной, и потому сдвинуть ее с мертвой точки было сложно. Пришлось вернуться на светлую сторону и поискать камни, чтобы потом упереть их под колеса. Осталось найти палку или доску. Том вспотел, одновременно замерз и был влажный от тумана. Все это его порядком раздражало и тянулось неизвестное количество времени. Ему казалось все это пустыми попытками и тратой времени, которого у него и так было немного.

«К чему тикали часы на каждой станции? Почему ускоряли ход?».

Все эти мысли немало доставляли ему напряжения и досады. Доски и ветки негде было найти. Маленькая платформа станции с навесом была единственным, что было видно среди тумана. Место, откуда прибыл поезд являло собой лишь поля и пустоши. Там тоже бесполезно маять ноги в поисках древесины или любой другой вещи, годной в качестве подпорки и толкача. Том вздохнул и снова пошел к вагонетке. К его огромному удивлению, в ней лежал ящик с разными инструментами, с киркой старателя и многим другим. Том быстро сумел справиться с вагонеткой и сдвинуть ее. Она протяжно заскрипела и двинулась без принуждения, будто некая сила тянула ее к себе. Том все еще изумляясь, поспешил запрыгнуть в нее. Сел

на ящик с инструментами и покати́л в неизвестность.

Вагонетка скрежетала и стонала, но везла его по рельсам. Потом она остановилась у развилки, где одни рельсы были покрыты мхом, сильнейшей коррозией и в целом разрушены и негодны для езды. О том, чтобы ехать по ним, не могло быть и речи. Тут же рядом стоял указатель «Старая дорога №2».

- Ну, хорошо. Номер два, так номер два. – сказал Том вслух, обмозговывая, надо ли ему вылезать из вагонетки и продолжать путь пешком, как транспорт тронулся и потащился со скрипом дальше.

Вагонетка остановилась перед старым прогнившим домом с заколоченными окнами.

- Вероятно, я должен вылезти здесь? – спросил Том и усмехнулся. Разговаривать с собой и с неодушевленными предметами может войти в привычку.

На втором этаже дома с пробоинами в крыше было распахнуто окно и ставня хлопнула. Том вздрогнул и встал наготове отразить удар. Однако никого не было.

- Может, мы поедem дальше? – спросил он у вагонетки, но она безмолвствовала. – Хорошо, как скажешь. Но я прихватчу инструмент на всякий случай. Том взял из вагонетки ящик и подошел к двери. Дом был распухшим от долгой сырости. Доски потрескались и выгибались во все стороны. Он потянул за ручку двери и она оказалась не заперта, но разбухла. Пришлось приложить усилия для ее открытия.

- Простите что потревожил. Не знаю, живет ли здесь кто или нет, но я ненадолго. – начал он громко говорить.

В ответ не прозвучало человеческой речи, но раздался шорох и хлопанье крыльев уже где-то снаружи. Видимо птица испугалась и вылетела из-под крыши. Том пошарил рукой возле косяка, но не нашел выключателя. Тогда он раскрыл пошире входную дверь, чтобы запустить хотя бы немного света внутрь.

В доме пахло плесенью. Кое-где на полу рос мох. Бегали мокрицы и другие подобные насекомые, названий которых Том не знал. Они стремительно попрятались в половицы. При слабом проникновении света с улицы, можно было обнаружить свечи на полу. Том поднял их и достал в ящике инструментов кремень. Спустя какое-то время ему удалось высечь искру и оживить фитиль. Свеча радостно потрескивала, выполняя свое предназначение. В разных местах нашлось еще несколько свечей и Том их сразу же зажег. Теперь можно было оглядеться. Сразу после входа с улицы здесь была большая комната, уставленная темной мебелью. По одной стене стоял буфет с грязной посудой и заплесневелым хлебом. Рядом сервант с

помутневшим от неиспользования и наполовину битым сервизом. Далее книжный шкаф с несколькими выпавшими на пол и напрочь разбухшими книгами. Том поднял их и положил обратно на полки. Страницы были мягкими и буквы на них размытые. Тут же валялась сломанная табуретка. Ножка у нее выпала. Том взял инструменты и закрепил ее. Теперь на нее можно было садиться. Далее шла маленькая уборная под лестницей ведущей на второй этаж. Том осторожно открыл туалет. Доска для приседания перед дыркой была пробита пополам. Том сходил к вагонетке, где оставил ту самую доску, с помощью которой сдвинул тележку. Доска идеально подошла по размеру. Том насадил ее на зияющее пустотой место и смог воспользоваться местом по назначению.

Лестница была не в лучшем виде, но еще могла выдержать вес человека. Поднялся на второй этаж. Половина этажа не была оборудована для проживания. Там стояли ведра, пилы и тросы. Том повернул голову в обустроенную часть жилища. Там было окно, то самое, где хлопала ставня. Окно сразу бросалось в глаза при восхождении наверх. Подле него стоял стол и стул. Еще что-то заброшенное тряпьем. На столе в беспорядке лежали какие-то карты, записи, размазанные краски. То есть совершенно непонятно чем и зачем занимался человек тут живущий. По хаосу творящему в доме, можно было предположить, что человек оставил все как есть и сбежал.

На полу были бумаги, одежда, один ботинок и туфля. Вывернутый наизнанку матрас свисал с железной панцирной кровати. Посеревшее от времени и сырости постельное белье. Из распахнутого шкафа торчали вещи, тубус, зонт, выставил свой рукав плащ, будто положив руку сверху на чемодан. Тома притягивал этот чемодан. Он вынул его из шкафа и стал разглядывать. На чемодане было много потрепанных наклеек и надписей из разных стран. Скорее всего его хозяин или хозяйка любили путешествовать. Неожиданно раздался звонок телефона. Такой дребезжащий и приглушенный. Том вздрогнул. Звонок шел из чемодана! Только сейчас он заметил протянутый провод из шкафа в чемодан. Том нажал на защелки по бокам и чемодан распахнулся. Удивительно, но там и вправ-

ду был телефонный аппарат! Старый дисковый годов 60-х на вид.

Том оглянулся. Телефон продолжал звонить. Хозяина дома не появлялось и ответить было кроме него некому. В любом случае, связь с миром существует и оттого стало чуточку легче.

- Алло? – поднял трубку Том.

На том конце слышалось тиканье часов и шуршание связи.

- А, приветствую Томас. – ему ответил какой-то мужчина.

- С кем я говорю? – насторожился Том.

- Рихард Вейнц. – последовал ответ в трубку.

Том судорожно перебирает в памяти названное имя.

- Оно вам ни о чем не говорит, потому не стоит напрягаться и оставим любезности. Не надо задавать глупых вопросов, просто не перебивайте меня. Вы же слышите музыкальную шкатулку, не так ли?

Том молчал. Он не мог решить доверять этому неизвестному или нет.

- Будем считать да. Мне нужна ваша помощь в поиске той шкатулки.

- А если я откажусь?

- Я бы не стал рисковать девушкой на вашем месте. Это была бы самая печальная необходимость, ведь Арод живет здесь одна...

- Только вот не надо дешевых угроз. Мне нет никакого дела до нее. Я не знаю ее. Не удивлюсь, если вы подсунули ее, чтобы использовать меня. (собирается повесить трубку)

- Томас! Вы слишком мелко оцениваете ситуацию. Если что-то случится с Арод, ваша драгоценная Дора умрет. – слышится возле рычажков сброса связи. – Они являются дополнениями друг друга. Отражения душ.

Том медленно подносит трубку обратно к уху.

- Что я должен сделать?

- Так-то лучше. А то импульсивные все такие!.. Принеси мне шкатулку. Не больше и не меньше. Ровно одну и ту самую.

- И что потом?

- Потом я исчезаю из вашей жизни и из жизни Арод навсегда, за ненадобностью.

- А где гарантии, что вы оставите ее в покое?
 - Мое слово. – рассмеялся абонент. – Томас, расслабьтесь, я джентльмен. Всю свою жизнь я посвятил поиску этой вещи. Люди, их судьбы и все остальное не имеют смысла для меня. Ради достижения цели я готов на все. Не вынуждайте меня. Том понимал, что все это чревато большими проблемами, но отказаться при таком раскладе было бы предательством по отношению к Доре.
 - Ну что, мы договорились?
 - Да. Но есть одно условие.
 - Слушаю? – по голосу было ясно, что Вейнц улыбается.
 - После того, как я отдам вам шкатулку... мне нужно вернуться в мой мир. Я уже понял, что здесь я не на своем месте.
 - У вас будет такая возможность.
 - И еще кое-что.
 - Да?
 - Я не совсем уверен... я не понимаю что здесь творится. Не могли бы вы как-то извещать меня, на верном ли я пути?
 - Я найду способ связаться с вами. Главное – слушайте шкатулку. К несчастью, у вас совсем немного времени на ее поиски. Если вы еще не заметили, стрелки в Металграде вращаются по-особому, а именно вспять.
- Разговор окончен и пошли гудки.

Том положил трубку. Появилась проблема. Нет выбора, надо добыть шкатулку. А как же Дора? Вдруг это все какое-то недоразумение или обман? Том закусил губу.

Рука в дрожащем состоянии схватила старинный телефон и набрала заученный номер.

«Ну же Дора! Возьми трубку... скажи, что с тобой все в порядке и ты уже не в чертовом цирке... ну зачем ты пошла за мной? Зачем не послушала меня и начала искать ответы?»

Но телефон выдавал лишь одинаковые нудные гудки. Том устал слушать их и налаживать связь с квартирой, в которой нет любимой и опустил трубку на место.

Темнее всего перед рассветом

Снаружи раздался громкий стук. Том спустился. Кто-то беспорядочно колотил в стену, в закрытые ставни дома. Была мысль поскорее открыть дверь, возможно человеку стало худо или его преследуют. Но Том не торопился. Он помнил про фриков и что это ненормальный мир. Слишком хаотично стучали. Человек, даже сильно перепуганный будет колошматить не таким образом.

Он подкрался к ставне и посмотрел в щелку. Искривленное подобие на человека билось к агонии.

«Только не вагонетка!» - беспокоился за свой транспорт Том. Но чудик словно прочитал его мысли и направился бегом к вагонетке. Он напоролся животом на неровный угол тележки и со свистом сдулся. Брови Тома взлетели вверх. Он вышел из дома взглянуть на диво.

Носок загнутого шутовского сапожка тронул сдутую оболочку. Она не представляла опасности. Том перевернул резину. Растянутая физиономия, дряблые конечности. Как надувной шарик или матрас если наполнить воздухом или другим газом. Пока не набежала толпа таких полоумных, Том вернулся в дом и запер дверь. Поднялся снова на второй этаж. Только сейчас он заметил, что у окна стоит завешанный тряпьем телескоп. Он снимает с него вещи и нагибается. Прибор настроен на какую-то местность, расположенную за туманами. Том медленно двигает прибор и видит темную улицу. Знакомую улицу. Только дома выглядят брошенными и пустыми. Но они точная копия улицы, где жила Дора. Вот ее дом и соседские дома. Телескоп прямо как специально был настроен, чтобы Том увидел это.

«Как такое может быть?» - думает он. – «Может, разлом недалеко?»

И вот на пустой улице началось движение. Две фигуры, которые не имели лиц, а выглядели просто как две тени силуэтов, вышли из дома Доры. В руках они несли большие пакеты и

коробки. Всю ночь тени выложили возле мусорных контейнеров. В тених Том признал себя и Дору. Они вместе выбрасывали старый хлам и игрушки из ее дома, в отсутствие ее отчима.

«Неужели этот телескоп показывает прошлое? А вдруг и будущее?»

Как только удалились две тени, возникла третья. Это был противный здоровый детина клоун. Он двигал тележку. Приблизившись к мусору, он начал в нем копошиться. Залазил прямо в баки, в вещи, оставленные парочкой теней. Клоун порвал пакет и оттуда выпала игрушка улыбающегося резинового шута. Он еще плачет при нажатии. Клоун достает клей, и смазывает рваную поверхность сломанных игрушек. Какие-то из них клоун просто кидал в тележку не глядя. Завидев шута, он осканился и достал пузырек. Смазал шуту лоб. И вдруг, игрушка стала двигаться и прыгать. Клоун довольный садит ее в тележку и поворачивается прямо к Тому, словно между ними не существовало расстояния, преодолеваемого телескопом. Клоун улыбается и смотрит прямо в глаза. Том отрывается от прибора и сердце у него колотится. «Откуда?! Я что, в жилище того верзилы? Как он узнал?». Том решается взглянуть в телескоп еще раз, но там совершенно ничего не показывается кроме тумана. Ни ночной улицы, ничего, хотя он его не передвигал.

Тень Доры на данный момент единственная нить, ведущая к ней. Нужно туда отправиться. Раз телескоп видит ту местность отсюда, то просто необходимо преодолеть длинное расстояние дотуда. А там уже будет разлом и все станет проще.

Том начал передвигать телескоп. Что-то еще должно быть помимо того привидевшегося момента.

Вдали, в чуть рассеяншемся тумане видны очертания колеса обозрения.

«Ага! Там значит, начинается парк развлечений, а за ним город грез! А где они, там и разлом».

Том спешит покинуть дом, но в этот момент из шкафа прямо ему под ноги выпадают вещи. Кожаная куртка в заклепках, штаны, ботинки и футболка. На ней изображен смеющийся

Джокер с картами в руке.

Дом будто бы благодарит его за нахождение здесь. Немного порывшись среди шмотья, нашлись и перчатки.

- Что ж, спасибо. И, правда, получше моего прикида. И теплее.

Он одевается и с благословения гостеприимного дома выходит наружу. К его приятному удивлению, туман значительно поредел и вагонетка дружелюбно зашкрипела, призывая пассажира поспешить.

«Так вот как вы направляете мой путь г-н Вейнц».

Я буду твоим концом

Парк развлечений предстал пред взором металлиста заброшенный и мрачный. Ржавый. Ни души.

«Подозрительно. Наверняка тут обитает какой-нибудь псих или маньяк. Надо подготовиться» - размышляет Том у железной заборной сетки, наверху которой намотана колючая проволока. Из вагонетки он берет ящик с инструментами и транспорт сразу же откатывается назад по рельсам, выполнив свою миссию доставки. Том оглянулся и прислушался. Движения и жизни не слышно. Он выламывает замок на калитке и входит. Раздается громкий звук. Туман и серость снова собираются вернуться и начинают довлеть над этим местом.

Двор являл собой подобие детской площадки. Шины на цепях в качестве качелей чуть покачивались. Песочница с ведерком для куличиков и резиновый шут. Слишком у него было знакомое лицо, если у игрушек бывают лица. Ну да. Тот самый шут с помойки из детства Доры.

В глубине стоял темно-зеленый контейнер с дверью. Пока Том впитывал происходящее, из-за угла контейнера вышла кукла с плешинами. Кто-то выдрал ей волосы. Она неуклюже задирает негнущиеся ноги и шагает прямо к Тому. У куклы голова вращается на все 360 градусов. При наклоне тела слышен записанный и заедающий плач. Раздражает. Подвижный подбородок куклы дергается вверх-вниз. Веки

с наклеенными ресницами хлопают. Потом подбородок застывает и не может закрыться. У куклы возвращаются бешено стеклянные глаза и раздается смех и рыдающий плач.

«К чему такие меры? Не иначе как я прав насчет психопата. Выглядит так, словно тут держали в плену кого. Неужели похищение детей?».

Том еще раз осматривает все это и при спуске тумана замирает. Он все это уже видел. Качели, туман, плачущий мальчик и... верзила клоун?

В тот же миг сзади последовал удар по голове. Том пошатнулся и упал на одно колено. Ящик с инструментами упал и все инструменты из него выкатились с металлическим лязгом. В ушах зазвенело и на пару секунд в глазах потемнело. По волосам растекалась кровь и тут же прижигалась алкогольным напитком. По запаху напоминало виски. В глазах искрило.

Верзила издавал сопение и мычание, что говорило о нездоровости.

- Ты не сбежишь от судьбы. Нельзя спастись от тьмы. – задышался от возбуждения клоун прописывая пинки в спину Тому.

Было больно и хуже всего - неожиданно. Том повалился на руки. В тот же миг клоун радостно ударил его по ребрам. Удар пришелся четко в солнечное сплетение, отчего захватило дыхание.

«Неужели это все? Может, стоило оставить все как есть и стать жителем Металлграда?» - промелькнуло у него в голове.

- Видишь, как исчезает свет? Также исчезнет и твоя надежда. Закрой глаза. Это не просто кошмар. – продолжал клоун дико хохоча.

«Но как же Дора? Не глупо ли вот так умереть, не объяснившись с ней?»

Металлист сжал от боли кулак и вдруг осознал, что в руке у него длиногубцы. Выхода нет. Придется рискнуть.

Клоун отдыхивался и определенно намеревался продолжить избиение. Том перевернулся на спину, полностью открывшись. Как только клоун решил поглумиться и поставил на

грудь Тома ногу, тот поднес инструмент к икре клоуна и сжал кисть. Клоун взревел как слон и моментально скрючился и наклонился. Длинногубцы сдавливали мясо и крутили сухожилия. Пока клоун пытался заставить Тома ослабить хватку и в то же время не вырывать кусок мяса с икры, Том второй рукой нащупал сам ящик для набора всего необходимого. Он замахнулся и опустил ящик на голову клоуна. Тот повалился в бессознательном состоянии.

Том, держась за ребра поднялся и немного пришел в себя. Вся спина и голова болели, но терять время было нельзя. Он перво-наперво собрал и оттащил подальше от лежащего психа инструменты. Ощупал его на наличие предметов. Нашел кусачки и снял с сетки колючую проволоку в несколько кусков и обмотал ею тяжеленного клоуна. Колючки сразу впились в плоть верзилы.

- Ну вот, так-то лучше, Поджидающий в тумане. Отдохни. – сказал Том и подошел к контейнеру. Пришлось вскрыть и здесь замок. Оглядываясь за спину, Том заглянул внутрь. Он надеялся и одновременно не хотел найти там мертвых или пленных детей. Но там не было никого. Лишь зеркало, скудная обстановка и бардак. Он уже хотел захлопнуть дверь обратно и покинуть это место, чтоб последовать далее в парк развлечений и затем в город грез, как увидел на стене что-то написанное детским почерком.

«Том и Снорре лучшие друзья навек! Или нет?».

*Как бы вам описать это место?
Ходит слух, что по ночам...
да, по тем самым холодным, лунным ночам,
парк снова начинает работать.
Качели и аттракционы
работают в детском режиме.
Скорее всего, парк активизирует
машинист, ведь ему подвластна
любая техника, но...*

На арке при входе в парк аттракционов висит мигающая неоновыми лампочками надпись WELCOME. Лицо хохочущего клоуна с острыми зубами и облупившейся краской возвышается над входящими. Но кроме Тома в этот час никто не стремился к развлечениям. Он остановился и посмотрел на перегоревшие лампочки в букве L. Вдруг, она описала полукруг и провисев меньше секунды на одном гвозде упала наземь. Том проследил за ней и снова воззрел на надпись. Теперь там было WE COME.

Том двигается вперед медленно, настороже. Всюду мигают разноцветные огни, где-то замкнуло проводку и она издает треск искрами. Том останавливается в самом центре на круглой площади. Включается карусель и с гулом начинает вращаться. Механизмы грохочут и музыка заедает в размеренном покачивании лошадок, семенящих по замкнутому кругу арены. Том обходит карусель.

«Кто запускает эти механизмы? Меня ждали?»

Парк аттракционов огромен. Множество палаток и зданий, куда можно было бы зайти в нормальное время в нормальном мире. Том издали заметил палатку тира и поспешил пригнуться. Наверняка там кто-то засел в удобной позиции и мечтает пострелять по живой мишени.

Том на корточках подался в сторону, избегая идти напрямую по широкой дорожке между рядов и лотков. К счастью для него, сгущающиеся сумерки были на его стороне. В ночном

тумане огни лампочек и бумажных фонарей выглядят потусторонне. Тут парк разделялся на части и был пересечен узкой речушкой, казавшейся в темноте непроглядной черной бездной с пляшущими искривленными колебаниями отражений света.

На мостике стоит клоун в красно-желтом, поделенном пополам костюме и держит за ниточки шары и смотрит на него. Том вздыхает. Он с трудом пережил встречу с верзилой. Можно даже сказать чудом. Хотя этот клоун был значительно меньше по габаритам, но быть может он верткий, чего Томасу хотелось бы сейчас меньше всего на свете. Ребра ныли и голова до сих пор раскалывалась при прикосновении.

- Хочешь воздушный шарик? – спрашивает клоун сипло.

Не дожидаясь ответа он разжимает руку и шары устремляются вверх в черное небо.

- Тогда я убью тебя. Ни-ни-ни! – визжит актер.

Он достает из-за штанин сзади топор и размахивается. Том едва успевает среагировать и отскочить. Лезвие проносится совсем близко от груди и громко ударяется о каменистую кладку моста, отчего железный обух спадает с деревянного топорница. Отдача пошла по рукам и клоун скрежещет зубами и неистово орет. Ему не удается совладать с отбитыми кистями. Том заметил это и пнул его ногой в уродливое искаженное злобой лицо. Клоун визжа повалился и стал корчиться и пытаться поползти до лезвия. Крепкий ботинок ступил сверху на костлявую кисть с силой и пальцы циркача хрустнули. Он завопил и начал содрогаться. Пена потекла из его рта по намалеванному гримом подбородку. Он еще подергался какое-то время и замер в застывшей окостеневшей позе.

«Судороги» - подумал Том и перешагнул через распростертого уродца.

Путь к колесу обозрения пролегал через переулок между зданий. Том шагнул в него. Переулок оказался обшит половодьем зеркал с двух сторон от идущего.

«Не к добру это. Нельзя смотреть в отражение, чтоб не стало еще хуже».

Металлист нащупал на поясе парочку взятых с собой инстру-

ментов и на душе стало спокойнее. Он уже дошел почти до середины переулка, как вдруг из всех разом зеркал закричали на все голоса. Длинные, худощавые, сухие, старческие разные руки вылезли из них как по немой команде. с уродливыми ногтями и отовсюду вопили и выли голоса: «Помоги мне!».

Том бросился бегом вперед. Руки пытались схватить его, пару раз им это даже удалось, но монтировка успешно справлялась с этой проблемой и руки, получив ушибы и удары все же отпускали его куртку. На какую-то долю секунды он испытал ужас от мысли, что все может завершиться прямо здесь в богом забытом переулке, и он больше никогда не увидит Дору.

Выбравшись на другую сторону Том оглянулся. К своему удивлению он увидел в том месте, откуда он шел мимо проходящего верзилу.

«Какого черта? Как он сумел выбраться из проволоки так быстро?!».

Верзила не повернулся в переулок, иначе бы непременно заметил застывшего от шока Тома. Металлист пригнулся и стал на цыпочках оглядывать дом, чтобы проследить за идущим верзилой. Вот уж с кем нежелательна еще одна встреча так это с ним. Второго шанса выжить может просто-напросто не быть и силы явно не равны. Верзила шел и ругался. Он был демонически зол и нервничал. Видимо побег Томаса ударил по его самолюбию. Клоун срывался на всем, что можно было ударить ногой или рукой. Даже на себе подобных собратях по актерской доле. Том на расстоянии следовал за детиной.

«Если я видел его в телескопе и он рылся возле дома Доры, то он точно знает, где находится разлом миров».

Служка привела Тома к свалке. Там смердило тухлятиной и разложением. В огромную яму циркачи сбрасывали запчасти от поломанных игрушек и там же лежали тела людей. Лица и тела их разбухли, мухи и зараза витали в воздухе. Тома начало тошнить. Но вот он видит как верзиле указывают на что-то лежащее в яме. Верзила радостно прыгает в нее и вскоре вылезает, держа на руках разрезанный труп ребенка. В нем Том признает того самого мальчика со сцены, из-за которого он и попал в цирк. Еще в тот цирк... там, в Норвегии.

Когда жизнь и смерть обнимаются

Тому пришлось обойти свалочную яму как можно скорее и дальше, ибо вонь была невыносимой. Смерть оставляет следы. Пахнет. Он стиснул зубы от отвращения и злости на верзилу и прочих ублюдков. Видеть, как клоуны разрывают детскую плоть и откусывают... облизываются и радуются...

Где ползком, где пригибаясь и оглядываясь, он покинул зону мусора и увидел высокое чертово колесо. Направился к нему. Чуть в стороне от веселых палаток и недобрых артистов, мимо ямы тянулась речка. Или канава. Трудно сказать, что именно это было. Вдоль нее, в низине было как раз удобно двигаться к колесу и не быть замеченным. Кабины колеса обозрения многие отсутствовали вовсе, а где-то были накренившимися или поломанными.

“Да что же тут произошло, черт бы их побрал?!” – подумал он, как услышал негромкие ритмичные звуки. Звуки исходили от прыжков. Чуть в стороне у колеса обозрения, за билетной кассой, кто-то двигался. Том уже не прятался от каждого шороха. Плевать. Будь что будет. Хватит убегать. Если там еще один верзила, то он сразится с ним. Но к некоторому удивлению и разочарованию, что ведет непременно к облегчению, там был не верзила. Том выдохнул.

Это всего лишь девочка прыгает на скакалке из колючей проволоки. Иногда, она запинается и шипы впиваются ей в голени, цепляются за платье, отчего на нем много рваных мест. Шипы также впиваются в шею и распущенные длинные волосы девочки, превращая их в спутанный клубок. Том не смог сдержать эмоций.

- Эй! Что же ты творишь? Зачем прыгаешь на такой скакалке? Давай, я уберу шипы вот этим инструментом? – предложил он ей. – А еще, тебе бы нужно поскорее отдохнуть и перевязать раны. Кто сделал это с тобой? Кто заставляет прыгать? Те гады с гримом?

Девочка остановилась и бросила скакалку наземь. Ее руки

были красными и покрыты мозолями от долгого кручения проволоки. Она молчала, сдвинув носки ботинок внутрь. Голова ее была опущена, как будто бы она была наказана.

- Послушай, я не желаю тебе зла. Я не буду тебя бить или заставлять делать плохое. Не бойся меня. Я не твой враг. Скажи мне, чего бы ты хотела?

- Отдай мне свои сны и эмоции. – сказала девочка исподлобья поднимая глаза на Тома.

Глаза у нее были злые и абсолютно черные, впрочем, как у всех обитателей сего мирка. Том невольно отшарахнулся от ее взгляда. Уж не дочка ли она верзилы или очередного маньяка?

Девочка начала смеяться переходя на истерический визг. Пришлось оглянуться, не привлек ли ее смех кого постарше.

Но внезапно она перестала смеяться также резко как и начала. Плечи ее опустились и из глаз потекли слезы.

- Отведи меня домой. – попросила она.

Старое и грязное серое кирпичное здание. Сразу за сломанным колесом. При входе в нос бьет сладковатый запах разложения, касание смерти. Темнота бывает прелой, сырой, липкой. Нога наступила на что-то мягкое, залежалое. Том хотя и не видел, но догадался, что это тело дохлой крысы. Поодаль показалось оконце без рамы и немного света влилось в каменную коробку. Девочка взвизгнула и поспешила в угол. Том последовал за ней, чтобы посмотреть, что же привело ее в такой восторг. А-а-а-а... театр Барби. Можно покрасить волосы, сшить одежду, собрать домик и мебель. Не распакованные наборы ждали своего творца на полу. В кукольном доме валялись кукольные сервизы с бокалами и бутылками виски. Ванна с кровавым душем и розовый унитаз в стразах. Кен с отрезанной улыбающейся головой... Барби стоит голая над ним с топором в руках...

Том отметил, что фигура и сиськи у нее неплохи, но он не так себе представлял ее семейную жизнь.

Он оглянулся. Так это тут живет эта девчушка? Не одна же поди?

Повсюду разбитая плитка, сорванные картины, оборванные

обои, грязь и куски поломанных вещей. Непонятные надписи и рисунки.

Он решился подойти к одной из разбитых раковин и повернул кран. Раздался скрип. Потом гул и грохот где-то там, в недрах котельной. Наконец, из раковины потекла ржавая грязная вода на пол. Он едва успел отойти, чтоб не забрызгать себе ноги струей.

Вдруг заиграла где-то далеко тихая мелодия из музыкальной шкатулки.

Том выругался, ополаскивая в ржавчине пальцы рук.

«Если я еще хоть раз услышу эту мелодию, я покончу с собой!» - думает он.

Девочка хихикает, будто бы прочитала его мысли и всем своим видом зовет за собой. Она вручила Тому факел, который тотчас же зажегся при передаче из рук в руки.

Они прошли по темному коридору по ощущениям куда-то вниз. Девочка подпрыгивала впереди, все время смеясь и играя, прячась за поворотами. Тому не было так весело. У него было подозрение, что он попал в психушку и с девочкой что-то не то. Не стоило связываться с ней.

Они прошли мимо лестницы до единственной в этом крыле двери. На ней было написано:

ПРИХОД НЕ ВЫХОД.

«А так ли оно?» - подумалось ему.

Девочка захлопала в ладоши и стала дергать тяжелую железную дверь за ручку. Ей это не удавалось и тогда пришлось подключиться Тому. С трудом, он все же справился с поржавевшим железом. Тут он и поместил на стену факел.

Его взору предстало подвальное помещение с красными стенами. Краска отслаивалась и отпадала. Окон не было. В комнате стояли металлические детские кровати на которых были усажены пыльные куклы разного размера со старыми лицами. Девочка, едва вбежав в комнату, тут же принялась рассматривать их, гладить по волосам, покачивать на руках и кружиться с ними, напевая: «не бросайте люди кукол».

Она то и дело примеряла к разным куклам чужие головы. Длинная сухая злая.

Том оставил ее наедине с куклами и тихонько пошел прочь. Снова прошел тот коридор, но теперь навверх и завернул на лестницу. Проходя по коридору этажом выше он увидел ее во дворе.

Девочка по траве рассадилла кукол со старыми лицами и ходила, смеясь, толкая перед собой газонокосилку, которая рубила куклам головы.

Том некоторое время наблюдал за ней, как вдруг его слух уловил мычание. Да, сомнений быть не могло. Прямо за дверями рядом, из вентиляции в стене доносились звуки. Кто-то неровно дышит и стучит. Том потянулся за инструментом и нащупал на поясе свой набор. Он начал красться мимо двери дальше по коридору. Не к добру все это. Обогнул эту комнату со звуками и увидел, что в последней по коридору не было дверей вовсе. Это была зала размером с класс, покрашенная голубой эмальсионкой, а посередине стоял электрический стул. Возле него круглый журнальный столик со следами горения, серебряной пепельницей, раскиданными игральными картами и двумя поломанными табуретками. Над всем этим в петле виселицы качалась одна единственная лампочка и мигала.

Вдруг сзади раздался голос и шаркающие шаги. Тому ничего не оставалось кроме как отступить в эту комнату и приготовиться к обороне. Голос ворчал и разговаривал сам с собой: - Он опять накидался. Тело хочет спать - не спит. И как быть? Стул? Какой я молодец, что не выкидываю того, что выбрасываю.

Шаги остановились. Том прижался к стене возле косяка, стискивая монтировку и еле дыша.

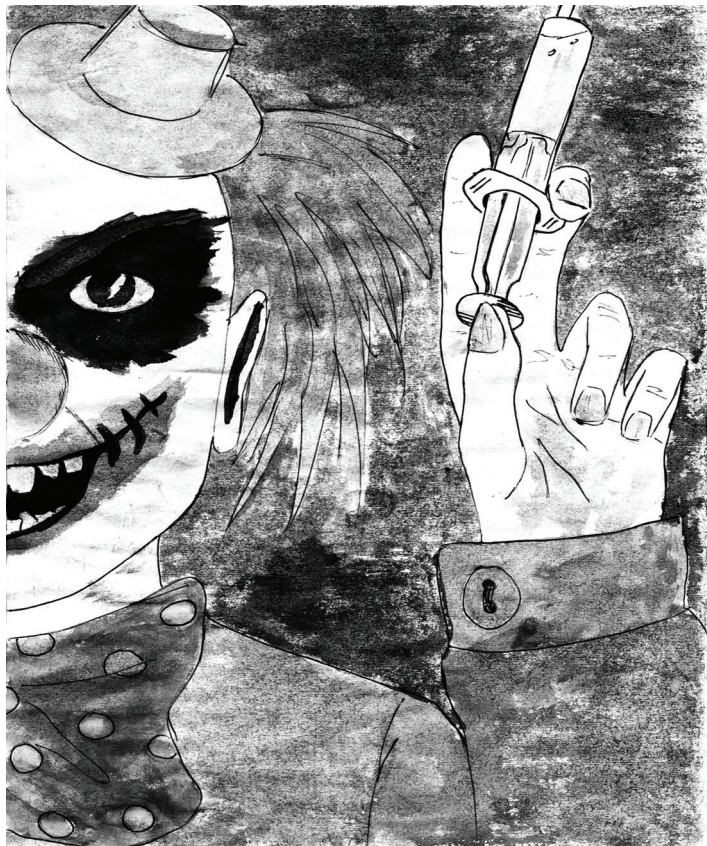
Личность дико хохоча внеслась бегом в комнату, Том даже не успел замахнуться. Смеющийся вождеденно сел на стул и начал пристегиваться ремнями. Тома он не замечал, потому не составило труда покинуть помещение и вернуться назад по странному коридору. Звуков через вентиляцию больше не было слышно, зато сзади разнеслись вопли. Сумасшедший привел в исполнение лечебную терапию.

Во тьме ночной, при свете дня...

Том открыл дверь в ту комнату с недавними звуками. Это было довольно крупное помещение со столами, ведущее в еще один коридор и вероятно в другое крыло здания. Похоже, некогда здесь обедали. На стене было написано “эта больница край чудес, зашел в нее и ты исчез”. Старый баян известный всем. Обычно над таким можно лишь посмеяться, если бы не было так грустно.

Сомнения окончательно развеялись. Лечебница. На скамьях лежали фиксирующие ремни, некоторым пациентам требовалось усмирение.

За окном столовой выделялся балкон, где на обломанном

краю стоял поврежденный с сетчатым сачком. На голове у него колпак, который, как и сачок раздувался. Псих пытался ловить ветер.

Уже двое идиотов не заметивших присутствия чужака. Или умело сделавших вид. Нужно быть осторожным в своих передвижениях, так как неизвестно сколько их тут, и паиньками они не кажутся.

Хотя следовало бы просто уйти тем путем каким пришел, Том почему-то решил заглянуть дальше. Туда, в конец столовой, где не было дверей и большой проем был абсолютно темен. Держа руку вдоль стены, и прощупывая ногой путь впереди, чтоб не провалиться, блэкер двигался вперед. Темный коридор хранил молчание и лишь местами при наступлении обувью, раздавался легкий треск стекол ампул или шприцов. Внезапно распахнулась дверь в паре метров от Тома. Свет непривычно ударил по глазам. Оттуда вышла дородная женщина средних лет с какими-то бумагами. Том хотел было обратиться к ней с вопросом, но почему-то промолчал. Не факт, что эта женщина отличается от психопатов, хотя и одета в белый халат и чепчик медсестры. Она после освещенной комнаты не могла увидеть стоящего в тени Тома и по случайности прошла совсем рядом не заметив его. В какой-то момент, Том начал верить, что он стал невидимкой или счастливчиком. До этого ему и вправду везло. Дверь осталась неплотно закрытой и он заглянул в щелку.

В детских колясках лежали свернувшись калачиками, выставив ноги и руки наружу мужики всех возрастных групп. На лицах у них потрескавшийся разноцветный грим. Одежда от костюмов до вычурных рубашек с кружевными засаленными и порванными рукавами. Во рту пустышки на бутылочках. Они причмокивали и хохотали, вели себя непристойным образом. Кто-то требовал сменить белье, потому что он...

Том медленно и беззвучно закрыл дверь. Тонкая струйка света, сочившаяся из двери скрылась и наступила снова темнота.

Но рано было радоваться. Не успел Том придти в себя от увиденного жалкого зрелища, как подле него возник человек и раскрыл дверь все в ту же комнату.

- Вы входите? – спросил он немного раздраженно, придерживая дверь рукой.

Наступила тишина. Вопрос относился к Тому.

- ..э... нет пока. – ответил он. В горле пересохло.

«Нежданчик! И как я его не заметил?» - корил себя Том и готовился к худшему впиваясь пальцами к инструментам, бесполезным против толпы безумных мужиков.

Человек пожал плечами и вошел. Он вопреки ожиданиям не стал говорить собравшимся о постороннем. Быть может он сам не понял с кем говорил или по какой-то причине умолчал или уже забыл и был сам не в состоянии. Том вытер холодный пот со лба. Сперва эта тетка, теперь еще и этот человек... нельзя же так сразу.

Послышался грохот и крики. Ругань. Том стоял как вкопанный. Что-то случилось и он не мог понять что ему следует делать. Уйти или остаться. Бывают такие странные состояния. Дверь снова раскрылась и появился тот самый человек.

- Идите за мной. Вам нужно переодеться и на этот раз нанести грим. Тут в баночке немного осталось. – произнес он, и Том как загипнотизированный последовал за ним.

Они вернулись в столовую к ремням и скамейкам. Тут было светло, хотя за окном начинало темнеть.

Том замер, когда разглядел лицо говорящего с ним. Точная копия того мерзкого шута, из-за кого он влип тогда в этот цирк еще там у себя в Норвегии. Именно то отражение в зеркале, когда вместо шута отражался рыболов.

- Ничего не понимаю... ты...

Том оглядел его. Человек был суховат но жилист. Ниже его и одет как будто собирался на рыбалку.

- Да. Если ты узнал меня, значит ты виделся с моим Вторым. Но это уже не имеет значения. Одевайся скорее и присоединяйся. Не следует долго отсутствовать это вызовет подозрения.

- Но... я не могу. Я не смогу быть среди психов. Я выдам себя. Я не умею прикидываться или еще чего.

- Тогда просто заткнись. – аналог шута уже размазывал грим по лицу Тому.

- У меня есть вопросы. – отстранил руку рыболова металлист.
- Знаю. Но чуть позже. Просто делай как я.

И вот Том снова облачился в костюм шута, от которого не так давно едва избавился. Они возвращались в ту комнату с детьми переростками в колясках.

- Должно быть, это здорово носить после кого-то удачливую одежду? – спросил шут и отвернулся.
- Твоя?
- Нет. Правителя.
- Правителя?! Это как? Что...
- Тихо. Позже! – зашипел шут и они вошли.

Жирный клоун закинул ноги на стол и запивая водкой срыгивает с головы проводки. Часть проводков тянулась в баллон, из которого вылезала цветная пыльца. Второй рядом с ним скалится от злорадства.

- Ну как-с? Удачная вылазка?
- Да какое там! Ни одного интересного сна в этом пункте проката! – возмущается сидящий. - Все боятся. Люди деградировали. Перестали мечтать о прекрасном. Фазы сна прерывистые, беспокойные сюжеты. Скука. Одно и то же.
- А ты все ждешь, когда тебе приснятся сны?
- Пытаешься задеть меня за мертвое? Да, мне не снятся они уже сотню лет. И тебе тоже. Но и другим, уродам в реале тоже мало что ценного снится. Энергия блеклая, слабая. Хозяин будет недоволен. Да еще в городе грез теперь все запираются дома. Чтоб извлечь эмоции приходится врывать в их дома, ломать внутри лестницы, подстраивать ужасы, маньяков и пугать их, чтоб они выбросили что-то из себя. Но это слабое. Страх уже осточертел и нам и Луизу. Нужен настоящий смех и радость...
- Эх... - вздыхает второй. – А я бы так хотел хотя бы еще раз увидеть все это...
- Что? Сны? Может, тебе просто сгореть в огне? Не думал об этом? Не мечтай.
- Нет. Я хочу выступать... добывать смех и радость людей... детей... не для Луиза, а ради профессии, для удовольствия. Ощутить отдачу... Мы тут умрем, а я такой молодой. – завыл

циркач, размазывая грим по роже.

– Не трави душу, а то у меня снова начнется приступ вселенской скорби. Время найдет ответы. Луиз сказал Луиз сделал. Он разберется. А пока подавимся инъекциями и молочком страха.

– Думаешь, мне не страшно после таких уколов спать? А тебе? Все глупые страхи тех людишек...

– Привыкнуть можно. Хотя бы какие-то эмоции.

Клоуны стонут от кошмаров и душевных мук. Просят смерти.

Один встает и декламирует.

– Козявочным платком вытираю рот и смотрю в отражение. Нет. Я в принципе не урод. Просто сложное положение.

Другой в манишке поднимает глаза вверх и достает коробочку с белым порошком. Высыпает немного на стол и трубочкой засасывает его носом.

Выступающий клоун подходит к нему и продолжает речь.

– Принюхаешься – понравится, а задумаешься – все зря.

На столе не осталось белой массы. Клоун откинулся на стул с блаженной улыбкой и начал хохотать.

– Ой заткнись уже, а? Все эти твои речи о единстве, сплочении для борьбы... спасти людей в другом мире... да мы существуем за счет них! Поди, лучше придумай, как нам побольше урвать энергии для хозяина. Вот-вот нас тоже призовут в реал. Ну же! Пошел вон!

Горе-поэт призывает всех лечь.

Рыболов с закатанными штанинами, в полосатой моряцкой майке начал трясти коляски. Лежавшие в них мужики капризничали, брыкались, пинали его ногами, но шут стоически сносил побои.

– Чего ты стоишь? Покачай меня скорее! – приказал подняв голову из коляски копия Пьеро, которого Том тоже встречал.

– Да, разумеется. – отозвался он и начал осторожно водить коляску.

– Быстрее! Ну! Чего ты возишься! Устрой мне встряску века!

– требовал Пьеро. Он выкатился с края коляски и начал колошматить конечностями по полу и дико орать. Том даже рас-

терялся. Уж чего-чего, но не ожидал он припадочное падение. – Мсье! Не плачьте! – говорил издали рыболов, показывая глазами новичку приступить к делу.

Тому пришлось изрядно постараться, чтобы угодить ему. Сперва пришлось поднять на руки циркача. Стерпеть оплеуху и вагон претензий. Так и хотелось задушить гада. В то время как он тряс Пьеро, рыболов успел обойти почти всех и проверить у них бутылочки с ядовитого вида смесью.

Вот, наконец, дети стихли и начался задушевный сонный разговор.

– В темных душах наших боль. – начал один из лежащих и громко зевнул.

– Мы будем гореть в аду. – вторил другой.

Как по команде клоуны стали вздыхать и причитать. Пара из них откуда-то вынула цветок с горшком. Они плакали кололись, но продолжали есть кактус.

Том смотрел на все это и у него были противоречивые мысли и чувства. Он и презирал всех этих подонков убогих и в то же время зародилось подобие жалости.

«Шут, Пьеро... если те они настоящие «Я», что были в отражении в цирке Драммена находятся здесь сейчас...»

– Чего уставился? Сдохни поскорее избавь нас от страданий. – толкнул ногой Тома Пьеро.

Такого обращения к себе Том не выносил. И вообще, этот Пьеро много себе позволяет. Металлист забылся и ответил ему:

– Сделай одолжение, убей себя.

Наступила тишина. Рыболов сжал зубы. А потом все личинки в колясках захохотали. Смех становился все громче и сильнее.

Пьеро был в бешенстве. Он терял авторитет. Он вскочил и выпнул из коляски клоуна с музыкальными тарелками.

Тот встал и начал ходить по комнате грохоча ими. Через несколько секунд уши уже болят у всех, невыносимо слушать этот звон, но клоун улыбается и истерически смеется, после каждого удара. Казалось, он счастлив, что ему позволили проявить себя. Вдруг погас свет. Мгновенно все повскакивали со своих колясок и стали бегать и сбивать друг друга. Кто-то начал плясать.

– Тихо! Я сказал тихо! – вопит во всю глотку и затыкает уши Пьеро. Все смолкают.

Распахивается дверь и входит та самая тетка в халате медсестры. Ее выдающиеся формы приковывают взгляды циркачей и они ложатся обратно.

– Скоро полночь на часах, у балерин, у тех больших кукол слезы на глазах. Не только вам плохо. Но скоро все кончится. – мягким материнским голосом нараспев говорит она.

– Да... скорее бы! – ворчит кто-то и отворачивается от нее.

– А давайте споем нашу любимую песню! – предлагает клоун в малиновом.

Все нехотя но соглашаются. Бутылочки в руках. Все готовы. Том слышит пение:

Няня нянечка приди
Посиди со мной немного
Страшный путь ждет впереди
Дай мне сон увидеть добрый

– Пресмыкаться! – рывкнула нечеловеческим и точно неженственным голосом бабища. Все смолкли.

– Вот так-то. А теперь спать. И вам двоим тоже.

Тому пришлось притвориться что он такой же. Залезать в треклятую старую и вонючую коляску. Тетка сунула ему в руку бутылку и шприц. Том сделал движение будто бы очень рад и вкалывает его. А сам вылил содержимое мимо руки.

– Что ты делаешь? Драгоценная радость! Какое расточительство! – исходил слюной аналог шута.

Когда все заснули, Том вылез из коляски. Тетки надсмотрщицы уже не было в комнате. Возможно, сама закинулась. Том потряс шута рыболова. Он то хмурился, то блаженно улыбался. С трудом удалось его разговорить.

– Вопросы могут подождать? Мне что-то как-то... – смеялся он.

– Нет. Мне нужно узнать все как можно скорее, иначе будет слишком поздно.

– Поздно... для чего?

– Чтобы вернуться в реал и передать привет твоему отраже-

нию.

- А зачем тебе это?

- Оно мне очень помогло. – выдавил из себя Том, вспоминая медвежью услугу того гаденыша.

Шут рассмеялся.

- Во сне меня не обманешь. Хотя я и не ручаюсь за своего Второго. Он все же другой...

«А по-моему одна сатана!»

- Вот если бы, ты собирался остановить Луиза...

- Да! И это тоже.

- Но это невозможно. Совершенно невозможно. Потому что... теперь у нас есть правитель. И он оставил для тебя свой первый костюм.

- Что это значит? – тряс за плечи наркомана Том.

- Ну что значит? То и значит. Время здесь летит иначе. Если ты не умеешь синхронизировать его, то никогда не вернешься назад. А так и будет. Не судьба. Город в жопе. Люди обречены тут. Надо либо так жить, либо выделяться одному из толпы либо съезжать. Ихихихихи!

Том уже был на грани того, чтобы ударить и эту личность в нос.

- Тогда, научи меня всему. Я слишком глуп, чтобы разобраться во всем самому.

- О? Второе Я правителя хочет встретиться с Первым? Интересно. Такого я еще не слышал. Но будет интересно. Хочешь занять его место и забрать его женщину Дору?

При этом имени у Тома отнялись ноги и руки. Этот идиот что-то знает о ней.

- Да. Именно это я и намерен сделать. Сразиться с ним и заполучить... Дору. – Том не смог причислить ее кому-то левому. Шут поднялся с коляски.

- Окей! Раз требуется моя помощь и совет, Далибор всегда готов. – Итак, слушай.

Он выдержал паузу. Отпил из бутылочки смеси и начал.

- Наш благородный правитель, с детства был взращен цирком. Мы глубоко уважаем и ценим его. По степени любви к нему, он обошел даже нашего хозяина и главного повелителя Луиза.

Все из-за его тяжелой судьбы... однажды, будучи еще мальчиком...

Тому было невыносимо слушать это. В его голове точно не прекращали тикать часы.

- Не стоит Далибор. Давай ближе к сути. Мне не нужно ничего знать об нем, ведь скоро я займу его место.

- Хех! А ты мне нравишься. Вспомни потом обо мне с трона. Пришел из того мира... даже глаза еще не почернели полностью.

- Что? Глаза чернеют?

- Да. У тебя уже начался процесс. Пока что твои глаза – единственное отличие от правителя.

- Что еще мне следует знать?

- Правитель, наш Черный Король копия ты. Так что ты не ошибешься, когда увидишь его. Если ты еще конечно помнишь сою внешность... Он умеет управлять картами как захочет. Все масти подчинены ему, поскольку он Джокер. Но раз ты его копия, то при вступлении на территорию города грез – Петли Разума, ты сможешь составить ему конкуренцию в этом деле. Карты не будут знать кому служить. Естественно, это случится после того, как тебя поглотит наше распрекрасное государство. Все же не понимаю я тебя... - усмехнулся шут, грустно опуская глаза.

- В чем?

- Зачем нужно было перечеркивать ту жизнь? Стабильную работу, друзей, родных, привычный образ жизни... быть в курсе развития мира... быть способным любить, спать и видеть сны... ты должно быть болен. Мы то тут не по своей воле в основном, а ты поистине дурак. Я бы даже если потерял что-то важное, то ни за что бы не пришел сюда. Поверь мне, ничто не стоит того, что ты имеешь. Если ты еще колеблешься хоть на миг, то поверни обратно.

- Нет. Уже поздно сожалеть. У меня есть цель. Он отнял у меня Дору. И я верну ее.

Шут задумался на какое-то время. Потом причмокнул.

- Мы все ходячие скелеты. Обнимать кого-то – это всего лишь изгиб костей и мяса. Удивительно, что кости могут доставлять

приятное и радовать. Если мы влюбляемся, то в кости. Привыкаем к ним, страдаем по ним и других костей нам не нужно. Любимые, умирая, лишь оголяют кости, сбрасывая мясо... но удачи тебе. – он повернулся на бок и собрался заснуть.

- Эй. погоди. А как мне попасть в город грез?

- Я разве не сказал тебе? Парк аттракционов – разлом в мир грез. Если запустить колесо обозрения, то когда кабинка доберется до своего апогея, там виден портал. В небе наверху. С земли его не видно. А теперь дай мне покой.

Том поспешил к аттракциону. Сумеет ли он запустить его? «Значит, мой двойник, тот про кого я не хотел слышать в городе металла удерживает Дору. Подожди еще немного родная! Я приду за тобой» - говорил сам в себе Том.

«Что же значит эта чертова синхронизация миров? Откуда правитель знал про меня и оставил костюм? Неужели он ждет меня и приготовил ловушку? Он умеет управлять и перемещаться во времени? А что случится, если я и двойник окажемся в одном месте как и все те клоуны если попадут в реал? Означает ли это катастрофу и конец существования?..»

Когда Том вышел на улицу мимо него, чуть не сбив с ног промчался сумасшедший жонглер на одном колесе. Он резко завернул и приготовился метать в чужака ножи.

- Ня-ня-ня! Умри! – истошно вопил жонглер.

От двух ножей удалось увернуться, но остается еще три. Едва циркач занес руку для броска как раздался выстрел. Жонглер упал и черная струйка полилась у него по лбу.

От пули убежать еще меньше шансов. Том остановился и поднял руки.

- Надо же, еще не утратил навык. – произнес хриплым голосом человек в глубоком плаще, перчатках, в шляпе и в маске на лице. Брюки у него были со стрелками. Обувь идеально начищена.

- Вы Риханд Вейнц? – спросил Том.

- Так точно сынок. Он самый. Узнал голос?

Металлисту не понравилось, то его называли сынком, но выбирать не приходится.

- Я правильно понял, у меня мало времени на то, чтобы спасти Дору?

- Да, очень мало. Даже при управлении временем. Сейчас пока мы заведем эту старушку, - указывает на чертово колесо – я попробую кратко обрисовать положение дел.

Идут к аттракциону.

- Я понятия не имею с кем и с чем конкретно ты встретишься в городе грез.

- Петле Разума?

- Да. Наслышан лишь о том, что там творилось ранее. К сожалению и величайшей скорби я сам не могу ступить в тот мир. Это один из тех запретных зазеркальных реальностей, где я уязвим. Говорю это сразу. Но надеюсь ты понимаешь, что за пределами города я тебя где угодно достану?

- Не надо угроз. Я обещал и я сделаю все от меня зависящее, чтобы добыть вам эту чертову шкатулку.

- Вот и славно. – Вейнц ударяет по кнопке на панели управления. С громким шумом, скрежетом и воплями ржавого желе-

за, механизм запускается.

Они ждут, пока опустится целая кабинка, так как большинство изрядно повреждены и в них залезать нецелесообразно.

- А что такого ценного в той шкатулке и как она выглядит?

- Сказать по правде, точного облика я не знаю. Но она небольшая. На старой фотографии она уместается на ладонке взрослого человека. Она раскладная и там скорее всего восточная индийская символика. Ценность ее безмерна. Она уходит своим появлением глубоко в историю, в Индию, времен мифов и божеств, первых правителей. Согласно легенде, Шива, бог жизни и смерти заключил возможность бессмертия в шкатулку и подарил ее достойному Махарадже. Но правитель был не алчным человеком и не воспользовался даром. Шкатулка хранилась у него и передавалась из поколения в поколение как семейная реликвия. Позже, ее уже не воспринимали иначе как сказку. Потомки забыли как правильно ею пользоваться, чтобы обрести бессмертие. Все это продолжалось до тех пор, пока один гнусный испанец, практиковавший темную магию и некромантию не смог выкрасть ее и перевезти. Далее след оной теряется. Реликвия считалась утраченной. Недавно, мне удалось почти достигнуть ее, но все оказалось много запутаннее. Ну как недавно...

Том внимательно слушал и не перебивал. Человек в маске хотя и был опасен, но выглядел человеком чести и вызывал уважение. Кабинка медленно приближалась.

- Я долго плутал в зеркалах истории, перечитал тьму сказок, проверял малейшие слухи и предположения. Удалось выяснить кое-что. Тот маг после казни в эпоху святой инквизиции (кстати я всецело разделяю некоторые аспекты существования таких мер), сумел перебраться жить в зеркала. Удобный способ знать обо всем и всех. Чтобы выходить во внешний мир и существовать в других, он вынужден питаться энергиями. Это сгустки энергии, выплеснутой через эмоции. По этому принципу завуалирована процедура питания в цирке. Но ты уже сам про это знаешь. Эмоции делятся на: низкопробные, тяжелые для поглощения и идеальные. Низкопробные это негативные эмоции такие как выведенные неискренние

улыбки и смех. Тяжелые для поглощения это страх, отвращение и тому подобное. Клоуны страдают, когда питаются ими. Вместо снов даже под дозой наркоты им являются изображения вызванные этими эмоциями, все то, что переживал человек, у которого их забрали. Ну идеальные эмоции, полагаю, в расшифровке не нуждаются. Это смех и радость. Ах да, еще бывают золотые и бриллиантовые эмоции. Ими владеют только дети. Потому Луиз так стремится завладеть именно детской аудиторией. Это очень сильные эмоции, чистейшая отдача искренности и непосредственности. – выдал с грубым акцентом Вейнц.

- Теперь все проясняется. – вздохнул том.

- Луиз больше не владеет той ценнейшей вещью.

Они поднимались в покачивающейся кабинке вверх.

- Томас. Я тщательно исследовал эту историю. В последний раз, где фигурировала эта шкатулка...

Вейнц пронзительно смотрел ему в лицо. У Тома ускорился пульс.

- Там был ты. Еще ребенком. Еще был другой мальчик. Он и показал тебе шкатулку.

Вейнц умолчал о том, что произошло с тем мальчиком с его подачи.

- Но у меня ее больше нет! – выпалил Том.

- Это я уже тоже знаю. Знаю и то, что ты единственный, кто может ее найти. Ты ее слышишь. – перешел на шепот собеседник.

Том тяжело вздохнул и закрыл глаза. Он почувствовал враз сильнейшее утомление. Он уже давно ничего не ел. Не спал. Пребывание в этом странном мире словно забирало силы и навевало депрессивные мысли. Хотелось просто лечь и забыться.

Кабинка шаталась и еле двигалась, но все же подымала их вверх.

- Напряги память парень. Куда ты ее дел? Это очень важно.

- В тот день произошло несчастье. – с трудом начал Том. – Мой мозг все эти годы блокировал воспоминания, но недавно я нова окунулся в этот кошмар.

Том помолчал.

- За мной тогда гнались циркачи. Умирая, Снорре просил не отдавать им шкатулку. Мне чудом удалось спрятаться от пого-ни, и то мне помог один клоун...

- Добрый клоун в среде нечистот? Интересно. – заинтриговал-ся Вейнц.

- Да. Сперва я не был уверен, что он добрый. Относительная доброта. Я чуть не умер от страха. Он караулил меня, высле-дил и однажды поймал. Он зажал мне рот рукой и оттащил в глухой проем за домами к сараям, где сказал, что не хочет моей смерти и никому не сказал о моем адресе и шкатулке.

- И ты отдал ее ему? Поверил в ля-ля?

- Конечно! Я был напуган. Я был ребенком. Я хотел забыть все это. Мне не нужны были проблемы. Я не мог видеть клоунов без боли и истерики.

- И что было потом? Медикаменты? – зевнул Вейнц.

Том нахмурился. Он распинается, изливает душу, а в ответ безразличие и насмешка. Уважение к человеку в маске начало уходить. Вейнц рассмеялся, точно понял его переживания.

- Хотя ты лучше многих тех, с кем мне доводилось работать или пересекаться, но все равно ты подвержен перепадам на-строения и эмоционально нестабилен. Как же ты собираешься отправиться в город грез и победить врага, если ты в плачев-ном настрое? Море эмоций просто пожрет тебя.

Тому нечего было сказать. Он просто устал.

- Продолжай. – сказал Вейнц.

- Нет. Медикаменты мне не понадобились. Я сообщил где она, и толстый клоун погладил меня по голове. Приложил руку ко лбу и посоветовал отдохнуть.

- И ты отдохнул? – скривил под маской рот человек в плаще.

- Да! – почти закричал металлист. Его начинал уже раздра-жать этот человек. Если бы не пистолет...

- Много лет я ничего не помнил об том случае и только сейчас это всплыло так явно...

- Погоди-ка. – сказал человек с акцентом и порывся в полах плаща. Он вынул оттуда предмет похожий на ручку с подсвет-кой для чтения невидимых чернил. Он стер со лба Тома слой грима и посветил. Проступила печать.

- Невероятно! Тот клоун перемещался во времени! Он тоже знает о принципе синхронизации миров! – воскликнул Вейнц.

- Что это значит?

- Он не просто так прикладывал руку. Он хотел наложить или знал, что другой уже однажды поставил метку на тебя. А в тот раз он просто заморозил твою болезненную память до востребования.

Том бесформенно расплзся по сиденью. Как ни пытался он не мог вспомнить еще одну встречу с клоунами.

Старший инспектор положил ему в ладонь что-то. Это была конфета трюфель под названием «Великий клоун».

- Спасибо, но не нужно. Я почти не ем сладкое.

- Съешь. Ты голоден и эта конфета добавит сил для пребывания в другом мире. К тому же, конфета освежит твои воспоминания.

- Съем конфету и все вспомню? Серьезно? – усмехнулся Том и начал поглощать трюфель.

- Он приходит в детский сон. В странном мире он живет. Песню весело поем динь-дон, дин-дон... - напевает Вейнц, снимая маску. Тома как молния поразила. Где-то в памяти отозвались другие части песенки, звучащей в душную ночь по старенькой радиоле в эфире.

Перед ним улыбалось то самое намалеванное лицо. Ребенком, он видел его лишь миг полузакрытыми глазами.

- Ну, за встречу. – засмеялся Вейнц, закидывая другую конфету в рот. – Тот леденец удалил все твои страхи и воспоминания, а сейчас трюфель вернул. Весело?

Кабинка колеса обозрения достигла пика и остановилась.

- Возьми мою маску. Она спрячет тебя на какое-то время до встречи с фальшивым двойником, тем, кто удерживает Дору.

Том разом пробудился из мыслей о прошлом.

- К тому же в городе идет бесконечный дождь. Капли при падении отражают и забирают его энергию, если видят лицо. А грима теперь у тебя поубавилось. В ней ты не исчерпаешь силы зря. На месте поймешь все сам. Следуй за подсказками. Главное – найди шкатулку. Без нее не возвращайся.

Том понял, что этот товарищ знает намного больше, чем го-

ворит. Но он был под впечатлением от всплывших воспоминаний и не стал тянуть время и задавать вопросы. В конце концов прошлое это прошлое. Сейчас перед ним куда более важные задачи и дорогой человек на кону.

Над кабиной прямо в воздушном пространстве находилось пятно тенистой черной субстанции. Он взобрался на крышу и непонятная масса окружила его. Волосы металлиста поднялись из-под шутовского колпака. Темная масса подобно пылесосу стремилась затянуть его в себя. Из нее слышались голоса, исходили звуки. Том посмотрел вниз. Высота была немалой и его начало шатать.

- Не смотри вниз. Только вверх и вперед. Вот два направления успеха. – прокричал ему Вейнц. Том подпрыгнул и его ноги больше не ощутили крыши кабинки. Его начало поднимать в густую непроглядную темноту.

По ощущениям Тома затягивало вверх, но вскоре все будто застыло и он очутился в вакууме. Голоса, звуки, глухой гул усилился и стал ближе. Казалось, надо всего лишь открыть глаза и ты будешь в эпицентре всего этого сосредоточения. Том открывал и закрывал глаза, но тьма не исчезала. Он оставался в густой затянувшей его в себя мгле. Он даже не мог толком сказать, стоит ли он на чем-то прочно или же повис в пустоте. Самые разные голоса и звуки слышались отовсюду. Но в зависимости от того, под каким углом наклонить голову и ухо, какой-либо звук усиливался и выделялся из ауди бездны.

Поскольку ничего не происходило, Том начал делать соответствующие выводы.

"Вероятно, так всегда и происходит тут. Назад мне уже не вернуться, а чтоб идти вперед, я должен сделать выбор. Не просто же так меня заслал сюда тот странный опасный тип в маске".

Это напоминало ему детскую игру с завязанными глазами, где надо по звуку определить источник.

"Шум волн... визги... телепередача... кофемолка... поезд... звон монет... скрип... скрип... чего скрип?"

Он задумался.

"Каната? Деталей? Качели? Трения?"

Воображение перекинуло его с одной картинки на другую, но источник звука был иной. Вдруг, он словно оказался перед новогодней роскошной пушистой елкой. Все было как в детстве. Дерево было душистое, и подмигивало ему разноцветными гирляндами. Стоял небольшой морозец и дышалось.

На ветвях соблазнительно висели леденцы среди ярких блестящих шаров. Тому захотелось один. Он потянулся к висящему над его головой ближайшему леденцу в виде львиной головы с гривой на палочке. Он встал на цыпочки. Еще чуть-чуть...

В блестящем шаре рядом что-то двигалось. Том всмотрелся в поверхность. Вот он видит свое искаженное отражение лица в шапке, а позади к нему подходит размазанный клоун в шляпке с полями и в коротком пальтишке с несоразмерно короткими рукавами.

Том оглядывается, но никого нет рядом. Он снова смотрит в шар. Клоун смеется и сцепляет огромные пальцы рук на шее мальчика. Том опять оборачивается. Никого. В шаре мальчик уже дрыгает ногами и тщетно пытается оторвать руки клоуна от шеи.

У Тома начинает колотиться сердце, он часто дышит маленькими вдохами, потеет. Нервы его на пределе. Воздух из свежего морозного стал душным и неподвижным, точно искусственным.

- Нееет! - кричит он и приседает под елку, зажимая голову и уши варежками.

Открыв глаза вновь, он видит, что на улице ходят пупсы, игрушки и манекены. Они скрипят и моргают. Как только Том опознал источник звука видение исчезло. Он снова был в крошечной тьме.

"Бой часов. Мурлыканье. Швея за работой. Катушка удочки. Мотор..." - слушает он и меняет частоту, наклоня и сдвигая голову. Причем не только угол наклона менял звуки, но и высота. Встав на носки он слышал одно, а присел или согнулся - совсем другое.

Он уже порядком устал. Пустота тьмы не уходила, время то ли шло, то ли застыло. Не ясно. Он злился, что не понимает происходящего: должен ли он найти какой-то конкретный

звук и это откроет путь, или же ему надо оставаться на месте и просто ждать, пока что-нибудь произойдет без его вмешательства?

Слушать нескончаемый поток звуков было невыносимо. Том удрученно лег на спину.

- Я проиграл. Сдаюсь! Слышишь? Я не знаю кто ты, но хватит уже. Я не знаю что делать.

Какое-то время он просто лежал и слушал радио, потом поймал концерт.

- Ну и ну! Скажи я про такое кому угодно, упекут в лечебницу. Халявный слушатель... и платить не надо за посещение концерта. А может... я ослеп? И вокруг что-то есть? Этот мир лишил меня глаз? - размышлял он.

- А вдруг я здесь уже бесконечно долго? А бедная Дора там... хотел бы я знать, где оно это там. Простит ли?

Том уже перестал выделять какие бы то ни было звуки. Он проваливался в сон. Такое бывает, что шум и внешние раздражители, будь то песни или голоса или однообразный грохот, вызывают сонливость, глушат внимание и действуют в целом усыпляюще.

Тихая заводная мелодия становилась громче.

- Том! - позвал голос где-то во тьме.

- Том? - снова этот голос. - почему ты здесь лежишь?

Из темноты появилась яркая цветная фигура. Хотя света на нее не падало, но фигура была видна, как если бы темноты не существовало. Это был толстый циркач.

Томас привстал и непонимающе вперся взглядом в тучное тело.

- Помнишь меня? Ну ты и вырос! - засмеялся клоун, сотрясая двойным подбородком и щеками.

И хотя рот его хохотал, глаза же были бесконечно грустны.

- Ты...

- Билл. - напомнил артист.

- Это ведь ты тогда... ну...

- Что? - моргал клоун.

- Ну... преследовал меня и не выдал?

- Зачем бы я стал это делать? - корчил рожи клоун, кося под

дурачка.

Том сник. С ним играет этот мир или он сам бредит. Вейнц предупреждал его, что этот мир соткан из иллюзий и образов. Трудно отличить видимое от не существующего. Вероятно, в этом мире легко и умереть...

- Шкатулка еще у тебя? - спросил Том наконец.

Клоун повис на нем. В нос пахнул кислый запах прелого тела и как бывает пахнет от дряхлых стариков ветхостью.

- Так ты все вспомнил! Мальчик мой! Ты так переменился! Стал настоящим статным молодым мужчиной... - клоун погрузился еще больше. Тяжело вздохнул. - Сколько лет уже прошло?

- 18. - ответил Том, отстраняясь.

- Ого! А я думал эта бесконечность никогда не бывала такой короткой.

Клоун явно нервничал. Комкал одежду, даже прорвал дырку.

- Хотел бы я отсрочить этот день до никогда, но вижу не судьба.

- Так шкатулка у тебя? - повторил Том.

- У меня. - клоун гладил свое пузо и скалился. - Обещай мне, что уничтожишь ее?

- Скажи мне где она.

- Обещай! Она рядом. - клоун страдальчески смотрел на Тома.

- Где?

- Совсем рядом. - снова щупает себя. - Обещай мне мальчик мой.

- Я не знаю, должен ли говорить это сейчас, но... я здесь для того, чтобы вернуть шкатулку ее настоящему владельцу.

- Кому? - ужасается клоун и пятится. - Нет-нет! Ты должен быть властелином наших грешных душ. На другое я не согласен! - горячо спорил циркач.

- Билл, ну как ты не понимаешь... тот человек истинный хозяин шкатулки. Он имеет на нее полное право. Он хочет вернуть реликвию... - тут Том сам засомневался, а так ли это. Вейнц ничего не обещал ему и не раскрывал истинные намерения.

- Как он выглядит? - обиженно выпятил живот и губу клоун. Том описал как мог недавнего собеседника.

- Нет! Ни за что не отдам ему! Я не узнаю тебя! Ты продался

дьяволу! Предатель! – заголосил клоун, рыдая без слез и приходя в крайнюю истерику.

- Стой же Билл! О чем ты?

- Ты такой же убийца! Не подходи ко мне!

Клоун убегает во тьму. Снова заиграла и оборвалась мелодия шкатулки, удаляясь.

«Это точно она! Нельзя упустить его из виду. Он знает, где эта штукавина!»

Том побежал вслед за циркачем. Внезапно тьма рассеялась и показалась местность. Том стоял посреди покатога склона усеянного могилами. Со всех сторон была природа поздней осени в лесу. Снег на опавших листьях. Вечернее матовое солнце светило где-то за деревьями. Вдали сверкал пятками толстый, но шустрый клоун.

РУКА ПОМОЩИ 3

Знают зеркала в чем моя беда

Олав открыл отсек на Ихтиандре и вытащил ремень со всякими штуковинами. Некоторые привесил на руки и на пояс. Эмма засмеялась от души.

- Ты что, в Бонда решил поиграть?
- Все это может понадобится. Мы не знаем с чем предстоит столкнуться.

Надевает специальные очки с насадками.

- А теперь Сплинтер Селл вылитый.
- Не волнуйся сестра по оружию, и тебе кое-что есть.
- Да? – Эмма оживилась.
- Как напарнице самого крутого на свете агента спец назначения, тебе полагаются солнцезащитные окуляры.
- Вау. Круто. Наверно. Но я, правда, обойдусь.
- Да нет, ты не понимаешь. Они действительно нужны. И стильно смотрятся.

Эмма надела их и стоит в пуховике замотанная по нос. Медленно капля тянется из носа.

- Помогает избегать контакта глаз... - Олав дышит на околевавшие пальцы без перчаток.
- А больше мне ничего не полагается? – швыряет она.
- Зачем? Ведь все самое опасное я беру на себя. Опять.
- Я что-то не пойму. Ты специально ищешь повода для обид? Если вспомнить бывшее... - начинает злиться девушка и снимает очки нафиг.

Олав нахмурился.

- Ну вот, я иду на проверку.

Он нацепляет одну из насадок для обнаружения людей по тепловому излучению. Крадучись, он перебегает от дерева к дереву. Эмма тоскливо наблюдает за его движениями.

- Не наигрался мальчик. – ворчит она в полголоса.

Настроение у нее испортилось. Она огляделась. Вокруг снег. Замороженные деревья. Хрустящие следы позади. Ей захотелось просто уйти домой. Она разочаровалась в напарнике.

- Хвастливый, чванливый, слепой к ближнему. Как же повезло Доре с Томом. Между ними нет такого бреда. – пинает ледяную шишку она. – Хотя между нами ничего нет. Даже дружбы. Просто недоразумение, сведшее нас снова. Так что и не стоит расстраиваться. Просто хочет покрасоваться и ждет одобрения. Я о нем ничего и не знаю. Возможно, ему не повезло с родителями или с девушками...

Она по прямой направилась к цирку, и Олав был обескуражен, когда увидел это.

- Ты чего?! Совсем мозг отшибло? А если тебя заметят и выйдут на диалог с требованиями? – зашипел он в своих насадках.

- А ты сними свои окуляры и повернись налево. Мозг отшибло не у меня.

Олав гневно срывает множественные диоптрии на резинке с головы и видит рядом с собой человека в белом костюме.

- Добрый день. – грустно вздыхает человек.

Олав потрясен и лишен дара речи. Потом собирается с силами.

- Как??? Почему мой прибор не работает? Почему не показывает теплоту тела? Как я мог так оплошать и не заметить вас?

- Наверно потому, что я не теплый. – улыбается человек. – В том плане, как принято у людей. – поправился он.

- А вы кто?

Олав снова надевает прибор и видит свои руки и Эмму. Смотрит на человека в костюме.

- Бывший. А ныне промежуточная форма ближе к мертвому. Может быть вы помните уважаемый такую идиому: «пациент скорее мертв, нежели жив»?

- Невероятно... мне потребуется некоторое время, чтобы исследовать этого... бывшего. – проясняет изобретатель.

Эмма закатила глаза и скривила рот.

- Я бы с радостью предоставил вам такую возможность, но сейчас не очень подходящее для того время. Давайте отойдем подальше от палаток, дабы нас никто не заметил.

Когда троица отошла обратно в лес, циркач отвесил поклон.

- Пьеро к вашим услугам.

- Очень приятно. Я Эмма, а это Олав. – представилась девуш-

ка.

- Эмма... кажется где-то я слышал это имя. Возможно на памяtnике. А вы мне привезли туалетной бумаги?

Немое переглядывание.

- Нет? Что ж, это прискорбно. Впереди ждет еще один плохой сезон. – вздохнул Пьеро.

- Если бы мы знали заранее... - начала Эмма.

- Ну а по телефону же я просил ее! Думал, может пришет кого, захватят рулончик для несчастного артиста. – горячо говорил он.

- Вы сейчас о ком? Мы ни с кем не связывались.

- Да, мы здесь по своей воле. – вставил Олав с улыбкой.

Он так ее нацепил, что Эмма подумала, что он без конкурса пройдет в кандидаты цирковой труппы.

- Сам дурак! – выдал Пьеро и поплелся назад, опустив голову и руки. Длинные рукава костюма волочились по земле.

- Постойте Пьеро! А кроме бумаги... есть хоть что-то, чем мы могли бы вам помочь? – крикнула ему вслед Эмма.

- Зачем ты это делаешь? С ним все ясно. Он нас заложит. Придется ждать темноты или убрать его с пути. – шепчет Олав и держит за рукав пуховика, не пуская к циркачу.

- Убрать? Убрать!? Ты уже совсем поехал? Он не враг нам! Мы здесь совсем по другому делу. Из-за Доры и ее парня! Забыл? Не надо было с тобой связываться, так и знала.

Пьеро остановился и задумался бурча под нос.

- Дора... как давно это было? Век назад?

- Ах даже так? Без меня ты бы никогда не нашла зацепку и это место. – завелся дан.

- А вы и в магазин вместе ходите? – вдруг подле них возник Пьеро.

- Что? – хором спросили они.

- В продуктовые только женатики ходят. – потирал руки артист. – Милые днем бранятся, ночью тешатся и мирятся. – хихикал он играя бровями.

- Мы не женаты! – снова в один голос закричали спорящие с пунцовыми лицами.

- Как же я соскучился по всем этим глупостям и страстным

спорам. – восторженно сложил руки под подбородком Пьеро.

– Ссоры это тоже искусство! Война!

- А мы не ссоримся. Просто недоразумение. – отвернулся в сторону Олав.

- Да. Все нормально. Я уже привыкла что этот чванливый и самовлюбленный человек имеет весьма сварливый нрав. – съязвила Эмма выставя язык в спину знакомого.

- Это я то самовлюбленный?

- Разумеется.

- И в чем?

- Постоянно рекламируешь себя и свои навыки, похваляешься умом. Совершенно не задумываешься о том, каково человеку рядом с тобой после подобной ванны с говном.

- Не вижу ничего плохого в этом раз я прав и знаю что делаю.

- Вот и я о том же. Это жалко и гнусно выглядит. Одно дело, когда хвалят тебя, и совсем другое, когда сам себя.

- Так что поделатъ, если никто меня не хвалит и не понимает? Даже ты!

Наступила пауза. Спорящие стоят напротив друг друга.

- Что же это: вина? Страх уязвимости? Комплексы? – заглядывал в лицо Олава циркач.

- Хватит лезть мне в душу! Я не в исповедальне. – Олав бросил в снег свои очки с насадками. Он был красный. Двинулся к своему изобретению.

Пьеро почесал затылок.

- Ой-ой нехорошо, парень сейчас покинет даму. Ого! А что это такое? – благоговейно воздев руки в гору заголосил артист подбегая к Ихтиандру.

- Только вот не надо цирк разыгрывать. – недоверчиво фыркнул Олав.

- Нет, правда! Никогда не видал ничего подобного! Что это? Как оно работает и для чего? Что делает? – задавал он вопросы.

Олав на глазах расцвел и стал отвечать.

Пьеро трогал транспорт, жал кнопки и дергал рычажки, примерял разные приبلуды и вел себя как ребенок. Эмма стояла в сторонке, облокотившись на березу. Казалось, она выкину-

та из мира адекватных людей. Было неприятно после ссоры. Знакомый игнорировал ее.

- Ох! Если бы моя душа была сейчас со мной, я бы был счастлив. Как бы я хотел показать все это моей подруге! – высказал пожелание циркач.

- А она не выдаст нас? Приведи ее. – разрешил Олав и мельком взглянул на Эмму. Та смотрела на стоящие вдалеке палатки цирка.

- Ах! Никак! Она отправилась в зеркало. – погрустнел Пьеро.

- В зеркало? – подключилась к беседе Эмма. – Уж не в такое ли?

Она достала завернутый тряпкой сверток.

- Нет. В большое. Им еще пользуется хозяин и его служка Матильда. – перешел на шепот артист.

- Ты сказал Матильда? – насупилась девушка.

- Да. А вы... знакомы? Не уверен, что Доре бы понравилось, что я встречался с друзьями ее врага. Я пожалуй пойду. Вы и я вас не видели. – заторопился мелкими шажками циркач.

- Дора?

- Вы и ее знаете?

- Ради нее мы здесь, чтобы спасти и вернуть ее парня. Она отправилась за своим возлюбленным и пропала тоже. Зацепка привела к цирк... надо что-то делать... - заломила руки Эмма.

- Да, сведения сходятся. – сник Пьеро. – Даже с этим (хлопает Ихтиандра) у вас немного шансов. Я думаю, если бы у нас было то самое зачатое зеркало, выпустившее цирк наружу... и план...

- Зеркало есть. Из озера возле моего семейного дома. – почти гордо сказала Эмма.

- Ну-ка посмотрим. – Пьеро берет его в руки, но там чужое лицо в краске. Он вскрикивает и роняет его. К счастью, снег поймал стекло, и оно не разбилось.

- Испугал? – задал вопрос в зеркале мужчина в гриме со спичкой в зубах.

- Ах мсье! Еще как! Вы теперь тоже клоун? Луиз и вас завербовал?

- Где все грешники?

- Хозяин в бешенстве. Том разбил ему огромный сосуд энергии. Он приказал всем выйти и насобирать энергохилы и во внешнем мире и в мире грез.

Олав тычет пальцем в зеркало.

- Эмма, а ты хитра. Провела меня как щенка. Я лез в воду, рисковал жизнью, летел сюда... чтобы посмотреть прямую связь на планшете, заделанном под зеркало? Не могла просто сказать, что потеряла любимый прибор? Не ожидал от тебя такого. – высказался Олав.

Рихард Вейнц решил вмешаться. Ему не понравился тон Олава.

- А я не ожидал, что на свете еще водятся такие узкие черепа. – сказал он и вынул руку из зеркала в перчатке. Потрогал потрясенного датчанина. Тот рухнул на колени.

- Маэстро! Прощу! Научите меня! Теперь я знаю, что ничего не знаю. Это же воплощение телепортации!!! Сближение горизонтов! Как?!?

- Лучше тебе не знать парень. Но кое-чему я тебя научу. И даже более того, у меня к тебе есть просьба и задание.

- Сделаю все! – ударил по груди дан, словно посвященный в рыцари.

- Я только что встречался с Томасом. – спичка перекаатилась на другую сторону рта.

- Так он жив? – облегченно выдохнула Эмма.

- Живее не бывает. Но тот мир уже начал поглощать его. Так как обе его сущности одновременно там. Я не могу ступить в тот город дождя и мрака, где вам обоим уже доводилось побывать. Я не знаю в каком состоянии Дора и возможно ли ей помочь.

- Если Том сейчас с ней, он непременно справится. – сказала Эмма.

- Я так не думаю. У него будут другие проблемы. Он на моем задании. – улыбнулся Вейнц.

Пьеро многозначительно закивал.

- Парень, ты должен перехватить Тома и передать ему вот это. Только так он сможет вернуться к нам.

- Часы и карманное зеркальце? – удивился Олав.

- Да. Сейчас я объясню принцип работы. Синхронизация миров (нашего и того) через часы проста. Одни иметь при себе, другие должны стоять перед зеркалом в другом мире. То есть в вашем. Те, что при себе подвести зеркально к тем в реале и поднести к поверхности. Я их настроил на особую частоту. Луиз не в курсе ваших перемещений.

Датчанин светился и еще чуть-чуть и выросли бы крылья за спиной, насколько он воодушевился важностью своей роли в миссии.

- Ну вот. Как обычно все самое крутое достается парням. – ударила по дереву Эмма и на нее упал шматок снега.

- Не в этот раз. Львиная доля придется на тебя. Найти и вывести Дору. Парень, как только встретишь Тома бегом за своей девушкой. Врагов будет поистине много и в одиночку не справиться. Скооперируйтесь уже наконец ради общей цели.

РУКА ПОМОЩИ 4

Сон - отражение твоей истинной сущности

Эмма шла в капюшоне и темных очках. На поясе у нее болталась сумка с вещами первой необходимости. Там же болтался канат с крюком, на манер лассо. Она все же решила прислушаться к совету Олава. Очки пусть и выглядели как солнцезащитные, но на деле помогали ей видеть в темноте, и в то же время скрывали глаза. А незнакомец из зеркала настоял на некоторых вещах, без которых не согласился ее отправить в зеркальный сон.

Девушка испытывала противоречивые чувства. Ей хотелось посмотреть город, в котором она не была уже долгое время. И без путеводителя и исторической справки она замечала перемены во всем. Менялся облик город, менялись его обитатели. Второе особенно удивляло. Помнится, после казни градоправителя фракция Искателей была в меньшинстве. Многие из них были на грани из-за надетых на их шеи Терзателями ошейников. Это лишало их моральных сил воспротивиться происходящему, хотя Искатели отличались большей прозорливостью в поисках правды, нежели простые Мечтатели – жители города грез.

Раньше обыватели и гости города развлекались, упивались образами и мечтами, к чему-то стремились. Теперь же, дома были оставлены, местами вырваны с фундаментом или же просто заколочены. Те, где горел свет не желали впускать никого и панически быстро гас огонек в окнах и щелях домов. Наступала полнейшая тишина и мрак. Редкие люди на улицах были угрюмые, перемещались короткими стремительными перебежками. На серых иссушенных лицах оставили отпечатки недовольство и страх. Да, правильнее будет сказать, что страх здесь являлся основной движущей силой. Люди боялись каждого шороха и готовы были впиться в глотку первому встречному, подозревая его в мировом кризисе, терроризме и все-ленских бедах.

Эмма сняла очки из вежливости и обратилась к одной де-

вушке и с трудом узнала в ней прежнюю Искательницу, с которой уже встречалась когда-то.

- Надо же кого я вижу! Явилась все же. – сплунула в сторону девка.

- Привет. – единственное что нашлось ответить Эмме. Ее поразила сила неприязни к себе.

У Искательницы был изможденный вид. Темные глубокие круги под черными глазами, драная одежда и дырявый зонт. Должно быть, она испытывала не лучшие времена.

- Только умоляю, не надо строить из себя простушку. Не делай такое невинное личико, будто ты тут ни при чем. – продолжала девка.

- Я правда не знаю что происходит. Если я в чем-то виновна, то я сожалею. Расскажи, пожалуйста. – попросила Эмма, пытаясь пойти на мировую.

- Окей. Твой тролль разломал большую часть города. Убил множество народа. Проглотил еще больше прекрасных мечт. Твои Терзатели драгоценные укатили себе, оставив подыхать и драться собранную толпу. Ошейники еще сделали свое дело. А ты просто все это натворила и улизнала.

- Мне очень жаль...

- Еще бы! После того кошмара люди спятили и боятся лишний раз вдохнуть и высунуть нос из дома. Никто еще так и не смог набраться сил, чтобы выйти к Морю Эмоций и вообразить нечто более страшное и сильное, чем твой тролль, чтобы оно уничтожило его.

При мысли о том, что тот самый тролль спокойно может прогуливаться по городу у Эммы зашевелились волосы на голове и ее потянуло к земле. Она посмотрела в сторону моря вдаль, надеясь, что ее фантазии и страхи туда не доходят.

Искательница ехидно усмехалась.

- Соскучилась по своим затонувшим кораблям? А по троллю? – подначивала она.

- Послушай, мы тогда так и не познакомились. Меня зовут...

- Ой, не начинай! Тебя все знают. Нашлись даже те, кто считает тебя героиней и поклоняется. Свой монумент увидишь в центре набережной. Если, разумеется, не боишься. – про-

шептала последнюю фразу девка и шмыгнула в невзрачную дверь. Сразу же послышался шум. Она забаррикадировалась. - Монумент? Мой? – удивилась Эмма и надела снова очки на глаза.

Ее опечалило такое отношение. Ей здесь не рады, а главное, она не успела ничего разузнать о местонахождении Доры. Не было уверенности в том, что кто-то соизволит ей помочь, а то и не станет ли хуже от ее расспросов. Надо попытаться найти подругу самостоятельно.

Она разглядывала дома и прикидывала, где же ее Дора может находиться. Городские дома значительно сократились в численности. Руин и завалов было не так много, видимо все же жители пытались расчистить улицы. Между домами зияли проемы, часть стен была обвалена и виднелась изнанка квартир с мебелью. Кто-то опасливо набирал ванну на всеобщем обозрении. На грудах камней рыскали бывшие адвокаты вампиры. С изменениями в городе их услуги стали не нужны. Сейчас они вполне проявили свою сущность и не стеснялись забираться по вертикали, заглядывать в окна, залазить в любые щели, дабы полакомиться чьей-то кровью. Благо страх они чуяли за версту.

«Так вот почему здесь все стараются заколотить» - подумала девушка.

Стало любопытно и она проследила за крадущимся высоченным и плоским вампиром, который тенью подобрался к отчаянному человеку уже севшему в ванну. Исход был ясен и Эмма отвернулась.

Она шла, не приближаясь к краю набережной. При одном ее взгляде на воду, волны восшумели и пришлось поспешить. Едва она достигла внушительной статуи и начала разглядывать себя каменную, как раздался рог. Эмма зажала уши. Такой силы она еще не встречала. Вибрация выбивала стекла, сотрясалась набережная и булыжники приходили в движение. Дома тряслись как от холода. К величайшему ужасу, девушка обнаружила еще один побочный эффект рога. Ее относил к воде. Мурашки ледяных рук были запущены по спине. Она боялась думать и представлять, что там может ждать ее по-

зади, если она повернется. Ноги подкидывало как в автобусе на ухабах в бедных странах. Эмма сделала рывок вперед и ухватилась за собственную статую. За свою же могучую руку. Каменный двойник напрягла бицепс и подняв прицепившуюся гостью, повернулась спиной к морю. Сила рога поистине была устрашающей. Мебель, перекладыны, машины, окна... все несло к воде и там же исчезало в неведомой по глубине пучине.

Звук рога уже давно прекратился, а вибрация еще действовала и было бы неразумным продолжать путь. У Эммы возникло нехорошее предчувствие, что звук рога тут не редкость. Скорее всего его выпускают с некой периодичностью. Когда у нее появлялись предчувствия, особенно относительно этого мира, она знала, что она права. Таким образом, следовало поспешить добраться до другой, более безопасной точки, подальше от моря.

Она бросилась бегом и вскоре закончился темный город жилых домов и не функционирующих конторок. Вдалеке за полем с тропинкой показался непроглядный лес. Левее от тропинки завод, откуда исходил грохот. Чуть правее от тропы располагалось здание похожее на дворец.

«Надо проводить нынешнего правителя кем бы он ни был. А вдруг, он окажется адекватным?»

На дворце были огоньки, флажки, стяги со злобными смеющимися гримасами. Большой ров окружал дворец от нежелательных посетителей, но сейчас мост был опущен.

Обходить дворец интересно, но Эмма волновалась о времени. Она быстренько начала оббегать ближайшие комнаты, стараясь не шуметь. Она подозревала, что если Дора здесь, то уж наверняка не спит на пуховой перине, а скорее всего держится в заточении в башне или в подземелье. Но где вход в них, она не могла найти. Да и было рискованно соваться. В дворце было пусто.

Наконец ее заинтересовал один из залов. В дворцовой библиотеке были все известные книги, кем-то вспомненные или измененные в финале на свой лад. Бесчисленные полки под

потолок и даже на потолке вопреки законам физики покоились книги. Были также совершенно не известные и не похожие на реально существующие книги, из чего Эмма поняла, что это книги мечты жителей города грез. Едва ли большинство из них когда-либо будет опубликовано по-настоящему. Навряд ли о них даже вспомнят люди, придумавшие их. Все так и останется в бессознательном порыве мечты. Люди ведь известно ленивые существа. Помечтали, отпустили и забыли. Были здесь и конфискованные тайные дневники и пометки Искателей. Об этом гласил стенд исследований ополченцев. Эмма взяла одну из тетрадей. Открыла наугад и прочла. «Город снов забирает силу. Помогите себе сами. Такой вид из окна. Народ сгнил.»

Она улыбнулась правдивости строк. В другом блокноте было что-то поконкретнее. Описывались способы уничтожения кукол и циркачей.

«Ритуал. Закапывать игрушку.

Ритуал. Самоубийство кукол.»

«Интересно к чему это? Неужели цирк проник и сюда, в сны?» - подумала она и стала листать дальше.

«Смех на все голоса. Нет ничего более страшного, нежели смех.

Смеющиеся люди у кривых зеркал дурнели на глазах, а их взгляд становился старым даже на молодых телах. Зеркало съедает подходящего и выплевывает стариков, которые падают застывшими куклами.»

Эмма ужаснулась прочитанному. Так значит... она не просто в городе снов, здесь есть конкретная власть, есть конкретное засилье врагов и... цель. Этот блокнот показался ей более толстым, полезным и четко написанным, поэтому она открыла его с самого начала.

«Потерянный в тених! Не забывай, ты всего лишь еще одна тень как и мы. Мы пытались познать глубину снов, их структуру и основание. Удалось приблизиться лишь на чуточку.

Никто правит балом, ни как его уничтожить и свергнуть мы не узнали. Если ты тоже ищешь правду, если ты способен читать во сне и видишь отчетливо буквы, это значит лишь одно – город начал поглощать тебя. Не пугайся. Перво-наперво нужно

проверить степень поглощения. Первая стадия – потемнение глаз. Происходит в силу того, что вы становитесь новичком и гостем города. Вы свеженький огурчик и источник сил. Наверняка, вы вспомните наличие зонта. Желтого. Теперь поясню. Желтый зонт – символ энергии солнца. Зонт значит рабство. В городе, где идет нескончаемый вечный дождь происходит мощное скачивание энергии. Как? Все очень просто. Летящая капля воды работает как зеркало. Она отражает, искажает и переворачивает то, что видит. Хотите вы или не хотите того, даже шагая под зонтом у вас забирают энергию. Капли скапываются и падают, выхватывая ваш лик и силуэт. Спасения нет.

Вторая стадия. Оупение эмоционального фона. Если вы попытаетесь говорить или внушать истины кому-то, звать его прочь... вас ждет сопротивление и ненависть. Вслед за ними вы медленно но верно резвитесь, погружаетесь и увлекаетесь тем, что создаете. Вам не особо нужно общение, но при желании люди восхваляют вас и хлопают. У вас начинает тускнеть кожа и тело. Цвет от серого к черному. Необычное потемнение нестираемой субстанции.

Последняя стадия. Истерика. Мощный выброс оставшихся эмоций и сил (энергия именуется здесь энергохилами и она то и есть суть охоты на вас). У жителей пропадают лица и глаза вовсе отсутствуют. Вместо глаз пустота. Они становились безликими. Лишенные какой-либо индивидуальности и черт. Лишь краски клоунских гримас делали им лицо...

Единственный выход, чтоб не потерять разум (а город сей зовется не иначе как Петля Разума), это писать обо всем и постоянно думать-думать, описывать чувства и запоминать. А еще учиться управлять эмоциями. Самое сложное это управлять Морем Эмоций. Оно как зеркало видит насквозь все ваши подсознательные страхи и моментом давит на вас, провоцируя страх и выпуская мысли, а значит и воплощает их наяву.»

Читать можно было очень долго. Мелкий почерк не собирался иссякать и занятие порядком начало утомлять и без того напряженную Эмму. Знать о враге нужно, но вот засиживаться на одном месте ни к чему. Появилось снова предчув-

ствие, что нужно переместиться куда-то. Двери библиотеки были открыты, потому движение за их пределами тотчас же было услышано. Эмма сунула за пояс блокнот и присела за большое кресло читального помещения. В проеме остановился крупный пупс и повернул голову. Зажужжал моторчик и пупс начал говорить. Членораздельно по слогам.

- Вам нель-зя здесь на-ходить-ся. Это ре-зиден-ция прави-теля.

Эмма выглянула из-за спинки кресла.

- Ох, я наверно заблудилась...

Ей было странно разговаривать с пупсом. Кукла моргала и рот ее то отпадал, то поднимался. Голос звучал кукольный противный, как заведенная пластинка.

- Что вы ищите?

- Я ищу девушку...

«Черт, как объяснить этой штуковине что мне надо?»

- Для какой цели?

Эмма натянула улыбку.

- Я слышала, правителю нравятся девушки.

Пупс поморгал и снова начал говорить.

- Вы хоти-те стать бале-риной?

«Опять эти чертовы балерины! О чем он? Их в самом деле по-трошат?»

- Да. Именно. Это так красиво. Но я не знаю куда мне пойти и заблудилась.

- Ком-ната по-троше-ния ба-лерин. Учеб-ный комби-нат. Вас про-во-дят.

В провожатые вызвалась кукла с искусственными дыбом торчащими волосами. Такая же мерзкая. Она шагала маленькими шагами и если Эмма останавливалась, чтобы пропустить вперед оглядывалась и звала за собой. Так они дошли от дворца через тропинку на левую сторону и показался завод. Эмма уже поняла куда они идут и без куклы. Из заводского цеха раздавались чудовищные женские крики. Предсмертные. Кровь стыла в жилах.

Маленькое чудовище остановилось для сложной речи.

- По-дож-дите тут. Я опо-вещу...

Кукле было не суждено договорить. Эмма навалилась на нее всем весом и оторвала сперва рот, потом голову, руки и ноги. Затем палочкой вырвала кукле глаза и все это придавила кирпичами под стенами завода.

«Один из ритуалов свершен» - подумала она и осмотрелась. Крики и стоны продолжали литься из цеха. Эмма далеко не с первого раза смогла забросить крюк, чтобы взобраться по стене в распахнутое на высоте оконце и узнать, что же на самом деле там происходит. Зрелище заставило ее скорчиться.

«Рай для садистов!» - выразилась бы она, разглядывая окровавленный пол, столы полные всевозможных инструментов для вскрытия и потрошения. На каталке лежало тело с вживленным и торчащим из кожи и мяса каркасом на шарнирах.

«Божечки! Неужели Дора..?!»

У Эммы сперло дыхание. Она чуть не закричала, насколько ей стало противно и страшно. Но в этот миг внизу появился большой человек. Очень большой. На нем была кепка, из-под оной свисали разноцветные пряди волос. Он и орудовал инструментами. Словно почуяв что-то, он поднял разукрашенное клоунское лицо вверх и начал хохотать во всю глотку. У Эммы отнялись ноги. Она тотчас же спустилась на не гнущихся руках. Ей было жаль оставлять крюк, но сдернуть его не удалось. Что ж, шкура дороже вещей и она отбежала в лес. Села под первую же ель и очень была благодарна самой себе за это, потому что, к ее канату уже подбежал тот самый поистине громадный клоун и стал рыскать вдоль заводской стены. Эмме было непередаваемо страшно, но она помнила, что нужно нацепить темные очки на лицо и закрыться как можно больше в капюшон. Тогда все будет хорошо. Она так и сделала. И в самом деле. Клоун порыскал, порычал, громко втягивая воздух носом, но в итоге обозленный ушел обратно за угол. Видимо там вход. Сердце немного успокоилось. Проникать в завод у Эммы не было моральных сил. Встреча с тем детиной не сулила добра. Пока она раздумывала, ситуация сама разрешилась. Из дворца вдруг выехало что-то. При приближении это оказалось квадратной формы. Эмма напрягала зрение. «Вот бы приблизить!» - прошептала она и тут же универсаль-

ные очки выделили рамкой движущийся предмет и приблизили картинку. Это тащили клетку с человеком внутри. Сопровождающими людьми были такие же разрисованные клоуны с припадками.

- Уже прошли последнюю стадию... - прошептала Эмма. – Но кто же в клетке?

Очки выделили голову пленника и еще увеличили и осветлили изображение. Эмма вздрогнула. В клетке ехала Дора, одетая в белое платье балерины.

- Твою мать! – выругалась она и стала усиленно соображать что же делать. Не найдя другого варианта, кроме как спросить совета, она достала карманное зеркальце и провела по нему рукой. Зеркальце озарилось и вот она уже видит Олава.

- Ну как, проверила все бывшие места в городе? – улыбался тот.

- Олав!!! У меня проблемы.

- Что такое?

- Ты нужен мне!

- Да что стряслось-то? – спросил он, а в душе порадовался ее словам.

- Дора! Ее везут в клетке на завод. Тут... потрошат девушек...

- всхлипнула Эмма.

- Понял. Щас буду. Эх а я виделся с Томасом только что. Хотел отправиться за ним в местный цирк... - вздыхал датчанин упущенной возможности.

- Олав!!!

- Не волнуйся и не высовывайся. Я мигом.

- Олав! – снова панически впиалась пальцами в зеркальце Эмма.

- Да что еще?

- Там... маньяки клоуны... Мне... страшно.

- Охотно верю. – сказал он и связь оборвалась.

Большой спортивный зал, оборудован зеркалами во всю стену и полон надсмотрщиков клоунов и несколькими балеринами. Они задирают ноги, ходят на носочках и выполняют прыжки.

- Ты будешь рыдать кровавыми слезами. Это я тебе обещаю. – говорит Матильда и ударяет кнутом по Доре. Та стискивает

зубы но не кричит. Лишь две струи текут по щекам.

- Долго еще будешь упрячиться? А ну пляши! Твой ненаглядный уже давно слился с остальными и стал таким же рядовым клоуном.

- Нет. – тихо, но твердо ответила Дора.

- Наивная. Ты уже чернеешь. Вот-вот твой разум сдастся и перестанет сопротивляться и ты растворишься в городе грез. Он заберет без остатка тебя. Тогда, даже, если вы встретитесь, он ничего уже не сможет сделать.

- Не будет как ты говоришь.

- Нет? Ну тогда я лично прослежу за тем, чтобы он подох на манеже. А вы продолжайте занятия танцами. Ей нужно уяснить движения, иначе кто будет радовать правителя и хозяина? Кстати, приглашу-ка я его на сегодняшнее выступление.

– хихикает ярко-морковной помадой Матильда и уходит.

- А ну пошла! – стегнул кнутом во всю силу полоумный клоун и разразился смехом.

- Не буду.

- Не будет она. А хочешь я тебя щас на трепанацию отдам? Станешь куклой. Знаешь, каково это быть говорящей куклой? Неспособность выражать эмоции сущее наказание.

- Как же так можно жить?

- Да вот как-то живем. И нам нет дела до тех, кто еще способен что-то чувствовать. Понимаешь? Трепанация... во время нее выходит вся сущность человека... сладенькая... отрезают все прелести... - причмокивает клоун, облизывая пальцы.

У Доры ужас в глазах. Она верит, что они это могут сделать.

- Да, прелесть... Но сперва... я позабавлюсь с тобой. У меня так давно уже не было женщины... - подходит и лезет под юбку рукой обдолбанный урод. Она съеживается.

- И хотя я ничего не почувствую как раньше, но хотя бы рядка будет. Проверю, не состарился ли. Или поплясать хочешь?

У Доры отчаяние и отвращение перемешались и она кивает. Она соглашается разучивать все эти движения и растягивать ноги для танца.

Может быть Эмма бы дождалась изобретателя возле завода, если бы не увидела, как оттуда выходит Матильда.

- Да хозяин. Сегодня намечилось грандиозное событие. Джокер уже обрадовал меня вестями, что Том будет. А Дора уже

готовится к танцу в вашу честь. У меня все под контролем. – щebetала гламурная и измененная до неузнаваемости зна-комая.

На ней была роскошная одежда с меховой оборкой, изящная фигура изгибалась в спине и ярко выступала грудь и задница. Вопросов накопилось много.

Эмма на какое-то время застыла в шоке. Если бы не голос, она бы ни за что не признала в ней старую одноклассницу. Вдруг Матильда остановилась и бросилась на какой-то едва различимый писк. Она стала рыть руками кирпичи и нашла переломанную куклу.

- Ах! Кто же это так с тобой милочка? – воскликнула она злобно щелкая зубами и кривя рот в оскале. – Как жестоко! Снова Искатели! Будь они прокляты!

Бросив куклу обратно наземь, она направлялась к лежавшему у дороги камню и щелкнула пальцем. Камень превратился в настоящую карету.

«Точно! Это же мир снов. Но когда она успела научиться управлять им?» - удивилась Эмма и быстренько поспешила к карете. Сзади нашелся выступ, на который можно сесть, так как карета тронулась.

Матильда ехала со всеми удобствами и шарилась в зеркальце как в мобильном крутом телефоне. Также касаясь пальцами. Она явно искала каких-то людей и приходила в ярость оттого, что никак не может их найти от любых отражающих предметов во внешнем мире.

- Да будь они! – орала она скрежеща зубами.

- Не меня случайно ищешь? – вдруг возникла нога а затем и сама Эмма. Она умудрилась забраться на крышу а с нее с размаху, взявшись руками за верхний выступ залететь внутрь.

Матильда явно не ожидала такого и испуганно забилась на полу кареты.

- Помогите! – вопила она, пока не разглядела Эмму.

- Ну что сучка, здорова? – Эмма схватила ее за шевелюру и в ее руках остались накладные волосы.

- Шившая ферма! Да у тебя ничего своего нет!

В этот момент карета заворачивала и ее качнуло. Матильда

пришла в себя и на ее лице появилась злая усмешка.

- Ну конечно, я же не ты. Не всех трахают гении из Дании. – и бросилась с визгами и когтями на Эмму, незаметно вынув из грудей нож.

- Конечно не всех! Тебе точно не грозит. Всегда была уродом и останешься им. Гены не лечатся.

Девушки вцепились врукопашную и барахтались в скачущей карете. Матильда уже потеряла недавний гламурный вид и снова стала толстой и обычной. Корсет на ней трещал и дойки в синих венах вываливались наружу. Ей удалось порезать Эмме руку, хотя метила она в лицо.

- Что ты задумала сделать с Дорой? – прижала ее к полу Эмма, когда наконец удалось выбить нож и он вылетел в окно.

- Не твое дело. Сдохни уже! Надоела!

- Ну уж нет. Так не пойдет.

- Не старайся, сейчас ты умрешь.

Матильда злобно сверкнула глазами и карета въехала в стеклянное помещение с надписью KiddieLand. Карету еще раз качнуло и Эмме не удалось удержать соперницу. Та вырвалась и выбежала вон из кареты. Смеясь и оглядываясь, она кинулась в зеркальный лабиринт. Эмма за ней. Лишь позже, потеряв из виду Матильду она поняла что совершила ошибку. Тут были простые зеркала, кривые зеркала. Между ними расставлены манекены. Назад пути она не могла найти, зеркала пугали и играли с ней. Со всех сторон слышался смех. В зеркалах манекены поворачивали свои пустые тела и головы к ней, делали шаг. Когда смотришь на них напрямую вроде бы нет... Эмма испытала страх имитации живых существ. Манекены были точно живые или застывшие мертвые люди. Из Эммы тянулся обильный дымок страха. Она понимала, что не должна бояться, но ничего не могла с собой поделать. Зеркала накалялись и стали светить ярче, впитывая эмоции.

Отражаясь со всех сторон возникла Матильда на этот раз с мечом в руках. Без труда она полоснула Эмму по ноге, так что та просела наземь. Кровь полилась по полу.

Смех разных людей разных голосов и возрастов раздавался из самих зеркал. Казалось, все эти невидимые люди радуются

произошедшему.

«Само зло смеется надо мной, над моими терзаниями. Неужели конец?» - думает Эмма.

Зеркальце связи было разбито, полезные очки тоже. Она ощутила себя безоружной. Бежать было некуда. Сопротивляться не имело смысла.

«Что я могу сделать? Что бы сделала Дора в моей ситуации? А Олав?»

- Приятное ощущение, не так ли? Беспомощная Эмма... как давно я мечтала свести с тобой счеты. – приближалась Матильда. – Как же ты мне уже осточертела! И Дора твоя. Отправляйтесь обе в ад. Я лично отведу вас туда. Умри же с честью северян! – заорала она и замахнулась мечом. Ее черные глаза бьют зеркала взглядом. Тысячи острых кусочков осыпались вокруг со звоном.

Но в эту секунду все застыло. Матильда изумленно подняла глаза. Она не могла понять, почему она не может опустить меч. Ее черные зрачки застыли и расширились до предела. Эмма подняла голову и удивилась не меньше. Двумя пальцами маленький меч держала громадная волосатая рука.

Смрадное дыхание и басистый голос недовольно прозвучал с высоты:

- Дорога для тролль. А ты малыш не тролль.

То, что произошло дальше... Эмма об этом не мечтала и не хотела бы даже врагу. Тролль сдавил Матильду руками. В прямом смысле расплющил. Из той вырвался булькающий крик, затопляемый в собственной крови. Кишки, органы и треск костей. Эмма пронзительно завизжала и сжалась на полу, зажав уши и зажмурив глаза. Все зеркала, которые были еще не добиты, мигот треснули и распались.

СЕАНС

Будь осторожен.

Не ты один не спишь этой ночью.

Прошло всего несколько мгновений, а холод уже пробрался под шутовской костюм и не желал отпускать прибывшего из своих стуженых объятий.

Волей-неволей приходилось двигаться. Томас шагал по серой и бурой листве, толстым слоем покрывавшей кладбищенские владения.

Могильные плиты утопали в ней где наполовину, а где лишь самая макушка торчала. Как Том ни силился просто миновать заброшенные жилища, все равно глаза непроизвольно цеплялись и останавливались на датах и именах.

«Почил в радости, чем и нас всех обрадовал».

«Несмотря на ремесло отличался суровым нравом и хандрой».

«Положил жизнь для искусства» и все в таком духе. Далеко не сразу, прочитав все остальные плиты Тома осенила догадка. Все могилы принадлежали цирковым артистам. Довольный своим открытием он двинулся дальше по занесенной, но выделенной стволами деревьев тропе вверх по склону. Кладбище было совсем покатым. То ниспадало, то дыбилось холмами. Но покинуть его можно было только, если пересечь самый большой холм. Пару раз одетый шутом просто скатывался на шуршащей листве обратно к свежерытой могильной яме. Третья попытка подъема почти удалась, но торчащий сук на вершине предательски обломился, и Томас съехал на спине к той же могиле. Он рассмеялся своим тщетным попыткам и неуклюжести и вздохнул. Внимание уперлось на имя усопшего, выгравированное на плите.

- Самот Неднул. – прочитал он вслух, лежа на природном хрустящем покрывале. – Что за нелепое имя?

«Все же я так устал... сейчас бы вкусно поесть чего-нибудь горячего... помыться... прижать Дору...» - думал он.

Вставать совсем не хотелось. Листва убаюкивала и вроде даже холод исчез.

Глаза упорно возвращались к могильной плите.

- Как скоро тебя привезут на это заброшенное кладбище? Запихают в небрежно сколоченный гроб, кинут пядь земли... зароют твоё холодное бледное тело... никому ты не будешь нужен. Редко кто о тебе будет вспоминать или посещать твоё гниющее мясо с костями. – размышлял Том.

Лениво зевая, глаза прочли имя усопшего в обратном направлении и Тому стало не до шуток.

- Томас Лунден?! Здесь указано что я... умер?

Сон как рукой сняло. Металлист вскочил и начал разгребать листья, чтобы прочесть даты и аннотацию жизненного пути. «Шут его знает. Умер во время шоу» - значилось на камне.

- Так вот значит, каков мой конец... сдохну как настоящий шут.

В голых деревьях восшумел ветер и Том понял, что пора уходить отсюда. Не время грустить или задумываться о будущем. Раз он здесь, то должен любой ценой добыть шкатулку и найти Дору. Остальное уже не важно. От судьбы не уйдешь. Единственный вопрос, который его интересовал, это кто написал такие слова на его могиле. Дора бы точно такое не сморозила

о нем. Или после того раза... она его возненавидела? Нет. Не так. Тут заметно, что писавший не был хорошо с ним знаком и написал просто факт смерти на шоу. Том встал и прислонил руку к плите.

- Подожди еще немного. Кто-то подсуетился уже подготовить мне место, но я не тороплюсь. Успеется.

В яме стоял велосипед. То, что его там не было еще минуту назад Том готов был поклясться. Но это открытие его ничуть не расстроило. Если за возвышением будет прямая дорога, то всяко быстрее можно добраться куда-то. Только Том достал его и сел сверху, как велосипед рванул с места и начал огибать возвышенность. Все что оставалось это покрепче вцепиться в руль и поверить, что они едут куда следует. И в самом деле, велосипед вез своего единственного пассажира уверенно и резко. Они даже поднялись на последний холм, откуда взору представился потрясающий вид. Лучи солнца распространялись на кладбище, но тонули в черном тумане над лесом впереди. Там дорога была песчаная и не занесенная, что обнадеживало.

«Доре бы понравилось» - подумал Том и снова вздохнул.

Что его там ждало за туманом и лесом? Найдет ли он Дору? Шкатулку? Тяжесть с новой силой навалила на него. Велосипед начал съезжать с возвышенности и ускорялся. Том пригнулся к рулю. Очень скоро они врезались в туман. Том зажмурился и затаил дыхание на эту секунду. Всем телом он прямо ощутил сущность тумана. Теперь он даже возрадовался, что не нужно крутить педали и прилагать усилий. Туман был еще одной тяжестью. Мешал нормально дышать, давил на плечи, вгонял в депрессию. Появлялись различные тяжелые безнадёжные мысли, словно нашептанные извне. Том просто крепко держался за велосипед и старался не акцентировать внимания ни на чем. Мимо проносился лес, где-то за деревьями мелькнуло темное побережье.

Чем дальше от кладбища, тем темнее становилось. Металлист оглянулся. Позади где-то светило солнце и была сухая осень впереди же мелькнула молния и небо из грозного становилось просто черным и начинало капать. Том опустил на

лицо маску.

Это твой город. Твои правила.

Первое впечатление от прибытия было запоминающимся. Город был неприветлив и мрачен. Тускло мигали фонари вдоль дорог. Город словно ждет своей смерти. Непрекращающийся дождь с неба уже промочил костюм шута насквозь. Было липко и мерзко. На горизонте виднелись дома разной высоты и конструкций.

Лес остался позади. Велосипед остановился перед заводскими стенами и больше никуда не рвался. Стал смиренным и обычным.

«Наверно выполнил свою миссию...»

Навстречу выбежал какой-то мужчина, видимо местный. Не успел Том решить что делать, как тот свалился перед ним и стал корчиться.

«Неужели эпилепсия?»

Но человек все больше и больше бился в конвульсиях, судороги сковали его руки и ноги и выгнули их. Пена пошла ртом с кровью, глаза выпучивались и краснели, темнели и мутнели. - Помогите!.. – прошипел человек и схватил сильной хваткой ногу Тому.

Потом раздался крик и стало тихо. Подозрительно тихо.

- Эй! Вы как? – поинтересовался Том и присел над лежащим. Вместо ответа человек медленно перевернулся с живота на спину. У него было пустое мертвенное лицо, которое за считанные секунды посерело, а потом стало темным с матовым блеском. Открылись пустые глазницы.

- До чего же хорошо... - начал тихим голосом человек и рассмеялся. Смех его усиливался и казалось, его охватила истерика.

- Что-то не похоже. Ну ладно, я пойду. – отошел от него металлист.

Тут же из завода выбежал еще человек с разрисованным лицом и подбежал к лежащему. Он вынул баночки с краской и стал мазать поверх безликости улыбку и яркость щек, обводил глаза и выделял нос.

Томаса передернуло.

«Мода что ли у всех на клоунаду?»

- Скорее! Шоу начинается! – бодро сообщил художник и сделал жест рукой. Очнувшийся поспешил за ним, в свою очередь, приглашая рукой Тома.

«Успеется» - буркнул про себя металлист и вдруг вспомнил о надписи на могиле. Про шоу.

Делать нечего, придется туда заглянуть, если это судьба. Хотя кто-то утверждает, что судьбу можно поменять.

Томас стоял на дороге, которая по одну сторону вела в завод. Почему-то оттуда веяло каким-то злом и никто нормальный туда не поспешит. По другую сторону был дворец. Над аркой входных ворот красовались большие часы. Секундная и минутная стрелки катились в разные стороны. Том решил сперва наведаться во дворец. С кем черт не шутит, вдруг Дора закрыта в темнице или хотя бы найдется тот самый урод, которого следовало бы отдубасить. Хотя на самом деле, Томом двигало чувство голода. Он понимал, что без еды он долго не протянет. Мокрота, и недавний туман высасывали из него и без того упавшие силы. Нужно было срочно подкрепиться. К превеликому удивлению и радости, дворец оказался пустым. Несколько двигающихся кукол и пупсов не обращали на него внимания. В тронном зале вовсе сидела какая-то марионетка с нитями. Она равнодушно без лица и зада и переда повернулась к вошедшему и уступила место. Том усмехнулся. Почему бы и нет?

Он поднял маску с лица, сел на трон, закинул одну ногу на борт и блаженно погрузился в мягкую спинку и сидишку. В тот же миг немногочисленные куклы пришли в движение. Они подбежали к нему и пали на колени.

- Го-суда-рь! При-казы-вай. – проговорил один из пупсов.

Том устало и с трудом открыл слипавшиеся веки. Почему-то он не удивился тому, что его приняли за короля. Он утомился настолько, что было по барабану до всего.

- А где все? – спросил он, хотя и не знал, о ком спрашивает. Но наверно он имел ввиду гвардейцев и нормальных слуг.

- Все уш-ли на пред-ставле-ние. – по слогам ответил пупс.

- А точно... нет ли у тебя любезный... чего-нибудь поесть? – задал еще один вопрос Том, хотя и не надеялся на положительный результат.

- Милорд желает кушать! – провозгласил пупс и куклы поспешили в другой зал.

Скоро ему принесли на большом подносе светящийся сосуд.
- Что это? – спросил Том, немало разочаровавшись. Он ожидал королевской запеченной дичи, или хотя бы овсянки, но никак не непонятного пойла.

- Энергия. – заученно прозвучал голос пупса.

«Могу ли я как те клоуны поглощать чужую энергию? Гуманно ли это по отношению к людям? И что станет со мной, если я это сделаю».

Вдруг прямо над троном раздался грустный голос.

- Тело это видимая часть души. Поглощая душу он лишит тебя и тела.

Том встал и посмотрел наверх. Там была оленья голова как бывает в богатых домах и в домах охотников.

- Ты разговариваешь?

- Без энергии вы умрете. Вы не из этого мира, потому ваш костюм намок.

Том оглянулся на кукол, опасаясь нападения, но те все еще считали его своим правителем.

- Ты много знаешь... - ответил Том.

Голова у него была тяжелая как при температуре, тело шаталось на ногах и начинало сводить суставы.

- Я заболел?

- Нет. Как я уже сказал, этот город убьет вас, если вы не будете частью его.

- А что будет, если я выпью это зелье?

Олень уперся рогами в стену, откинул голову.

- Вы обретете силу и сможете управлять городом без вреда для себя. До тех пор, пока энергия не истощится и тогда город начнет поглощать вас в два раза сильнее прежнего.

- Выходит, я обречен и у меня совсем мало времени... ну что ж, выбора нет. Если это пойло даст мне сил, я смогу сделать то, для чего я здесь. Я возьму его с собой. – сказал он и взял

сосуд.

Куклы поспешили дать сумку через плечо для сосуда.

Том остановился возле обклеенной стены афиш. На плакатах всюду на каждом доме наклеено фото Эммы и какого-то парня. Они в розыске. Обещана большая награда за любую информацию о них. Том пошел дальше.

«Причем тут Эмма? Неужели она что-то натворила? Нет, это бред. Она не могла быть тут. Это просто игра с моим подсознанием».

Закрытые конторки, поломанные дома. Никаких магазинов или забегаловок с едой. Денег у него, правда, нет совсем. В середине площади возвышалась подвижная статуя девушки. Кто-то поклонялся ей и преподнес горшок с цветком, однако при приближении незнакомца в маске бросился наутек. Том подошел почитать в честь кого. Но в этом отпала необходимость. Каменная девушка повернулась к нему и улыбнулась. Потом помахала рукой.

Том отметил, что она здесь стоит не просто так. Каменная Эмма протянула ему руку. Том хотел было протянуть свою в ответ для приветствия, но статуя отрицательно покачала головой и указала на велосипед.

- Ты хочешь велосипед?

Статуя кивнула. Том поднял ей его и статуя крепко взяла его. В следующий миг послышался оглушительный рев и вой и не пойми что такое, если никогда прежде не слышал. С трудом удалось опознать в нем рог. Звук становился все пронзительнее и сильнее. Набережная пришла в движение, и вдруг огромные волны цунами накатались на город. Том побежал к домам, и уже забежал в переулок, но волны словно руки уронили его и потащили обратно. Рядом с Томом проносились обломки домов, мебель, кричащие люди с разукрашенными физиономиями... Он посмотрел туда, куда его тянуло водой. Черное море с множеством всяких ужасов, отчего люди вокруг падали в обморок и сходили с ума.

«Наверно это и есть Море Эмоций».

Где-то вдали в гуще бушующих вод стояла телефонная будка.

Так невозмутимо и спокойно, что Том все понял. Все эти уроды и все что показывало море было иллюзией и фантазиями этих людей. Он бы еще много о чем наверно подумал, если бы каменная статуя не взяла его на руки. Волна отступила, потом была еще и еще, но Том уже не боялся их. Когда море перестало шуметь, статуя выпустила его. Том спрыгнул на мокрую мостовую, и без того вечно мокрую и скользкую и поблагодарил Эмму. Она снова улыбнулась и вернула ему велосипед.

«Как чудно! Она подумала обо мне. Я бы не смог сам спастись и уж тем более спасти велосипед».

Снова прозвучал рог и совсем недавно еще пустые улицы темного дождливого города, разом заполонило толпами шумных разрисованных людей. Они плясали, хохотали, дурачились и веселились, будто никого сейчас не унесло в небытие море.

Грохотала дурацкая цирковая музыка, приглашающая всех в палатку. Давненько не было такого массового созыва.

Том был поражен и потому очень хорошо, что его лицо закрывала маска.

Велосипед он вел в руках. Негоже бросать верного товарища. Но все же стоило заглянуть на завод.

Том вернулся на велосипеде по тропе к лесу. Что-то звало его к месту, где уродливо возвышались кирпичные стены. Он зашел в распахнутые двери завода. Цепи, котлы, механизмы, печи... раздался крик. Том прижался к стене и вовремя. Мимо выбежал окровавленный клоун в переднике. Стоны и крики продолжались, но уже тише. Клоун не возвращался и Том приблизился к коридору откуда были голоса. Пройдя оный, он застыл в оцепенении. Это был цех с балеринами. Точнее с тем, что становилось с женщинами и девушками разных лет и наружностей. Кроме как живодежней, увиденное нельзя было назвать. Были безликие девушки как тот упавший житель, и видимо их мало заботила боль. Но были те, кто рыдал и стонал, когда в ноги или в груди появлялись шестеренки и заводной моторчик. Повсюду свежая и запекающаяся кровь, грязные и ржавые инструменты пыток... Тут их было достаточно много и у Тома екнуло сердце. А что если...

Узнать истину было не суждено. В дверях откуда Том пришел появилась крупная фигура. Это был тот самый большой клоун, с которым уже пришлось столкнуться в загороженном забором вагончике. Тогда с превеликим трудом Том одолел его и то на короткое время. Бежать было некуда. Единственная дверь была за спиной этого верзилы, а малюсенькие оконца высоко на стенах.

- Жизнь у тебя какая-то долгая. Все еще живой? – мерзко ухмыльнулся детина.

- То же могу сказать и о тебе. – сглотнул металлист, сожалея, что при нем не оказалось ничего. Придется воспользоваться орудиями убийства, окропленными невинной кровью многих дев.

- В этот раз я не дам тебе победы так легко. – хрипел клоун. – Да и тогда тебе просто повезло.

Том промолчал, но вынужден был согласиться. Клоун взял скальпель, какие-то ножнички, пилу...

Справа от тома лежала на операционном столе истерзанная девица. В животе ее торчал крючок для ковыряния в органах. «Шут его знает. Умер от руки клоуна» - пронеслось в голове. Как вариант для кончины.

Как-то бесславно получается вот так умереть. Конечно, окончить свои дни на глазах у тысяч восторженных зрителей это удел гладиаторов, но все же как-то почетнее. Томас, превозмогая омерзение и приступы тошноты вырывает из тела девушки крючковатый инструмент.

Удар верзилы был ожидаем. Он планировал оглушить жертву и нападал сверху, с высоты своего роста.

Том вовремя упал на пол и прокатился по клейкой вонючей крови под столом.

- Думаешь, меня это остановит? – взревел взбешенный клоун и схватил тело со стола и бросил на другой стол с такой же несчастной, но еще живой женщиной. Половина лица у нее уже стала пластиковой с искусственным глазом, но другая половина еще была человеческой. И она плакала.

- В другой жизни можно встретить других людей. – громко дышал клоун. – Так почему же раз за разом мы с тобой пере-

секаемся?

Том юлил за столами, стараясь пробраться к двери. Но клоун был не дурак и просто подбежал и закрыл ее, повесив амбарный замок.

- Не так быстро. Сперва я полакомлюсь твоими органами, рассмотрю их хорошенько... - пускал слюну и смеялся одновременно циркач.

После того как столы были опрокинуты, тела будущих балерин свалены в один угол, и прятаться стало не за что, Том ощутил слабость. У него начинало темнеть в глазах и сил не было совсем. И тут он вспомнил о предмете, висящем за спиной. Он достал сосуд и сделал пару глотков.

- Отдай мне! – взревел детина, заведя цветастую переливающуюся энергию в руках у врага.

У Тома внутрь распространялась приятная прохлада. У него сразу начало подниматься настроение, даже мерещилось, что он слышит детские голоса и приятные чувства окутали его.

Время точно остановилось для него и он не смог оторваться от кувшина пока не осушил его до дна.

Когда же он понял что эмоциональное питание закончилось, клоун стоял замахиваясь на него пилой в живот. Время и вправду остановилось. Том отошел в сторону и клоун ударился о стену со всего размаху.

- Не оставил... - ревел детина, ползая над брошенным кувшином на коленях. – Ну ты и скотина! – заорал он и снова решился напасть.

Том почему-то подумал о катающемся операционном столе и о больших мясных подвешенных крюках с потолка и удивительным образом стол выкатился и с силой сшиб верзилу с ног. Клоун пытался встать со стола, но в это время крюки вытянулись и с размаху пронзили его в нескольких местах. Детина беспомощно моргал и брызгал кровью изо рта. Из дыр у него струились литры крови как от зарезанного барана.

- К-к-кто ты такой? – прохрипел клоун. Глаза его залились красными прожилками и вот-вот брызнут красные слезы.

- Кто я такой? Понравилось? – спросил Том, ощущая в себе невиданную силу и возможности.

- Ты... неужели... - клоун не договорил. Он обмяк и из него выделилась небольшая дымка. В дверях послышался звук шка-тулки. Том обернулся. Там стоял толстый Билл.

- Ты... мальчик мой... ты стал чудовищем... - огорченно произнес клоун.

- Билл! Скажи мне где шкатулка. Еще все можно остановить и изменить. – закричал Том.

- Нет, теперь уже поздно.

И толстяк, как и в тот раз побежал прочь, а Том за ним. Возле статуи Эммы стоял какой-то человек в темных очках. Том бы не обратил на него внимания, если бы не плакат. Человек держал написанное имя «Томас».

При приближении, парень приподнял темные очки и Том в свою очередь приподнял маску.

- Это ты парень Доры? – с вызовом и акцентом произнес парень, обвешанный всякими штуковинами как в фильмах про супер шпионов. Он с недоверием рассматривал Тома в костюме шута и это бесило.

- А ты тот, кого разыскивают. На плакатах видел. Как ты меня нашел и зачем? – отдышался Том, глядя в след убегающему толстяку.

- Меня послали сюда для подмоги. Я Олав. Эмма тоже где-то здесь ищет Дору.

- И Эмма здесь? Вы знакомы? Уходите отсюда. Этот город...

- Да знаем мы. Мы тут уже бывали прежде. Тут и познакомились. – улыбнулся Олав. – А ты я вижу не мокнешь? Ого и глаза потемнели. И костюмчик подходящий нарыл. – поддел его датчанин.

- Не нужна мне подмога. – огрызнулся Том и мысленно представил как бы он схватил этого парня и хорошенько бы потряс, чтоб он в лице переменялся. И мысль стала реальной. Откуда-то взялись руки и схватили Олава за плечи и начали трясти так, что тот перепугался.

- Эй! Перестань! Прикажи им... я всего лишь изобретатель. Я не враг тебе. - закричал он.

Том сам напугался этим могучим рукам и тотчас Олава отпустило.

- Что это было? – спросил он возмущенно вправляя плечо.
 - Я и сам не знаю. Выпил энергии и вот...
 - Ничего себе. Я бы тоже хотел. Глоточек остался?
 - Нет. Ищи Эмму и уходите отсюда.
 - погоди. Ты же еще не знаешь, для чего я здесь. Послушай.
- И Олав рассказал ему про зеркальце и синхронизацию времени.
- Я понял. – Том взял зеркальце и часы. Положил их в ту сумку из дворца где был раньше кувшин. – Что находится в той стороне куда убежал жирдяй? – спросил он Олава. Тот аж просил от важности. Он то знает где тут что.
 - Там площадь и летучий цирк на канатах. Я даже составил карту... - начал было он доставая полотно с чертежом.
 - Не надо. Я преследую того циркача из-за шкатулки для одного человека. Помоги Эмме и уходите. Если найдете Дору то выбирайтесь с ней. И...

Олав смотрел на Тома и понял что тому нелегко сейчас. Обычно такое говорят, когда прощаются перед тяжелым боем и идут на верную смерть.

- Не исключено, что мы больше не увидимся. Я могу не выбраться отсюда. К тому же город начал меня поглощать. Поэтому сделайте что можете и уходите. Прошу тебя. Не подвергай их опасности. И... спасибо тебе. Жаль мы не познакомились раньше.

Том похлопал изобретателя по плечу и пошел, оставив печальный велосипед у статуи.

«Крутой. Повезло Доре. Но он наивен. Я не могу так просто оставить его одного. У меня тоже есть кое-какие планы на этот город. Да и надо показать, что я тоже чего-то стою. Удивлю Эмму» - подумал Олав и достал зеркальце для связи.

Поговорив с Эммой, он собрался было кинуться ей на помощь, но что-то звало его совсем в другую сторону. Редущая толпа людей направлялась к цирку. Там намечалось что-то великое. Решив, что Эмме пока ничего не угрожает и она может просто спрятаться и подождать, Олав пошел за толпой. Там, на стульчике в неудобном месте сидел старик. Идущие обходили его, натыкались и задевали, на что дед нервничал и ругался.

Олав подошел к старцу. Тот держал в руках духовую трубу и все время заглядывал в горлышко.

- Быть может, застряло что-то в ней или поломалась? – спросил Олав деда.

- Вот еще! Труба по-твоему для каких целей?

- Дуть. Музыку исполнять.

- Идиот! Какую музыку? Чтоб смотреть на звезды. – буркнул дед и отвернулся в другую сторону.

В этот момент у Олава засветилось зеркальце. Неужели снова Эмма? Но это был Вейнц.

- Ну как дела? – спросил он расплываясь в холодной улыбке. Изобретатель кратко описал события.

- Хорошо. Все идет по плану. А теперь возвращайся в реальный мир.

- Нет! Я не могу. Эмма же в беде!

- Не беспокойся за нее. Она уже вот-вот разберется со своей соперницей.

- С соперницей? О чем вы?

- Не задавай глупых вопросов. Ты нужен мне тут. От тебя будет больше проку.

Олав обреченно вздохнул и второй раз опробовал принцип работы часов. Зеркало впускает его и он уже смотрит на толпу шествующую в цирк с обратной стороны.

- Так зачем я вам нужен?

- Мне Эмма сообщила, что Луиз собирается заглянуть на огонек. – затушил сигарету Рихард и выпустил дым сквозь зубы.

- Я планировал разобраться с ним! – заявил Олав.

- Позволь гению заняться гением. – говорит Вейнц.

- Вы правда о себе такого мнения? И это нормально?

- Нет. Конечно я не гений. Да и Луиз тоже. Он уже допустил немало ошибок. Осталось лишь заманить его в ловушку и мышеловка над мышкой захлопнется. – издал руками громкий хлопок инспектор.

- Прости сынок, но на этом твоя миссия кончается. Он тебе не по зубам. Сила разума ничто без силы тела. Единственная твоя задача сейчас как изобретателя - разрезать это большое зеркало собранное Луизом в цирке на 4 части расставить по

периметру. А я проберись в сам цирк. В центр положи то зеркало из озера. Все это рассчитай по градусам, чтобы отражались коридоры зеркал.

- А как же вы? - расстроился Олав. – Ведь если...

- Правильно. Я рассчитываю на тебя парень. Я достану Луиза и пригоню его сюда.

Вейнц забрал у Олава зеркальце и часы и шагнул в зеркало, которое тут же стало самым обычным и уже не отражало город дождя.

Датчанин резал стекла алмазом и думал о новом знакомом. Кто его знает? Может, он лично будет мучить злодея, а может, изводить всего лишь своим отражением, продолжая жить в нормальном мире. Или еще какой вариант. Такое самопожертвование или уловка доступны лишь... гениям?

ЛЕЧЕНИЕ

Часть 1

То, что ты видишь - не вся правда

Цирк освещался со всех сторон разноцветными огнями, но найти прожекторы я не смог. Площадь была подсвечена как шахматная доска, будто бы не сверху, а камни выбрали себе цвета сами. Палатки нигде не было видно. Это точно цирковая площадь?

Раздалась громкая позитивная музыка. Столпившиеся люди вдруг начали плясать за руки, кувыркаться, перепрыгивать через напарника, кататься и делать разные броски. Они прыгали по квадратам площади парами совершенно синхронно. Все улыбались. Создавалось впечатление, что представление намечается стоящее и все рады. Еще не зашли в цирк, а уже дурдом. Или здесь уличный цирк? Мне казалось, я видел палатку издали ранее...

Но вот танцующие разошлись клином, и я не сразу понял, что они делали. Площадь как живая начала загибаться подобно скатерти. Края ее загибались и полукругом отрезали путь куда-либо еще кроме периметра самой площади. Танцующие построились в «свинью» - боевой порядок, принятый у многих стран на вооружении пехоты и конницы в старое время. Отмечалось даже не наметанным глазом, что эта свинья не простая, с бивнями, усиленная с флангов двумя сотнями циркачей. Что будет, если толпа вдруг кинется на меня? Хватит ли моих способностей? Мне уже начало казаться, что становится жарко и липко. Неужели костюм начал промокать и сила зелья слабеет?

Все это происходило так, что я был как один единственный зритель супротив строя, не боящегося гравитации и стоящего спокойно, несмотря на наклон и изгиб площади на ее уголках. Свинья, посредством манипуляций перебежчиков, превратилась в голову клоуна с улыбкой. Площадь раскрутилась обратно и с грохотом под пальбу пушек с конфетти, серпантинном и

конфетами со всех сторон хлынули высокие волны. Они окутали всех, но не унесли в море.

Под трубный зов из недр площади ударили ярчайшие лучи куда-то в черное небо, откуда нескончаемо лился дождь. Я бы рад не смотреть туда, но оттуда опускалась цирковая палатка и не долетев до площади повисла в воздухе. Акробаты сбросились на четырех канатах сверху, выделявая трюки, они скручивались канатами и хватались за конечности друг друга. Толпа внизу пришла в восторг и стала воздевать руки как божествам и монотонно как мантра гудеть. Глаза их при этом закатывались или просто светились пустым светом, в зависимости от стадии порабощения городом. Толпа начала хлопать и топать чуть присев опять же одинаково все как один. Я на их фоне явно выделялся. Из этих верноподданных фанатов полились тонкие дымки энергии. Энергия была темной и едва заметной. Видимо, остатки их сущности опорожнялись для пустоты и рабства. Акробаты тем временем уже прицепляли канаты к специально подготовленным для того сваям.

Под фанфары и переливчатый свет из отогнутой полы цирка вылетел человек на... Я прищурился. Кажется это карта джокера. Он выделявал пируэты и в ловкости ничуть не уступал любому из циркачей. Но вот он завис в воздухе и театрально развел руки. Начал петь.

Я велик! Я прекрасен!
Я могуч. Я отважен
Вечен я и доволен судьбой.

Я на троне сияю
Миром грез управляю
Силен я к вам явиться во снах.

Вы дрожите от страха
Точно сон хуже краха.
Но, увьи! Избавления нет.

Вы в глаза мне взгляните

И свой рот улыбните
Ведь теперь тоже вы циркачи.

Сладость власти вкуси.
Умирать не спеши.
Лучше сил у глупца заberi.

На арене ты бог!
Всё как хочешь пойдет
Лишь бы длился отпущенный рок.

По ходу накала и оркестра, звучавшего вероятно из цирка, с глухими утробными ударами, певец летал вокруг парящего шатра, нагибался к собравшимся на площади, трогал их и давал пять. Сюда подтягивались еще и еще жители и гости города...

Признаю. Он умел завораживать и затронуть омертвевшие сердца. Даже я заметил за собой покачивание ноги в такт и под его проникновенный вокал хотелось тоже подпевать, но слов я не знал. Он на носочке вытягивался, свешивался с карты как с ковра-самолета, побалтывая ногами, прыгал в никуда, а карта даже полностью исчезнувшая вдруг появлялась под его загнутыми башмачками как по волшебству. Мне хотелось рассмотреть поближе этого удальца, и одновременно у меня было смутное опасение. Я обрадовался, что на моем лице была маска, иначе бы все вышло не так. Заводила завис немного в стороне на высоте вытянутых рук и я сумел увидеть его лицо при повороте головы. Увидел и обомлел. Это был я, только с короткими волосами. На нем почти не было грима лишь нанесенные тени, как я делаю порой на концерты любимых исполнителей. В противном случае, я бы его не разглядел.

Акробаты, спустившиеся на канатах, теперь были канатоходцами. Они без труда начали шагать по натянутым вверх толстым веревкам к палатке.

- Сегодня только для вас! – закричал мой двойник.

Голос кстати был совсем не мой, а незнакомый. Не такой, как ты слышишь при записи и прослушивании. Свой голос

всегда кажется смешным и нелепым, а тут он был чужой. Разве двойник не должен быть моей копией во всем?

- Величайшее представление ждет голодного зрителя. Сгустки энергии в подарок! – продолжал он и щелкнул пальцами.

Тут же из пространства возникли десятки и сотни карт колоды, которые при падении с высоты становились такими же крупными как у лидера. Клоуны радостно запрыгивали на них. Разномастные карты подсвечивались и несли их в воздушный цирк. Совсем скоро я остался один на площади. Для меня не досталось карты. Даже немощный старик с трубой, радуясь как дитя сумел управлять своей картой и взмыл ввысь. Я посмотрел наверх. Запускал всех мой двойник. Он посмотрел на меня с недостижимой высоты и небрежно кинул мне вниз свою карту. У меня на долю секунды екнуло сердце. Почувствовал ли он что-то ко мне? Сжалился ли просто? Или же... узнал кто скрывается под маской? Тогда ему известна и цель моего появления здесь.

Затем, он резко захлопнул полу цирка и оттуда полилась музыка. Видимо вот-вот начнется зрелище.

Карта опустилась прямо к ногам. Я потрогал ее башмаком. Она чуть-чуть загорелась и сразу потухла. Тогда я запрыгнул на нее как все до меня, карта зажглась какой-то пентаграммой поверх смеющегося джокера, но так и осталась лежать на земле. Летать она не собиралась и я решительно не понимал как заставить ее сдвинуться с места.

- Никак? – раздался голос за спиной.

Я обернулся. Это был Вейнц. С его шляпы стекали ручьи воды и он закутывался в свой плащ как мог.

- Не одолжишь? – спросил он, снимая свою маску с моего лица.

Сразу стало невероятно легко.

- Странно да? Вот и я тоже не могу без нее. Это мое лицо. Я без нее голый и никакой грим не заменит мне ее. Она моя сила.

Вейнц улыбался. Он забрал карту из-под моих ног и продемонстрировал полет вокруг меня.

- Как вы это делаете? – воскликнул я.

Я ощутил себя лишним и беспомощным в этом мире. Как они все это делают? Почему могут не задумываясь, а я нет?

- Тебе надо отрешиться от реала. Это тебя выдает. Здесь – мир грез. Полет фантазий безграничен. Перестань бояться и воспринимать все как там и ты тоже сможешь.

- Вы же не хотели сюда приходить... говорили нельзя вам в этот мир...

- Так и есть. Но ты ведь учуял шкатулку на пути к площади?

- Да...

- Ну, бывай. Если что мы не знакомы. – он взмыл к палатке и оттуда как и мой двойник скинул мне карту, надевая маску и входя в цирк. Уже второй раз она легла к моим ногам.

«Думай же! Думай! Как запустить карту? Я тут, а мне надо туда...» - я глянул вверх, и карта вдруг рванула. Да так сильно, то я выгнулся назад мостиком, размахивая руками и ища опоры. Карта дернулась вверх и сбросила меня с некоторой высоты. Я тер ударенный локоть и копчик.

«Ничего себе! Так значит...»

Карта повисла между мной и цирком на полпути.

- Иди сюда. Ко мне. – скомандовал я, но карта не шелохнулась.

В эту секунду я познал всю злость, накопившуюся во мне. Всплыли зависть, ревность, ненависть и все прочее. Чем я хуже? Нет, надо успокоиться. Я сделал вдох и выдох. Посмотрел на карту и себе под ноги.

Ничего не произошло. Да и было бы странно так управлять. Клоуны даже не смотрели вверх, а полетели куда надо. Карты сами делали за них всю работу и прокладывали путь. Тут что-то другое...

Я смотрел на мокрую площадь светящуюся квадратами и заново проматывал в голове карту и ее рывок, вспомнил пережитое ощущение. Я даже вздрогнул, когда джокерная карта появилась передо мной в третий раз. Тихо и резко. Я оглянулся. Никого нет. Я сел на нее на корточки и ухватился руками за края карты. Быть может, так я не навернусь.

В мыслях пронеслась картинка отодвинутой полы палатки, и тотчас же карта дернулась, и за миг я очутился возле воображаемой картинки. Аж дыхание перехватило. Я шагнул на летающий порог огромной палатки. Он не обвалился. Или я просто не подумал об этом. Уверен, если представляю свои ноги

прошедшие сквозь порог, так оно и будет.

Так вот значит, что за принцип управления в этом мире. Воображение! Надо просто подумать о том, чего тебе надо или хочется, и оно сбывается.

Я подумал о Доре. Чтоб она появилась здесь и сейчас и мы бы покинули сие недоброе место. Внизу под цирком зашкрипели колеса. Клоуны тащили большую клетку с темной фигурой в белоснежном платье балерины.

Где-то глубоко внутри отозвался сон про оборванную пачку балерины на ветвях дерева и снова послышалась шкатулка. На сей раз наяву и совсем близко. Я обернулся в черноту прохода цирка и звук смолк. Послышались быстрые удаляющиеся шаги. Билл!

Хотелось побежать за ним, но заинтересовало зрелище внизу. Клетку как в кино про инопланетян затягивал луч света. Прямо в дно палатки. Но ждать было некогда. Я здесь ради шкатулки. С остальным поможет Вейнц. Мне хотелось так думать.

- Что случилось? – раздался рядом голос этого самого Вейнца из-за завесы. Он видимо спрятался у входа и не пошел на представление. Хотя чего он там не видал?

- Я слышал шкатулку. Билл как-то связан с ней. Каждый раз при его появлении я слышу ее. – ответил я.

- Понятно. Я разберусь. – сказал Вейнц вроде бы тривиальным голосом, но мне показалось, что он выдворял меня. Словно не хотел, чтобы я был здесь у входа и проходил в цирк таким образом как обычный посетитель. Значит ли это, что мне следует пробраться туда иным путем? Инспектор исчез в темноте палатки.

Я снова сел на карту и опустилсЯ пониже уровня цирка. Безликую девушку в клетке уже поглощало дно, тут же закрываясь без швов и каких бы там ни было изменений внешнего вида. Тогда я поднялся к верхушке цирка, к флажку и встал рядом с ним. Крыша палатки была местами заштопана. Я просто отогнул ветхую заплатку и проник внутрь, откуда была видна арена, зрители и все трапеции и канаты для представлений. Потолок был не освещен, потому я оставался незаме-

ченным в тени, обдумывая что делать дальше, и заодно выискивая глазами знакомого детектива среди зевак.

Цирк в огнях. Все горожане как под гипнозом скопились в огромной палатке, которая, как казалось, лишь увеличивается изнутри. Том остается на железной лестнице, закрытой большим круглым зеркалом, чтоб зрителям не было видно конструкции и переходов циркачей.

Зал забит внимательными глазами, жаждущими зрелищ. Кто-то достал плакаты, свистки, рупоры и зажигательные факелы. Болтовню и гул толпы разом заставили замолчать тихие спокойные звуки мелодии. Том тоже замер и стал прислушиваться. Все встали и положив руку на сердце смолкли пока играла музыка. Выглядело это как отдание чести или клятвы во время гимна родины.

Том никак не мог понять откуда именно льется музыка. Откуда-то снизу и одновременно отовсюду. Потом пропели громогласные трубы и начались акробатические трюки и веселье. Том тем временем немного спустился по умопомрачительным переходам железной конструкции вперемешку с веревочками и перекладинами. Он не отдавал себе отчета, зачем он продвигается ниже, когда мог бы сразу войти в цирк как зритель. Один раз он задел затекшей ногой трапецию, и она радостно вылетела в освещенный зал.

«Вот и попался» - подумал Том, но зрители либо не заметили, либо не обратили внимания, а то и вовсе подумали, что так надо. Так как сразу же за этим невольным движением, на арене разверзся пол и в приглушившем свет зале, яркие лучи исходили только из недр. Какая там трапеция, когда происходит такое!

Том наблюдал все это с высоты, и то был заинтригован зрелищем, несмотря на ненавистных клоунов и их обиталище. Где-то в глубине души еще теплилась надежда на мирное разрешение и что не все потеряно для него самого, для Доры, для этого города. Однако ж, еще не видя всего происходящего, он уже знал, что дело добром не кончится.

Из пола поднималась без рычагов и механизмов большая

клетка. Не быстро и не медленно. С одного ее края свешивались продетые между прутьев изящной формы длинные ноги. Том догадался, что в клетке была та самая несчастная балерина, чье сознание покорилося этому миру. Отчего-то возникла грусть и сочувствие. Кто знает, может она была талантливей в чем-то и осмеяна. Или непризнана обществом. Или просто так уж получилось и она не виновата ни в чем, но наверняка красива. Мир грез мог пленить человека по разным причинам.

На клетке вольготно восседал главный циркач, он же недавний двойник – Джокер. Проектора били как фотовспышки. Он сидел, опершись на одну руку наполовину развалившись, держал ногу на ногу, болтающиеся над балериной, и в свободной руке держал бокал красной жидкости.

«Кровь?» - мелькнуло у Тома.

Но потом он подумал, что все же вино. Или энергия. Балерина не выражала ни малейшего возмущения или протеста. Она была покорной и беспрекословной.

«Наверно полностью убита в душе» - снова подумал Том, и заставил себя оторвать взгляд от клетки. Надо сосредоточиться на двойнике. Что-то с ним не так.

Джокер скромно улыбался и не подымал глаз. Ему поднесли богато расшитый колпак, как и полагается королю шутов. Джокер надел его и глаза его распахнулись с яростным недобрым блеском. Он резко сделал сальто и уже летал на карте вокруг клетки с равнодушной балериной.

- Достаточно уже терпеть это и быть игрушкой для позитива. Этот город больше не создаст ни единого доброго сна! В наших кошмарах ухмыляется страх. Человек не может не спать, а мы можем. В этом наше преимущество. Мы поработим весь мир! – торжественно сказал он, повышая голос.

Публика просит крови и жестокостей. Синхронно двигается как на стадионе, создает волны руками и телами.

- Все вместе мы смогли! Мы сделали это! Мы приблизили торжество насилия! - верещал в экстазе Джокер. Улыбка не сходила с его лица.

Зал одобрительно свистел и хлопал.

Под оглушительные всплески финальных эмоций, выбивае-

мых из неразумных зрителей оратор провозгласил.

- Да кончится ликование изнеженных!

Он поднимает бокал горящей огнем ядрено-прозрачной жидкости. Все скандируют его имя.

- Славься Джокер!

- Никто пал. Король умер. Да здравствует король! Новый и вечный!

Джокер скорчил гримасу оскверненного.

- Они еще поминают того идиота? Пфф! - выливает содержимое бокала на пол, и круг арены заметно сужается и загорается идеально ровной огненной стеной.

- А теперь, на манеже наш долгожданный незванный гость и мой личный враг - Томас!

Слова Джокера застряли у Тома в ушах. Свет фар прожекторов ударил в лицо.

Так его ждали? Все это зрелище было подстроено? Ему не удалось тайно проникнуть сюда?

- Не спустишься? – задал вопрос Джокер.

Том помедлил. Он все еще не совсем понимал что и зачем происходит.

- Кто ты такой? – спросил он короля шутов.

- Я? Кто я такой? Все знают меня. Или ты настолько глуп, что все еще не понял? – рассмеялся двойник.

Том неловко слезает сбоку цирка по перекладинам. Зал хихикает.

- Нет, это ты наверно не понял. Я спрашиваю кто ты такой и почему ты с моим лицом?

Очутившись на арене меж огня Тому показалось, будто все атмосферы и неприязнь толпы навалилась на него.

- Ах, это... - вздохнул Джокер. – Просто это личико нравится девчонкам. – наигранно зевает.

- Что ты несешь! Отвечай, почему ты, будучи моим двойником такой гад?

- А если не отвечу? И вообще, с чего ты взял, что я твой двойник, а не ты мой? Явился невесть откуда.

Зал в нетерпении нервно дышит. Передние ряды наваливаются друг на друга и закусывают губы. Они ждут накала.

- Тогда мне придется проверить почем тут души и с чем их едят. Двойник ты или нет, я заставляю тебя покориться и занять мою сторону. – грозно сказал Том вроде бы спокойно, но приглушенно.

На пределе страстей завопили трибуны. У них как тормоза сорвало. Отовсюду крики, гам, оскорбления, свист и хохот...

- Все как вы хотели? – спрашивает Джокер в остервенении скалясь.

- Да-а-а-а-а! – орет орава размалеванных клоунов.

- И что мне с ним сделать?

- Убей! Убей! Убей! - в состоянии аффекта провозглашает толпа, подобно прошению массы перед Иродом.

Из пола вылезло девятигранное зеркало. Оно искрилось и переливалось темными цветами фиолетового, синего и зеленого с желтым, и если вглядываться, то в этих искрах виделся дождь. Точно такой же, как и за стенами палатки. Зеркало это напоминало черный стол с усеченными краями. То есть отражало со всех сторон и сверху.

Некоторые люди как шарик взлетают и лопаются в высоту. Это были самые нетерпеливые зрители. При лопанье из них выделялся сгусток слабо окрашенных эмоций и тут же забирался в зеркало.

- Сейчас вы своими глазами увидите, мои нетерпеливые собратья и сестры, как наша святыня – алтарь цирка выжмет из этого посягнувшего всю энергию. Тогда мы все насытимся и сможем отправиться на покорение мира. Этот человек, укравший мое лицо пришел в наш мир тайно извне и надеялся украсть ваши мечты. – скорчив жертвенное лицо обвинял Джокер указывая пальцем.

Толпа перепугано и возмущенно зашептала. Видимо, она готова поверить всему, что скажет король.

Отчего-то вспомнилась песня группы Naglfar – Mirrors of my soul. Только я про нее подумал, как она стала играть в цирке вместо дебильной цирковой изъезженной темы. Настроение сразу же поднялось и стало веселее. Двойничка подбросило и передернуло от злобы. Он точно не причислял себя к фанатам

блэка.

- Я выбью из тебя эту дрянь! – почти завизжал мой соперник и ринулся на меня, бросаясь мастями.

К его удовольствию я не успел увернуться от всех атак и частично меня порезало. Ощутимо. Я бы вообразил современное оружие и уничтожил его давно, но мир грез дело тонкое. Даже он имел свои ограничения. Как будто все допускалось в пределах чьего-то разума... и если тот человек, чей разум создает образы и предметы по нашим желаниям не ведал чего я хочу, то оно не создавалось и в руках появлялась надувная собачка связанная из длинных шариков, и в обмен на чувство облома из тебя выходит сгусток эмоций в многогранное зеркало. В такие моменты оплошности зал сотрясало смехом. Это любили и жаждали. Когда в очередной раз на мой запрос я получил бред в ответ, я рассердился и представил, как большая нота подцепляет Джокера за шиворот и другая начинает бить его своей музыкальностью.

- О-о-о-о-о-о-о-о! - восхищенно издает масса.

На пару ударов сработало. Потом Джокер представил книгу, к страницам которой ноты прилипли.

- Еще раз увижу такое, ноги тебе сошью. – угрожал он под овации зала. На почетном месте сидел мужик, чью физиономию я вовек не забуду. Он и был главным мудаком и владельцем всех этих угнетенных циркачей во всех измерениях. Это ощущалось всеми фибрами души. Он хлопал в ладоши и смеялся. Для него это было всего лишь представление, в которое он не собирался вмешиваться. Его забавляли наши столкновения.

На какое-то время Джокер перестал состязания и посмотрел на своего господина, но тот сделал жест рукой продолжать. Его шутовское королевское лицо было по-детски обиженным и готовым вот-вот расплакаться.

- Ну, надо же! Кто это здесь у нас? Униженные и оскорбленные. – поддел я его. Кажется, я начал входить во вкус и постигать возможности этого мира.

Джокер взбесился и снова ринулся на меня, выделявая разные трюки. Но этим меня уже было не провести. Некоторые его идеи я предугадывал и отводил удары. Я вдруг ощутил

себя более разумным или зрелым существом. Похоже, что он тоже это ощутил, потому как повел себя иначе.

Исчерпав и порядком устав, двойник повалился на пол на разведенные колени и просто зашмыгал носом. Колпак у него упал рядом.

- У-у-у-у-у-у-у! - недовольно воют зрители и опускают палец вниз.

И тут пришла пора удивиться не только мне. Джокер стал расслаиваться и раздваиваться. Еще двойники? Но нет. Дело было в другом.

Сперва, над сидящим парнем с моим лицом появился силуэт ревающего мальчика лет 11-ти где-то, а потом, вместо него возник взрослый парень, совсем не похожий на меня. Тело с лицом как у меня бессильно рухнуло на пол. Незнакомец не исчез, а как бы вышел из него, поднялся и усмехнулся.

- Что ж, ты сумел добраться до истины. Томас Лунден. – прошипел он. – Но теперь я не стану тебе поддаваться. Умри! – закричал он и ударил по деревянному пруту клетки, где сидела девушка.

Прут треснул и выпал.

- Выходи моя рабыня. Я хочу, чтобы ты причинила боль вон тому человеку.

- Да будет по слову твоему господин. – произнесла она и вышла из клетки.

Что-то мне показалось знакомым в ее голосе. Или просто нервы были взбудоражены увиденным. Я понимал только то, что нельзя терять времени и подбежал к своему лежавшему отражению. Как только я коснулся его плеча, он открыл глаза и слабо улыбнулся. Затем начал растворяться, и я ощутил прилив сил. Я и не замечал, насколько я ослаб во время драки с джокером, и сколько из меня ушло энергии во время оплошностей с играми воображения. Почетный зритель откинулся в кресло сидения и уже не так довольнo улыбался.

Часть 2

Из Белого в Пустое Расстояние между нашими душами сантиметры

Не может быть весело там, где царит скука. Не может быть два солнца. Не может одно светило заменить другое. Не может быть другой жизни. не может быть еще одной попытки в провале. Не может душа породниться с любой душой. Не получится любить одинаково разное. Не спасая нельзя спасти. Не желая ничего не получишь. Таков закон бытия. Будучи никем никем и останешься. Жизнь балерины проходит в изнурении тела на репетициях ради одной единственной цели – блистания на сцене. Балерина подчиняется своему директору труппы. Боготворит своего хореографа. Он для нее бог.

Наверно много лет я отдала искусству танца. Когда задумаюсь об этом, то даже не могу точно вспомнить, когда я увлеклась балетом. Видимо очень-очень давно. У меня никогда не было времени на глупости. Я живу балетом. Несу красоту и грацию. Маню идеалом и открываю тайный умысел мироздания. Зал взрывается от аплодисментов. Что может быть дороже улыбающихся лиц и горящих глаз зрителя? Кто оценит меня лучше, чем они? Зритель искушенный видит все, потому я не могу ошибиться. Не имею права. Мои лучшие друзья клоуны и бродячие артисты. Они принимают меня такой, какая я есть. Не осуждают и не предают. С некоторых пор я стала частью их дружного коллектива. У нас началась замечательная насыщенная жизнь.

Я не терплю, если кто-то пытается мешать мне быть балериной. Я ненавижу любого и хочу, чтобы этот презренный, лишенный тяги к прекрасному, жалкий человечиска замолчал навсегда. Мой хороший друг и правитель города находится в стеснительных обстоятельствах. Некто, явившись извне, как две капли воды похожий на него явился и вызвал на поединок. Кем бы он ни был этот чужак, даже если близнец или отражение двойник я должна проявить уважение и защитить

от опасности. Но ничего, слово повелителя искусства шуток для меня закон. И я жду приказа. И вот тот миг настал. Он приказал разобраться. Я накажу тебя чужак по имени Томас Лунден. Я испытываю к тебе глубокую и ненасытную как смерть ненависть. Сама не знаю почему и не хочу знать. Если я начну много думать и вспоминать, моя жизнь изменится, а я этого не желаю. Никого на всем свете я не ненавижу также сильно, как тебя Томас. Мне даже все больше кажется, что мы однажды уже встречались и ты причинил мне обиду. Не могла испепеляющая боль возникнуть на пустом месте. Ты – враг. Цель моей жизни уничтожить тебя. Градоначальнику Джокеру даже пришлось скинуть кожу, насколько он ослаб от натиска чужака. Скинуть кожу... так это всего лишь была кожа? А его истинное лицо значит другое? Почему-то я испытала разочарование...

*Трудно избавиться от того,
что несет в себе силу*

- Эй! И это все что ты можешь? Жалкий слабак! Иди сюда и дерись. Я никогда не ударю женщину. Иди и дерись не позорься. – кричал Том.

Джокер усмехнулся.

- Думаешь, я не умею драться как мужик? А ты сперва докажи, что ты сам достоин называться им. Одолей эту балерину. Она видишь какая несуразная. Еще без ключика в затылке. Джокер вскочил на клетку и прислужник оповестил трибуны о начале первого раунда.

«Если бы я мог с тобой драться, я бы давно это сделал снова и снова. Но есть в тебе что-то такое, чего нет у меня. Почему-то я не смог сломить твой дух и несмотря на битики ты еще не склонил предо мною колен» - думал он.

- Я не буду с ней драться! – еще раз повторил металлист.

- Ехехехехе! Это ты сейчас так говоришь, а как она тебе пару ребер переломает и ноги высунет через рот, передумаешь. – лебезятил шутник, массируя плечи балерине, которая была лишена эмоций и следила за Томом пустыми глазницами.

Клоуны в зале загудели. Балерина пошла вперед прямо на цель.

- Нет, ну это же нелепо! Дамочка, я не стану с вами сражаться. Я не дровосек какой-нибудь, чтобы бить женщин. – чуть попятился Том.

Балерина сложила руки в каком-то жесте, поклонилась как борцы восточных единоборств.

- Защищайся.

Она начала кружиться и с увеличением оборотов ее фигура понеслась с бешеной скоростью. Колено пришлось в живот, а оглушительный удар последовал по ушам. Цепкие руки с нечеловеческой силой сжали голову согнувшегося человека и стали направлять шею вбок до желаемого хруста.

Острая боль сковала все тело. Уши такое дело, что лучше с ними не связываться. То есть не обижать их. Рывок и попытки оттолкнуть и отцепить руки дамочки не привели к результату. Шея неумолимо поворачивалась до предела.

В сознании Тома пронеслась его жизнь, неисполненные мечты, неиспользованные возможности, знакомые лица. Все сразу и за короткое время. Он не готов еще умереть. Не так. Умереть от рук балерины это уже перебор. Унизительно. Надпись на камне могла бы стать занимательной.

И тогда он сделал это прежде, чем понял, что нарушил свое правило и недавние слова. Он ударил женщину. Но тут была такая ситуация, что либо она убьет его, либо он высвободится и еще поборется.

Балерина вправила сустав локтя.

- Я тебя где-то видела.

- Да, я часто там бываю. – ответил том и вдруг понял, что его силы, дарованные зельем закончились вместе с этой болью в ушах. Так нелепо и доверчиво он попался в ее убийственные руки. Он и не представлял себе, что женщины бывают такими. Слишком уж привык к хорошему с их стороны.

«А смогла бы Дора так сдавить мой череп?» - подумал он и ужаснулся самой мысли и сравнению Доры с этим исчадием ада.

Голова все еще не была уверена цела ли она или уже отсое-

динилась от тела. Гул и боль настолько резкие, что Том почти ничего не слышал. Эффект дошел не сразу. А трибуны тем временем странным образом зашумели и пришли в движение. Если бы Том был в состоянии видеть происходящее, он бы отметил начавшуюся потасовку между разукрашенными физиономиями, но ему было не до этого. Балерина в прыжке выполнила растяжку и ткнула пальцами ноги в ребро. Том еле-еле умудрился увернуться от недоброго захвата и мельницы конечностей. Он уже понял, что объятия этой девицы не несут блаженной неги. Тем не менее грация танцующей убийцы завораживала. Против своей воли он продолжал смотреть на ее смертельные движения и удар за ударом она ослабляла его. Мало-помалу слух вернулся к нему.

- Тебе некуда бежать Томас Лунден. Это пустая трата времени. Сейчас ты умрешь. – убежденно как фанатик секты заявила балерина и выпрямила ладони для новой атаки.

- А ну-ка руки убрала от него долбанутая дура! – раздался чей-то крик и с трибуны прямо в балерину полетел немаленький нож. Такие используют для резки рыбы. Однако, хотя по траектории он летел идеально, впиться в плоть ему не пришлось. Танцовщица не моргнув глазом изловила его и остановила хлопком рук прямо перед лицом. Том в изумлении отпыхивал. Дышать было тяжело, ребра ныли еще после встречи с детской, а теперь грудина была сплошной гематомой и ноющей плотью. Слишком шустрая эта девушка в белом коротеньком платье. Увы, ему не судьба будет жениться и увидеть Дору в белом. А ей бы наверняка было красиво...

Арод бежала к арене со всех ног и жестикулировала.

- Это было очень неразумно с твоей стороны. – произнесла с расстановками танцовщица холодным без эмоций голосом. – Но благодарю за выбор оружия. Теперь я смогу насладиться смертью врага.

Джокер хохотал и стучал пятками о прутья клетки. Он упивался оплошностями друга детства и просто-напросто отдыхал от поединка. Его силы тоже не безграничны и нуждаются в подпитке. В том, что послушная девчонка сделает свое дело он не сомневался. Оставалось лишь наслаждаться зрелищем.

Но, увидев творящееся в зале забеспокоился. Запахло жареным. К тому же сам хозяин цирка неодобрительно посмотрел на него и поднялся, чтобы уйти. Снорре сжался. Хотелось поспешить с ним, но хотелось и посмотреть кончину Тома своими глазами. За свою слабость он понесет наказание. Он знал это. Хозяин дал ему шанс переродиться, а он... Рабская натура не испарилась с превращением во взрослого парня или с занятием чужого тела. Он так и остался трусливым мальчишкой. И это его приводило в бешенство. Захотелось поскорее уже покончить со всем, и желательно чужими руками.

- Прикончи его уже скорей! Надоел! – прикрикнул Джокер. Балерина кивнула. Между ней и еле державшимся на ногах Томасом возникла Арод.

- Уходи отсюда. Она очень сильная. – предупредил Том и закашлялся. Алтарь забирал все его силы, которые он тратил на то, чтобы стоять на ногах и не рухнуть.

- Не беда. И не таким шляпки сбивала. – огрызнулась Арод. – Лучше ты уходи. Я разберусь с ребятами.

Ребятами? Том повернул голову и только сейчас увидел самых разных металлостов с корпсом на лицах. Они пришли чтобы покончить со всем этим бредом раз и навсегда. Они пришли помочь ему. Они пришли... потому что...

Арод вскрикнула и была отброшена сильной рукой балерины. В следующий момент она уже схватила Тома и занесла свой нож на него, намереваясь всадить в шею. Быть может даже отрубить потом голову для трофея во имя искусства.

Арод поднялась и с разбега ударила эту живодерку и повисла на ней, мешая совершить последний карательный удар.

Балерина замерла с ножом в замахе и уставилась пустыми глазницами в глаза Тому. Он кашлял кровавой струйкой и продолжал смотреть на свою убийцу.

Несмотря на ее жесткую хватку что-то было знакомое. То ли тело, вес, пропорции, или прикосновение... это мелькнуло и прошло. Не было объяснений на всколыхнувшиеся внутри немые вопросы.

- Убееееееееееееееей! – до хрипоты злобно заорал Джокер.

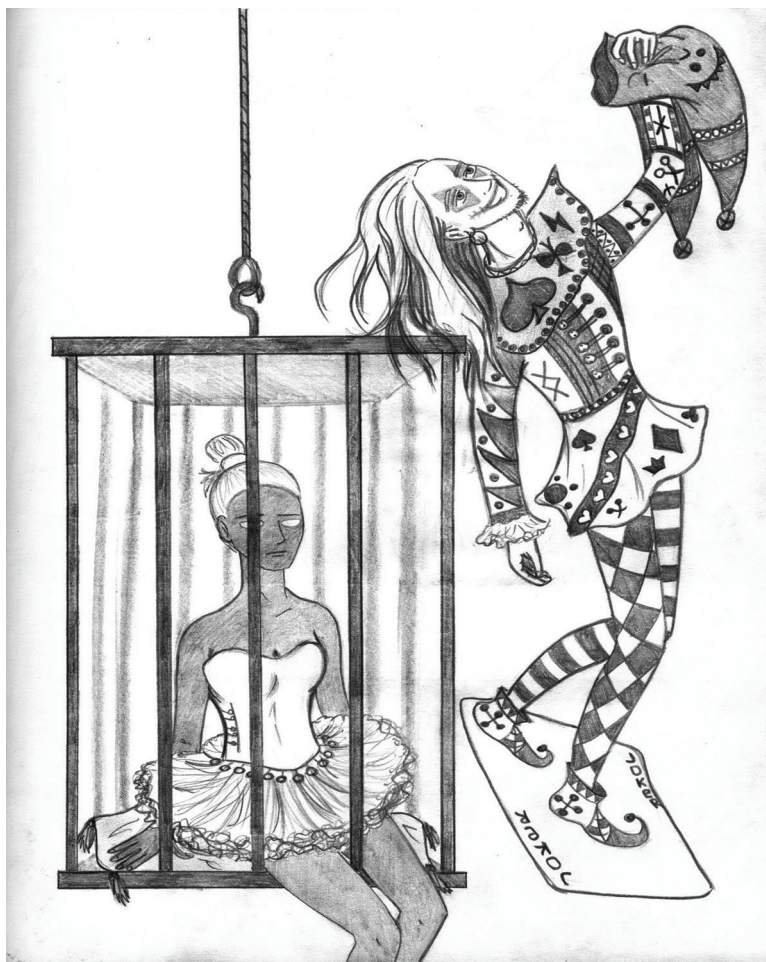
Нож взлетел и сорвался мимо цели. Это заслуга Арод. Снова

сверкающее лезвие поднялось для замаха и Том, собрав последние силы от дурноты и кашля лягнул балерину ногой. Нож в руке, описал кривую дугу и с повисшей на запястье Арод резко дернулся вниз. Он вошел прямо в живот. Белоснежное платье окрасилось алыми пятнами и кровь полилась на пол. Вместе с балериной, у Арод появилась точно такая же рана и они обе упали.

- Чего же ты медлишь идиотка? Прикончи его! – истерил наблюдающий исход, но танцовщица не реагировала. На секунду ее пустоты глазниц потухли и в них мелькнул вполне разум

ный человеческий взгляд.

- Так и знал, что кроме того самого, что делают взрослые, ты ни на что не годишься. Я сам сделаю это. Отвали! – рывкнул Джокер и отпихнул ее ногой. Он сцепил руки на шее лежавшего.

- Помнишь меня? Я – Снорре! – прошепел он тряся Тома. – А как бросил меня подышать? Я хотел тебя познакомить с новенькой балеринкой по имени Дора, хотел отобрать твою игрушку и развлечься с ней, но вижу, что и сегодня вы будете вместе. Даже сдохните в один день! Разве не прекрасно? Как в кино. Клятва кармических супругов! Ахахахахахаха! Разве ты не счастлив встретить своего друга детства, а Том?

Когда значение сказанных слов достигло помутненного сознания металлста... сложно описать, что он испытал. Отчаяние, неверие, безумие, вину и шут знает что еще в неимоверно больших дозах. Эмоции выплескивались из него струями и поглощались алтарем. Грани стали мигать. Собранные сгустки смешивались, пока не приобрели черный цвет и тогда алтарь перестал поглощать энергию. Он насытился.

Арод взяла шокированную насквозь балерину за руку.

- Я должна это сделать... ради него... ради нас всех....

Она подползла к черному блестящему многогранному алтарю и сняла с шеи новенький магнит.

- Ради металла и будущего...

Она положила магнит на магическое зеркало и упала ниц без сил. Спустя мгновение алтарь треснул и по цирку пронесся свист ветра и мелодия шкатулки.

- Снорре... зачем? – слабо спросил Том задыхаясь.

- Это будет один плохой день, а потом долгое счастье.

- У тебя никогда не будет счастья. Ты не знаешь что это такое.

- Если не вкладывать душу в дело, то ничего не будет. А если вкладывать, то можно остаться без души. Я буду стараться и хозяин обязательно вознаградит меня эмульсией счастья.

Том рассмеялся.

- Почему ты смеешься? Я не говорил ничего смешного!

- У тебя есть хозяин... разве это не смешно? Ты был рабом и им остался.

- Мне надоело везде видеть твое лицо. Я не такой урод, каким ты меня изображаешь. Умри же наконец! – Снорре сдавливал горло, но Том продолжал улыбаться.

- Ненавижу тебя! Не улыбайся мне будто знаешь о жизни все! Ты не циркач и должен умирать в слезах и страхе. Но я проявлю благородство правителя. Вырази последнее желание ибо больше ты не сделаешь ничего в этой жизни. давай же, моли меня о пощаде! На твоих глазах умерла твоя девушка. Разве это не печально? – пытался давить Джокер. – Ну? Что скажешь перед тем как я тебя убью?

- Не показывайся даже во снах. Я не хочу больше жить где даже друзья хуже врагов. Мне нечего терять. А вот ты плохо кончишь. Если бы я знал каким ты станешь... я бы не тратил на тебя свое время.

Том повернул голову к Доре в белоснежном платье. Как он мог не узнать ее сразу?

- Дора... я... подвел тебя... и ударил... прости меня. Я люблю тебя...

У балерины потухли глазницы. Ее начинало морозить как бывает перед кончиной. С огромным трудом она поднялась на колени и поползла в сторону борющихся.

«Ну вот и все Дора... я умру от руки любимой, которая даже не пришла в себя...» - подумал Том и закрыл глаза.

- Передай-ка сюда коли жива. – потребовал у нее нож Джокер.

- Я сама. – не терпящим препирательств тоном ответила она. Снорре даже не успел как следует удивиться и повернуться к ней, когда ему в спину вошло лезвие. Его рот беззвучно открылся и лицо перекосило ужасом. Дору шатало и она отключалась на ходу, потому впилась в нож изо всех сил и просто повисла на нем, пропарывая плоть между позвонков.

- Да не меня... - выдавил он на выдохе и выплюнул в лицо Тому кровь. Упал ему на грудь и стих навсегда.

Том лежал и безразлично взирал на то, чего не понимал. Почему все так обернулось? У него не было сил даже пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы отстраниться от Снорре и заливающей пол арены крови девушек. Да и не хотелось шевелиться. Не хотелось думать.

Вокруг стоял шум голосов, метание тел. Кто-то подбегал, указывал на него, трогал за плечи, но ему было все равно. Томас погружался во мрак души. Мир умер для него вместе с уходом энергии из тела, а он мертв пока живой. Так было и раньше в моральном плане, но сейчас все было вместе.

Подбежала Эмма и с испугом оглядела лежащих девушек, лужи крови и зарезанного парня на груди Тома. Сам Том был немногим лучше. Безжизненный, с застывшим взглядом черных глаз. Если не вглядываться в его лицо, то казалось, что он лишен красок индивидуальности.

- Том! Том! Ты живой? – спрашивала она всхлипывая и подзывая крупного мужичка с бородой. Бородатый металлист признал в лежащем знакомого и покачал головой. Он отбросил мертвого Снорре и взвалил Тома на спину, подхватив за лодыжки.

- Живи! Слышишь? Прощу тебя! не умирай! Мы что-то непременно придумаем. Вейнцу удалось! Злодей клюнул и убегая юркнул в зеркало, которое держал Троля. Теперь он в ловушке снов куда унес лишь печаль и кошмары. Слышишь меня? Он выскочил по другую сторону настроенного зеркала и застрял между зеркал. Мы вынесем тебя отсюда. Еще не поздно! Нет-нет! – убеждала сама себя Эмма, заливаясь слезами от зрелища на арене и сбиваясь в речи.

- Спаси... ее... - неожиданно произнесло безликое лицо и Том погрузился в продолжительное пространственное небытие.

Незадолго до этих событий было еще кое-что. Господин Вейнц зачем-то направил свои стеклянные отражающие коридоры в Металград и тихонько, но вкрадчиво обсуждал что-то с Арод. Та, перепуганная исчезновением Томаса, уставшая его искать и просто отчаявшаяся, чувствовала тяжесть вины и даже не пыталась воспрепятствовать появлению подозрительного гражданина в своей квартире. Страх сменился безразличием.

Сразу после его ухода она вдруг исполнилась решимости и позвонила знакомым, а те, в свою очередь, своим.

Таким образом, к обозначенному месту разлома продвигалось великое множество людей в косухах, разной атрибутике и со всевозможным ударяющим, режущим и колющим оружием.

Но и это не все. В темном городе, где никогда не перестает идти дождь, к цирковой площади двигался волосатый тролль. На его больших грубых и неотесанных ручищах сидела свесив ножки Эмма. Она указывала ему дорогу. Сперва, она весьма удивилась, увидев толпу металлистов. Они раскрашивали друг другу лица в стиле корпс. Эмма приказала троллю опустить себя и пошла к людям. Раньше, она уже пересекалась в этом мирке с несколькими представителями жанра и членами группы, потому в ней затеплилась надежда, не встретит ли она их здесь и сейчас.

Тролль, не теряя времени даром, сразу же забрался в море, окружавшее островок города и принялся плескаться и радостно глотать кошмары, еще не виданные им с этой стороны берега.

Людская масса увешанная железяками, оказалась понятливой. Они не стали останавливать Эмме путь и выяснять кто такая и зачем пришла. После непродолжительной беседы с кучкой неформалов, Эмма выяснила кто здесь главный организатор сходки и направилась пообщаться.

Главным оказалась девица ровесница. У нее была модная короткая бунтарская стрижка, густо наложенный макияж и крутой прикид. Несмотря на все это, Эмма признала в ней Дору и подбежала обнять. Вскоре и это недоразумение исчерпало себя и выяснив цели, девушки пожали друг другу руки и пожелали успеха.

Эмма вставила пальцы в рот и засвистела. Из воды показался уродливый, но очень довольный тролль. Он то и опустил палатку парящего в небе цирка, и разрисованная толпа вошла внутрь. Беснующиеся клоуны на трибунах даже не заметили прибытия металлистов и требовали крови от зрелища на сцене.

Во время переполоха мало кто обратил бы внимание на убегающего, а порой и уползающего на коленках элегантно одетого человека с безжизненным и испещренным морщинами лицом. Однако же Вейнц заметил и последовал за ним.

- Так и знал, что этот день мог наступить. Потому я и припас

это. – разговаривал сам с собой Луиз, отрывая головы доверчивым пупсам, и вынимая из полости небольшие пузырьки с цветастой эссенцией.

Он выставлял их на полу, ползая среди уничтоженных творений, и происходящее уж больно напоминало поспешное бегство.

- И не жалко тебе этих малюток? – спросил Вейнц, бросая что-то на пол к пузырькам.

- Не смей! – взревел Луиз и обхватывает руками емкости с энергией, но уже поздно. Раздается хлопок с вылетом острых металлических фрагментов и все баночки разлетаются на куски. Ароматная и возделенная жидкость впитывает грязь и несовершенство поверхности, отчего становится черной и непригодной к употреблению.

Луиз, после того как девчонка из зазеркалья разбила алтарь понял, что энергии хватит на очень ограниченный срок и потому бросился получить хотя бы малую дозу. Его обуяла паника. Как же так может быть, чтобы его прекрасное и вечно молодое лицо искорежило уродливыми морщинами и начались разные неприятные ощущения? Как любой рассудительный человек он понял, что с его умом и способностями он сумеет раздобыть еще энергии, но сейчас просто нужно отступить и затаиться. Потому он бросился прочь. Мерзкий легавый топал начищенными туфлями по пятам.

«Зеркало! Мне нужно зеркало! Хотя бы самое малюсенькое!»

И вдруг, как чудо из чудес, он видит при выходе из цирка приличное и достаточное для магических махинаций отражающее стекло. Криво усмехнувшись он нырнул в него, но заметив остановившегося за пределами стекла Вейнца почуял неладное. В следующий же момент он понял, что его обманули и он угодил в ловушку.

У хорошего человека двойник в зеркале бывает плохим. У плохого человека он вдвойне плохой, неудержимый, опасный и очень жестокий. Любой злодей страшится встретиться со своим отражением, потому что это отражение – результат сотворенного зла в прошлом.

Свет погас. Так начинается страх.

В плену у бесчисленных отражений, в заточении, в мире за-
предельности и безумия, гонимого страхом. Его душа теперь в
искаженном инфернальном мире бесконечного одиночества.

Когда Олав размещал куски зеркал под определенным углом,
в одном из них появился Вейнц.

- Парень, уделишь минутку?

- Да, конечно! Чем помочь? – отозвался изобретатель.

- Мне нужно обсудить мои размышления вслух, перед тем, как
сделать шаги. Ты вроде не обделен интеллектом.

Беседа свелась к тому, что нужно ослабить и лучше лишить
сил мага. Не дать возможности пополнять энергию. Олав осто-
рожно спросил о принципе работы зеркальной ловушки.

- Изначально у меня были сомнения. Что лучше, уничтожить
Луиза или то самое зеркало? Что будет важнее? И вот такие
варианты имелись.

1) Переплавить зеркало в не отражаемые предметы.

2) Закопать зеркало, пусть отражает землю и смерть.

3) Загнать мага в бесконечность зеркал сражаться с копи-
ями себя и своего кошмара. Как думаешь, я зря остановился
на третьем варианте?

- Нет что вы сэр! Первый вариант я бы отмел сразу. Второй
вариант имеет место быть, но все может обернуться плохо.
Либо зеркало найдут и вынут однажды и кошмар повторится.
Либо зеркало использует образы и наружу выльется эпидемия
и смерть из почвы или что похуже. Это опасно.

Остается лишь третий вариант. Но...

- Да?

- Не выйдет ли так, что этот гад выберется? Как пришла идея
с зеркальной ловушкой?

- Как ни глупо это прозвучит сейчас, но на открытие меня
натолкнула выставка одного американского художника. Он
делал снимки местности, отраженной в зеркалах. Пока сам
человек не смотрит в глаза своему отражению в волшебном
зеркале, двойник не оживает, не отслаивается. Тут же наобо-
рот. Луиз не сможет не взглянуть в глаза своему отражению,
поскольку его копии будут повсюду. Рано или поздно он попа-

дется. Да и бежать то некуда. Бесконечные коридоры будут водить его кругами.

Олав хотел было возразить и сказать, что не кругами, а сложной системой координат перемноженной на n -ное количество раз, но смолчал, ведь по сути это и есть круг, раз будет повторение и возврат к началу отсчета.

- Ты уже разместил зеркала, я вижу? Все верно повернуто?

- Так точно сэръ! Я не оплошаю.

Время к своим часам ты выбираешь сам

Олав портил зеркала одно за другим острым стеклорезом, рисуя специальный узор пересеченных линий. Вейнц показал ему какую пентаграмму следует наложить на стекло, чтобы маг не выбрался. Печать должна была заковать Луиза навсегда в нескончаемых коридорах, поэтому, пока он делал поверхность шершавой и не отражающей у одного зеркала, другие были накрыты черными тряпками. Нельзя допустить пропускания света, иначе злодей найдет выход в темноте. Когда Олав закончил, к нему семенил Пьеро.

- Скорее! О, наши надежды и мечты! Мсье Вейнц зовет вас. Беда!

Олав поспешил в главную палатку пустого цирка. Там, на арене лежали никакой Том и окровавленная Дора. Он скорее догадался, что это она, чем узнал. Слишком неузнаваемая она стала. Темная, она напоминала пустую оболочку куклы. Эмма посмотрела на датчанина мокрыми глазами. Ее руки были в крови. Она пыталась перевязать рану, но видимо это не дало желаемого результата.

- Мы можем что-нибудь сделать? – спросил изобретатель осторожно.

Вейнц нервно закурил и выпустил дымок.

- Фактически говоря нет. Если бы у нас была шкатулка...

Все молчали.

- А что можно сделать со шкатулкой? – слышался чей-то голос из-за кулис и оттуда выглянул толстяк Билл.

- Открыв шкатулку мы убьем несколько зайцев разом. – отве-

тил инспектор.

- Например, каких? – не унимался клоун.

- Все пленники цирка будут свободны.

- Еще?

- Я получу желаемое и верну шкатулку в сокровищницу рода, которому была доверена божествами. Я выполню свой долг и обещание и обрету покой.

- Это меня меньше всего заботит. Ваши амбиции сыграли не раз злую шутку. – завизжал клоун, дергая штору.

- Согласен. – кивнул Вейнц.

- Поможет ли она этому бедному мальчику и той девушке?

- Думаю да.

- Каким образом? Я вам не верю. Мне нужны гарантии.

Билл завернулся от волнения в штору, запнулся и она оборвалась. Он орет и бьется не в силах выбраться. Вейнц идет к нему.

- Нет! Я не отдам ее этому злодею!

- Билл, отдай ему ее. Так будет лучше. Я ему верю. – кричит Пьеро.

- А я нет. Пусть тогда не достанется никому. Пока он не объяснит как это будет.

- Я точно не уверен, но должно сработать. – Вейнц толкает сверток ногой и клоун катится со шторой пока не освобождается. – Когда вы уйдете в мир иной, энергия накопленная в ваших бездушных телах покинет их, и единственное подходящее место для нее это тела этих двоих. Они принадлежат тому миру и...

- И?

- Если вашей энергии хватит, то они придут в норму. Теоретически. Но вас всего двое, а они ранены...

Пьеро вздохнул.

- Я уже устал жить не свой век. С меня хватит. А ты, Билл?

- Ради мальчика... ради справедливости в этом грязном жестоком мире... но не ради вас потрошитель! – замахивается на инспектора. – И кстати, нас не двое. Из-за другой шторыны выходят один за другим циркачи, заполняя весь манеж.

Билл достает из-за спины тот самый окровавленный нож,

которым был убит временный правитель города и вспарывает себе живот. Эмма чуть не падает в обморок и отворачивается. Ее тошнит. Из чрева клоуна, вместе с хламом и тряпьем выпадает шкатулка.

- Аккуратнее! - Кидается к ней Вейнц и припадает на коленки.

- Она уже давно сломана. Если почините...

- Что? Это тонкий механизм! Нужны инструменты и время! Схема!

- Давайте я попробую. – вызывается Олав и надевает увеличительные диоптрии на глаза.

Металлисты сперва хотели просто уйти из этого дурного города так не похожего на их собственный. Однако, передумали и решили все же захоронить убившихся клоунов. Далеко не все лопнули или сдулись. Многие оказали демоническое сопротивление психопатов и даже забрали несколько жизней с вражьей стороны. В море выбросить тела было бы опрометчиво. Вдруг, оживут как зомби и тогда их будет точно не убить? Скормить троллю тоже не годилось. Троль бы стал плотоядным, а Эмме бы такое точно не понравилось. Тогда они нагроулили тела горожан и братьев на тележки, которые без трудов появились от желания одного из любителей тяжелой музыки, который стоял и думал о способе передвижения возле Моря Эмоций. Бородач заведовал парадом и потому пресек все шалости и увлечения этой суровой водицей. Не за тем они сюда приходили, чтобы пропасть в этом мире беззаботных идиотиков и в конце концов стать тем, кого они сейчас вывозят прочь.

Процессия направилась в лес. Там, глубоко и далеко было расположено кладбище. На плите, ранее отведенной для Томаса появилась другая надпись, и на камне теперь покоился шутовской колпак короля шуток.

Металлисты не стали воспевать заслуги Джокера и просто написали: «Мертвый живому не соперник». И все. Понимай, как знаешь.

Кольшки на рабочей поверхности вала задвигались, задевая контактные пластинки. Маленькая рукоятка вращает

цилиндр со штифтами. Они щупают гребенку и льется искаженная мелодия. Тени выходят из шкатулки при обратной мелодии. Первым обрел душу иллюзионист. Он сделал глубокий вдох. Его лицо разом приобрело живость. Он улыбнулся и также разом состарился. Когда полилась мелодия, цирк в Драммене пустеет. Все пленники циркачи падают пустой одеждой, рассыпаясь в прах.

Эмма конечно же вызвала скорую и Дору с Томом, бледных как трупы увезли в больницу.

Олав вешает шутовской костюм на плечики. Он разглядывал наряды и зачем-то искал бирку со своим размером. Что станет с палаткой? Уберут ли ее городские власти? Или оставят для съемок ужастиков и забавы молодежи? Наверно все же уберут. Несколько секунд он помедлил, прощаясь с цирковым окружением. Даже мелькнула мысль, а не взять ли костюмчик на память. Но потом одумался. Одевать по праздникам что ли? После всего пережитого, никому не будет весело. Вернутся тяжелые воспоминания.

- Жалеешь, что история случилась не с тобой? – спросил Вейнц за спиной.

Олав сразу же повесил костюм и повернулся к инспектору.

- Не знаю. Нет. Просто...

- Ты справишься. Плохое забывается. Они скоро придут в себя и жизнь потечет как и прежде.

- А Дора?

- За нее не беспокойся. Глубокая тьма окончилась. Когда она очнется, то для нее это будет лишь как страшный сон. В памяти все перепутается. То есть она будет понимать, но не так как вы. Она не вспомнит, что убила. Вот о чем я. Ну, прощай парень. Как бы ни было противно это признавать, но вы ребята мне очень помогли. Приходите ко мне в участок работать. Вы каждый сыграли свои роли на все сто. – подмигнул Вейнц уже своим лицом без грима и покинул палатку.

Олав дождался, когда его шаги стихли и прихватил целую охапку разных цирковых вещей. Отнес их в Ихтиандра и сделал множество фотографий.

Дора проснулась спустя сутки в больнице под капельницей

и плотный бандаж опоясывал ей живот. Рядом, на стуле сидел бледный Том в больничной пижаме и улыбался ей, держа за руку. На соседнем диванчике посапывала Эмма. Но вот двери отодвинулись и вошел Олав.

- Привет парашют! – Олав приветствует Тома.

Дора узнала его, хотя видела лишь на фотографиях.

- Том, мне нужно столько тебе рассказать! Я видела такой сон!

- А мне тебе. Но сейчас тебе следует хорошенько отдохнуть.

Дора кивает и предлагает Тому, когда они покинут больницу вместе запустить фонарик с общей мечтой. Он удивленно смотрит на нее, потом соглашается.

Открывает глаза Эмма и радостно оповещает весь этаж больницы радостным возгласом и визгом о том, что ее подруга снова с ней. Олав потер ухо и протянул ей кофе в пластиковом стаканчике и газету. Немного успокоившись, Эмма читает гороскоп на неделю для Тома.

- Такой паре необходимо держать в доме предметы, символизирующие Металл, чтобы нейтрализовать возможные конфликты.

- Ну, с этим у нас нет, кажется проблем. – Том смеется и гладит пальцы Доры. - Ты настоящий герой, моя малышка Дора.

- Нет, настоящий герой это Олав. Если бы не он и его обалденные штуковины! А главное его мозги! – высказалась горячо Эмма.

- Спасибо друзья, что откликнулись и пришли на помощь. Без вас мы бы не справились. – говорит Дора.

Олав засмутился и отвернулся к своему телефону, якобы что-то увлеченно читает в сообщениях.

- Да, он такой! Уже не раз мне помог в просьбе. – Эмма заполняет неловкую паузу.

- Думаю, он заслужил награду.

- Наверно... - соглашается Эмма и почему-то краснеет.- Да Олав, я просто в шоке. И откуда только все берется? Тебе же просто повезло? Ты ведь не знал, что так получится?

- Нет, просто мы датчане имеем пытливым ум. Я с детства хотел стать сказочником. Не вышло. Пришлось стать собирателем металлолома.

- Но ты же изобретатель!
- Это тоже. По совместительству.
Все рассмеялись.

*Когда я закрываю глаза
я перематываю время*

Пьер с трудом разлепил тяжелые веки и до него донеслось дуновение прохладного ветерка и одновременно запах гнилостных помоев и еще чего-то, сродни разложению тел. Вокруг были полуразвалившиеся и заброшенные задворки. Слишком знакомые для подсознания, но еще не понятые для глаза и тела, которому вдруг стало не хватать воздуха. Пьер пытался сделать вдох поглубже, вопреки вони, но дышать не было возможности. Он весь, и особенно ноги пребывали в непонятном состоянии. Он как будто бы парил, но одновременно легкости не было. Тяжесть ощущалась в верхней части спины, шеи и плеч. Он поднял уставшие больные руки к шее и в ужасе осознал свое положение. Его голова была продетой в петлю. Однажды, он уже был в этой ситуации, много лет назад, но тогда появился солидный господин и спас его. В памяти Пьера промелькнуло все. И события предшествовавшие отчаянному поступку, теперь утратившие актуальность, и цирковая жизнь за два века, и встреча с Дорой, и победа над Луизом, когда отзвучала последняя мелодия шкатулки бессмертия...

«А было ли все это?» - задал себе вопрос циркач, тщетно пытаясь продеть пальцы между веревкой и шеей. Его прошиб ледяной пот. Такое бывает лишь когда человек понимает свою обреченность.

«Проклятая петля...»

Последнее, что узрел Пьер было поднимавшееся утреннее солнце на горизонте, играющее желтоватыми пятнами на облаках, летящих по своим делам над задыхающимся никчемным человеком. Потом, его покрасневшие и мокрые глаза застыли навсегда, упершись куда-то в землю. Голова равнодушно и безвольно накренилась. Руки и тело разом обмякли и перестали двигаться.

ВЫКЛЮЧЕНИЕ.

Ну что ж, вижу, ты осилил (о, почитатель!) сей нелегкий труд. Прими самые искренние поздравления от его создателя. Теперь тебя можно считать здоровым и глаза твои распахнулись на черный мир вокруг под новым углом. До скорой встречи в других произведениях! Как всегда блюститель душ и нарушитель покоя Dj Marisato!

Произведение «Черный Цирк» написан в 2014 году и является продолжением рассказа «Манишки Арены», который был опубликован в первом томе авторского сборника «Ноги глобуса».

СОДЕРЖАНИЕ:

Истоки.....	3-6 стр.
ВПАДЕНИЕ.....	7-14 стр.
ИСПОВЕДЬ КЛОУНА.....	15-17 стр.
СЕРОЕ	
01.....	18-24 стр.
02.....	25-31 стр.
03.....	32-35 стр.
04.....	36-38 стр.
05.....	39-44 стр.
Консультация 1.....	45-49 стр.
БЕЛОЕ	
06.....	50-52 стр.
07.....	53-55 стр.
08.....	56-63 стр.
09.....	64-69 стр.
10.....	70-78 стр.
11.....	79-86 стр.
12.....	87-103 стр.
13.....	104-107 стр.
Рука помощи 1.....	108-112 стр.
Консультация 2.....	113-120 стр.
Цирк!Цирк!Цирк!.....	121-127 стр.
Консультация 3.....	128-132 стр.
ЗАЗЕРКАЛЬНОЕ	
14.....	133-137 стр.
15.....	138-145 стр.
16.....	146-156 стр.
17.....	157-161 стр.
18.....	162-172 стр.
19.....	173-176 стр.
20.....	177-180 стр.

БЕЛОЕ

21.....181-193 стр.

Консультация 4.....194-196 стр.

Рука помощи 2.....197-206 стр.

СЕРЕЕ СЕРОГО

22.....207-213 стр.

Терапия.....214-219 стр.

ЧЕРНОЕ

23.....220-225 стр.

24.....226-230 стр.

25.....231- 237 стр.

26.....238-248 стр.

27.....249-258 стр.

НЕОТРАЖАЕМОЕ

28.....259-262 стр.

29.....263-267 стр.

ИЗ ЧЕРНОГО В ПРОЗРАЧНОЕ

30.....268-272 стр.

31.....273-276 стр.

32.....277-280 стр.

33.....281-285 стр.

34.....286-288 стр.

35.....289-302 стр.

36.....303-312 стр.

Рука помощи 3.....313-319 стр.

Рука помощи 4.....320-333 стр.

Сеанс.....334-347 стр.

ЛЕЧЕНИЕ

Часть 1.....348-359 стр.

Часть 2.....360-377 стр.

Выключение.....378 стр.

Содержание.....379-380 стр.

